

ISSN 2075-7794 | **2016** | **Vol. 27** | **Is. 5**

ВЕСТНИК

КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ᲕᲗᲐᲕ ᲕᲗᲐᲕ ᲕᲗᲐᲕ ᲕᲗᲐᲕ ᲕᲗᲐᲕ ᲕᲗᲐᲕ ᲕᲗᲐᲕ

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Published since 1963
ISSN 2410-7670 (online version)
ISSN 2075-7794 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 1, 2009.
Registration number PI No. FS77-49346

2016. Vol. 27. Iss. 5
Published six times a year

Editor-in-Chief:

Ph. D. of Philology *V. Kukanova*

Deputy Editor-in-Chief:

Ph. D. of History *U. Ochirov*

Editorial Council:

Acad. of the RAS *G. Matishov* (Chairman — Rostov-on-Don, Russia),
Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov* (Moscow, Russia), Ph. D. of History *M. Balzer* (USA),
Acad. L. Bold (Mongolia), Ph. D. of History *N. Bugai* (Moscow, Russia),
Ph. D. of Jurisprudence *D. Demichev* (Belarus), Ph. D. of Economics *O. Inshakov* (Volgograd, Russia),
Ph. D. of Philology *M. Magomedov* (Makhachkala, Russia), Ph. D. of History *K. Maksimov* (Elista, Russia),
Ph. D. of History *I. Popova* (Saint-Petersburg, Russia), Ph. D. of History *Na. Sukhebaatar* (Mongolia),
Ph. D. of Philology *Chao Gejin* (China), Ph. D. of History *D. Schorkowitz* (Germany),
Acad. of RAE, Ph. D. of Pedagogy *P. Erdniev* (Elista, Russia)

Editorial Board:

Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov* (Makhachkala), Corr. Member of the RAS *B. Bazarov* (Ulan-Ude),
Ph. D. of Jurisprudence *L. Batiev* (Rostov-on-Don), Ph. D. of History *N. Zhukovskaya* (Moscow),
Ph. D. of Philology *G. Piurbayev* (Moscow), Ph. D. of History *V. Trepavlov* (Moscow)

Ph. D. of History *E. Badmaeva* (Executive Secretary),
Ph. D. of History *E. Bakaeva*, Ph. D. of Philology *T. Basangova*, Ph. D. of Philology *E. Bembeev*,
Ph. D. of Philosophy *B. Bicheev*, Ph. D. of Philology *B. Kichikova*, Ph. D. of Economics *E. Mantaeva*,
Ph. D. of Philology *D. Muzraeva*, Ph. D. of Sociology *A. Ovshinov*, Ph. D. of Philology *E. Omakaeva*,
Ph. D. of Political Sciences *N. Ochirova*, Ph. D. of Pedagogy *B. Salaev*, Ph. D. of History *V. Sanchirov* (Elista, Russia)

The Editorial Board and Publisher's address:
8, Ilshkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia.
Phone No. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; Fax No. (84722) 2-37-84.
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Home page: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

CONTENTS

HISTORY

	<i>Bakaeva E.</i> The Oirats and Tibet in the 17 th –18 th cc.: Tibetan and Russian Historiography on Some Events with the Participation of the Khoshuts and Dzungars	3
	<i>Badmaeva E.</i> Historiography of Modern Kazakhstan: Revisiting Some Studies in the History of the Dzungar Khanate	15
	<i>Basang A.</i> A Historical Aspect of Mazan Baatar's Biography	24
National History	<i>Dzhahieva E.</i> The 1804–1813 Russo-Persian War and Diplomatic Activities of France and Britain	32
	<i>Naranjargal N.</i> Kalmyk-Mongolian Relations in 1925–1943	40
	<i>Ivanov A.</i> Educational Environment and Hierarchy within the Deportee Community in Western Siberia (1940–1950s)	45
	<i>Bezugolnyi A.</i> National Units of the Red Army in the 1930s	58
	<i>Afanasenko V.</i> Premonitory Signs of the Disaster in the South: the Defeat of the Red Army in the Crimea and at Kharkov in May 1942	71
Archaeology	<i>Kekeev E., Ochir-Goyaeva M., Burataev E.</i> Graphic Reconstruction of Field Archaeological Documentation According to Archival Data	82
Ethnology	<i>Pislegin N.</i> The Udmurt <i>Kumyshka</i> : Documentary Evidence of Everyday Life in the Latter Half of the 18 th – 19 th cc.	90
	<i>Diuldenko A., Ponomarev E.</i> Traditional Kalmyk Medicine in the Second Half of the 18 th Century (Evidence from Johannes Jährgig's Records)	97
	<i>Batyreva S.</i> Ornamental Motifs in the Samples of Buddhist Icon-Painting from the Collection of the Kalmyk Scientific Center of the RAS	103
	<i>Larina E.</i> Materials for the Study of the Cult of Saints among the Kazakhs (Evidence from West Kazakhstan Region)	109

SOCIOLOGY

	<i>Khomushku O., Kukhta M.</i> The Ethno-Confessional Factor in the Spiritual Revival of Tuva: a Social and Philosophical Analysis	119
	<i>Dorzhu Z., Shirap R.</i> Cultural Life of Kyzyl — the Capital of the Tuvan Autonomous Oblast (1944–1961)	127

LINGUISTICS & FOLKLORE STUDIES

Linguistics

	<i>Mikhalchenko V.</i> Language Planning in Polyethnic Countries	137
	<i>Bitkeeva A.</i> Mother Tongue in the Context of a Polyethnic Country	146
	<i>Kukanova V.</i> Kalmyk Participial Inflectional Models: a Perspective from the Grammar of Order (Evidence from the Kalmyk National Corpus)	163
	<i>Lidzhiev A.</i> Toponyms of the Manchu Literary Work — <i>The Ode to Mukden Written by the Emperor</i>	183
	<i>Bitkeeva G.</i> Socio-Cultural Basis for Euphemisms in the “Language of Kalmyk Women”	193
	<i>Bachaeva S.</i> Adjectives Denoting Temperature (Evidence from the Kalmyk Heroic Epic of <i>Jangar</i> and Kalmyk National Corpus)	199
	<i>Bembeev E., Mandzhieva Ts.</i> Noun Case and Declensional Paradigms of Old Written Kalmyk	207

Folklore Studies

	<i>Goryaeva B., Kukanova V., Bayanova A., Doleeva A.</i> Internal Median Formulas of Kalmyk Fairy Tales (Evidence from G. J. Ramstedt's Records)	216
--	--	-----

Copyright © 2016 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 3–14, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-3-14
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94

The Oirats and Tibet in the 17th–18th cc.: Tibetan and Russian Historiography on Some Events with the Participation of the Khoshuts and Dzungars

Elza P. Bakaeva ¹

¹ Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Chief Research Associate, Department of Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: bakaevaep@kigiran.com.

Abstract

The article examines the events during which the Oirats were involved in the political life of Tibet in the 17th–18th centuries; special attention is paid to the peculiarities of historiographic approaches to some facts.

The prominent role played by the Khoshut ruler Güshi Khan in the establishment of the Tibetan theocracy is recognized universally. However, in a 18th century work by cleric Sumpa Khenpo he is actually referred to as a savior of the religion, defender of the faith and reincarnation of the great Buddhist teacher Padmasambhava; the bestowing of the title 'Dharmaraja' on Güshi Khan was reported to have been preceded by some airglow around him. A 20th century Tibetan researcher, W. D. Shakabpa, claims that his title of *King of Tibet* was rather formal, and the position of *Khan* within the Tibetan community was lower than that of *Desi / Diba* who acted as the chief administrator — which is illustrated by the place assigned to him at audiences in accordance with special rules based on hierarchy and age. W. D. Shakabpa recognizes his religious zeal and devoted worship of the Dalai Lama, and mentions a fact testifying that before Güshi Khan's conquest of Tsang the Tibetan hierarch preferred that the Khoshut ruler would return to Kokonor (Qinghai). Though it is usually considered that the Khoshut protectorate over Tibet was established in 1642, the Tibetan scholar mentions that "all political activities were conducted by *Desi*". At the same time, W. D. Shakabpa points out the gross mistake introduced in a number of Chinese sources according to which the Mongols have since ancient times been viewed as vassals to the Chinese and, thus, Güshi Khan is erroneously reported to have been a Chinese representative.

Under Güshi Khan's heirs, the role of Khoshut rulers in Tibetan policies decreased dramatically which resulted in an attempt by his descendant, Lhabzang Khan, to seize real power. Tsewang Rabtan, the *Khan* of Dzungaria, was to become another 'Güshi Khan' — a savior of the Buddhist church from the usurper Lhabzang — and gain certain influence on Tibetan rulers. But the international situation had changed over the past decades which determined the historical landscape when Dzungars were invited to settle the internal socio-political crisis. The article analyzes the events during the mentioned crisis in Tibet that resulted in a growth of Manchu political presence.

Keywords: Oirats, Tibet, 17th century, 18th century, secular and spiritual power, historiography.

В предисловии к книге известного тибетского общественного деятеля, историка, Цепона¹ В. Д. Шакабпы «Тибет: политическая история» Далай-лама XIV пишет: «Это первая работа такого рода, написанная тибетцем на английском языке, она будет иметь огромное значение для формирования истинного представления о Тибете, особенно сегодня, когда в этом есть острая необходимость» [Shakabpa 1967: 7; Шакабпа 2003: 7]. Написанная на основе оригинальных тибетских источников, книга Цепона В. Д. Шакабпы являет собой уникальное явление тибетской светской историографии, посвященной истории Тибета.

Попытаемся осветить некоторые особенности взгляда представителей тибетской историографии на события, связанные с проведением военных действий в Тибете хошутским Гуши-ханом в XVII в. и джунгарским Цэван-Рабданом в начале XVIII в., когда, по мнению Е. Л. Беспрозванных, «Цэван-Рабдан должен был стать новым Гуши-ханом, „спасителем“ буддийской церкви от узурпатора Лхавзана², человеком, который восстановит на троне в Потале законного Далай-ламу» [Беспрозванных 2001: 157], что способствовало бы и установлению определенного влияния на тибетских правителей со стороны джунгаров.

В исследовании Цепона В. Д. Шакабпы отмечается: приверженцы Гелугпы установили тесные связи с монгольскими правителями, и это отразилось в том, что в начале 1620-х гг. монгольские монахи и некоторые тибетские гелугпинцы даже намеревались отправить Далай-ламу V в Монголию, но затем его личные помощники увезли его в южный Тибет, где скрывали в течение года [Шакабпа 2003: 115], и в том, что состоялось обращение к лидерам «ойратов и джунгаров» за помощью в «предотвращении уничтожения своей традиции, которую они сравнивали со „светильником, мерцающим в свирепую бурю“» [Шакабпа 2003: 116]. Согласно тибетским источникам, руководство войсками было возложено ойратами на лидера хошутов Гуши-хана, который при поддержке джунгарского Батура хунтайджи

и торгутского Хо-Урлюка должен был принять участие в военных действиях на стороне приверженцев Далай-ламы [Шакабпа 2003: 116].

Роль лидера ойратского этнополитического объединения хошутов — Гуши-хана³ — в установлении теократического правления в Тибете признается всеми исследователями. В 1638 г. Далай-лама V пожаловал ему титул, который в тибетской историографии называется Тэнзин Чокьи Гьелпо ‘Религиозный царь и Хранитель буддийской веры’ [Шакабпа 2003: 118] (имя также может быть записано «Данзин Чойджал» и переведено ‘Царь законов и опора религии’ [цит. по Санчилов 1977: 22⁴] или Тензин Чоский Гьялпо ‘Царь религии и веры’), что в историографии обычно рассматривается как установление отношений «наставник — милостынедатель». Так, Е. Л. Беспрозванных, излагая сведения о церемонии подношения Гуши-хану указанного титула⁵, заключает, что таким образом между Далай-ламой V и Гуши-ханом были официально установлены отношения «лама — милостынедатель» [Беспрозванных 1991: 93]. По мнению Сумба-кханбо⁶ Ешей-Балджора (1704–1788), представителя тибетской историографической традиции, ученого и религиозного деятеля, автора крупнейшего исторического

³ Титул Гуши-хана («Дай гууши» ‘Великий наставник’) был преподнесен хошутскому правителю, согласно тибетскому историку XVIII в., одним из буддийских иерархов Халхи после мирного разрешения с его участием конфликта между князьями ойратов и халха-монголов [Сумба-Хамбо 1972: 61–62; Санчилов 1977: 21].

⁴ Здесь В. П. Санчилов ссылается на: [Сумба-Хамбо 1972: 65].

⁵ Е. Л. Беспрозванных ссылается на книгу В. Д. Шакабпы [Shakabpa 1967: 105], и, хотя он дает несколько иные транслитерацию и перевод тибетского титула, чем переводчик текста книги тибетского автора [Шакабпа 2003], это не меняет его содержания. Отметим, что в этом месте в книгу российского ученого [Беспрозванных 2001: 93] вкралась опечатка, речь идет о 1638 г., о чем свидетельствует его отсылка к тибетскому источнику.

⁶ Имя Сумба-кханбо в литературе встречается также в форме Сумба-Хамбо. В статье принята форма имени, используемая д.и.н. Р. Е. Пубаевым, автором перевода и комментариев к сочинению указанного тибетского автора «История и хронология Тибета» [Пагсам-джонсан 1991].

¹ Цепон — один из высших государственных постов, который занимал Ванчуг Деден Шакабпа (1907–1989) в Тибете с 1930 по 1950 гг.

² Имя Лхавзан-хана в источниках упоминается в разных вариантах, в том числе Лхасангхан, Лхасан-хан. В статье нами далее используется последний вариант написания.

тибетского труда XVIII в., Гуши-хан «положил начало основанию известных тринадцати монастырских школ <...>, стал владыкой над тремя областями Тибета и благодаря могуществу своего колеса власти захватил при помощи войска религиозные общины секты кармапа, которые жили на границе между Кхамом и Тибетом и являлись противниками сторонников гэлугпы Конпо, вступил во власть как дхарма-раджа на троне бесстрашного льва — Махадэвы» [Пагсам-джонсан 1991: 467]. При этом Сумба-кханбо сообщает, что именованию Гуши-хана дхарма-раджей предшествовало якобы появление некоего ореола святости (свечения): «Белый свет стал озарять его со всех сторон, что и побудило признать его „хранителем религии“»; кроме того, хошутского правителя считали перерожденцем буддийского учителя Падмасамбхавы и почитали как защитника веры: «Поднял белый зонт буддийской религии вообще и драгоценной религии Цзонкхапы в особенности до вершины сансары» [Пагсам-джонсан 1991: 47]. Таким образом, соответственно его статусу «царя религии и веры» в тибетской историографии Гуши-хан стал именоваться «дхарма-раджа» (букв. ‘повелитель закона’). В 1642 г. после победы над приверженцами красношапочников и установления власти над Тибетом он передал верховную власть Далай-ламе V: «В пятый день четвертого месяца года Воды-Лошади, соответствующего 2186 году со времени ухода Будды или 1642 христианскому году, далай-лама торжественно вступил в Шигацзе и был посажен на трон в дворцовом зале аудиенций. На троны, стоящие чуть ниже, сели Гуши-хан и Сонам Чойпэл» [Шакабпа 2003: 123].

Сонам Чойпэл¹ — помощник Далай-ламы V, первым занявший должность *дэси* (или *дзэрид*, *диба*, *дипа*) — чиновника, функции которого сравнивают с премьер-министром, главным администратором, название должности ученые передают также как «регент-правитель» [Пагсам-джонсан 1991: 48]. По мнению В. Д. Шакабпы, завоевание области Цзан после победы над приверженцами красношапочников в других областях Гуши-ханом было инициировано вопреки замыслу Далай-ламы V именно Сонам Чойпэлом [Шакабпа 2003: 118–123], который принял участие в подчинении других округов, остававшихся верными правителю

Цзана, а затем в подавлении восстания против тибетского правительства. Исследователь отмечает, что «все политические дела велись *дэси*» [Шакабпа 2003: 124].

Подробное изложение тибетским исследователем истории завоевания Тибета включает положения, которые можно рассматривать как причину вывода о высоком статусе *дэси* и отсутствия упоминания в этом месте о статусе Гуши-хана после передачи верховной власти Далай-ламе V. Так, в 1635 г. сторонник красношапочников Цогту-тайджи направил 10-тысячный отряд под руководством своего сына Арслана в Тибет, но после встречи с Гуши-ханом Арслан изменил свои намерения и стал последователем Гелугпы [Шакабпа 2003: 116–117], затем последовал военный конфликт с 30-тысячной армией Цогту-тайджи, в которой хошутский правитель одержал победу [Шакабпа 2003: 117; Санчилов 1977: 22], в результате чего Гуши-хан установил господство в Кукуноре, куда в 1637–1638 гг. прикочевала основная масса его подданных. После дальнейших военных действий в Кхаме Гуши-хану предлагалось «вернуться домой, поскольку Далай-лама не хотел, чтобы было убито много людей» [Шакабпа 2003: 119]. Цепон В. Д. Шакабпа пишет: «...сначала думали, что Гуши-хан вернется в Кукунор», а при сообщении о том, что Гуши-хан с войском продолжил путь к У-Цзангу, Далай-лама предложил своему главному помощнику, что необходимо во избежание кровопролития «убедить монголов не вторгаться в Цанг, а вернуться в Кукунор. <...> Если нам удастся убедить его уйти, это приведет к нашему политическому успеху и защитит нашу честь» [Шакабпа 2003: 120]. Опасения Далай-ламы были связаны с тем, что в случае поражения им пришлось бы покинуть столицу Тибета — Лхасу — и «искать другую страну, в которой мы могли бы жить» [Шакабпа 2003: 122]. «Политический успех» в этом случае заключался не только в том, чтобы убедить не вторгаться в Цанг, но и откочевать в Кукунор.

В связи с вышеизложенным логичен вывод Е. Л. Беспрозванных, который считает, что Далай-лама V опасался, что Гуши-хан не уйдет в Кукунор, что и случилось: он поселился в восьми днях пути от Лхасы. В 1642 г. был установлен хошутский протекторат над Тибетом.

Тибетский автор XVIII в. Сумба-кханбо сообщает об этом событии в хроноло-

¹ В других источниках он упоминается как Соднам Чоспел [Беспрозванных 2001: 98].

гических таблицах, причем среди четырех отнесенных к 1642 г. событий перечисляет следующие: «Данцин-Чойчжал /Гуши-хан/ прибыл в Цзан, захватил цзанского царя, сокрушавшегося /о потере/ лучших земель, подчинил своей власти Цзан и Кон и стал тибетским царем», «Сановник Соднам-Чойпэл с предыдущего года стал регентом» [Пагсам-джонсан 1991: 130] — и отмечает, что дхарма-раджа Гуши-хан «обеспечил процветание» и «объединил монголов и тибетцев» [Пагсам-джонсан 1991: 48]. В исследовании автора XX в., В. Д. Шакабпы, глава, в которой освещаются события этого периода, называется «Пятый Далай-лама берет власть на себя» [Шакабпа 2003: 113–137], причем завершается она утверждением, что хан и его наследники, хотя и назывались царями, «но по всем официальным установлениям, определявшим порядок рассаживания, занимали более низкое место, чем Далай-лама и *дэси*. Гуши-хан учредил светскую власть Далай-ламы, будучи независимым лидером хошутских монголов, но он не вмешивался в управление страной и не стремился контролировать ее политику. Вся власть и все полномочия находились в руках Пятого Далай-ламы, вплоть до его смерти» [Шакабпа 2003: 136–137]. Автор считает, что основой деятельности Гуши-хана было «религиозное рвение, дополнявшееся уважением к Далай-ламе и верой в него» [Шакабпа 2003: 136].

По мнению других исследователей, в период правления в Тибете Гуши-хана «присутствие хошоутов в Тибете было весьма ощутимым» [Беспрозванных 2001: 98–99], так как существовала оппозиция школе Гелугпа со стороны школы Кармапа, но по мере проведения централизаторской политики Далай-ламы V в Тибете и развития сети монастырей Гелугпы, с усилением ее позиций постепенно роль хошутских правителей в политической жизни Тибета становилась номинальной, хотя формально хошутские ханы назначали *дэси*, выбор оставался за Далай-ламой, который в отдельные периоды, не избирая администратора, непосредственно проводил управление¹ [Беспрозванных 2001: 100–102]. В. Д. Шакабпа же не упоминает хошутских правителей, когда пишет о назначении *дэси* Далай-ламой V: о втором *дэси* этот автор лишь пишет, что он

был «назначен» в 1660 г., о третьем — «Далай-лама назначил Лобсанга Тутоба» [Шакабпа 2003: 131], а при выборе четвертого «Далай-лама попросил племянника второго *дэси*, Сангье Гьяцо², стать новым *дэси*...», который отказался, но через четыре года стал пятым *дэси* [Шакабпа 2003: 134–135]. Высокая оценка деятельности первого *дэси*, Сонама Чойпэла, отражена в следующих словах: «*Дэси* выстроил непоколебимые отношения с монголами, подобно „искусной ткачихе, сплетающей нити ковра“» [Шакабпа 2003: 130].

Таким образом, в историографии при общем изложении фактов прослеживаются некоторые акценты. В сочинении тибетского автора XVIII в. восхваляются заслуги Гуши-хана, он признается перерожденцем и дхарма-раджей («тибетским царем» [Пагсам-джонсан 1991: 130]). В книге В. Д. Шакабпы заслуги хошутского правителя рассматриваются как религиозное рвение, позволившее оказать помощь Далай-ламе в завоевании всего Тибета; доказываются неправота некоторых китайских источников, в которых монголы считаются подвластными китайцам с давних времен, соответственно и Гуши-хан выступает как представитель китайской стороны [Шакабпа 2003: 136]. Вместе с тем в его труде отмечается, что желанием Далай-ламы после покорения Кхама было обеспечить возвращение Гуши-хана в Кукунор [Шакабпа 2003: 122], но из-за плана Сонам Чойпэла Гуши-хан продолжил завоевание области Цзан в Тибете.

Содержание отношений «наставник — милостынедатель» со временем менялось в соответствии с развитием политической ситуации, на которую большое влияние оказывала политика Цинской династии, установившейся в Китае в 1644 г. Как отмечает Л. С. Савицкий, назначенный в конце правления Далай-ламы V регент-правитель Санчжай Джамцо³ «постоянно искал и находил пути и способы ослабления власти хошутов в Тибете. Их власть и влияние (равно как и военная сила) к концу XVII в. были значительно ослаблены по сравнению

² В другом написании — Санчжай Джамцо.

³ Аба-Санчжай Джамцо стал регентом в конце правления Далай-ламы V, в 1679 г. [Пагсам-джонсан 1991: 133]. До него после смерти первого *дэси* в 1656 г. главными администраторами являлись: Тинлэй Гьяцо (1660–1668), Лобсанг Тутоб (1668–1675), Лобсанг Джинпа (1675–1679) [Шакабпа 2003: 131, 134, 135].

¹ К примеру, до назначения второго *дэси* (с 1656 до 1660 гг.) Далай-лама «сам исполнял обязанности правителя» [Шакабпа 2003: 130].

с временем Гуши-хана, который покорил Тибет для Гелугпы» [Савицкий 1983: 24]. И, если, освещая интронизацию Далай-ламы V в 1642 г., В. Д. Шакабпа говорит о том, что и *дэси*, и Гуши-хан были усажены на троны ниже религиозного иерарха, то, обобщая сведения об отношениях между светской и духовной властью, он уже ссылается на то, что тронное место хана и его наследников было ниже: дело в том, что при третьем *дэси* Лобсанге Тутобе (1668–1675) была введена традиция Дэньиг А-ку Бакдо — «обладания местом согласно положению в иерархии и возрасту», которую ввели в практику в 1672 г. Возможно, с этого времени, когда хошутами правил уже его младший сын Кончог Далай-хан [Шакабпа 2003: 132]; последнему было определено место ниже, чем *дэси*: ведь, повествуя об интронизации Далай-ламы V, тибетский историк не упоминает о том, что положение хана было ниже, чем у регента. Кроме того, несмотря на установленные между Далай-ламой V и хошутскими лидерами отношения «наставник — милостынедатель», Далай-лама V впоследствии признавал и то, что между ним и «маньчжурским Императором всегда существовало отношение религиозного патронажа» [Шакабпа 2003: 133].

Следствием изменившейся после правления Далай-ламы V ситуации в регионе явилось осложнение отношений с хошутским правителем Лхасан-ханом (потомком Гуши-хана) в конце XVII — начале XVIII вв. Сообщения об этом в хронологических таблицах Сумба-кханбо свидетельствуют о противоречиях и борьбе за политическую власть: в 1699 г. умер Цзанпо Номин-хан, в 1703 г. монгол Лхавсан стал царем (Тибета), в 1705 г. «снова Лхавсан стал царем», умер Далай-лама VI, в 1706 г. родился Далай-лама VII [Пагсам-джонсан 1991: 136].

Краткие сообщения тибетского историка становятся ясными в свете событий, связанных с историей Далай-лам VI и VII. Известный не только как религиозный деятель, но и как поэт (см. [Цаньян Джамцо 1983]), Далай-лама VI Цаньян Джамцо (Цаньян Гьяцо, 1683–1706 гг.) был тайно признан перерожденцем в 1685 г. и в 1688 г. перевезен в Нанкарце, где стал учиться у специально избранных наставников. В 1697 г. к нему был приглашен Панчен-лама, который дал юноше монашеское посвящение гецула¹, и

в том же году Цаньян Джамцо переехал во дворец Потала и был интронизирован как Далай-лама VI. Сразу после этого регент Санчжай Джамцо объявил о смерти Далай-ламы V и о том, что его 15-летний преемник уже возведен на трон Далай-ламы. Однако факт смерти Далай-ламы V (случившейся в 1682 г.) слишком долго скрывался; Цаньян Джамцо воспитывался вдали от Лхасы и отличался своим нестандартным поведением — в этом усматривают как следствие его воспитания в обычной семье, так и возможное специальное его воспитание как аристократа-мирянина с согласия регента в целях последующего возведения на трон светского правителя. Цаньян Джамцо официально отказался от принятия монашества и вел светский образ жизни, что признают и тибетские авторы, хотя дают этому и религиозное толкование [Савицкий 1983: 23–24, 94–100]. В мае 1702 г. регент обратился с письмом к Панчен-ламе, после чего влиятельные тибетские аристократы и главы монастырей встретились с Далай-ламой, тем не менее Цаньян Джамцо не принял полный монашеский обет и отказался от принятого ранее сана гецула, о чем свидетельствуют тибетские источники [Беспрозванных 2001: 142–143]. В. Д. Шакабпа называет в числе тех, кто обращался к Далай-ламе VI с просьбой не отказываться от обетов гецула, настоятелей трех больших монастырей, регента-*дэси* и Лхасан-хана [Шакабпа 2003: 142]. Однако, по Сумба-кханбо, Лхасан-хан стал «царем Тибета» в 1703 г. [Пагсам-джонсан 1991: 136], а годом ранее, согласно этому источнику, Цаньян Джамцо «был выдворен из Даший-Лхунбо на перевоспитание по нравственному закону — шила» [Пагсам-джонсан 1991: 136] (так описывается отказ от сана гецула).

Л. С. Савицкий обратил внимание на то, что, поскольку Лхасан-хан стал «царем Тибета» в 1703 г., он не мог принять участие в якобы имевшем в 1701 г. место события, сведения о котором известны из сообщений католических миссионеров: как будто бы император Канси, джунгарский Цэван-Рабдан и хошутский Лхасан-хан «официально уведомили VI Далай-ламу Цаньян Джамцо о том, что не считают его истинным перерождением V Далай-ламы. И Цаньян Джамцо якобы в ответ на это без сопротивления в присутствии самого II Панчен-ламы отка-

¹ В тибетском буддизме существуют три степени посвящения монахов: первая — генин,

вторая — гецул и третья (высшая степень, включающая принятие 253 обетов) — гелонг.

зался от прав духовного главы секты Гелуг-па» [Савицкий 1983: 18]. То, что хошутский правитель принял титул «царя Учения» в 1703 г., ученый считает дополнительным свидетельством в пользу мнения Л. Петеха, что такого совместного обращения не было [Petech 1966: 164–166; Савицкий 1983: 18–19]. Но и Л. Петех, и Л. С. Савицкий считают, что в 1702 г. отречение Далай-ламы VI от сана гецула и отказ от принятия сана гелонга все же состоялись [Савицкий 1983: 19]. Лхасан-хан как один из представителей высокопоставленных светских лиц Тибета прибыл вместе с Далай-ламой (но без Санчжай Джамцо) для переговоров по этому поводу в резиденцию Панчен-ламы, что, по мнению Л. С. Савицкого, еще раз подтверждает, что он еще не был «Царем — защитником Учения». «В этих уговорах должен был принимать участие и Лхавзан-хан, хотя <...> трудно ожидать от него искренней заинтересованности в их положительном завершении», — пишет российский ученый [Савицкий 1983: 19–20].

В тибетском обществе, несмотря на эти события, Цаньян Джамцо сохранил свой высокий духовный авторитет. Со ссылкой на И. Л. Малика [Malik 1984: 33] Е. Л. Беспрозванных отмечает, что среди тибетцев наиболее популярной являлась теория, согласно которой Далай-лама VI собирался сначала стать мирянином, а затем самостоятельно править Тибетом как светский правитель и установить наследственную монархию, укрепить полный контроль и усилить оборонный потенциал страны [Беспрозванных 2001: 143] (в этом случае уже не нужны были бы войска монголов). По мнению Е. И. Кычанова и Л. С. Савицкого, *дэси* Санчжай Джамцо специально воспитывал Далай-ламу VI как «феодала-мирянина» [Кычанов, Савицкий 91; Савицкий 1983: 21].

В сложных условиях обострилась борьба за власть в Тибете: власти регента Санчжай Джамцо противостоял Лхасан-хан, который принял в 1703 г. титул царя Тибета и предпринимал попытки завоевания реальной власти в стране. Поводом послужило поведение Цаньян Джамцо, разгорелись споры об истинности перерожденца. Е. Л. Беспрозванных делает вывод: «Фактически решался вопрос: кто будет править страной — тибетцы или хошоуты; но формально разногласия двух группировок сводились к выяснению «истинности» или «не-

истинности» Цаньяна Чжамцо», — и приводит мнение Л. Петеха о том, что сложилась ненормальная ситуация, когда Далай-лама не принимал на себя духовные обеты, регент не имел полноту власти, что не могло не быть на руку хошоутскому хану [Беспрозванных 2001: 144].

Противостояние между Лхасан-ханом и *дэси* В. Д. Шакабпа объясняет разными взглядами на религиозную практику, спорами между монголами и тибетцами, поступками Далай-ламы [Шакабпа 2003: 144], что привело к совещанию высших лиц Тибета, на котором было решено, что Лхасан-хан должен находиться в Кукуноре, а не в Тибете — практически это означало, что наследника «царя Тибета» просили удалиться из этой страны. Но в результате последующих событий (военного противостояния, казни ушедшего в отставку *дэси*) в 1705 г. власть в Тибете практически оказалась в руках Лхасан-хана, о чем сообщается: «Лхасан-хан прибыл в Лхасу и установил свой политический контроль» [Шакабпа 2003: 144]. Последнее было одобрено цинским императором [Шакабпа 2003 144–145; Савицкий 1983: 25–26].

При этом «исчез» назначенный предыдущим *дэси* в 1703 г. новый регент Нгаванг Ринчен [Шакабпа 2003: 144–145], что способствовало концентрации власти в руках одного хана, и, по мнению тибетского ученого, несмотря на то, что Лхасан-хан поддерживал Далай-ламу, «со временем он обрел контроль над Центральным Тибетом и все сильнее стал критиковать последнего» [Шакабпа 2003: 145], а затем, вступив в союз с маньчжурским императором, объявил о низложении Далай-ламы. Цаньян Джамцо был отправлен в Пекин и по дороге между Тибетом и Кукунором умер [Беспрозванных 2003: 151]. В. Д. Шакабпа прямо называет «найденного» в связи с «неподлинностью» Цаньян Джамцо другого претендента на титул (в 1707 г. интронизированного в качестве Далай-ламы VI под именем Агван Ешей Джамцо) ставленником Лхасан-хана, хотя тот и был признан Панчен-ламой II, с которым наладил отношения хошутский правитель [Шакабпа 2003: 146].

Поскольку для верующих было очевидно, что должна была быть продолжена линия перерожденчества в связи с кончиной Далай-ламы VI Цаньян Джамцо, было обнаружено его перерождение. Но Далай-лама VII Галсан Джамцо (Кэлсанг Гьяцо)

(1708–1757) находился долгое время в монастыре Гумбум, где практически оставался заложником сложных отношений между хошутским Лхасан-ханом, правившим в Тибете, кукунорскими князьями, являвшимися потомками Гуши-хана и предполагавшими, что протекторат должен быть установлен и ими, а также цинскими властями.

В данной ситуации в Тибете появилась новая сила. Правитель Джунгарского ханства по просьбе монахов трех гелугпинских монастырей выступил под знаменем возведения истинного (седьмого) Далай-ламы на трон и вступил в военные действия с Лхасан-ханом. В декабре 1717 г. джунгарские войска вошли в Лхасу, захватив Поталу, Лхасан-хан был убит. После этого, пишет В. Д. Шакабпа со ссылкой на автобиографию Панчен-ламы II, джунгары сразу же назначили Лхагъела Рабтэна (ранее известного как Такце Шабдунг) новым *дэси* [Шакабпа 2003: 149], т. е. восстановили должность главного администратора.

Тибетский историк Сумба-кханбо характеризует противостояние хошуты и джунгаров в Тибете следующим образом: «Галдан-хун-тайчжи, хан монголов левого крыла, услышал, что (Лхавсан-хан) совершил нечто неверное в отношении установившейся системы взглядов, и вступил в союз с некоторыми, кто посылал подарки, стянул в Тибет войска, в год огня-курицы (1717 г.) разгромил Лхавсана, добился очищения религии, освободил от грешников» [Пагсам-джонсан 1991: 49]. В этом месте своего сочинения Сумба-кханбо датирует события 1717 г., но связывает освобождение Далай-ламы VII с Галданом Бошогту-ханом (который скончался в 1697 г.). Но в другом месте хошутский историк указывает, что в 1717 г. «войска левого крыла хоров¹ убили тибетского царя Лхавсана», в 1718 г. «джунгарские войска левого крыла закрыли все монастыри секты ньингмапа, как Намчжал-лин, Дорчжэбраг, Миндоллин и прочие, которые были преподнесены (переданы) главе секты гэлугпа», а в 1719 г. Далай-лама VII Галсан-Чжамцо по приказу китайского императора был сопровожден (в Тибет) [Пагсам-джонсан 1991: 137]. Таким образом, в истории событий 1717 г. упоминание Галдана Бошогту-хана оказывается неточностью, в хронологических таблицах речь идет о левом крыле войска монголов

(называемых тибетцами «хор»), правитель их назван «ханом левого крыла» (т. е. букв. ‘ханом левой стороны, или джунгарским ханом’). Речь идет о правившем в эти годы Цэван-Рабдане.

Цепон В. Д. Шакабпа в этой связи отмечает, что союзные отношения со светским правителем Тибета — *дэси* — были характерны еще при отце Цэван-Рабдана, Батуре-хунтайджи, которого называет «Далай Кунгтэджи», «ревностным союзником *дэси* Сангье Гьецо» [Шакабпа 2003: 147]. Обращение тибетских монахов к джунгарскому правителю со ссылкой на В. Рокхила [Rockhill 1910: 37] В. Д. Шакабпа объясняет их просьбой свергнуть Лхасан-хана и обеспечить правление подлинного Далай-ламы в Тибете [Шакабпа 2003: 147]; о хошутском хане тибетский историк пишет, что тот «поддерживал тесные отношения с маньчжурским императором Китая Кан-си, но во всех отношениях управлял Центральным Тибетом как независимый военный правитель» [Шакабпа 2003: 149]. Но именно установление хошутами связей с цинским Китаем определило позицию императора, состоявшую в том, что покровителями Тибета должны выступать маньчжурская власть в Китае и потомки Гуши-хана: джунгары, с которыми маньчжуры воевали, не устраивали цинскую сторону как светские правители Тибета.

Цэван-Рабдан объяснял вторжение своих войск в Тибет преступлениями, совершенными Лхасан-ханом против религии и церкви. Но джунгарские войска не могли восстановить на троне перерожденца, находившегося в то время среди хошуты в Кукуноре (в монастыре Гумбум). Только после китайской миссии, побывавшей в Тибете в конце 1718 — начале 1719 гг. и выяснившей, что все тибетцы признают претендента в качестве Далай-ламы VII, император Сюань Е издал указ, в котором предписывал кукунорским хошутам весной 1719 г. препроводить гумбумского перерожденца в Лхасу. 27 апреля 1720 г. новому Далай-ламе были вручены золотые диплом и печать. Сопровождением Далай-ламы VII из Кукунора в Тибет воспользовались цинские власти, чтобы выдворить с тибетской территории джунгарские войска. В связи с прибытием Далай-ламы были разосланы прокламации, в которых говорилось, что признающие его истинным перерожденцем должны повиноваться командиру сопрово-

¹ Левое крыло хоров — т. е. левое крыло монголов, джунгары.

ждавшей его армии [Беспрозванных 2001: 168–169].

В. Д. Шакабпа объясняет изменение отношения к джунгарам разорением последними двух нигмапинских монастырей, их неудачной попыткой вернуть в Лхасу Далай-ламу из Кукунора [Шакабпа 2003: 149–150] и акцентирует внимание на том, что в изгнании джунгаров из Тибета участвовали тибетские войска под предводительством аристократов Полханэя и Кангченнэя [Шакабпа 2003: 151], которые «вынудили джунгаров бежать из Лхасы». По мнению тибетского историка, маньчжурский император не собирался покорять Тибет, а направил свою армию для мщения за гибель своего союзника Лхасан-хана и восстановления Далай-ламы на троне» [Шакабпа 2003: 151–152].

Р. Е. Пубаев в комментариях к труду Сумба-кханбо пишет о Полханэе (называемом им Пола-Соднам-Тобчжя), что «он при поддержке цинского императора Юнчжэна (1723–1736) положил конец джунгарской оккупации Лхасы в 1717–1722 гг., в 1740 г. получил титул „царя“ Тибета и проводил процинскую политику» [Пагсам-джонсан 1991: 196]. В. Д. Шакабпа называет Полханэя «единоличным правителем Тибета» [Шакабпа 2003: 160] и описывает далее судьбу его сына, пытавшегося изменить отношения с маньчжурами и погибшего «в борьбе за независимость Тибета» [Шакабпа 2003: 162].

Таким образом, обратившись к джунгарскому правителю, тибетская сторона обеспечила решение вопроса с укрепившим власть хошутским Лхасан-ханом, приведшим к трону своего ставленника — непризнанного обществом Далай-ламу VI. Джунгары, сразу же назначившие *дэси* Лхагъела Рабтэна (Такце Шабдунга) [Шакабпа 2003: 149], практически могли сменить Лхасан-хана, так как после смещения «неистинного» Далай-ламы VI в 1717 г. к власти должен был прийти малолетний Далай-лама VII (род. в 1708 г.). При этом специально направленная в Тибет миссия выяснила, что джунгары не собирались оставлять Тибет, более того, джунгарский полководец якобы сказал, что «силой захватил Тибет и с помощью силы не только удержит его, но, возможно, захватит и другие королевства» [цит. по: Беспрозванных 2001: 166].

В историографии известно письмо китайского императора, который писал Да-

лай-ламе VII и его сторонникам, что признает верховного иерарха и желает осуществления связей в рамках отношений «лама — милостынедатель»: «Я и потомки Гуши-хана являются его покровителями» [Шакабпа 2003: 150]. Е. Л. Беспрозванных считает, что мнение современной тибетской религиозной эмиграции, согласно которой выдворение маньчжурской армией джунгаров было реализовано в рамках тибетско-китайских отношений по формуле «лама — милостынедатель», неубедительно, и обращает внимание на сообщение по этому поводу тибетского автора XVIII в. Сумба-кханбо, который писал, что «с этого времени Китай подчинил своей власти Тибет» [Пагсам-джонсан 1991: 49].

На этот же тибетский источник ссылается А. Г. Люлина в подтверждение тезиса о том, что после завоевания джунгарами в 1717 г. Лхасы уже в конце 1719 г. «цинские войска при поддержке монголов заставили джунгар покинуть Тибет и возвели в сан Далай-ламу VII» [Люлина 2015: 47]. Автор считает, что до середины XVIII в. Далай-лама «фактически осуществлял верховную духовную и светскую власть в Тибете, однако ввиду постоянной джунгарской угрозы и сложностей в административном управлении государством тибетские правители стали обращаться за помощью к императору» [Люлина 2015: 47]. Этому противоречат данные Сумба-кханбо, который сообщает: «Пола-тэчжэ был назначен регентом, а впоследствии управлял в звании чун-вана» [Пагсам-джонсан 1991: 139], и мнение В. Д. Шакабпы, называющего Полханэя (ум. в 1747 г.) единоличным правителем Тибета.

События начала XVIII в. происходили в условиях, когда цинское государство продолжало проводить политику по расширению своих владений и установлению господства на соседних территориях. И Тибет, и Джунгарское ханство, и Кукунор находились в сфере интересов маньчжурского императора. Цинская империя вела политику завоевания Джунгарии и одновременно пыталась усилить свое влияние на Тибет. В союзе хошутского Лхасан-хана и маньчжурской власти первый пытался опереться на мощного соседа, с помощью которого он мог подчинить себе Тибет в условиях, когда Далай-ламой стал его «ставленник»; для цинского императора имело важное значение подчинение Тибета влиянию внешней политики маньчжуров [Савицкий 1983: 25].

Повышенный интерес к событиям в Тибете В. Д. Шакабпа объясняет сближением тибетцев с джунгарами [Шакабпа 2003: 145], что, несомненно, имело место в связи с противостоянием Цинов и джунгаров.

Еще на рубеже XVII–XVIII вв. тибетский регент Санчжай Джамцо — противник Лхасан-хана — вступил в тайные связи с джунгарами, что было определено противостоянием *дэси* с Лхасан-ханом и вполне отвечало характеристике, данной регенту Далай-ламой: «Выстроил отношения с монголами, подобно искусной ткачихе, сплетающей нити ковра» [Шакабпа 2003: 130]. Л. С. Савицкий объясняет этот поступок Санчжай Джамцо, лавировавшего между маньчжурами и монголами, желанием объединить всех монголов, чего добивался Галдан Бошогту-хан, «давний и стойкий противник маньчжуров» [Савицкий 1983: 15]. И. Я. Златкин приводит данные, что в противостоянии с маньчжурами пришедший к власти после Галдана Бошогту-хана Цэван-Рабдан добивался ухода цинских войк из Джунгарии и Восточного Туркестана, присоединения Халхи к Джунгарскому ханству с целью объединить монгольские народы под властью джунгаров — для чего ойратский правитель вступал в переговоры с российской стороной¹ [Златкин 1983: 231]. С учетом замыслов Цэван-Рабдана об объединении монголов и ойратов его поход в Тибет может быть рассмотрен не только как выполнение религиозного долга и оказание помощи главам монастырей.

Но этим замыслом противостояла политика хошутского Лхасан-хана и маньчжурской власти, которые также вступили в союз, что отмечается в тибетской историографии [Шакабпа 2003: 145]. При этом хошутский правитель пытался усилить свое влияние и вновь установить отношения, которые были при Гуши-хане, реально осуществлявшем свою политику в Тибете. Цинские власти действовали по принципу «разделяй и властвуй», не допуская как объединения монгольских народов (в том чис-

ле способствуя противостоянию ойратов и монголов), так и установления союза между ними и Тибетом.

В. Д. Шакабпа, повествуя о пленении и гибели во время боя Лхасан-хана, заключает: «Так закончилась жизнь Лхасанг-хана, который правил Тибетом с 1705 года по 1717 год. Он поддерживал тесные отношения с маньчжурским императором Китая Кан-си, но во всех отношениях управлял Центральным Тибетом как независимый военный правитель» [Шакабпа 2003: 149]. Мнение тибетского автора противоречит мнению российских исследователей, которые считают, что еще в 1708 г. имела место попытка установить китайский протекторат вместо хошутского [Беспрозованных 2001: 152], а «джунгарское нашествие» «положило конец хошоутскому протекторату в Тибете», поскольку духовенство Гелугпы фактически отвергло его в качестве милостынедателя и обратилось за помощью к джунгарскому Цэван-Рабдану. В целом вынужденное обращение Лхасан-хана за поддержкой к цинскому двору ознаменовало начало попыток маньчжурских властей поставить под контроль тибетскую церковь и государство, что явилось и началом нового этапа тибето-китайских отношений [Беспрозованных 2001: 162].

Таким образом, отношения между тибетскими верховными иерархами и хошутскими правителями складывались в XVII–XVIII вв. в рамках формулы «лама — милостынедатель». Однако политическая ситуация была весьма сложной, и эти отношения развивались в соответствии с внешними связями между Тибетом, маньчжурской властью и ойратами, которые выступали неизменно на стороне Гелугпы.

В тибетской историографии разных периодов отражена специфика исторического периода и позиция авторов. В сочинении XVIII в. тибетский религиозный деятель Сумба-кханбо отмечает религиозные заслуги Гуши-хана и называет его тибетским царем, дхарма-раджей, перерождением Падмасамбхавы [Пагсам-джонсан 1991: 130]. В труде тибетского историка XX в., представителя тибетского правительства в изгнании, Цепона В. Д. Шакабпы прослеживается тема борьбы за независимость Тибета, которая продолжалась на протяжении длительного хронологического периода, в том числе во время событий, связанных с пребыванием в Тибете хошутских и джунга-

¹ Цэван-Рабдан при переговорах сравнивал себя с Аюкой-ханом калмыцким: «Взамен Цэван-Рабдан просил: „1. Оборонить бы его от китайцев и от мунгалцев, и он будет жить так как Аюка-хан. 2. Отобратить бы у китайцев мунгалов, дать ему, как Аюке мангуты даны. 3. Чтоб ему с ясашных людей, с которых он имел ясак, по-прежнему брать. 4. Беглых бы его калмыков не принимать и не отдавать”» [Златкин 1983: 229].

ров. В. Д. Шакабпа развенчивает позицию некоторых китайских источников о том, что монголы являлись подданными Китая, а следовательно, Гуши-хан являлся представителем китайской стороны. Основные положения тибетского историка при изложении этих событий следующие: а) Гуши-хан установил светскую власть Далай-ламы; б) Гуши-хан был независим от маньчжуров и возглавлял хошутских монголов; в) Гуши-хан не вмешивался в управление страной, и вся полнота власти принадлежала Далай-ламе V [Шакабпа 2003: 136–137]. Однако изложение автором событий, связанных с завоеванием Цзана и пожеланием Далай-ламы V Гуши-хану отправиться обратно в Кукунор, свидетельствуют о реальном соотношении власти в начальный период, когда в Тибете был установлен хошутский протекторат.

В дальнейшем деятельность Далай-ламы V по объединению Тибета и укреплению позиций буддийской церкви, развитию сети монастырей Гелугпы способствовала укреплению его власти, в связи с чем роль хошутских правителей в политической жизни Тибета становилась номинальной. В условиях же кризиса власти, наступившего в первые годы правления Цаньян Джамцо, как считает Е. Л. Беспрозванных [2001: 147], стоял вопрос: «Кто будет править страной — тибетцы или хошоуты». Сопоставив решение совещания высших лиц Тибета 1702 г., согласно которому Лхасан-хан должен был находиться в Кукуноре, а не в Тибете, с пожеланием Далай-ламы V отправиться Гуши-хану в Кукунор в момент, когда тот собирался завоевать Цзан, можно сделать вывод, что ситуация была схожей. В целом религиозная легитимация отношений «учитель — милостынедатель» являлась официальным оформлением отношений между двумя сторонами, при этом реальная ситуация была довольно сложной.

Как отмечает Л. С. Савицкий, *дэси* Санчжай Джамцо искал пути и способы ослабления власти хошутов в Тибете и достиг определенного успеха [Савицкий 1983: 24]. Его союз с джунгарскими лидерами был направлен как против маньчжуров, противниками которых являлись джунгары, так и на ослабление власти хошутов. С другой стороны, в политике джунгарских Галдана Бошогту-хана и Цэван-Рабдана имела цель объединения монгольских народов, поэтому осуществление помощи тибетцам в

борьбе с хошутским «царем Тибета», помимо главной задачи религиозного характера, могло способствовать и подчинению хошутской власти джунгаров, и установлению особых отношений с Тибетом. Но с изменением ситуации, появлением недовольства среди тибетцев по отношению к джунгарам, последние оказались без союзников. Позднее, в 1750 г., отношения с джунгарами вновь решил возобновить глава тибетского правительства, сын Полханэя Гьюмэ Намгел, последовательно пытавшийся бороться с маньчжурским влиянием, но его правление закончилось ранее, чем он сумел осуществить свои планы [Шакабпа 2003: 161].

Тибетский историк объясняет противостояние между Лхасан-ханом и *дэси* разными взглядами на религиозную практику, спорами между монголами и тибетцами, поступками Далай-ламы, т. е. в качестве основного противоречия рассматривается не политическая, а религиозная сторона вопроса. Вместе с тем В. Д. Шакабпа, излагая исторические факты, приводит сведения, подтверждающие выводы российских исследователей о том, что в период джунгарского похода в Тибет решался вопрос о его будущем и о том, сможет ли какая-либо из сторон в условиях политического кризиса установить протекторат над Тибетом.

Литература

- Беспрозванных Е. Л. Лидеры Тибета и их роль в тибетско-китайских отношениях XVII–XVIII вв. Волгоград: Изд-во Волгоградск. ун-та, 2001. 356 с.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука — Гл. ред. вост. лит-ры, 1983. 332 с.
- Кычанов Е. И., Савицкий Л. С. Люди и боги Страны Снегов. М.: Наука — Гл. ред. вост. лит-ры, 1975. 320 с.
- Люлина А. Г. Тибет под патронажем Цин в XVIII в.: особенности взаимодействия // Вестник РУДН. Сер. Всеобщая история. 2015. № 4. С. 46–55.
- Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1978. 282 с.
- Савицкий Л. С. Введение. VI Далай-лама Цаньян Джамцо и Тибет XVII–начала XVIII в. // Цаньян Джамцо. Песни, приятные для слуха. Изд-е текста, пер. с тиб., иссл. и коммент. Л. С. Савицкого. М.: Наука — Гл. ред. вост. лит-ры, 1983. С. 12–36.
- Санчиров В. П. Теократия в Тибете и роль Гуши-хана в ее окончательном утверждении //

- Ламаизм в Калмыкии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 14–25.
- Сумба-Хамбо. История Кукунора, называемая «Прекрасные ноты из песни Брахмы» / пер. с тиб., введ. и прим. Б. Д. Дандарона. М.: Наука, 1972. 166 с.
- Цаньян Джамцо. Песни, приятные для слуха. Изд-е текста, пер. с тиб. яз., иссл. и коммент. Л. С. Савицкого. М.: Наука — Гл. ред. вост. лит-ры, 1983. 200 с.
- Шакабпа Цепон В. Д. Тибет: политическая история / пер. с англ. А. Дюранова, под ред. А. Терентьева. СПб.: Нартанг, 2003. 428 с.
- Парсам-джонсан: история и хронология Тибета / пер. с тиб. Р. Е. Пубаева. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ие, 1991. 264 с.
- Malik I. L. The Dalai Lamas of Tibet: succession of births. New Delhi: Uppal Publishing House, 1984. 188 p.
- Petech L. Notes on Tibetan History of the 18th Century // T'oung Pao. Leiden, 1966. Vol. 52. livr 4/5. P. 261–292.
- Rockhill W. W. The Dalai-Lamas of Lhasa and Their Relations with Manchu Emperors of China 1644–1908. Leiden: Oriental Printing Office, 1910. 104 p.
- Shakabpa Tsepon W. D. Tibet: A Political History. New Haven–London: Yale University Press, 1967. 351 p.
- Savitskiy L. S. *Vvedenie. VI Dalay-lama Tsan'yan Dzhamtso i Tibet XVII — nachala XVIII v.* [Introduction. The 6th Dalai Lama Tsangyang Gyatso and 17th—early 18th cc. Tibet]. *Tsan'yan Dzhamtso. Pesni, priyatnye dlya slukha. Izd-e teksta, per. s tib. yaz., issl. i komment. L. S. Savitskogo* [Tsangyang Gyatso. Songs that feast the ears. Texts. Transl. from Tib., studied and edit. by L. Savitskiy]. Moscow, Nauka — Vost. Lit. Publ., 1983, pp. 12–36 (In Russ.).
- Sanchirov V. P. *Teokratiya v Tibete i rol' Gushikhana v ee okonchatel'nom utverzhdenii* [Tibetan theocracy and Gushi Khan's role in its complete establishment]. *Lamaizm v Kalmykii* [Lamaism in Kalmykia]. Elista, Publ. Dept. of Kalm. Research Institute of History, Lang. and Literature, 1977, pp. 14–25 (In Russ.).
- Sumba-Khambo. *Istoriya Kukunora, nazyvaemaya «Prekrasnye noty iz pesni Brakhmy»* / per. s tib., vved. i prim. B. D. Dandarona [History of Kokonor called “Magnificent notes of Brahma's song”. Transl. from Tib., introd. and comment. by B. Dandaron]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 166 p. (In Russ.).
- Tsangyang Gyatso. *Pesni, priyatnye dlya slukha. Izd-e teksta, per. s tib. yaz., issl. i komment. L. S. Savitskogo* [Songs that feast the ears. Texts. Transl. from Tib., studied and edit. by L. Savitskiy]. Moscow, Nauka — Vost. Lit. Publ., 1983, 200 p. (In Russ.).
- Shakabpa Tsepon W. D. *Tibet: politicheskaya istoriya* / per. s angl. A. Dyuranova, pod red. A. Terent'eva [Tibet: a political history. Transl. from Eng. by A. Dyuranov, edit. by A. Terentyev]. St. Petersburg, Nartang Publ., 2003, 428 p. (In Russ.).
- Pagsam-dzhonsan: *istoriya i khronologiya Tibeta. Per. s tib. R. E. Pubaeva* [Pagsam-Dzhonsan. Tibetan chronological tables. Transl. fro Tib. by R. Pubaev]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, 264 p. (In Russ.).
- Malik I. L. The Dalai Lamas of Tibet: succession of births. New Delhi, Uppal Publ., 1984, 188 p. (In Eng.).
- Petech L. Notes on Tibetan History of the 18th Century. T'oung Pao. Leiden, 1966, vol. 52, livr 4/5, pp. 261–292 (In Eng.).
- Rockhill W. W. The Dalai-Lamas of Lhasa and Their Relations with Manchu Emperors of China 1644–1908. Leiden, Oriental Printing Office, 1910, 104 p. (In Eng.).
- Shakabpa Tsepon W. D. Tibet: A Political History. New Haven–London, Yale University Press, 1967, 351 p. (In Eng.).

References

- Besprozvannykh E. L. *Lidery Tibeta i ikh rol' v Tibetско-kitayskikh otnosheniyakh XVII–XVIII vv.* [Leaders of Tibet and their role in Tibetan-Chinese relations: the 17th–18th cc.]. Volgograd, Volgograd State Univ. Press, 2001, 356 p. (In Russ.).
- Zlatkin I. Ya. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva. 1635–1758. 2-e izd.* [A history of the Dzungar Khanate: 1635–1758. 2nd ed.]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 332 p. (In Russ.).
- Kychanov E. I., Savitskiy L. S. *Lyudi i bogi Strany Snegov* [People and Gods in the Country of Snows]. Moscow, Nauka — Vost. Lit. Publ., 1975, 320 p. (In Russ.).
- Lyulina A. G. *Tibet pod patronazhem Tsin v XVIII v.: osobennosti vzaimodeystviya* [Tibet under the auspices of the Qing Empire in the 18th century: features of interaction]. *Vestnik RUDN. Ser. Vseobshchaya istoriya* [RUDN Journal of World History], 2015, No. 4, pp. 46–55 (In Russ.).
- Martynov A. S. *Status Tibeta v XVII–XVIII vv.* [The status of Tibet]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 282 p. (In Russ.).

УДК 94

ОЙРАТЫ И ТИБЕТ В XVII–XVIII ВВ.: ОБ ОСВЕЩЕНИИ НЕКОТОРЫХ СОБЫТИЙ, СВЯЗАННЫХ С ХОШУТАМИ И ДЖУНГАРАМИ, В ТИБЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Эльза Петровна Бакаева ¹

¹ доктор исторических наук, главный научный сотрудник, отдел этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: bakaevaep@kigiran.com.

Аннотация

В статье рассматриваются события, связанные с участием ойратов в политической жизни Тибета в XVII–XVIII вв., освещаются некоторые факты, иллюстрирующие отношения светской и духовной власти. Показано, что в сочинении тибетского автора XVIII в. указанные события освещаются кратко, а в исследовании современного историка, основанном на целом ряде источников, представлены подробные и ценные сведения о хошутском и джунгарском пребывании в Тибете. При этом в тибетской и российской историографии имеются определенные особенности изложения некоторых фактов.

Ключевые слова: ойраты, Тибет, XVII в., XVIII в., светская и духовная власть, историография.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 27, Is. 5, pp. 15–23, 2016
 DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-15-23
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 930(574):94 “17/18”

Historiography of Modern Kazakhstan: Revisiting Some Studies in the History of the Dzungar Khanate

Ekaterina N. Badmaeva ¹

¹ Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Head of Department of History, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru.

Abstract

Insight into relations between the Dzungar and Kazakh Khanates in the 17th — mid-18th centuries shows the important and essential historical role performed by the Oirats in Central Asia during the period under consideration. At the same time, the once complete and well-established Soviet range of views on the history of Russia's and Kazakhstan's peoples, as well as other Central Asian states and nations during the mentioned period, tends to fall to pieces nowadays. This requires deep and critical analysis of the accumulated experience pertaining to contemporary historiographic studies (in Kazakhstan) of Kazakh-Dzungar, Russian-Kazakh, Russian-Dzungar relations, including the issues of organizing research on the history of the Dzungar Khanate and Oirats by Kazakhstan's scholars who, to a certain extent, revise the existing historical ideas which results in a 'new reading' of the Kazakh history and that of other peoples involved in centuries-old mutual relations. Thus, when it comes to Kazakh national historiography, the years of state sovereignty are marked by significant development of 'historical mythology'. This historiographic world-view is vividly represented in the form of Kazakhstan's 'alternative history' which, following the new trends, re-examines historical events one-sidedly. So, the present-day Kazakh historiography introduces significant 'corrections' and distortions into the history of Kazakh-Dzungar relations. The article provides a detailed analysis of a number of contemporary Kazakh historiographic works on the history of the Dzungar Khanate; it notes both positive and negative stereotypes inherent to the historical science of Kazakhstan.

The 17th — mid-18th cc. Dzungar-Kazakh relations were a key stage in the development of Kazakh statehood and a crucial direction of international relations in the whole of Central Asia. The topic has been investigated in a number of works by western, Chinese, Japanese and Kazakh researchers. And it is the Kazakh historiography which is abundant in most specific accounts of the period under study. The paper considers some concepts adopted by contemporary Kazakh scientists on the topic of Kazakh-Dzungar relations.

Keywords: modern Kazakh historiography, Dzungar Khanate, Kazakh-Dzungar relations, mythologization, Kazakh researchers

Изучение истории Джунгарского ханства представляет особый интерес для мировой и отечественной ориенталистики. Вопросы становления, функционирования и падения этого ойратского военно-феодального государства в XVII–XVIII вв. в разное время занимались ученые-востоковеды России, Китая, Монголии, Казахстана и других стран [Апполова, Басин 1972; Бартольд 1968; Бобров 2014; Моисеев 1991, 1998; Кукеев 2011; Кушкумбаев 2001; Абусейтова 1985; Ерофеева 1990; Хэ Тяньцин 1984; Chiba Muneo 1986]. И в настоящее время история Джунгарского ханства остается важным направлением востоковедческой науки, в особенности в исследованиях по истории Центральной и Восточной Азии.

Предметом исследования в данной статье являются научные исследования современной казахской историографии по истории Джунгарского ханства XVII в.

Актуальность темы исследования обусловлена значительной ролью, которую ойраты играли в исторических процессах, происходивших в Центральной Азии в рассматриваемый период. Важность исследуемой нами научной проблематики определена еще и тем, что Республика Казахстан является сегодня одним из крупнейших партнеров России на постсоветском пространстве. Российско-казахстанское сотрудничество на современном этапе вышло на новый уровень, носит многоплановый и всеобъемлющий характер. Россия и Казахстан последовательно и во многом сообща решают важнейшие вопросы в экономической, политической, гуманитарной и иных сферах. Между тем сложившаяся в советское время общность взглядов на прошлое народов России и Казахстана, других участников исторического процесса в Центральной Азии в XVII–XVIII вв. в настоящее время распадается на глазах, и происходит это во многом благодаря «стараниям» казахстанской стороны. В этом отношении, как нам представляется, необходим глубокий критический анализ накопленного опыта изучения современной историографией Казахстана казахско-джунгарских, русско-казахских, русско-джунгарских взаимоотношений, а также постановки и организации исследований казахстанских ученых по истории Джунгарского государства, ойратской тематике.

В казахском обществе в связи с текущим процессом становления нового национального государства, каким ныне является

Казахстан, наблюдается усиление интереса к этнокультурной идентичности, что сопровождается поисками своих глубоких исторических корней, а также попытками переосмыслить основополагающие события своей страны. Историография трудов казахских ученых при освещении исторических событий представляет как позитивные, так и негативные стереотипы в исторической науке Казахстана. Положительные процессы выявления новых источников, их дешифровки и перевода, расширения доступа к секретным архивным документам, обусловленного сменой политического курса страны, зачастую используются только в угоду собственным национальным интересам. В казахстанской науке в определенной мере происходит ревизия ранее сложившихся исторических представлений, наблюдается «новое прочтение» истории казахского народа и других народов, взаимодействовавших между собой в центральноазиатском пространстве на протяжении длительного исторического времени. За годы государственного суверенитета в национальной историографии получило активное развитие «историческое мифологизаторство». Данный исторический тип мировоззрения в историографии Казахстана нашел наиболее зримое воплощение в «альтернативной истории», превратно переосмысливающей исторические события по новому видению. Так случилось, например, с некоторыми историческими фактами, касающимися казахско-джунгарских отношений, подвергшихся серьезной корректировке и искажению. К примеру, начиная с 2005 г., в современной казахской историографии появляются научно-популярные статьи Р. Темиргалиева, в предвзятой форме трактующие историю Казахстана. В своей статье «Казахский секрет выживания. Исторические уроки» автор пишет, что исторические источники таят еще массу в должной степени неосмысленной истории о прошлом казахов. Вопреки традиционным историографическим представлениям, он считает, что казахи первыми из кочевников региона освоили огнестрельное оружие. В этом он видит основной и главный секрет казахских военных побед в XVII в. Джунгары, по его мнению находившиеся на низшей стадии технического развития, не имели огнестрельного оружия, что стало причиной их поражения в борьбе с казахскими родами. Как утверждает автор, «именно с исполь-

зованием огнестрельного оружия была связана самая громкая победа над джунгарами в 1643 г., когда всего 600 воинов-казахов сумели в горном проходе остановить 50-тысячное джунгарское ханство» [Темиргалиев 2007]. Между тем известный казахский ученый, доктор исторических наук А. К. Кушкумбаев в своей монографии «Военное дело казахов в XVII–XVIII вв.», опираясь на архивные источники, опровергает ошибочное суждение писателя Р. Темиргалиева об отсутствии у джунгаров огнестрельного оружия: «Джунгарское вооружение состояло в основном из луков, копей, сабель, мечей различных типов, огнестрельного оружия (фитильных ружей, пищалей)» [Кушкумбаев 2001: 114]. О степени распространения огнестрельного оружия среди ойратов свидетельствуют данные, приведенные в работе С. К. Богоявленского. В конце 20-х гг. XVII в. из 6 тыс. калмыцких воинов, находившихся на Эмбе, как отмечает исследователь, «800 имели огнестрельное оружие» [Богоявленский 1939: 65]. Даже по тем временам такое количество воинов, вооруженных ружьями, считалось значительным. Позднее, в XVIII в., у джунгаров появилась и собственная артиллерия. Артиллерийское вооружение было изготовлено на первом по времени создания в Центральной Азии заводе по производству артиллерийских орудий, построенном, как известно, в 1726 г. в Джунгарии (район Иссык-Куля). Возглавлял производство Ренат — бывший сержант шведской армии, захваченный в плен ойратами в 1716 г. Большую роль на первоначальной стадии создания и развития огнестрельного оружия джунгаров сыграли российские военнопленные, «мастерской люд» и просто беглецы, скрывавшиеся по различным причинам на территории ханства. Но это не были специально «засланные казачки» с российской стороны с целью поддержки джунгаров в противостоянии с казахскими родами. Отметим, что Р. Темиргалиев с большими фактологическими неточностями интерпретирует историю казахского государства [Темиргалиев 2009а; 2009в; 2012]. Весьма ошибочно, например, ученый трактует кровно-родственную связь древних монголов и кыпчаков. Некоторые свидетельства, приведенные автором в качестве доказательств, не подтверждают высказанную им гипотезу: они, как говорится, из другого ряда, и больше информируют о военно-тактических целях монгольских

военачальников или же о вполне известных генеалогических связях кыпчаков с определенными племенами древнемонгольских татар.

Писатель, публицист, кандидат экономических наук М. К. Томпиев совместно с исследователем-публицистом, кандидатом физико-математических наук М. Уали издал к 550-летию казахской государственности (1465–2015 гг.) книгу «Эпоха обретения границ» [Томпиев, Уали 2015]. «Оригинальные» аналитические воззрения авторов на казахско-джунгарские отношения в корне отличаются от классических, общепринятых стандартов советской историографии. Как считают авторы книги, к началу XVIII в. джунгарская государственность достигла наивысшего расцвета. В этот период существовали четыре ойратских государств — Джунгарское на Эмеле, Калмыцкое на Волге, Кокунурское (Хошутское) в Северном Тибете, Восточном Туркестане и Западной Монголии, а также Дербето-Хошутское в Сары-Арке. Общая площадь территории ойратских государств достигала 7 млн кв. км; численность самих джунгаров составляла около 1 млн чел., а их подданных — порядка 25 млн чел. Авторы книги искаженно трактуют отдельные исторические события тех времен. Так, по мнению «ойратоведов» (именно так называют себя авторы), Джунгарское ханство уничтожили 25 тыс. маньчжуров, два тумена монголов Ордоса (южные монголы) и один тумен халха-монголов. Получается, что джунгаров уничтожили свои же соплеменники, а казахи не участвовали в боевых сражениях с ними, лишь забирая под свое крыло всех выживших, убежавших во время резни в Джунгарию. Авторы научно-популярной книги тем не менее признают военные успехи джунгаров, заключавшиеся в наличии у них передового военного производства. В частности, они отливали пушки, что в то время умели немногие страны. Джунгарским «ноу-хау» той эпохи может считаться установка пушек и мортир на верблюдов — так называемая «верблюжья» артиллерия. До такого уровня военного производства в степных условиях не поднималось ни одно кочевое общество [Томпиев, Уали 2015].

Авторы учебника для высших и средних учебных заведений «История дореволюционного Казахстана», подготовленного к изданию А. К. Абиловым, также «по-новому» взглянули на историю казахско-джунгар-

ских отношений: эти отношения полны «тяжелых и кровопролитных войн за национальную независимость против жонгарских, русских и китайских захватчиков» [Абилев 1992]. Авторский коллектив подчеркивает ключевую роль казахских родов в тот период времени, выступавших самостоятельными игроками в центральноазиатском пространстве. Между тем, по мнению специалиста высочайшего класса по истории Джунгарского ханства, выдающегося российского ученого В. А. Моисеева, расклад военно-политических сил был несколько иным: «Развитие событий в Центральной Азии во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. во многом определялось соотношением сил, складывавшимся между возникавшими и эволюционировавшими в этом регионе государственными образованиями. То были Джунгария, Казахское ханство, Китай, Россия и, в определенной мере, Коканд, а также другие государства Средней Азии. Каждое из них руководствовалось в своих действиях собственными целями. Казахское ханство не было здесь исключением; более того, в развитии региональной ситуации оно играло лишь ту роль, которая соответствовала его возможностям. А возможности были не велики, что и побуждало казахских властителей искать сильного внешнего союзника. В качестве такового они начинали видеть Россию. Иными словами, роль Казахского ханства в развитии ситуации в Центральной Азии ни в коей мере не была центральной и определяющей. Более того, казахско-джунгарское противостояние отнюдь не было временем тотальных и кровопролитных военных действий и уж ни в коей степени не может быть представлено в качестве мощного движения за национальное освобождение и независимость» [Моисеев 2000: 39]. Нельзя не согласиться с авторитетным мнением и весьма объективной оценкой проф. В. А. Моисеева.

Россия, как считается теперь в Казахстане, имела «проджунгарскую» позицию, натравливая на казахские джусы их «исторического» врага — Джунгарию. Первым миф о преднамеренном вооружении Россией ойратов и использовании Джунгарским ханством артиллерии в войне против казахов создал исследователь дореволюционной истории Казахстана 20-х гг. прошлого столетия М. Тынышпаев [Тынышпаев 1992]. В современном Казахстане

нашлось немало его последователей. Так, например, известный казахстанский «писатель-историк» М. Магауин негативно высказался о «неблаговидной» роли России в казахско-джунгарском конфликте: «Руководство производством оружия — лишь часть той огромной работы, которую проводили пленные шведские и русские офицеры. Нет сомнения в том, что они проводили образцово-показательные занятия по военному искусству Европы нового времени, давали ценные советы в ходе сражений по поводу той или иной конкретной битвы. Тучи над казахами сгущались» [Магауин 1997: 98].

Кандидат технических наук К. Данияров в «Альтернативной истории Казахстана» ничтоже сумняшеся утверждает: «Накапливая силы на северных и западных границах Казахстана для продвижения вглубь территории по Уралу, Есилью (Ишиму) и Иртышу, Российская империя наряду с этим организовывала вторжения джунгаров на территорию Казахского ханства с юга. <...> В свою очередь она приступила к вооружению и укреплению джунгаров, для чего через Кузнецк (Кемеровская область) постоянно передавала им огнестрельное оружие и посылала к ним научных специалистов» [Данияров 1998: 42].

Во втором томе четырехтомной «Иллюстрированной истории Казахстана», сказано: «Следуя доктрине Петра I о том, что „Русь должна произрастать Сибирью“, дороге в которую прорубил беглый казак Ермак, российский генштаб разработал план, по которому было необходимо ослабить два степных народа, кочевых и воинственных, лежащих у них на пути на Восток. <...> По этому плану и был послан Иоганн Густав Ренат к калмыкам, причем с необходимым для первого времени вооружением и деньгами. В случае успешной миссии, т. е. победы калмыков над казахами, Ренату обещали свободу и вознаграждение» [Иллюстрированная история Казахстана 2005: 184].

Как отмечается в «Очерках по истории Республики Казахстан», Россия специально натравливала ойратов на казахов, вооружала джунгаров огнестрельным и даже артиллерийским оружием, а затем, «воспользовавшись трудным положением казахов, проводила политику глубокого проникновения в казахскую землю, с целью установить там свое господство» [Очерки по истории... 1992: 37].

По мнению академика М. К. Козыбаева¹, разгром отрядом Ермака Сибирского ханства стал первым шагом к колонизации Казахстана: «Поход Ермака явился одним из эпизодов в длинной череде агрессивных внешнеполитических акций русского самодержавия, предпринятых для уничтожения сопредельных государственных образований и расширения за счет этого подвластных Русскому государству территорий» [Козыбаев 1991: 151]. К сожалению, известный казахский ученый концептуально меняет устоявшееся в российской и казахской историографии положение о добровольном вхождении Казахстана в состав Российской империи. Соглашаясь с тем, что после принятия Российского подданства в Казахстане произошли позитивные изменения, М. К. Козыбаев отмечает такие негативные последствия «русской колонизации», как русификация, изъятие казахских земель, ограничение элементарных человеческих прав, разрушение территориальной целостности [Козыбаев 2006]. Впоследствии, опираясь на методологию академика М. К. Козыбаева, изданы учебники по истории Казахстана для студентов и преподавателей вузов [История Казахстана в документах... 2011; История Казахстана 2011: учебник... 2011].

Вторит академику Т. А. Тулебаев, один из авторов в учебнике «Истории древнего мира» для 5 класса общеобразовательной школы, твердо убежденный в «колониальной политике, которую проводила Россия в Казахстане». Царские колонизаторы, по его мнению, «просто разделили казахский народ на три части по признаку „жуза“. И тонко проводили политику противопоставления их друг другу. <...> Это не только сохранило родоплеменное деление, но и еще больше усугубило положение» [Тулебаев 2005: 171–172]. Подобным утверждением казахский историк вольно или невольно опровергает исторический факт долговременного бытования у казахов трехчленной генеалогической организации и развития в казахском обществе структур трайбалистского массового сознания.

Ряд писателей, ученых и историков в своих изданиях характеризует политику России к Казахстану с момента принятия

им российского подданства как «колонизаторскую», «живодерскую», а также — как «геноцид казахского народа» [Абилов 1993; Рахимбекова 2013 и др.]. По мнению А. К. Рахимбековой, «колонизация представлялась решающим фактором русской истории, обусловившим характерные черты социального и государственного развития России» [Рахимбекова 2013: 100].

Такие утверждения о жестокой колониальной политике России — не единичные и имеют место быть в различных изданиях, вышедших в современном Казахстане. В настоящее время, когда активно развиваются добрососедские отношения между Россией и Казахстаном в области экономики, политики и социальной сферы, у нового поколения казахстанцев подобного рода публикации четко формируют негативный образ России. Было бы как-то понятно, если в искаженном, тенденциозном свете рассуждали «физики» и «лирики», т. е. люди, далекие от исторической науки. Но, как видим, и в самом цеху историков появляется все больше работ, намеренно искажающих правду истории. И все же справедливости ради надо сказать, что не все ученые-историки разделяют взгляды псевдоноваторов от истории. Один из ведущих специалистов по отечественной истории, профессор Н. Э. Масанов выражал серьезную озабоченность судьбой исторической науки и приложил немало усилий по разоблачению мифов отечественной истории [Масанов 2007; 2011].

Военный конфликт с Джунгарией теперь именуется в Казахстане «Отечественной войной». Данное утверждение находит поддержку на самом высоком уровне. Президент Н. А. Назарбаев в своей приветственной речи, посвященной пятилетию независимости Республики Казахстан, назвал «Великой Отечественной войной» казахов военные казахско-джунгарские столкновения. Выигранная казахами битва на реке Буланты в 1726 г. (в других источниках — 1727 г.), по его мнению, «не имела себе равных в новой истории Евразии как по масштабам, так и по своим последствиям» [Назарбаев 1997: 76].

В целом в современной казахской историографии по истории Джунгарского ханства наблюдается определенная устойчивость и жизнестойкость мифологических стереотипов восприятия исторического прошлого, их способность приспосабливаться

¹ Директор Института истории и этнологии (1988–2002 гг.), академик, инициатор Концепции исторического образования в Республике Казахстан.

под воздействием новых вызовов. Особую тревогу для российской общественности представляет тема «ревизии» истории взаимоотношений между Россией и Казахстаном, в частности реанимация различных аспектов в период позднего Средневековья — периода Джунгарского ханства. Некоторые «историки-публицисты», ультрапатриотически настроенные деятели в Казахстане, в том числе и среди официальной власти, намеренно искажают и принижают роль России в историческом процессе того времени и видят в ней только «агрессора», «колонизатора», «захватчика», «натравливателя» друг на друга народов и т. п., необоснованно переоценивают отдельные факты в истории казахско-джунгарских отношений. Эти ненаучные волюнтаристские домыслы фальсификаторов истории должны быть, безусловно, отвержены как несостоятельные путем подкрепления правдивыми историческими фактами. Необходимо объективное исследование политики Джунгарского ханства в отношении государств и народов Казахстана, Средней Азии и Сибири во всей ее глубине, сложности и противоречивости. Тем более, что в зарубежной и, прежде всего в китайской, историографии по-прежнему сохраняется тенденция искажения политики Российского государства в Центральной Азии, и в то же время происходит извращение внешнеполитических связей Джунгарского ханства. Как было отмечено выше, нужен взвешенный и критический подход к некоторым научным оценкам Джунгарского ханства, сложившимся в современной исторической науке Казахстана. Стремление выстроить национальную историю не по тому, как это было на самом деле, а по заранее выкроенным лекалам, вряд ли приведет к достижению научной истины.

Н. Масанов дает объяснение методологическому плюрализму и инновационным концепциям, появившимся в современном Казахстане: «Травмированное сознание общества в переходные периоды воспринимает мифы как живительный бальзам, поскольку они компенсируют психологический дискомфорт, вызванный разочарованиями настоящего времени, снимают как реальные, так и, по большей части, мнимые комплексы неполноценности, разъедающие конфликтное сознание» [Масанов 2007: 38–39]. С мнением исследователя можно согласиться, но следует особо подчеркнуть: поскольку история все-таки формирует со-

знание молодого поколения, было бы крайне желательно, чтобы происходило объективное осмысление прошлого, в частности, истории феодально-государственных образований центральноазиатского пространства; с тем чтобы общество как в России, так и в Казахстане вынесло правильное понимание прошлого и реально сопоставило с будущим своих государств.

Литература

- Абилев А. К. История дореволюционного Казахстана. Учебник. Алма-Ата, 1993. 32 с.
- Абусеитова М. Х. Казахское ханство во второй половине XVI в. Алма-Ата: Наука, 1985. 103 с.
- Апполова Н. Г., Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII веках. Рецензия // Вопросы истории, 1972. № 2. С. 151–155.
- Бартольд В. В. Калмыки // Собр.соч. в 9 т. Т. 5. М.: Наука, 1968. 757 с.
- Бобров Л. Россия-Казахстан. Военно-политическое сотрудничество XVI–XIX вв. // MagilikEl. 2014. № 1(3) 02. С. 44–49.
- Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // Исторические записки. М., 1939. Т. 5. С. 48–101.
- Данияров К. Альтернативная история Казахстана. Алматы: Жибекжолы, 1998. 208 с.
- Ерофеева И. В. Русско-джунгарские отношения в 40-х гг. XVII в. и Казахстан (Посольство К. Миллера) // Из истории международных отношений в Центральной Азии (средние века и новое время). Алма-Ата, 1990. С. 43–46.
- Иллюстрированная история Казахстана. С древнейших времен до наших дней. В 4-х т. Т. 2. Казахстан с эпохи Золотой орды до середины девятнадцатого столетия / авт.-сост. О. Жанайдаров. Алматы: Казах энциклопедиясы, 2005. 294 с.
- История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 1. Алматы: Изд-во LEM, 2011. 436 с.
- История Казахстана: Учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. Алматы: Алматы китапбаспасы, 2011. 312 с.
- Козыбаев М. К. История и современность. Алма-Ата: Гылым, 1991. 256 с.
- Козыбаев М. К. Отечественная история XX века: мифы и реальность // Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана (избранные труды). Алматы: Гылым, 2006. С. 158–179.
- Кукеев Д. Г. К вопросу о новых тенденциях в современной китайской историографии // Вестник КИГИ РАН. 2011. № 2. С. 7–11.

- Кушкумбаев А. К. Военное дело казахов в XVII–XVIII вв. (XVII–XVIII вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 172 с.
- Магауин М. Азбука казахской истории: Документальное повествование. Алматы: Казахстан, 1997. 214 с.
- Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевников. Изд. 2-е, доп. / сост. Л. Е. Масанова, И. В. Ерофеева. Алматы: Print-S, 2011. 740 с.
- Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 276 с.
- Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.
- Моисеев В. А. Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII веках и политика России // Вестник Евразии. 2000. Вып. 2. С. 22–43.
- Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. (Очерк внешнеполитических отношений). Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. 175 с.
- Назарбаев Н. А. Независимость Казахстана: уроки истории и современность. Доклад на торжественном собрании, посвященном 5-летию независимости Республики Казахстан. Алматы: Казахстан, 1997. 120 с.
- Очерки по истории Республики Казахстан: уч. пособие для поступл. в высш. и сред.-спец. учеб. заведения. Алма-Ата, 1992. 106 с.
- Рахимбекова А. К. Колонизация как историко-географическая проблема: на примере Казахстана (к вопросу методологии). М.: Сыктывкар, 2013. С. 100–104.
- Темиргалиев Р. Ак-Орда. История казахского ханства. Алматы: VoxPopuli, 2012. 296 с.
- Темиргалиев Р. Джунгары в истории Казахстана. Необъективная история, 2007 [электронный ресурс] // URL: <http://www.altyn-orda.kz/temirgaliev-dzhungary-v-istorii-kazakhstananeobektivnaya-istoriya/> (дата обращения: 15.12.2016).
- Темиргалиев Р. Казахский секрет выживания. Исторические уроки [электронный ресурс] // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1337414280> (дата обращения: 15.12.2016).
- Темиргалиев Р. Настоящая история Казахского ханства. Караганда: Гласир, 2009. 324 с.
- Темиргалиев Р. Эпоха последних батыров (1680–1780). Алматы: Print-S, 2009. 290 с.
- Томпиев М. К., Уали М. Эпоха обретения границ. Алматы: КазАПСМ, 2015. 581 с.
- Тудебаев Т. А. История древнего мира. Учебник для 5 класса общеобразовательной школы. Алматы: б/и, 2005. 176 с.
- Тынышпаев М. История казахского народа. Алматы: Казахский ун-т, 1993. 224 с.
- Хэ Тяньцзин. Миндаймэнгу ши луныцзи (Очерки по истории Монголии во времена династии Мин). Пекин: Шануиньшугуань, 1984. 480 с.
- Chiba Muneo. Jungaruno Chosho // Karaburan: Kuroisuna-arashi, 2 vols. Tokyo: Kokushokankokai, 1986. 200 p.

References

- Abilev A. K. *Istoriya dorevolutsionnogo Kazakhstana* [A history of pre-revolutionary Kazakhstan]. Almaty, 1993, 32 p. (In Russ.).
- Abuseitova M. Kh. *Kazakhskoe khanstvo vo vtoroy polovine XVI v.* [The Kazakh Khanate from the mid to late 16th century]. Almaty, Nauka Publ., 1985, 103 p. (In Russ.).
- Appolova N. G., Basin V. Ya. *Rossiya i kazakhskie khanstva v XVI–XVIII vekakh. Retseziya* [Russia and Kazakh Khanates in the 16th–18th cc. A review of the book]. *Voprosy istorii* [Question of History journal], 1972, No. 2, pp. 151–155 (In Russ.).
- Bartol'd V. V. *Kalmyki // Sobr.soch. v 9 t. T. 5* [The Kalmyks. Collected works. In 9 vol. Vol. 5]. Moscow, Nauka Publ., 1968, 757 p. (In Russ.).
- Bobrov L. *Rossiya-Kazakhstan. Voенно-politicheskoe sotrudnichestvo XVI–XIX vv.* [Russia-Kazakhstan. The 16th–19th cc. military and political collaboration]. *Mangilik El* [Mangilik El journal], 2014, No. 1(3) 02, pp. 44–49 (In Russ.).
- Bogoyavlenskiy S. K. *Materialy po istorii kalmykov v pervoy polovine XVII v.* [Materials on the history of the Kalmyk people from the early to mid 17th c.]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes journal]. Moscow, 1939, vol. 5, pp. 48–101 (In Russ.).
- Daniyarov K. *Al'ternativnaya istoriya Kazakhstana* [An alternative history of Kazakhstan]. Almaty, Zhibekzholy Publ., 1998, 208 p. (In Russ.).
- Erofeeva I. V. *Russko-dzhungarskie otnosheniya v 40-kh gg. XVII v. i Kazakhstan (Posol'stvo K. Millera)* [Russian-Dzungar relations in the 1640s and Kazakhstan (Miller's embassy)]. *Iz istorii mezhdunarodnykh otnosheniy v Tsentral'noy Azii (srednie veka i novoe vremya)* [Excerpts from the history of international relations in Central Asia (the Middle Ages and early modern period)]. Almaty, 1990, pp. 43–46 (In Russ.).
- Illyustrirovannaya istoriya Kazakhstana. S drevneyshikh vremen do nashikh dney. V 4-kh t. T. 2. Kazakhstan s epokhi Zolotoy ordy do srediny devyatnadsatogo stoletiya / avt.-sost. O. Zhanaydarov* [An illustrated history of Kazakhstan: from the ancient times to the present

- days. In 4 vol. Vol. 2. Kazakhstan from Golden Horde era to the mid-19th c.]. Almaty, Kazakh Entsiklopediyasy Publ., 2005, 294 p. (In Russ.).
- Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: Al'manakh. Vyp. 1* [History of Kazakhstan in documents and materials: an almanac. Iss. 1]. Almaty, LEM Publ., 2011, 436 p. (In Russ.).
- Istoriya Kazakhstana: Uchebnik dlya vuzov. 4-e izd., pererab. i dop.* [A history of Kazakhstan. A university textbook. 4th ed., revised and suppl.]. Almaty, Almaty Kitapbaspasy Publ., 2011, 312 p. (In Russ.).
- Kozybaev M. K. *Istoriya i sovremennost'* [History and contemporaneity]. Almaty, Gylym Publ., 1991, 256 p. (In Russ.).
- Kozybaev M. K. *Otechestvennaya istoriya XX veka: mify i real'nost'* [Homeland history of the 20th c.: myths and reality]. *Problemy metodologii, istoriografii i istochnikovedeniya istorii Kazakhstana (izbrannye trudy)* [History of Kazakhstan: problems of methodology, historiography and source studies]. Almaty, Gylym Publ., 2006, pp. 158–179 (In Russ.).
- Kukeev D. G. *K voprosu o novykh tendentsiyakh v sovremennoy kitayskoy istoriografii* [Revisiting the new trends in modern Chinese historiography]. *Vestnik KIGI RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2011, No. 2, pp. 7–11 (In Russ.).
- Kushkumbaev A. K. *Voennoe delo kazakhov v XVII–XVIII vv.* [The 17th–18th cc. military art of the Kazakhs]. Almaty, Dayk-Press, 2001, 172 p. (In Russ.).
- Magauin M. *Azbuka kazakhskoy istorii: Dokumental'noe povestvovanie* [An ABC of Kazakh history. A documentary narrative]. Almaty, Kazakhstan Publ., 1997, 214 p. (In Russ.).
- Masanov N. E. *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva. Izd. 2-e, dop. / sost. L. E. Masanova, I. V. Erofeeva* [The Kazakh nomadic civilization: basic life-sustaining activities in a nomadic community]. Almaty, Print-S Publ., 2011, 740 p. (In Russ.).
- Masanov N. E., Abylkhozhin Zh. B., Erofeeva I. V. *Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoy istoriografii Kazakhstana* [Scholarly knowledge and mythologization in the historiography of modern Kazakhstan]. Almaty, Dayk-Press Publ., 2007, 276 p. (In Russ.).
- Moiseev V. A. *Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi (XVII–XVIII vv.)* [The Dzungar Khanate and the Kazakhs (the 17th–18th cc.)]. Almaty, Gylym Publ., 1991, 238 p. (In Russ.).
- Moiseev V. A. *Dzhungaro-kazakhskie otnosheniya v XVII–XVIII vekakh i politika Rossii* [The 17th–18th cc. Dzungar-Kazakh relations and Russia's policies]. *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia], 2000, Iss. 2, pp. 22–43 (In Russ.).
- Moiseev V. A. *Rossiya i Dzhungarskoe khanstvo v XVIII v. (Ocherk vneshnepoliticheskikh otnosheniy)* [Russia and the Dzungar Khanate in the 18th c. A review of external political relations]. Barnaul, Altai State University Press, 1998, 175 p. (In Russ.).
- Nazarbaev N. A. *Nezavisimost' Kazakhstana: uroki istorii i sovremennost'. Doklad na torzhestvennom sobranii, posvyashchennom 5-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan* [Kazakhstan's independence: lessons of history and contemporaneity. A report at the official meeting celebrating the 5th anniversary of the state's independence]. Almaty, Kazakhstan Publ., 1997, 120 p. (In Russ.).
- Ocherki po istorii Respubliki Kazakhstan: uch. posobie dlya postupl. v vyssh. i sred.-spets. ucheb. zavedeniya* [Sketches on the history of the Republic of Kazakhstan. A textbook for university and college applicants]. Almaty, 1992, 106 p. (In Russ.).
- Rakhimbekova A. K. *Kolonizatsiya kak istoriko-geograficheskaya problema: na primere Kazakhstana (k voprosu metodologii)* [Colonization as a historical and geographical problem: evidence from Kazakhstan (revisiting the methodology)]. Moscow, Syktyvkar, 2013, pp. 100–104 (In Russ.).
- Temirgaliev R. *Ak-Orda. Istoriya kazakhskogo khanstva* [The White Horde. A history of the Kazakh Khanate]. Almaty, Vox Populi Publ., 2012, 296 p. (In Russ.).
- Temirgaliev R. *Dzhungary v istorii Kazakhstana. Neob'ektivnaya istoriya, 2007 [elektronnyy resurs]* [Dzungars in Kazakhstan's history. A prejudicial approach]. Available at: <http://www.altyn-orda.kz/r-temirgaliev-dzhungary-v-istorii-kazakhstan-neobektivnaya-istoriya/> (accessed: 15 December 2016) (In Russ.).
- Temirgaliev R. *Kazakhskiy sekret vyzhivaniya. Istorieskie uroki [elektronnyy resurs]* [The Kazakh secret of survival. Lessons of history]. Available at: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1337414280> (accessed: 15 December 2016) (In Russ.).
- Temirgaliev R. *Nastoyashchaya istoriya Kazakhskogo khanstva* [The actual history of the Kazakh Khanate]. Karaganda, Glasir Publ., 2009, 324 p. (In Russ.).
- Temirgaliev R. *Epokha poslednikh batyrov (1680–1780)* [The last heroes' era (1680–1789)]. Almaty, Print-S Publ., 2009, 290 p. (In Russ.).

- Tompiev M. K., Uali M. *Epokha obreteniya granits* [The frontier formation era]. Almaty, KazAPSM Publ., 2015, 581 p. (In Russ.).
- Tulebaev T. A. *Istoriya drevnego mira. Uchebnik dlya 5 klassa obshcheobrazovatel'noy shkoly* [A history of the ancient world. A textbook for 5th-grade pupils]. Almaty, 2005, 176 p. (In Russ.).
- Tynyshpaev M. *Istoriya kazakhskogo naroda* [A history of the Kazakh people]. Almaty, Kazakh State Univ. Press, 1993, 224 p. (In Russ.).
- Khe Tyan'tsin. *Mindaymengu shi lun'tszi (Ocherki po istorii Mongolii vo vremena dinastii Min)* [Sketches on the history of Mongolia during the Ming dynasty]. Beijing, Shanuinshuguan Publ., 1984, 480 p. (In Chinese).
- Chiba Muneo. *Jungaruno Chosho* // Karaburan: Kuroisuna-arashi, 2 vols. Tokyo: Kokushokan-kokai, 1986. 200 p. (In Japanese).

УДК 930(574):94 "17/18"

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КАЗАХСТАНА

Екатерина Николаевна Бадмаева¹

¹ доктор исторических наук, заведующий, отдел истории, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru.

Аннотация. Рассмотрение связей между Джунгарским и Казахским ханствами в XVII — первой половине XVIII вв. показывает, какую важную и значительную роль играли ойраты в исторических процессах, происходивших в Центральной Азии в рассматриваемый период. Между тем сложившаяся и устоявшаяся в советское время общность взглядов на прошлое народов России и Казахстана, других участников исторического процесса в Центральной Азии в XVII—XVIII вв. в настоящее время распадается на глазах. В этом отношении необходим глубокий критический анализ накопленного опыта изучения современной историографией Казахстана казахско-джунгарских, русско-казахских, русско-джунгарских взаимоотношений, а также постановки и организации исследований казахстанских ученых по истории Джунгарского государства, ойратской тематике. В казахстанской науке в определенной мере происходит ревизия ранее сложившихся исторических представлений, наблюдается «новое прочтение» истории казахского народа и других народов, взаимодействовавших между собой в центральноазиатском пространстве на протяжении длительного исторического времени. За годы государственного суверенитета в национальной историографии получило активное развитие «историческое мифологизаторство». Данный исторический тип мировоззрения в историографии Казахстана нашел наиболее зримое воплощение в «альтернативной истории», превратно переосмысливающей исторические события по новому видению. Так, казахско-джунгарские отношения подвергаются в казахской историографии серьезной корректировке и искажению. В заявленной нами статье детально проанализированы некоторые труды современной казахской историографии по истории Джунгарского ханства и представлены как позитивные, так и негативные стереотипы в исторической науке Казахстана.

Ключевые слова: современная казахская историография, Джунгарское ханство, казахско-джунгарские взаимоотношения, мифологизаторство, казахские исследователи.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 24–31, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-24-31
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94

A Historical Aspect of Mazan Baatar's Biography

A. Basang¹

¹ M. A., Assistant Lecturer, School of Mongolian Language and Culture, Northwest University for Nationalities (Lanzhou, People's Republic of China). E-mail: a.basang@163.com.

Abstract

With evidence from Russian and Oirat primary sources as well as the oral tradition, the article investigates the ancestry and clan history of Mazan Baatar and clears up some mistakes introduced by previous researchers. Apart from the fact that Mazan Baatar was actually a historical person, the statement found in some sources that his father's name was Öljeitü is wrong: a number of texts written in the Clear Script testify that the latter's name was Očir. Furthermore, Mazan Baatar was a relative of Ayuka Khan of the Torghts. As reflected by Russian archival materials, he held the title 'Prince' and, thus, was a representative of the royal family of the Torghts possessing a high social status in the Kalmyk Khanate. Members of the Erketen clan within the Volga Torght Khanate were not mentioned as Mazan Baatar's subjects but had been first attested in the time of his great-grandfather, Cecen Noyan, and might have existed even earlier. Taking part in numerous wars and battles, Mazan Baatar spread the fame of his clan and got it deeply ingrained in the memory of the Oirat people so that even in the time of his son Yaman the Erketen clan retained its independence. After Yaman's death reported to have been Mazan Baatar's most eminent son, the internal turmoil, disputes and struggle for leadership among the nobility of the Torght Khanate — which was aggravated by Russia's pressure — resulted in the fact that the Erketen clan was successively ruled by different nobles and, finally, became subject to Russia while some of its branches were absorbed by the diverse Kalmyk clans.

Keywords: Mazan Baatar, genealogy, ancestry, subjects.

Судалгааны үндсэн хэсэг

Торгуудчууд бол монгол туургатны доторх Ойрадын нэг салаа мөн. 17 дугаар зууны хориод оны үеэр торгуудын түрүү Хоо өрлөг угийн Зүүнгарын нутгаасаа салаад, казахын тал нутгийг өнгөрч, Урал мөрөн, Ижил мөрний өргөн уудам нутаг дэвсгэрийг эзэлж амьдрал. Түүний хойно Зүүнгарын нутгаас Дөрвөд, Хошууд, Өөлдүүд ирж тэдний бүрэлдэхүүнд орж Ижил мөрөн ба Дон мөрний хөвөө хязгаараар малжин амьдарч Торгууд хаант улсыг байгуулав. Торгуудын Шүхэр дайчингийн үеэс аван Аюк хааны цаг үе хүртэл торгууд хаант улс нь аж ахуй, улс төрийн талаар нилээд хүчирхэг улс байв. Мазан баатар бол энэхүү торгууд хаант улсын Шүхэр дайчин хааны цаг үеэс

аван Аюк хааны цаг үе хүртэл амьдарч байсан бөгөөд тэдний хамгийн шилдэг баатрын нэгэнд тооцогдож байсан хүмүүн болно. Зарим эрдэмтнээс Мазан баатрын амьдарч байсан цаг үе ба намтар түүхийн тухай адил бус үзэл баримтлалаа дурдаж өнгөрсөн юм. Үүнд: Ц. Төлөмжцэцэгээс «Аюк хаанаас Астрахань мужийн цэрэг, засгийн ноёдуудад явуулсан бичгүүдийн тухай» гэх өгүүлэлдээ Аюк хаан болон түүний сайд түшмэлүүдийн 1714–1724 оны хоорондох захидал харилцааны бичгүүдийн нэг хувь тод монгол үсгийн захидалд суурилж «баянголд марал чих гэсэн морины үүлдэр байдаг. Торгуудын дотор Мазаны тухай түүхэн дуу болон домог байдаг. Тус бичгээс үзвэл түүхэнд Мазан хэмээсэн

үнэн хүмүүн байж, Аюк хааны элчээр Орост очиж байжээ» [Төлөмжцэцэг 2015: 57] хэмээн энэхүү Аюк хаанаас астрахань мужийн цэрэг засгийн ноёдод өгсөн захидал бичигт гардаг «элч Мазан»-г халимаг ба Шинжааны Ойрад монголчуудын домог дурсамжийн түүхэнд арвин гардаг «манай тохой нутагтай, марал чихэн адуутай, манай ноён Мазан баатар» буюу торгууд хаант улсын түүхэнд нэр нөлөөтэй явсан Мазан баатартай нэг хүмүүн хэмээн эндүүрч буруу тайлбар хийж өгүүлсэн байна. Мазан баатрын тухай одоохондоо олдож байгаа хамаг анхны мэдээлэл нь Москвагийн Үндэстэний Архивт хадгалагдаж буй «1661 оны 11 сарын 20-ий өдөр, оросын зуутын толгойлогч Г. Голоцлофийн халимгийн тайж нарын тухай бичиг» [Самоковсова 1901: 460] юм. Энэхүү 1661 оны Оросын данс архивын материалд Мазан баатрыг «тайж» цолтой хүмүүн байсан гэх мэдээлэл болон Москвагийн Үндэстэний Архивт хадгалагдаж байгаа Мазан баатрын нас барсантай холбогдох хоёр хувь тод монгол үсгийн захидал бичиг [Бичеев] болон герман улсын эрдэмтэн П. С. Палласын номд «1683 оны 8 сарын сүүлчээр Урал мөрний казак нь Мазан баатрын нутаг уруу гэнэтийн их дайралт хийх үес Мазан баатар хүнд шархадсан байна. Хэдэн өдрийн дараа шархнаасаа болж Урал мөрний Яик хотод нас барсан байна» [【德】P.S.帕拉斯著 2002: 68] гэж тэмдэглэснээс үзвэл Мазан баатар 17 дугаар зууны 80-аад оны эхний үе хүртэл амьдарч байсан нь тодорхой байна. Иймээс дээрх оросын архивын материал болон П. С. Палласын тэмдэглэл дахь Мазан баатар ба Аюк хааны 1714–1724 оны хоорондох захидал харилцааны бичигт гардаг «элч Мазан» бол нэг цаг үеийн хүмүүн биш байсан гэдэг нь тодорхой юм. Ийнхүү бид Ойрад монгол ба оросын түүх бичлэг хийгээд аман уламжлалын материалд суурилж Мазан баатрын удам угсаа болон харъяат ястаны ирэл гаралд холбогдох асуудлыг сүвэгчилье.

Мазан баатрын удам угсааны учир

13 дугаар зууны үеийн сурвалж бичиг болох «Монголын Нууц Товчоон»-оос нааших «Алтан товч», «Эрдэнийн товч», «Шар тууж» зэрэг олон сурвалж бичгүүдэд монголын хаад ноёдын уг язгуурыг бичиж тэмдэглэсэн зүйлс олон бий. Монголчуудын язгуур сэтгэлгээнд «хүмүүн гэж төрөөд, уг удмаа мэдэхгүй бол хээрийн сармагчныг гүйцэхгүй» хэмээн өөрийн уг язгуурын

түүх цадигаа бичиж тэмдэглэдэг уламжлал заншил орчин үе хүртэл уламжлагдсаар ирсэн ба одоо ч уламжлагдаж бий. Ойрад монголын түүх бичлэг ба дурсамж тэмдэглэлүүдэд Мазан баатрын уг язгуурын тухай тэмдэглэсэн зүйлс өдгөө хүртэл цөөн бус үлдэж иржээ. Энэ тухай холбогдол бүхий түүхэн сурвалжийг үндэслэвэл:

1. Хошууд ноён Баатар Увш Түмний туурвисан «Дөрвөн Ойрадын түүх» хэмээх тод үсгийн сударт «Бойгу Өрлөгийн хоёрдогч хөвгүүн Буур, эдний хөвгүүд Цэцэн ноён, Өвүүн тайш, Далай цорж, ноён Убаши энэ дөрвөн. Цэцэн ноёны хөвгүүн Мамзушир, Асмана овог, Архлан ахт, Бөх Ахарай, Дүнихэй, Эцес хүлгэн, Евел, Далай Увшай, Чин. Архлан ахтын хөвгүүн Очир, Диваан, Хай, Хулхай. Очирын хөвгүүн Мазан. Эдний хөвгүүн Яман...» [Дамбийпэлжид, Лижээ 2008: 140–141] гэж тэмдэглэжээ. Энэхүү үе залгамжийн тэмдэглэлийг зурваслаж үзүүлбэл: «Бойгу өрлөг — Буур Цэцэн ноён — Архлан ахт — Очир — Мазан — Яман» болно.

2. Дундад улсын Шинжааны Ховогсайраас олдсон «Гаван Шаравын тууж хэмээх оршивой» хэмээх тод үсгийн сударт: «...Бойгу өрлөг <...> хоёрдугаар Буурын дөрвөн хөвүүн, их нь Цэцэн ноён, Өвгүй тайш, Далай цорж, ноён Увш. Цэцэн ноёны арван гураван хөвгүүн. Их нь Мамзушир, Асам, Аваг, Архал, Ахт, Бөх хайран, Тенс Мэргэн Тэвнэ, Дурал дайчин, Цөхдий. Ахтын хөвгүүн Очирой, Диван, Нарихулахай гурван. Очиройн зургаан хөвгүүн, их нь Мазан. Мазаны дөрвөн хөвгүүн, их нь Яман. Ямны гураван хөвгүүн... Буурын уг Яман» [Бадай, Алтан-Оргил 1987: 246] гэж тэмдэглэжээ. Үүнийг зурваслаж үзүүлбэл: «Буур Цэцэн ноён — Ахт — Очирой — Мазан — Яман, Ямны гурван хөвүүн» болно.

3. «Гаван шаравын тууж»-ийн өөр нэг тод монгол үсгийн судар нь Оросын Санкт-Петербургийн Дорно дахины салбарын Голстунскийн Архивт хадгалагдаж байсныг Монгол Улсын эрдэмтэн, академич Б. Ринчен Ленинградаас тус сурвалжийн гэрэл зургийн хуулбар эхийг олж, 1967 онд Улаанбаатарт латин галигтай хамт гэрэл зургийн эхийг нь хэвлүүлжээ. Тус сурвалж бичигт: «... Бойгу өрлөг <...> Бойго өрлөгийн хоёр гэрийн хөвүүн <...> хоёр ану Буур <...> Буурын дөрвөн хөвүүн. Их нь Цэцэн ноён, Өвгүй тайш, Далай гурван хөвгүүн. <...> Буурын уг Яман» [Дамбийпэлжид, Лижээ

2008: 160–161] хэмээн тэмдэглэжээ. Энэхүү сурвалж бичигт Бойгу өрлөгөөс эхлэн Цэцэн ноён хүртэл бичиж тэмдэглэснээс бус, харин Мазаны тухай тэмдэглэсэн зүйлс ор мөр үгүй. Гагц буурын уг Яман гэж Мазаны хүүгийн нэрийг бичиж үлдээжээ.

Түүх нь өнгөрсөнд бий болсон хэрэг явдал хийгээд түүний явцыг заадаг болохоор бусдач байдаг боловч түүний түүх бичлэг нь харин биеч байдаг. Дээрх дурдсан Санктпетербургийн Дорнодахины салбар архивт хадгалагдаж буй «Гаван шаравын тууж»-д Бойгу өрлөгөөс эхлэн Мазаны элэнц өвөг Цэцэн ноён хүртэл тэмдэглэжээ. Харин «Хошууд ноён Баатар Увш түмний туурвисан Дөрвөн Ойрдын түүх»-д «Бойгу өрлөг — Буур Цэцэн ноён — Архлан ахт — Очир — Мазан — Яман» хэмээн Бойгу өрлөгөөс Яман хүртэл тэмдэглэсэн байхад, Хувагсайраас олдсон «Гаван шаравын тууж хэмээх оршивой»-д «Бойгу өрлөг — Буур цэцэн ноён — Ахт — Очирой — Мазан — Яман, Ямны гураван хөвгүүн» гэж Бойгу өрлөгөөс Яман, тэрчлэн Яманд гураван хөвгүүн байсан хэмээн тэмдэглэж буй. Дээрх түүх бичлэгүүдээс бид Мазаны эцэг нь Очир, тэрчлэн Мазанд Яман гэдэг хүү байсан мэдээллийг олж болно. Халимаг ба шинжааны ойрдын дунд тархсан «Мазан баатрын тууж», «Мазан баатар», «Ноётны тууж» зэрэг домог яриануудад Мазан баатрыг «Очирын их толгой», «Очирын Мазан» гэж өгүүлэх мөртөө «Мазан баатар» гэх түүхэн дуунд «Эрхэнийн шийр зуслантай билээ, эмнэг зээрд адуутай билээ, эрх Яман хөвүүнтэй билээ, эрхтэний ноён Мазан баатар» [Оконов 1989: 33] гэх буюу «Мазан баатрын шастир» гэх түүхэн дуунд «эрвэлзсэн хүрэнтэй, эрх Яман хөвүүнтэй, Эрхтэний ноён Мазан баатар» [Церенов 1962: 69] хэмээн Мазан баатрын эцэг нь Очир гэдэг байсан жич түүнд Яман гэдэг хүү байсан хэмээн дурсаж дуулдаг нь дээрх түүх бичлэг лугаа тохиролцож бий. Гэхдээ халимагчуудын зарим домог дурсамжид Мазан баатрын эцгийн тухай арай өөр янзаар тайлбарласан байдаг. Тухайлвал, Мазан баатрын наймдугаар үе болох Таисия Сакиловна Тягиновагийн дурсамж тэмдэглэлд «Очирын Мазан гэж үгийн даршуулгаар хэлэгдсэн үг, юун гээд (яагаад — *шилэгч*) гэхүл Мазаны эцэг Өлзийт байсан болдог, Мазаныг бяцханд нь Өлзийт өнгөрч одсон юман, тэгээд Мазан авга Очироо түшээд, өссөн боссон болдог гэж миний бажэй (Тягиновын эцэг — *шилэгч*)

надад хэлж өгөхүл» [Тягинован 2011: 143] гэж тэмдэглэжээ. Бас халимгийн нэрт зохиолч Сайнбилэгийн Хасар (1909–1980)-ын «Заан бодон Мазан баатар» гэх түүхэн найраглалд «Өлзийт ноёны бүлд, өлгийлөх хөвгүүн төрүүш, үрүүд нь цугаар хүүхчүүд, үзэх зовлонд орхош <...> арван сар саатай, агын хөл жийжээ, хүзүүн тасрам хэлтэй, хүмүүн дандам толгойтой, хөвөрдөгөөрөө сараам алт, хөвүүн үрэн төржээ. <...> Өлзийт ноён өнгөрч, өнчрөөд хөвүүн нь үлдэнэ, омогтой тохмоос сөнгөрсөн, Очир авгадаа шүтнэ, Өлзийтийн уран „их толгойт“, өсөөд босоод явна» [Каляев 1962: 171] гэж тэмдэглэжээ. Эдгээр дурсамжид, Мазан баатрын эцэг нь Өлзийт гэдэг хүн байсан бөгөөд түүнийг бага байхад нас барсан тул авга Очирдоо асрагдаж өсчээ хэмээн дурсаж иржээ. Сайнбилэгийн Хасар бол «халимаг шүлэгчдийн дотроос „халимаг ардын шүлэгч“ хэмээх дээд цолыг хүртсэн хоёрдахь хүмүүн» [Каляев 1962] байсан юм. Иймээс Сайнбилэгийн Хасрын түүхэн найраглалд зохиолчийн бодгаль биеийн биеч нөлөө тусгагдсан нь яриан үгүй юм. Ердөө дурсамж нь бодитой оршихуй хийгээд биеч танилтын уялдаанаас бүрэлдсэн болохоор хоёрдахь шинж, зохиомол шинж, будлиант шинжийг бий болгодог. Ийнхүү «Гаван Шаравын тууж» болон «Хошууд ноён Баатар Увш Түмний туурвисан Дөрвөн Ойрдын Түүх» зэрэг түүхэн сурвалж хийгээд олонх аман уламжлалд Мазаны эцэг Очир гэж тодорхой тэмдэглэх буюу ярьж байхад, харин Таисия Сакиловна Тягинова болон Сайнбилэгийн Хасараас Мазаны эцэг Өлзийт хэмээн өгүүлсэн явдал нь дурсамжийн зохиомол шинж буюу будлиант шинжийг бий болгожээ. Иймээс зарим нөхцөлд түүхэн сурвалжийн тэмдэглэл үгүй бол дурсамж нь арай өвөрмөцөлсөн хандаштай болж хувирдаг байна.

Дээр өгүүлсэн Гаван Шарав ба хошууд ноён Баатар Увш түмний туурвисан түүх бичлэгт Мазан баатрын уг язгуурыг «Бойгу өрлөг» гэж тэмдэглэснээс үзвэл тэр нь Аюк хаантай уг гарал нэгтэй болохыг мэдэж болох юм. Учир нь «Бойгу өрлөгийн хоёр гэргийгээс гарсан зургаан хөвүүн, ах нь Зулзаган өрлөг, Буур, Горой, Мангай. Албат гэргийгээс нь гарсан нь Ул Цэнц, Булихан» [Дамбийпэлжид, Лижээ 2008: 29–30] гэж хошууд ноён Баатар Увш Түмний туурвисан «Дөрвөн Ойрдын түүх» гэх тод үсгийн сударт тэмдэглэжээ. Энэхүү

үе залгамжийн тэмдэглэлийг тодорхойлж үзүүлбэл «Бойгу өрлөг — Зулзаган өрлөг — Хоо өрлөг — Шүхэр дайчин — Пунцаг — Аюк» болно. Мазаны үе залгамжийг тодорхойлж үзүүлбэл «Бойгу өрлөг — Буур Цэцэн ноён — Ахт — Очирой — Мазан» болно. Үүнээс үзвэл Аюк болон Мазан баатар нь Бойгу өрлөгөөс салаад тавдугаар үе дээрээ яваа хүмүүс болно. Үүнээс үзвэл Мазан баатар бол торгуудын хаад язгууртны гаралтай хүмүүн байсан байна. Мазан баатрын торгууд хаант улсын түүхэн дахь нийгмийн зэрэг хэргэмийн тухай «Оросын Үндэстэний Эртний Архив баримтууд»-ын «Халимгийн хэрэг явдал» хэмээх хэсэгт «Мазан баатар тайс» (Мазан Батыр тайсе) [Рогожин, Батмаев 2003: 64], «Мазан баатар тайш» (Мазан Батыр тайша) «Музан баатар тайш» (Музан Батыр тайша) [Рогожин, Батмаев 2003: 87] гэх мэт түүний нэр болон зэрэг хэргэмийг хааяа адил бусаар тэмдэглэсэн боловч утгын хувьд нэгдэлтэй юм. Хураангуйлбал, Мазан баатар бол түүхт үнэн хүмүүн байсан мөртөө тод монгол үсгийн түүх бичлэг дахь тэмдэглэлээс үзвэл, Мазан баатрын эцэг нь Өлзийт биш, харин Очир гэдэг хүн байсаныг мэдэж болох юм. Үүнээс гадна оросын данс архивын материалд Мазан баатрыг «тайж» цол өргөмжилж явсан зэрэг материал сэлтээс ажиглавал Мазан баатар бол торгууд хаадын язгуур гаралтай хүмүүн байж торгууд хаант улсад онцгой нийгмийн байр суурьтай байсан гэдгийг мэдэж болох юм.

Мазан баатрын харьяат ястаны учир

Халимагт тархан дэлгэрсэн Мазан баатрын домог яриа хийгээд түүхэн дуунд түүнийг «Эрхтэний ноён Мазан баатар» гэх буюу эсхүл «Эрхтэний хөвүүн Мазан баатар» гэж торгууд хаант улсын эрхтэн аймгийн хүмүүн байсан жич тэр аймгийн ноён байсан гэдгийг илүү товойлгож ярьдаг. Харин Шинжаанд тархсан Мазан баатрын домог ярианд түүний ямар аймгийн хүмүүн байсан тухай өгүүлсэн зүйлс арай харагдах үгүй байна.

«Эрхтэн» гэдэг үгийг үгийн гарлын хувьд өөрөө эзэн мэдэх эрхтэй, чадалтай хүмүүн хэмээн үзэж болох юм. Ойрад монголчуудын олон аймаг угсаатан дотор эрхтэн гэдэг биеэ даасан ястан байсан нь түүхийн сурвалж бичигт ч тэмдэглэгдсэн байдаг. Жишээлбэл, «Зүүнгарын хаант улсын отог ба жасын тоо бүртгэлийн хүснэгт»-д: «Эрхтэн отог (ястан буюу аймаг 焔 — *шилэгч*) нь нэг зайсантай,

таван мянган эрээтэй, хүрдийн зүүн хойт даруй Бадхаш нуурын өмнөх төвлөнд нутаглаж байжээ» [【法】伯希和著1994: 57–66] хэмээн тэмдэглэжээ. Зүүнгарын хаант улсын Эрхтэн ястан нь 1757 оны манжийн хядлагад учран устгагджээ. Дараа нь манжийн дарлалаас зайлан Ижилд хүрсэн нь магад хэмээн зарим эрдэмтдээс судалсан байдаг [Лижээ 2008]. Гэтэл Мазан баатрын амьдарч байсан цаг үе нь 17 дугаар зууны үе болохоор зүүнгарийн хядлагын дараа ижилд хүрсэн эрхтэнтэй холбоо үгүй байх ёстой. Ийнхүү энд Мазан баатрын харьяатын хувиар илэрч байгаа «эрхтэн» хэмээх ястан нь Мазан баатрын хойчсын цаг үед хэрхэн захирагдаж байсаныг шинжлэх явдал болно.

Халимгийн түүхийн эрдэмтэн Авляевийн судалснаар, «халимаг дахь эрхтэн нь Мазан баатрын харьяат иргэний хувиар анх илэрсэн бөгөөд хожим Дондогомбо хаанд эзэмшигджээ» [Авляев 1994] хэмээн үзсэн нь арай буруу тайлбарласан ч болов уу? хэмээн бодож байна. Халимагийн ард иргэдийн аман түүхэд Мазан баатрыг эрхтэн аймгийн хүмүүн байсан хэмээн дурсаж ирсэн нь ч түүхийн үндэслэл баримттай. Энэ тухай П. С. Палласын ижлийн торгуудчуудын дунд хийсэн хээрийн шинжилгээний материалд: «Бойгу өрлөгийн хоёрдугаар хөвгүүн Буур дөрвөн хөвгүүнтэй. Түүний ахмад хөвүүн Цэцэн ноён арван гураван эхнэр авч тоолш үгүй олон үр хүүхэдтэй болсон. Судар бичгүүдэд түүний аль нэг эхнэрээс төрсөн ахмад хөвгүүний нэрийг тэмдэглэж байдаг. Цэцэн ноён үхэсний дараа, олон хөвгүүд нь түүний улсыг туячин хувааж, уг улс нь тархан бутарсан байлаа. Эдгээр уян буурай, чадал тэнхээ үгүй жижиг ноёд эцэстээ арга бус Хоо өрлөг болон түүний залгамжлагчдыг дагаж, тэдний ноёрхлыг хүлээн таньжээ. Хоо өрлөг эдгээр ноёдыг түүний зайсан болгож, онц эрх соёрхосноос торгуудын дотор их эрхтэн хэмээх биеэ даасан нэг отог бүрэлджээ. Бөх, зайсан болон их олон ноёдын төрлийн угсааны энгийн хүмүүс ч гэсэн бүр энэ отгоос гаралтай юм. Энэхүү отгийн зайсан нь үе залгамжлах эрхэм дээд эрхтэй бөгөөд өөрийн аймгаа үр хүүхэддээ хуваан өгөх эрх мэдэлтэй байж, бусад ван ноёдтой адилган харьяат ардаа захирч байдаг. Бойгу өрлөгийн гуравдугаар хөвүүний хойчис бөх тайш хожим нь харьяатаа дагуулан Ижилд ирж Ижлийн торгуудад нийлжээ. Тус угсааны ноёд ядран доройтож, хүчирхэг их торгууд ноёдод эзлэгдэн, тэдний зайсан

болж, нөхцөл байдал нь дээрхтэй адил болжээ. Ингээд торгуудчуудын дотор бас нэг отог бүрэлдэж, тэднийг бага эрхтэн гэдэг болжээ» [【德】P.S.帕拉斯著2002: 59] гэжээ. П. С. Палласын тус мэдээллээс үзэхэд их, бага эрхтэн бол Хоо өрлөгийн дүү нараас бүрэлдсэн мөртөө их эрхтэн нь Мазан баатрын элэнц өвөг Цэцэн ноёны үед нэгэнт биеэ даасан ба аймгийн зайсан нь үе залгамжлах эрхэм дээд эрхтэй бөгөөд өөрийн аймгаа үр хүүхэддээ хуваан өгөх эрх мэдэлтэй байж, бусад ван ноёдтой адилган харъяат ардаа захирч байдаг хэмээн өгүүлжээ. Иймээс зарим эрдэмтдийн судалсан шигээр «Халимаг дахь эрхтэн нь Мазан баатрын харъяат иргэний хувиар анх илэрсэн» хэмээн үзсэн нь арай цаг үе, хүн харын хувьд зөрөөтэй болохыг дээр өгүүлсэн тэмдэглэл гэрчилж болох юм. Ийнхүү халимгийн эрхтэн нь хамаг анх Мазан баатрын харъяат иргэний хувиар илэрсэн биш, харин Мазан баатрын өвөг элэнц Цэцэн ноёны цаг үед оршиж байсан буюу эсхүл түүнээс өмнө байсан гэдгийг мэдэж болох юм.

Мазан баатар нас нөгчисний дараа, эрхтэн аймгийг түүний их хөвүүн Яман хамаарч байжээ. Тэрээр «Яман бол торгууд хаант улсын анхны зайсан мөртөө эрхтэн аймгийн анхны зайсан» [Бакунин 1995: 41] байв. «Аюк хааны цаг үед эрхтэн нь Яман, Дамиран, Хулхайч зайсан зэрэг ах дүү гурвын захиралд оржээ» [Бакунин 1995]. Б. М. Бакунины тэмдэглэлд: «Саратовоос өөд Терешка хэмээх гол дээр Христосын шашныг хүлээн авсан эрхтэний халимгууд тосгон байгуулав. Тэнд бас сүм байв. Эрхтэний тэргүүн зайсан Яманы дүү тосгоныг шатаагаад, Христосын шашинд орсон халимгийг өөрийн эрхшээлд оруулав. Оросын ноёд Аюк ханыг шүүмжилэв. Тэгэхэд эрхтэний ноёд өөрийн албатаа дураараа захирах эрхтэй гэж Аюк хариу өгөв» [Бакунин 1995: 29] хэмээн тэмдэглэжээ. Эдгээрээс үзэхэд Аюк хааны цаг үед эрхтэн нь Мазан баатрын их хөвүүн Яманы харьяанд багтаж, тэрээр өөрийн аймгийн хэрэг учрыг өөрөө шийдвэрлэдэг мөртөө өөрөө эзэн мэдэж хамаардаг байжээ. Үүнээс мөрдвөл, «Эрхтэн» аймгийн үүрэг нь П. С. Палласын өгүүлсэн шиг «Эрхэм дээд эрхтэй бөгөөд өөрийн аймгаа үр хүүхэддээ хуваан өгөх эрх мэдэлтэй байж, бусад ван ноёдтой адилган харъяат ардаа захирдаг» үүрэгтэй байсан гэдгийг улам нэг алхам мэдэжж болох юм. Аюк хаан таалал төгссны

дараа эрхтэн нь хааны хөвүүд Цэрэндондог болон үүний дүү Галданданзаны албат болж оржээ. Торгууд хаант улсад олон удаагийн дотоодын самуурал, эрх суурийн булаалдаан, хаад ноёдын солигдол зэрэг шалтгаанаас болж эрхтэн нь адил бус ноёдод ээлжлэн захирагдаж байжээ. Энэ тухай Б. М. Бакунины тэмдэглэлд: «1734 онд Дондогомбоос халимгийн тал нутагт гэнэт довтложээ. Түүн дотор эрхтэн (Яман болон бусад арван гурван зайсныг баривчилж, тэдний олонх нь шоронд нас баржээ. Яман түүнчилэн таалал болов), таван отог, хавчин, хөвүүн ноёдын зарим хэсэг нь нэгдэж нэгдэж, Дондогомбын харьяанд оржээ» [Бакунин 1995: 72] хэмээн тэмдэглэжээ. Ингээд торгууд хаант улсын түүхэнд биеэ даасан эрхтэн аймгийн нийгмийн байгууламжийн систем нь ч Ямны нас барахтай зэрэг Дондогомбо ханд эзэмшигджээ. Түүний дараа Дондогдаш хааны хөвүүн Увш хаан эрхтэнийг захирч байжээ. Энэ тухай Астрахань дахь халимгийн данс эвхмэлийн материалыг үндэслэвэл: «Уг нь хаант улсын ерөнхий захирагч (Увашийг хэлж буй — *ишлэгч*)-ийн халимаг улсаас салж одсон эрхтэнүүд, баруунууд, багууд одоо Ижил мөрөн уруу нүүдэлж малжихаа хойшуулсан буюу тэнд одоохоо бүр огоорч, гол гатлаж малжих дур үгүй болж одов» [Пальмов 1989: 137]. 1771 жилд торгууд болон хошууд аймаг Увш болон Цэвэгдоржийн дагуулгаар уугуул нутаг зүүнгар уруу нүүхэд эзэн үгүй үлдсэн эрхтэн аймаг хуучин бууриндаа үлдэж хоцроод, хамаг сүүлд нь Увш хааныг дагахаар бодоод үймээн гаргаж байжээ. Энэ тухай Пальмовийн тэмдэглэлд «Н. А. Бекетов дөрвөд улсад, ялангуяа эрхтэний улс (аймаг *火焰* — *ишлэгч*)-д үймээн гарсан баттай чимээг олж сонсосноос хойно, эдгээр улсуудын эзэн, зайсан ба лам нар үймээн гаргасан тэргүүн ялтан гэснийг олж мэдэж, 1771 онд зарлиг буулгаж байгаад Асрах, Маш, Жамъян, Дөрвөд улсын ноёрхогч бага Гэцэл зэрэг ноёд жич тэдгээр улсуудын нэр хүндтэй зайсан ба эрхтэн улсын зайсан нарыг орос халимгийг хольж бүрдсэн цэрэг дотор оруулж Алексей Дондуков гүн хэргэмтэнд захируулаад Кубаний татаруудад хайлуулав» [Пальмов 1989: 185] гэжээ. Эрхтэн отог нь оросыг таалан дагаж хирс (Христосын шашны загалмай — *ишлэгч*) зүүсэн Алексей Дондуков (Дондогомбо хааны Кабардан Зан хатнаас төрсөн хүү)-ын захиралд орж

байснаа сүүлд нь «Алексай Дондуковын ач үр нь гал хонин жил (1787 он)-д Мүгелева хэмээх мужид орос албат нар аваад уг албат эрхтэн, бага цоохор хоёрыг шанд өгвэй. Тэр мэт бага цоохор, эрхтэн хоёр улс ану өөрийн ноёндoo ноёлуулахаа огоороод, анхан оросын шанд орж одсон нь энэ мөн» [Дамбийпэлжид, Лижээ 2008: 78–79] хэмээн «Халимаг хаадын туужийг хурааж бичсэн товч оршивой» хэмээх тод монгол үсгийн сударт тэмдэглэжээ. Эрхтэн аймгийн зайсангууд ингэж үймээн шуугиан дэгдээж байсныг Астраханий захирагч Бекетовийн зарлигаар хориглож эрхтэн аймгийг өөр нутаг руу шилжүүлээд, шинэ газар оронд нүүлгэжээ. Энэ тухай тодруулж өгүүлэхэд «800 шахуу өрх эрхтэний улс Жамъяны хошууд улсад ирэв. Яргачин эрхтэн гэдэг отог их цоохор нутагт оров. Хавчин ангийн 30 шахуу өрх бүл бага дөрвөд нутгийн авганар аймагт тусав, зургаадагч анги нь болов. Тэн гол (Дон мөрөн- — *шилэгч*)-ын хөвөөнд Бозов дотор эрхтэний болон багуудд хоёр аймаг хэзээнээс аван байдаг мөн. Яман зайсангийн цагаас аван эдэн салаад, Хазах улс болов» [Авляев 1990] хэмээн эрхтэн нь уулын торгууд хаант улсын үеийн биеэ дааж эрх мэддэг чухал нэг аймаг байснаасаа оросын ноёдын захиралд хашигдаж сүүлдээ нэг хэсэг нь шууд оросын харьяанд орж, нэг хэсэг нь халимаг ноёдын харьяанд орсон буюу халимгийн торгууд, хошууд, дөрвөд, бозов аймгийн бүрэлдүүнд орж бутарсан байна.

Багцалбал:

1. Мазан баатар бол түүхт үнэн хүмүүн байсан мөртөө өнгөрсний хүмүүсийн дурсамж тэмдэглэл дахь Мазаны эцэг нь Өлзийт байсан гэдэг үзэлт нь буруу байж, Мазаны жинхэнэ эцэг нь Очир байсан гэдгийг тод монгол үсгийн түүх бичлэгүүд гэрчилж байх юм. Тэрчлэн Мазан баатар бол торгуудын Аюк хаантай нэг язгуур ястай хүмүүн байсан жич оросын данс архивын материалд Мазан баатрыг «тайж» цол өргөмжилж явсан гэдгээс үзвэл Мазан баатар бол торгуудын хаадын язгуур гаралтай хүмүүн байж торгууд хаант улсад нийгмийн байр суурь нь өндөр байсан гэдгийг мэдэж болох юм.

2. Ижлийн торгууд хаант улсын эрхтэн аймаг нь хамаг анх Мазан баатрын харьяат иргэний хувиар илэрсэн биш, харин Мазан баатрын элэнц өвөг Цэцэн ноёны үед анх илэрсэн буюу эсхүл түүнээс өмнө

оршиж байжээ. Мазан баатар олон дайн байлдаан дунд өөрийн аймаг ястныхаа нэр дуудуулж ойрадын ард иргэдийн ой цээжинд гүн шингэж түүний хүү Яманы үед ч эрхтэн аймаг нь өөрөө өөрсдийгөө эзэн мэдэж, өөрөө эрх дураараа албат иргэнээ хамаарч байжээ. Мазан баатрын их хөвүүн Яман таалал төгссөний дараа, эрхтэн аймаг нь торгуудын хаад ноёдын олон удааны дотоодын самуурал, эрх суурийн булаалдаан, хаад ноёдын солигдол жич цагаан хаант оросын гар дүрэлт зэрэг шалтгаанаас болж, эрхтэн аймаг нь адил бус ноёдод ээлжлэн захирагдаж хамаг сүүлд нь оросын харьяанд орох буюу эсхүл халимгийн олон аймаг ястаны дунд уусан шингэсэн байна.

Литература

- Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.
- Авляев Г. О. Эркетн улсин туужас // Хальмг үнн. 18.05.1990.
- Бадай, Алтан-Оргил, Эрдэнэ. Ойрад түүхийн сурвалж бичиг (тод монгол үсэг). Урумчи: Шинжааны ардын хэвлэлийн хороо, 1987. 442 с.
- Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступков их ханов и владельцев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Бичеев Б. А. Тус материалыг Оросын Холбооны Халимаг Улсын Нийгмийн Шинжлэх Ухааны судлагч хангав.
- Дамбийпэлжид, Гэ. Лижээ. Монгол хятад харьцуулсан тод үсгийн ойрад монголын түүхийн сурвалж бичгүүд. Урумчи: Шинжааны ардын хэвлэлийн хороо, 2008. 269 с.
- Гээнээн Л. Шинжааны ойрадууд — түүх судлал. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг хэвлэх үйлдвэр, 2008. 118 с.
- Каляев С. К. Антология калмыцкой поэзии. Элиста: Калмгосиздат, 1962. 300 с.
- Пальмов Н. Халимагчууд орост байсан үеийн түүхэн тойм (тод монгол үсэг). Урумчи: Шинжааны ардын хэвлэлийн хороо, 1989. 137 с.
- Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. / сост. Рогожин Н. М., Батмаев М. М. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 316 с.
- Самковасова Д. Я. Акты московскаго государства изданные императорскою академиею науки. Московский столь. 1660–1664. Санкт-Петербург, 1901. Т. 3.

- Төлөмжцэцэг Ц. Аюук хаанаас астрахань мужийн цэрэг, засагийн ноёдод явуулсан бичгүүийн тухай // Ойрад монголын түүх соёлын асуудлууд. Улаанбаатар, 2015. С. 57.*
- Төрскн хазрин дуд / сост. и авт. вступ. ст. Б. Б. Оконов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 318 с.
- Т. С. Тягинован амн урн үгин көрнэгэс. Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 208 с.
- Церенов В. З. Эркетени: Земля и люди. Из истории Черноземелья. Элиста: АПП «Джангар», 1997. 556 с.
- 【德】P.S.帕拉斯著：内陆亚洲额鲁特历史资料，云南人民出版社，昆明，2002. 228 с.
- 【法】伯希和著：卡尔梅克史评注，中华书局，北京，1994. 216 с.
- References**
- Avlyayev G. O. *Proiskhozhdenie kalmytskogo naroda* [The origins of the Kalmyk people]. Elista, Kalm. Book Publ., 2002, 325 p. (In Russ.).
- Avlyayev G. O. *Erktne ulsin tuuzhas* [Excerpts from the history of the Erketen clan]. *Khalimag Ūnen* [Kalmyk Truth newspaper], 18 May 1990 (In Russ.).
- Baday, Altan-Orgil, Erdene. *Oyirad tüükhiyn survalzh bichig (tod mongol üseg)* [Oirat historical sources (in western Mongolian Clear Script)]. Urumqi, Xinjiang People's Publ. House, 1987, 442 p. (In Oirat-Kalm.).
- Bakunin V. M. *Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutskogo i postupkov ikh khanov i vladel'tsev* [Description of the Kalmyk peoples, in particular, Torghut people, and deeds of their khans and landlords]. Elista, Kalm. Book Publ., 1995, 153 p. (In Russ.).
- Bicheev B. A. *Tus materialyg Orosyn Kholboony Khalimag Ulsyn Niygmiyn Shinzhlekh Ukhaany sudlagch khangav* [Private research materials of the scholar from the Republic of Kalmykia (Russia)].
- Dambiypelzhid, Ge. Lizhee. *Mongol khyatad khar'tsuulsan tod üsgiyn oyirad mongolyn tüükhiyn survalzh bichgüüd* [Oirat historical sources written in the Clear Script in comparison with corresponding Chinese and Mongolian compositions]. Urumqi, Xinjiang People's Publ. House, 2008, 269 p. (In Oirat-Kalm., Chinese, Mong.).
- Geeneen L. *Shinzhany oyiraduud — tüükh sudlal* [The Oirats of Xinjiang. Historical studies]. Ulaanbaatar, Soembo Printing, 2008, 118 p. (In Mong.).
- Kalyaev S. K. *Antologiya kalmytskoy poezii* [Anthology of Kalmyk poetry]. Elista, Kalm. State Publ. House, 1962, 300 p. (In Kalm. and Russ.).
- Palmov N. N. *Khalimagchuud orost baysan üeiyn tüükhen toym (tod mongol üseg)* [Essay on the history of the Kalmyk people within Russia's borders (in western Mongolian Clear Script)]. Urumqi, Xinjiang People's Publ. House, 1989, 137 p. (In Oirat-Kalm.).
- Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s kalmytskim khanstvom 1672–1675 gg. / sost. Rogozhin N. M., Batmaev M. M.* [Ambassadorial books for Russia's relations with the Kalmyk Khanate, 1672–1675. Comp. by N. Rogozhin, M. Batmaev]. Elista, Dzhangar Publ., 2003, 316 p. (In Russ.).
- Samokvasova D. Ya. *Akty moskovskogo gosudarstva izdannye imperatorskoyu akademiyeyu nauki. Moskovskiy stol'. 1660–1664* [Acts of Moscow state published by the Imperial Academy of Sciences. 1660–1664]. Saint Petersburg, 1901, vol. 3 (In Russ.).
- Tölömzhtsetseg Ts. *Ayuuk khaanaas astrakhan' muzhiyn tsereg, zasagiyn noedod yavuulsan bichgüüiyn tukhay* [On letters submitted by Ayuka Khan to chiefs of the Astrakhan garrison, his own nobles and landlords]. *Oyirad mongolyn tüükh soelyn asuudluud* [Questions of the history of the Oirat Mongols]. Ulaanbaatar, 2015, p. 57 (In Mong.).
- Törskn hazrin dud / sost. i avt. vstup. st. B. B. Okonov* [Songs of the Motherland. Comp. and introd. by B. Okonov]. Elista, Kalm. Book Publ., 1989, 318 p. (In Kalm.).
- T. S. *Tyaginovan amn urn ügin körngäs. Fol'klornye materialy iz repertuara T. S. Tyaginovoy. Samozapis' 2004–2010 gg. / predisl. N. G. Ochirovoy, sost., komment. B. B. Goryaevoy* [Folklore materials from T. Tyagina's repertory. Records of 2004–2010. Introd. by N. Ochirova, comp. and comment. by B. Goryaeva]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Inst. for Humanities of the RAS, 2011, 208 p. (In Kalm. and Russ.).
- Tserenov V. Z. *Erketeni: Zemlya i lyudi. Iz istorii Chernozemel'ya* [The Erketens: land and people. Excerpts from the history of Chernozemeliye]. Elista, Dzhangar Publ., 1997, 556 p. (In Russ.).
- 【德】P.S.帕拉斯著：内陆亚洲额鲁特历史资料，云南人民出版社，昆明，2002. 228 p.
- 【法】伯希和著：卡尔梅克史评注，中华书局，北京，1994. 216 p.

УДК 94

Мазан баатарын намтар түүхийн шинжлэл (Биография Мазан батыра и исторический аспект)А. Басан¹

¹ преподаватель, Северо-Западный Университет национальностей (Ланьчжоу, Китай). E-mail: a.basang@163.com.

Аннотация. Тус өгүүлэлд орос ба ойрдын түүх бичлэг жич аман уламжлалын материалд суурилан, Мазан баатрын удам угсаа хийгээд харьяат ястныг судлан шинжлэхийн зэрэгцээгээр өнгөрсний эрдэмтдийн Мазан баатарт холбогдох зарим ойлголт танилтын эндүүрэлд залруулга хийсэн байна.үүнд Мазан баатар бол түүхт үнэн хүмүүн байсан мөртөө өнгөрсний хүмүүсийн дурсамж тэмдэглэл дахь Мазаны эцэг нь Өлзийт байсан гэдэг үзэлт нь буруу байж, Мазаны жинхэнэ эцэг нь Очир байсан гэдгийг тод монгол үсгийн түүх бичлэгүүд гэрчилж байх юм. Тэрчлэн Мазан баатар бол торгуудын Аюк хаантай нэг язгуур ястай хүмүүн байсан жич оросын данс архивын материалд Мазан баатрыг «тайж» цол өргөмжилж явсан гэдгээс үзвэл Мазан баатар бол торгуудын хаадын язгуур гаралтай хүмүүн байж торгууд хаант улсад нийгмийн байр суурь нь өндөр байсан юм. Ижлийн торгууд хаант улсын эрхтэн аймаг нь хамаг анх Мазан баатрын харьяат иргэний хувиар илэрсэн биш, харин Мазан баатрын элэнц өвөг Цэцэн ноёны үед анх илэрсэн буюу эсхүл түүнээс өмнө оршиж байжээ. Мазан баатар олон дайн байлдаан дунд өөрийн аймаг ястныхаа нэр дуудуулж ойрадын ард иргэдийн ой цээжинд гүн шингэж түүний хүү Яманы үед ч эрхтэн аймаг нь өөрөө өөрсдийгөө эзэн мэдэж, өөрөө эрх дураараа албат иргэнээ хамаарч байжээ. Мазан баатрын их хөвүүн Яман таалал төгссөний дараа, эрхтэн аймаг нь торгуудын хаад ноёдын олон удааны дотоодын самуурал, эрх суурийн булаалдаан, хаад ноёдын солигдол жич цагаан хаант оросын гар дүрэлт зэрэг шалтгаанаас болж, эрхтэн аймаг нь адил бус ноёдол ээлжлэн захирагдаж хамаг сүүлд нь оросын харьяанд орох буюу эсхүл халимагийн олон аймаг ястаны дунд уусан шингэсэн байна.

Ключевые слова: Мазан баатар; удам угсаа; харьяат ястан.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 32–39, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-32-39
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94

The 1804–1813 Russo-Persian War and Diplomatic Activities of France and Britain

Elmira G. Dzahieva¹

¹ Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Professor, Department of General History, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation). E-mail: almira3dg@mail.ru.

Abstract

The article focuses on the international situation in the Caucasus in the early 19th century when the region became a battlefield — both in terms of diplomacy and war — between the Persian Empire and Imperial Russia (1804–1813), and the active interference of Britain and France which significantly contributed to further escalation of the conflict.

The paper provides a retrospective overview of external political arrangements by the King of Kartli and Kakheti, Heraclius II, a Persian subject, in between the Sublime Porte and Russia. The 1801 Manifesto by Paul I who was eager to settle the question of Kartli and Kakheti only exacerbated the situation in the East Caucasus. At the same time, there was an evident growth of pro-Russian sentiments in the North-East Caucasus. The mentioned factors aggravated by the siege of Ganja consequently resulted in the 1804–1813 Russo-Persian War.

Presented are the reasons for the active participation of East-North Caucasian peoples in the events under consideration and the split in the community of highlanders on the topic of external political preferences caused by disinclination of most highlanders to follow the anti-Russian propaganda.

With references to documentary evidence, it is shown that France and Britain not only took active part in the escalation of tensions between the Russian Empire and Persia, including by financing Tehran's military campaign, but invested certain efforts for the establishment of an Ottoman-Persian alliance and their military coalition in the Caucasus. The article describes the reasons for Russia's military and political success as well as the terms of the Treaty of Gulistan.

Keywords: Russian Empire, Persia, 1804–1813 Russo-Persian War, Britain, France, Caucasus, 1813 Treaty of Gulistan.

Сегодня мы становимся свидетелями нового этапа передела мира, в процессе которого происходит реанимирование уже, казалось, разрешенных проблем конфликтотенных зон Евразии в XIX–XX вв. Удивительно, что мы стали очевидцами воскрешения давно ушедшего в небытие Восточного вопроса. Если вспомнить, сколько десятилетий предшествовало его решению в XVIII–XX вв., то приходится осознать

реальную картину происходящих событий на Большом Ближнем Востоке, составной частью которого является Кавказ. У многих возникает вопрос, откуда деструктивные силы черпают идеи для дестабилизирующих программ по всему периметру Юга Евразии. Ответ находится в истории формирования и распада Австро-Венгрии, Османской и Российской империй, Персии, а также в процессе создания на их обломках

обновленных Австрии, СССР, Турции, Персии и новых стран Юго-Восточной Европы и Большого Ближнего Востока и в истории активного участия во всех этих процессах стран Запада. Таким образом, источники сегодняшних проблем находятся в историческом прошлом, в том числе в начале XIX в.

Еще в последней трети XVIII в. Российская империя не раз предпринимала попытки утверждения своего влияния в Восточной Грузии, в том числе и с помощью подписанного в Георгиевске российско-картли-кахетинского договора 1783 г. Однако этот трактат был сведен фактически на нет турецко-картли-кахетинским договором 1786 г. Петербург сумел извлечь опыт из извечной политики лавирования подданного Персии Ираклия II между Портой и Российской империей. В течение 1796–1798 гг. скончались наиболее влиятельные участники решения кавказского вопроса — Екатерина II, Ираклий II и Ага-Мохаммед-шах, что прямо повлияло на развитие событий на рубеже XVIII–XIX вв. на Кавказе. Новый Картли-Кахетинский царь Георгий XII, приняв во внимание внутренние распри и внешнеполитическую неопределенность Картли-Кахетии, неоднократно обращался в Петербург о принятии его владений в подданство Российской империи, на что Петербург ограничился отправкой в Тбилиси военного контингента. По всей видимости, Павел I, не стремясь на данном этапе идти на открытое противостояние на Кавказе с соседними державами по грузинскому вопросу и учитывая извечную политику Картли-Кахетии по балансированию между Персией, Портой и Российской империей, пытался выждать время и смягчить ситуацию в регионе. Кроме того, Павел I учитывал европейское осложнение, из-за которого в 1798 г. Петербург пошел на заключение союза со Стамбулом, вынуждавшим императора предпринимать на Кавказе более выверенные действия. В том же 1798 г. Ираклий II скончался. Новый Картли-Кахетинский царь Георгий XII, видя политику Павла I, послал летом 1798 г. делегацию в Стамбул с просьбой о подданстве Порты [Потто 1994: 291–292]. Так и не дождавшись ожидаемой реакции Стамбула и получая угрозы от нового правителя Персии Фетх-Али-хана и Умма-хана аварского, Георгий XII вновь отправил обращение в Петербург о принятии Картли-Кахетии в подданство Российской империи. В декабре 1800 г. Павел I под-

писал манифест о присоединении Грузии к Российской империи.

Стоит отметить, что в реальности это касалось только восточной части современной Грузии — Картли-Кахетии. Российской империи еще только предстояло создать Грузию. Назначенному главному в Грузии Кноррингу предписывалось обеспечить безопасность Картли-Кахетии и преумножить число российских сторонников в Грузии [АКАК 1866: 433–436, 753–755].

Именно грузинский вопрос и дагестанская проблема стали предметом острых и непримиримых разногласий Порты и Персии с Российской империей. Присоединение Грузии к России в 1801 г. изменило политическое положение и соотношение сил на Кавказе в пользу России. Персия и Порта стремились препятствовать нормализации российско-кавказских отношений. Эти действия и неучтенность имевшихся глубоких противоречий между влиятельными владельцами Дагестана и Азербайджана фактически свели на нет действие Георгиевского договора 1802 г. об их союзе под протекторатом Российской империи, ставшего фактически формальным актом [Джахилов 1985: 7].

Геополитическая борьба за регион осложнялась антироссийскими действиями Британии и Франции в Османской империи и Персии, оказывавшими прямое влияние на развитие кавказских событий. Западные державы сумели связать в один узел и разногласия Европы с Российской империей, и военно-политическое противостояние России с Османской империей и Персией в Черноморско-Каспийском макрорегионе, значительно сузив геополитическое поле для маневров российской дипломатии. Иранский исследователь А. Т. Бахши весьма емко охарактеризовал данную ситуацию: «Лондон и Париж использовали Иран как шайбу при хоккейной игре» [Бахши 1958: 4–5, 21]. Так, в начале января 1801 г. английским дипломатам удалось добиться заключения британо-персидского договора о союзе, который был нацелен против Франции и Российской империи [Иоаннисян 1958: 62].

Итогом предпринятых дипломатических маневров стало усиление российско-персидской конфронтации. К началу XIX в. стало очевидным усиление российских позиций среди народов Северо-Восточного Кавказа как итог политики привлечения на

свою сторону правителей региона, экономической интеграции Восточного Кавказа в экономическую систему Российской империи. Все это и вызвало обеспокоенность Персии и Порты.

Так, Фетх-Али-хан по требованию двора активизировал персидскую политику на Кавказе, ставя задачу восстановления власти Тегерана в кавказских пределах Персии. В июне 1800 г. шах отправил *фирман*¹ к правителям Закавказья и Дагестана, требуя от них подтверждения своих верноподданнических отношений к шаху, угрожая в противном случае «...вооруженной рукой навести порядок...» во владениях Грузии и на Восточном Кавказе [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. I. Л. 267–268]. Персия в своих действиях на Кавказе сумела добиться поддержки Османской империи. Так, в 1802 г. царевич Александр Бекович распространил в Дагестане одновременно *фирманы* от шаха и султана, обещавшие горцам большие денежные вознаграждения за поддержку Картли-Кахетинского царевича [АКАК. Т. 1. Ч. 2. С. 288, 406–407]. Благодаря совместным действиям им удалось привлечь на свою сторону ряд владетелей Кавказа.

Произошедшие в начале 1804 г. события на Восточном Кавказе, а именно — ввод царских войск в Гянджу и последовавшая за этим резкая и решительная реакция Персии, в конечном счете привели к началу первой российско-персидской войны 1804–1813 гг. К горцам Кавказа было направлено специальное обращение шаха — *фирман*, объявлявший, что «Иран не остановится до тех пор, пока Грузия и сопредельные с нею провинции не будут покорены и неверные русские не будут истреблены до самого Кизляра» [АКАК 1868: 164–165]. 28 мая 1804 г. главному Цицианову был вручен ультиматум визиря Персии, в котором он требовал от царских военачальников «...шахские области без малейшего предлога очистить», предупреждая о своих намерениях начать военные действия [АКАК 1868: 808–809]. Однако Цицианов, отказавшись от любых действий, отклонил требование Ирана, и в июле 1804 г. Персия начала военные действия на Кавказе.

Позиция иранцев достаточно хорошо отражена в иранской историографии. Так, А. А. Бина отмечает, что «...Россия протя-

гивала свои руки на Северо-Западный Иран. <...> Фактически война началась движением русских войск в сторону Еревана» [Бина 1954: 81]. Другой иранский исследователь А. Т. Бахши отмечает, что «... Грузия была причиной войны.<...> Несмотря на предупреждения Ирана, Россия продолжала захватывать иранские города. <...> Она стремилась завладеть не только Грузией, но и всем Кавказом с Каспийским морем — открыть пути к южным морям» [Бахши 1958: 25].

Первоначально персидским войскам удалось продвинуться вглубь Закавказья и осадить город Ганджа (Елисаветополь). Шах в 1804 г. вторично обратился с *фирманом* к горцам Дагестана и Чечни. В том же году шахские *фирманы* были разосланы осетинам, черкесам, кабардинцам и другим народам Северного Кавказа [АКАК 1868: 817–822]. Персидский шах сообщил о подготовке мощного наступления иранских войск в сторону Грузии и «истребления неверных» до самого Кизляра и дальше. Шах советовал горцам продолжать сопротивление царским войскам, разрушая мосты, дороги и т. д., за что обещал им многочисленные награды и щедрые вознаграждения. В свою очередь и Османская империя приняла активное участие в агитации горцев к началу антироссийского восстания и инспирировала дагестанские набеги на грузинские земли. В том же 1804 г. турецкие эмиссары появились среди кабардинцев и других народов Северного Кавказа, призывая горцев к антироссийскому мятежу [Блиев 1970: 296]. В большинстве случаев эти призывы и воззвания Персии и Порты к «священной войне» не достигли своей цели, поскольку многие правители Северного Кавказа не откликнулись на них. Так, шамхал Тарковский задержал несколько лиц с 36 *фирманами* — воззваниями от шаха Аббас-Мирзы и царевича Александра к правителям и всему населению Северного Кавказа — и передал их русским властям [АКАК 1868: 1039, 786]. В то же время начавшаяся пропаганда оказала определенное воздействие на народы Кавказа, которые в большинстве своем были приверженцами ислама. Тем более что народы Кавказа не хотели установления над ними господства иностранного государства ни под каким флагом. Кроме того, в начале XIX в. на Северном Кавказе стало нарастать недовольство колониальной политикой царизма. В результате стараний Персии и Порты в 1804 г. некоторые

¹ Фирман (ферман) — указ шахов Персии, султанов Османской империи, других правителей стран Ближнего и Среднего Востока.

дагестанские правители совершили ряд набегов на грузинские владения. Так, 2 марта 1805 г. сын Сурхай-хана Халимбек с 9-тысячным ополчением напал на российский пост у реки Алазани [Утверждение русского владычества... 1901: 195–196]. В 1804 г. в Осетии и Кабарде произошли антироссийские выступления, вызванные усилением колониальной политики царизма. «Грузинский царевич Александр, — писал русский офицер Стемковский, — отправил с братом своим <...> золото к тагаурским феодалам, с тем, чтобы они старались не пропускать войска российские в Грузию и из Грузии, всем российским старались бы вредить» [Блиев 1970: 296]. Однако царская администрация на Кавказе ошибочно приписывала эти выступления исключительно проискам восточных держав: Дельпоцо считал главной причиной восстания кабардинцев подстрекательства турок и персов, тем не менее признавая, что все-таки имели место «...притеснения кабардинцев местными начальниками» [АКАК 1868: 963–964]. Протестное движение в Осетии и Кабарде было жестоко подавлено.

В 1805 г. персы и царевич Александр Бекович, не желая допустить затухание очагов антироссийских восстаний, вновь обратились к народам Северного Кавказа с призывами о продолжении борьбы. В августе 1805 г. русскими властями были задержаны кабардинский *узден* Жентемир Окова и эмиссары Баба-хана, царевича, с 36 воззваниями «ко всем горским старшинам», с помощью которых, как писал Цицианов, «Баба-хан имеет цель возбудить всех горцев <...> и запереть дорогу в Грузию» [АКАК 1868: 848], но эти попытки оказались безуспешными. В 1805 г. военная кампания, в ходе которой российские войска сумели перехватить инициативу и разбить персов при Эчмиадзине, оказалась неудачной для Персии. В 1805 г. Шекинское, Ширванское и Карабахское ханства перешли на сторону Российской империи, после чего Тегеран сделал особый упор на Дагестан. Так, по российским данным, весной 1806 г. в Нуху привезли из Ирана «...до 30 тыс. червонцев для найма лезгинского войска» [АКАК 1869: 263]. По плану персов, Сурхай-хан и Ших-Али-хан должны были отвлечь основные российские силы от Елисаветополя к Нухе и от Алазани к Джарам, а затем, отрезав им все пути к отступлению, истребить их, прежде чем подоспеет подкрепление из Тбилиси [Утверждение... 1901: 235–236; АКАК

1869: 413–414]. Начался сбор ополченцев в Дагестане, казикумухский хан обещал каждому воину за участие в походе по 45 руб. [Гаджиев 1965: 186]. Набрав таким способом ополченцев, Сурхай-хан в марте 1806 г. прибыл со своим отрядом в местечко Алмало. Была даже назначена дата встречи дагестанских феодалов с *шах-задэ* и царевичем Александром у Елисаветополя, но поражение Аббас-Мирзы на пути в Елисаветополь и вступление русских войск в Дагестан сорвали их замыслы, и Сурхай-хан удалился в Дагестан [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Л. 101–102]. 21 июля 1806 г. в Дербенте произошло восстание против Ших-Али-хана: дербентцы сами открыли ворота города российским войскам, управление ханством было передано шамхалу Тарковскому, а город переходил в ведение российских властей. Впоследствии Ших-Али-хан был лишен власти и над Кубинским ханством. Свергнутый хан продолжал борьбу против России, а Сурхай-хан был вынужден присягнуть на верность России и обязался платить ежегодную дань в 3 000 червонцев [РГВИА. Ф. 6164. Л. 140–144; АКАК. С. 378–379]. Шах рассчитывал на помощь Британии, но она, будучи в этот период союзницей Российской империи по антифранцузской коалиции, предпочитала воздержаться от открытой поддержки Персии. Еще большее разочарование ждало его после падения Дербента и Баку, вызвавшего ухудшение англо-иранских отношений. Этим и воспользовался Париж, стремившийся еще с 1803 г. создать франко-персидско-османский союз против Петербурга и Лондона. 4 мая 1807 г. между Ираном и Францией был заключен Финкенштейнский договор, напрямую нацеленный против России и Англии [АКАК 1868: 874–875, 883–887; Иоаннисян 1958: 118–119].

Находившаяся под давлением французской дипломатии и ободренная военными успехами Наполеона, Порта из-за разногласий на Балканах и в Восточной Грузии в декабре 1806 г. тоже объявила войну Российской империи. Опасаясь войны на два фронта, Россия предложила Ирану начать переговоры о мире [АКАК 1869: 420–421, 444–445]. Начавшиеся переговоры о мире затянулись по вине обеих сторон: царская сторона требовала заключения договора только лишь на выдвигаемых ею условиях, а именно: «установление пограничной линии по рекам Араксу, Куру и Арпачаю» [АКАК 1869: 444–446, 488–490; и др.], т. е. включение в состав Российской империи

Западного Кавказа, Эриванского ханства и всего Восточного Кавказа. В свою очередь Персия, ободренная началом российско-турецкой войны и поддерживаемая Францией, стремилась к установлению «...старых границ, включая Кизляр, весь Дагестан и другие области Северного Кавказа» [АКАК 1870: 374; Джахияев 1985: 42–43, 88, 92–93]. В 1808 г. Аббас-Мирза во главе 35-тысячного войска ожидал исхода Арапачайского сражения турок с царскими войсками, однако битва 17–18 июня 1807 г. закончилась поражением турок, после чего персидские войска возвратились в Нахичеванское ханство [АКАК 1869: 420–421, 444–445, 548–549]. В течение 1807–1808 гг. на Северном Кавказе не было сколько-нибудь серьезных анти-российских выступлений, хотя в указанный период Персия и Порты старались поднять горцев против царских властей. Так, 4 марта 1807 г. на пути в Дагестан был задержан агент с пятнадцатью воззваниями Аббас-Мирзы и главнокомандующего османской армией, где говорилось, что Иран и Турция в союзе с Францией договорились об анти-российских действиях. Весной 1808 г. к народам Кавказа были направлены *фирманы* Ирана, Турции и воззвания царевича Александра. Эмиссары Порты распространяли среди горцев провокационные слухи, якобы царизм уступил османам «...весь Крым, Грузию, Имеретию и все области у персиян ею завоеванные» [АКАК 1869: 427–429, 553, 657–659]. Однако Ших-Али-хана и Сурхай-хана не поддерживали ни в Дагестане, ни на Кубе; не нашли они поддержки и у Мустафа-хан Ширванского. В 1808 г. русские войска заняли Эриванское и Нахичеванское ханства. Хотя им не удалось захватить г. Ереван в 1808 г., к концу года Иран очутился в критическом положении. Шах был недоволен Францией и снова пошел на сближение с Англией. В марте 1809 г. Англией был подписан «предварительный договор», по которому за «военную помощь и ежегодную денежную субсидию в 160 тыс. туманов шах обязался не пропускать иностранные войска через Иран, помогать Англии в случае нападения кого-либо на Индию» [АВПР. Д. 7; Кузнецова 1983: 37–38]. Антироссийская политика Англии в Персии и России ничем не отличалась от политики Франции. На антирусскую направленность договора 1809 г. указывает также американский историк М. Аткин [Atkin 1980: 135]. В январе 1809 г. был заключен англо-турецкий договор, по которому Иран в числе

других стран должен был оказать помощь Порте в подготовке контрнаступления на Кавказе. Так, в 1809 г. Иран предоставил Ахалцихскому паше 100 тыс. руб. и многое другое, что привело к срыву российско-персидских переговоров. Э. Ханак указывает, что главную роль в срыве переговоров сыграли англичане и османы [Ханак 1974: 93, 97–98]. Царским властям стало известно, что весной 1809 г. «...Аббас-Мирза, собрав несколько наличной казны и разных товаров, приказал погрузить судно и отправить его в Дербент» для доставки Ших-Али-хану. Все это предназначалось для найма дагестанских отрядов. Повсюду среди горцев Северного Кавказа действовали эмиссары Персии и царевича Александра. «Я имею с собою, — хвастался царевич Александр в воззваниях к осетинам и кабардинцам, — силу и казну трех сильных и великих держав — всего Ирана, османов и англичан для вашего освобождения из рук чужих» [АКАК 1870: 126–129, 853–855]. В целом, по данным российских источников, в 1809 г. царевич Александр получил из Персии 190 тыс. руб. для организации анти-российских выступлений.

В результате в Дагестане с ополчением из 4 тыс. чел. Ших-Али-хан в течение сентября–октября 1809 г. организовал нападение на царские войска, дислоцированные в Дербенте, Баку и на Кубе. Ему удалось на некоторое время прервать линию коммуникации между Баку и Дербентом. В 1810 г. участились случаи перехода в Ахалцих наемных отрядов из Дагестана: только в мае указанного года в Ахалцихе находилось более 7 тыс. наемников из Дагестана. Укажем здесь, что в 1809–1810 гг. Ших-Али-хан, воспользовавшись недовольством кубинцев, произволом царских чиновников, сумел организовать на Кубе несколько протестных выступлений. В том же году имело место нападение чеченцев на казачьи станицы и крепость Владикавказ. В 1809–1810 гг. в Кабарде произошло антироссийское восстание. Напряженная обстановка сложилась в Осетии, особенно в южной части, где движение народных масс против местных помещиков и царских чиновников по существу не прекращалось [АКАК 1870: 756–759, 892–893; История Кабарды: 81–82]. Но, как и прежде, царские власти усматривали причины антирусских восстаний на Кавказе только в происках восточных держав. Для подавления этих протестных выступлений в Кабарду и Чечню были введены регуляр-

ные царские войска. Карательные рейды царских войск вглубь гор оставили после себя печальный след. Так, царский главком на Кавказе А. П. Тормасов в 1810 г. писал, что горские народы «чувствительно наказаны». Более того, с кабардинцев потребовали большую контрибуцию в размере «...1000 лошадей, 500 голов крупного рогатого скота и 10 тыс. руб. деньгами» [История Кабарды 1957: 79–82]. Ужесточение колониальной политики царизма вызывало ответные протестные волнения среди горцев [АКАК 1870: 756–759, 892–893; и др.].

В этой ситуации инициативу в антироссийских действиях Персии и Порты в свои руки взяла Англия. Для продолжения войны с Россией в 1811 г. она сразу предоставила Персии 600 тыс. туманов (размер трехгодичной суммы) и увеличила сумму ежегодной субсидии до 200 тыс. туманов. Кроме того, из Англии прибыли военные специалисты для переобучения персидской армии. По свидетельству Э. Ханака, в 1811 г. англичане предоставили Ирану 12 пушек, 12 тыс. ружей, 12 тыс. патронов, 12 тыс. комплектов одежды, 12 тыс. солдат для охраны южных берегов Персидского залива, 2 млн туманов [Ханак 1974: 179]. По данным А. П. Тормасова, после этого в Иране «начались необыкновенные военные приготовления» [АКАК 1870: 753–755]. В целях стабилизации ситуации на Кавказе царские власти прибегли к политике «ласканий», не скупясь на раздачу различных льгот, чинов и ценных подарков. По данным российских источников, в 1811 г. горцы Западного и Центрального Кавказа были очень довольны принятыми мерами: кабардинцы вновь присягнули на верность Российской империи, чеченцы же заявили о своей готовности следовать за ними. Видимо, по этой причине эмиссары восточных государств усердствовали особенно. Эпицентр антироссийских действий в 1811 г. сфокусировался в Дагестане. Один за другим посланники Персии и Порты прибывали в Дагестан с *фирманами* и деньгами. Так, шах отправил свои повеления почти всем ханам и союзам сельских обществ Дагестана, назначив Ших-Али-хана своим уполномоченным в Дагестане и Ширване и предписывая всем правителям «...оказать ему покорность для уничтожения чтителей многобожия» [АКАК 1870: 151–152]. В такой обстановке Ших-Али-хан и Сурхай-хан смогли осенью 1811 г. увлечь за собой часть горцев на борьбу против царизма. С набраным ополчением Ших-Али-хан и сын Сур-

хай-хана Нух-бек в ноябре 1811 г. выступили в направлении Кубы. 6 ноября 1811 г. в местечке Зиахур горцы разбили отряд генерал-майора Гурьева, после чего к Ших-Али-хану присоединились ополчения Хасан-хана дженгутайского и аварского хана. Горцы намерены были изгнать царские войска из Кубинского владения. Однако в кровопролитной битве у деревни Росток 20–22 ноября 1811 г. горцы потерпели поражение [Ханак 1974: 125–140]. 14 декабря 1811 г. царские войска заняли крепость Кюри и образовали отдельное от Казикумухского Кюринское ханство во главе со сторонником Российской империи — Арслан-ханом. В 1811 г. иранская армия не проявляла особой активности. Кончившаяся поражением в октябре 1812 г. попытка иранского полководца Пир-Кули-хана прорваться в Дагестан через Ширван ослабила позиции антироссийской оппозиции. В связи с нахождением царских войск в Дагестане Сурхай-хан и Ших-Али-хан не получили ожидаемой помощи от дагестанских правителей [Дубровин 1887: 28–29].

Окончание российско-османской войны в 1812 г., разгром армии Наполеона в России, победа царских войск в Асландузе и Ленкоране, поражение восстаний 1812 г. в Кахетии и Осетии снова вынудили Персию сесть в 1812 г. за стол переговоров. Однако Иран по совету англичан затягивал переговоры о мире и одновременно готовился к новому вторжению в Закавказье. Он вел переговоры с Турцией о союзе и агитировал горцев Кавказа к враждебным акциям против России.

В итоге, несмотря на многочисленные перипетии и стремления персидской стороны уйти от согласия с выдвинутым российской стороной для подписания мирным договором, 12/24 октября 1813 г. в местечке Гюлистан был подписан мирный договор между Российской империей и Персией [Юзефович 1869: 208–214]. Согласно Гюлистанскому трактату, Персия отказывалась от Дагестана, всего Западного Кавказа, в числе которых были грузинские владения, находившиеся в османской юрисдикции, Кубинского, Карабахского и северной части Талышинского ханства. Присоединение указанных кавказских владений к Российской империи имело глубокие исторические последствия. Кавказские народы, включаясь в состав более передовой Российской империи, получали дополнительные импульсы для своего социально-экономического и

культурного развития, ликвидации институтов рабства и работорговли. Благодаря их вхождению в состав Российской империи были созданы многие центры аграрно-промышленного и культурного развития. Этот факт с точки зрения исторического развития носил прогрессивный характер, правовая же оценка Гюлистанского трактата не столь однозначна.

Сам процесс включения кавказских владений в состав Российской империи, будучи сложным и неоднозначным, носил противоречивый характер и привел к Кавказской войне. Выводы для себя сделали не только горцы, но и сама царская власть, сумев найти силы для трансформации национальной и административной политики к реалиям горской жизни. Этот обоюдный процесс стал прочным фундаментом перед будущими испытаниями [Джахиева 2006: 149–152].

Источники

- АКАК — Акты, собранные Кавказскою археологическою комиссией. Тифлис: Тип. Главн. упр. наместника Кавказа, 1866–1904. Т. I–XII; Т. I:1866; Т. II:1868; Т. III:1869; Т. IV:1870; Т. V:1870.
- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи. Гл. архив. Д. 7.
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА.

Литература

- Бахши А. Т. Равабат-е Иран ва Руссие (1800–1850). Тебриз: [б.и.], 1958.
- Бина А. А. Тарих-е сийаси-йе дипломаси-йе Иран (1722–1220). Политическая и дипломатическая история Ирана. От Голнабада до Торкманчая (1722–1828). Т. I. Техран: [б.и.], 1954.
- Блиев М. М. Русско-осетинские отношения (40-е XVIII – 30-е гг. XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1970. 380 с.
- Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. 391 с.
- Джахиев Г. А. Россия и Дагестан в начале XIX века: Дагестан в русско-турецких отношениях. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1985. 96 с.
- Джахиева Э. Г. Договоры России с Турцией, Ираном и правителями Кавказа. 1774–1813 гг. Махачкала: тип. Дагестанстата, 2006. 197 с.
- Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 5. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1887. 502 с.
- Иоаннисян А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в на-

чале XIX столетия. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1958. 447 с.

- История Кабарды / отв. ред. Н. А. Смирнов. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 394 с.
- Кузнецова Л. А. Иран в первой половине XIX в. М.: Наука, 1983. 265 с.
- Потто В. А. Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. II. Тифлис: Тип. Я. И. Либермана, 1901. 319 с.
- Потто В. А. Кавказская война. От древнейших времен до Ермолова. Т. I. Ставрополь: Кавказский край, 1994. 678 с.
- Ханак Э. Сийасат-е Руссие дар Иран. 1790–1815. Военная политика России в Иране (1790–1815). Техран: [б.и.], 1974.
- Юзефович Б. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. СПб.: Тип. О. И. Бакста, 1869. 326 с.
- Atkin M. Russia and Iran. 1780–1828. Minneanopolis: Minnesota University Press, 1980. 216 p.

Sources

- АКАК — *Akty, sobrannye Kavkazskoyu arkheograficheskoyu komissiey* [Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission]. Tiflis, Print. House of the Caucasus Viceroyalty, 1866–1904. Vol. I–XII; vol. I, 1866; vol. II, 1868; vol. III, 1869; vol. IV, 1870; vol. V, 1870.
- АВПРИ — *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii* [The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. The main archive. D. 7.
- РГВИА — *Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [The Russian State Archive of Military History]. F. VUA.

References

- Bakhshi A. T. *Ravabat-e Iran va Rusie (1800–1850)* [Russo-Iranian relations (1800–1850)]. Tabriz, 1958 (In Persian).
- Bina A. A. *Tarikh-e siyasi-ye diplomasi-ye Iran (1722–1220). Politicheskaya i diplomaticheskaya istoriya Irana. Ot Golnabada do Torkmanchaya (1722–1828). T. I* [A political and diplomatic history of Iran. From Golnabad to Torkmanchay (1722–1828)]. Tehran, 1954 (In Persian).
- Bliev M. M. *Russko-osetinskie otnosheniya (40–e XVIII — 30–e gg. XIX vv.)* [Russo-Ossetian relations (1740s — 1830s)]. Ordzhonikidze, 1970, 380 p. (In Russ.).
- Gadzhiev V. G. *Rol' Rossii v istorii Dagestana* [Russia's role in the history of Dagestan]. Moscow, Nauka Publ., 1965, 391 p. (In Russ.).
- Dzhakhiev G. A. *Rossiia i Dagestan v nachale XIX veka: Dagestan v russko-turetskikh otnosheniyakh* [Russia and Dagestan in the early

- 19th c.: Dagestan in Russo-Turkish relations]. Makhachkala, Dag. Book Publ., 1985, 96 p. (In Russ.).
- Dzhakhieva E. G. *Dogovory Rossii s Turtsiyei, Iranom i pravitelyami Kavkaza. 1774–1813 gg.* [Russia's treaties with Turkey, Iran and rulers of the Caucasus. 1774–1813]. Makhachkala, Publ. Dept. of Dagestan Statist. Service, 2006, 197 p. (In Russ.).
- Dubrovin N. F. *Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze. T. 5* [A history of the war and Russian rule in the Caucasus. Vol. 5]. Saint Petersburg, I. N. Skorokhodov Publ., 1887, 502 p. (In Russ.).
- Ioannisyan A. R. *Prisoedinenie Zakavkaz'ya k Rossii i mezhdunarodnye otno-sheniya v nachale XIX stoletiya* [Russia's annexation of Transcaucasia and international relations in the early 19th c.]. Erevan, Publ. House of Armenian Acad. of Sciences, 1958, 447 p. (In Russ.).
- Istoriya Kabardy / otv. red. N. A. Smirnov* [A history of Kabardia. Edit. by N. Smirnov]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1957, 394 p. (In Russ.).
- Kuznetsova L. A. *Iran v pervoy polovine XIX v.* [Iran from the early to mid 19th c.]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 265 p. (In Russ.).
- Potto V. A. *Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze. T. II* [Establishment of the Russian rule in the Caucasus. Vol. II]. Tiflis, Ya. I. Liberman Publ., 1901, 319 p. (In Russ.).
- Potto V. A. *Kavkazskaya voyna. Ot drevneyshikh vremen do Ermolova. T. I* [The Caucasian War. From the earliest times to Ermolov. Vol. I]. Stavropol, Kavkazskiy Kray Publ., 1994, 678 p. (In Russ.).
- Khanak E. *Siyasat-e Russie dar Iran. 1790–1815. Voennaya politika Rossii v Irane (1790–1815)* [Russia's military policy in Iran (1790–1815)]. Tehran, 1974 (In Persian).
- Yuzefovich B. *Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i torgovye* [Russia's treaties with the Orient. Political and trade ones]. Saint Petersburg, O. I. Bakst Publ., 1869, 326 p. (In Russ.).
- Atkin M. *Russia and Iran. 1780–1828.* Minneanopolis, Minnesota University Press, 1980, 216 p. (In Eng.).

УДК 94

РОССИЙСКО-ПЕРСИДСКАЯ ВОЕННАЯ КОНФРОНТАЦИЯ 1804–1813 гг. И ДИПЛОМАТИЯ ФРАНЦИИ И БРИТАНИИ

Эльмира Гаджиабдуллаевна Джахиева¹

¹ доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, Дагестанский государственный университет (Махачкала, Российская Федерация). E-mail: almira3dg@mail.ru.

Аннотация. В статье описываются проблемы международного положения Кавказа в начале XIX в., ставшего эпицентром военно-политической конфронтации Российской империи с Персией в 1804–1813 гг., и активного участия в этой эскалации антироссийски настроенных Британии и Франции. В статье последовательно приводится ретроспектива внешнеполитического лавирования царя Картли-Кахетии Ираклия II, подданного Персии, между Портой и Российской империей. Стремление Павла I решить вопрос Картли-Кахетии Манифестом 1801 г. обострило ситуацию на Восточном Кавказе. Одновременно менялась ситуация и на Северо-Восточном Кавказе, где явно усиливались пророссийские позиции. Указанные факторы, а также возникший вокруг Ганджи конфликт и стали причиной российско-персидской войны 1804–1813 гг. Описаны причины активного участия народов Северо-Восточного Кавказа в событиях, происходивших в регионе, и раскола в горском обществе по проблемам внешнеполитической ориентации, нежелания большинства горцев следовать антироссийской агитации.

На фактическом материале показано, как Франция и Британия не только принимали активное участие в эскалации напряженности Российской империи с Персией, во многом финансируя военную кампанию Тегерана, но и предпринимали конкретные шаги по созданию османо-персидского союза и объединению их военных сил на Кавказе. В статье описываются причины военно-политического успеха Российской империи в войне 1801–1813 гг. и условия подписания Гюлистанского трактата 1813 г.

Ключевые слова: Российская империя, Персия, война 1804–1813 гг., Британия, Франция, Кавказ, Гюлистанский трактат 1813 г.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 40–44, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-40-44
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94 (517)

Kalmyk-Mongolian Relations in 1925–1943

Norovsambu Naranjargal¹

¹ Postgraduate Student, Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: mr.naranjargal@mail.ru.

Abstract

After Kalmyk instructors who had worked in Mongolia were sent to their home country in 1925, relations between Kalmykia and Mongolia became stagnant. Still, it does not mean that there was no interaction at all. In 1927, the Congress of Mongolian and Kalmyk Youth was held in Astrakhan; Ts. D. Nominkhanov, V. A. Khomutkinov and M. T. Bimbaev worked in Mongolia in 1928, 1929, and 1936 respectively. Furthermore, in 1939, Kalmyks who were serving in the 7th Samara Cavalry Division of the Belorussian Military District were directed to Mongolia to work as instructors for the Mongolian Armed Forces in view of the escalating battles of Khalkhyn Gol.

The Soviet Government was interested in sending to Mongolia specialists who could communicate with ethnic Mongols without an interpreter. For this purpose, Kalmyk Orientalists, such as D. A. Pavlov, A. I. Suseev, and others were recruited. A. I. Suseev's cooperation with Mongols began in the 1930s. Since 1933, the student of Moscow Institute of Oriental Studies, A. I. Suseev, worked as an interpreter and then as a teacher for Mongolian students at the Stalin Communist University of the Toilers of the East (KUTV). Since 1935, A. I. Suseev for three years worked as a teacher of Russian and Mongolian at Tashkent University of Central Asia — at exactly the time when Tseren-Dorji Nominkhanov worked there. In spring of 1935, A. I. Suseev and Ts.-D. Nominkhanov together with Mongolian students organized the first celebrations of *Tsagan Sar* in Tashkent. In 1938, the former moved to Moscow where he taught students from Mongolia the History of the Bolshevik Party in Mongolian. In July 1941, according to the decision of the People's Commissariat of Foreign Affairs, A. I. Suseev was to be sent to the Soviet consular agency in Mongolia but due to the outbreak of the Great Patriotic War he was unable to leave.

Kalmyk and Mongolian students who were studying in Moscow had warm relations. E. g., as was mentioned above, the famous Kalmyk writer A. I. Suseev, who worked as a journalist of *The Red Star* journal in Mongolia, had close relations with Mongolian students since he had taught and been in charge of them in the USSR, and also met with Marshal Kh. Choibalsan. Moreover, during the 1945 war of liberation, Red Army troops included a number of ethnic Kalmyk soldiers. Unfortunately, once the Great Patriotic War was over in Soviet Russia, representatives of the Caucasian peoples, including Kalmyks, were exiled. As a result, Kalmyk instructors who had been working in Mongolia were sent back and distributed throughout different regions of the USSR; thus, relations between Mongolia and the Kalmyks were terminated.

Keywords: Mongolian-Kalmyk relations, instructors, battles of Khalkhyn Gol, liberation war, Red Army, *The Red Star* journal, translator, veterans.

В конце XIX — начале XX вв. монгольско-калмыцкие отношения касались в основном лишь вопросов религии: калмыцкая сторона приобретала в Монголии предметы быта для монастырей и различные религиоз-

ные принадлежности; отправляла монахов на обучение. Путь калмыцких паломников, отправлявшихся поклониться Далай-ламе и Богдо-хану, непременно пролегал через Монголию. В свою очередь монгольская

сторона, желая узнать положение дел и политические планы России и европейских стран, направляла в Калмыкию своих людей.

В связи с Народной революцией 1921 г. сфера монгольско-калмыцких отношений заметно расширилась, особенно в рамках государственного и военного сотрудничества. После окончания революции в Монголию прибыли две группы калмыцких военных инструкторов, которые приняли активное участие в формировании государственных органов власти и учреждений. Монголия же помогала калмыкам денежными средствами и скотом во время голода в Поволжье, тогда же монгольское правительство приняло решение о переселении калмыков в Монголию. В результате переговоров с советским правительством удалось добиться одобрения и разработать совместный план действий, но в самый последний момент Правительство СССР изменило свое решение, ссылаясь на то, что голод закончился. В 1924 г. положение калмыцких инструкторов в Монголии было крайне сложным: оставляли желать лучшего бытовые условия, жалование подолгу не выдавали, что нередко вызывало конфликтные ситуации с ответственными за их службу в Монголии вышестоящими офицерами. Таким образом, ввиду отсутствия необходимости дальнейшего пребывания калмыцких инструкторов в Монголии, а также обретения последней независимости и победы в ней революции, в 1925 г. калмыков-инструкторов отправили обратно в СССР. После вывода калмыцких военных инструкторов из Монголии калмыцко-монгольские отношения стали носить менее интенсивный характер.

Официальная встреча представителей калмыцкой и монгольской молодежи состоялась 6 июня 1927 г. в Астрахани. В ней приняли участие комсомольцы Калмыкии и представители монгольской революционной молодежи [Убушаев 1981: 115–152]. Между тем, необходимо отметить, что некоторые калмыцкие военные оставались в Монголии и продолжали свою военную и государственную деятельность. Например, бывший военным инструктором в Монголии Ц.-Д. Номинханов в 1928–1929 гг. работал в Улан-Баторе переводчиком [ХакНИИЯЛИ]. В. А. Хомутников с августа 1927 г. работал в должности инструктора и начальника Монгольского государственного училища военных инструкторов [Хальмг үнн 1978: 7–11], а затем до осени 1929 г. являлся инструктором 4-го кавполка города Джаргалант [Хомутников 2013: 23]. В начале

1930-х гг. член Верховного Совета КАССР Х. Б. Кануков активно поддерживал связи с Монголией, вел переписку с Гурсэдом из Союза монгольской молодежи. В 1933 г. в связи с кончиной Х. Б. Канукова эти связи прекратились [НА РК. Ф. Р-137, Оп. 1, Д. 2]. В это же время началась репрессивная политика по отношению к руководителям и образованным калмыкам, каким-либо образом связанным с Монголией, которых обвиняли в поддержке феодальных пережитков, национализме и панмонголизме. В 1933 г. были осуждены и расстреляны А. М. Амур-Санан и А. Чапчаев. В этот период и в самой Монголии начались репрессии по отношению ко многим видным общественным и государственным деятелям, которых также ложно обвиняли в национализме и панмонголизме. Это не могло не отразиться на дальнейшем развитии калмыцко-монгольских отношений.

В середине 30-х гг. XX в. из-за нестабильной обстановки на монгольско-китайской границе Монголия подписала с СССР договор о взаимопомощи в случае нападения третьих стран. После заключения договора в Монголию вновь были направлены военные инструкторы из СССР, среди которых были и калмыки, ранее проходившие службу в Монголии. Одним из них был М. Т. Бимбаев. Он вновь прибыл в Монголию в 1936 г. и принял участие в сражении на Халхин-голе в составе 6-й монгольской кавдивизии. В 1939 г. после окончания войны он вернулся на родину [Бимбаев 1983: 62–71].

По устным рассказам известно, что М. Т. Бимбаев, проходя службу в Монголии в 1936–1939 гг., являлся одним из основателей аэропорта Буянт-Ухаа, ставшего в последующем главной базой монгольской авиации [ПМА]. Также имеются устные сведения о том, что он провел топографические исследования и выбрал места для постройки и других аэродромов на территории Монголии [ПМА].

В 1939 г. с началом военного конфликта на Халхин-голе в Советском Союзе началась подготовка к отправке в Монголию младшего командного состава из числа калмыков. Из воспоминаний участника войны на Халхин-голе ветерана С. Ш. Улакчинова: «...2 января 1939 г. с приходом приказа о срочной передислокации младших командиров калмыков по национальности, проходящих службу в 37 астраханском кавполку 7 самарской кавдивизии белорусского военного округа, С. Б. Бюрюева, Д. Я. Голдунова, Б. С. Мухаева,

М. С. Омадыкова, Б. Л. Тюрбеева, М. Улюмджиева, Б. Шамаева и меня под руководством В. Ф. Романова отправили в Москву. По прибытии в Москву к нам присоединились Ц. А. Доржиев, С. Корсиков, Д. Молотков, Т. С. Онкаев, О. Уланов, И. Эрдниева, О. Амбушев, Андрушкаев из астраханского кавполка города Ставрополя. Этим составом из 17 чел. в июле 1939 г. мы отправились в Монголию» [Улакчинов 1981: 56–80]. В Монголии С. Ш. Улакчинов проработал вплоть до мая 1944 г. в Генеральном штабе и Генеральном политическом комитете монгольской армии. После возвращения в СССР до 1949 г. он обучал в Москве курсантов из Монголии. Его первыми слушателями в Москве стали Дашпунцаг Самбуудорж, Дашжав Намсрай, Дари Чулуун, Дэжид Юндэн, Соном Батсух, Чимид Ишцэнд, Шагдар Дугарсурэн, Шарав Мягмар, Шадав Шархуу, Дугарсурэн. Вышеназванная группа 3 августа 1939 г. прибыла в Улан-Батор.

С ноября 1939 г. М. С. Омадыкова направили переводчиком в 10-ю конную дивизию 34-го гобийского кавполка, где он прослужил до мая 1940 г. В 1940 г. во время службы в 34-м полку он, взяв отпуск, отправился в Улан-Батор. По его воспоминаниям, там было много калмыков [Омадыков 1981: 80–100]. Затем он был переведен в 8-ю конную дивизию 34-го кавполка, где служил вместе с приехавшими с ним В. Ф. Романовым и И. Л. Эрдниева. С января 1944 г. его направили в 5-ю кавдивизию. В этой дивизии также служили Д. Я. Годунов, А. С. Молотов, Б. Тюрбеев [Омадыков 1981: 80–100]. С началом освободительных боев в 1945 г. эта дивизия дошла до города Калган.

В апреле–мае 1941 г. по приглашению Х. Чойбалсана в Монголию прибыл командующий советской кавалерией Ока Иванович Городовиков и провел экзамен в кавалерийском училище [Сусеев 1981: 100–114]. В благодарность Х. Чойбалсан подарил ему монгольский *дээл* (традиционная одежда) [Хальмг үнн 1969].

Список калмыцких инструкторов, участвовавших в войне на Халхин-голе был опубликован Советом Министров КАССР в 1976 г. Согласно этому документу, на момент публикации из ветеранов Халхин-гола в живых оставалось в Сарпинском районе — 9, в Юстинском — 5, в Лаганском — 11, в Яшалтинском — 2, в Малодербетовском — 1, в Яшкульском — 7, в Приозерном — 4, в Целинном — 8, в Приютненском — 1, в

Ики-Бурульском — 1 (всего 49 чел.) [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Ед. хр. 1693. Л. 27].

Из участников битвы на Халхин-голе награды получили:

Мутул Калыков из поселка Бага-Чонос, совершивший второй в истории танковый таран [Илишкин 1995: 85], и Н. Ш. Леджиев награждены орденом «Полярной звезды»;

Манжиев БоваБухаевич [НАРК. Ф. Р-309. Оп. 1. Ед. хр. 1693. Л. 27], Т. Б. Митруев, М. Манджиев, Л. С. Эрендженов награждены орденом «Красного знамени»;

М. С. Омадыков награжден медалью за военные заслуги (1945) и юбилейной медалью в честь 30-летия победы на Халхин-голе [Омадыков 1981: 80–100].

В период с 1939 по 1945 гг., т. е. с момента окончания военного конфликта на Халхин-голе и до начала войны с Квантунской армией, среди советских солдат в Монголии находились и воины-калмыки: В. И. Зарудный, Д. В. Датвак, Н. М. Сергеев, Т. В. Павлятенко, М. Ц. Анджаев, П. Ф. Колганов из Сарпинского района; У. Д. Андрушкеев из Лаганского района; П. Э. Эрдниева из Приозерного района и др.

Советское правительство было заинтересовано в том, чтобы направлять в Монголию специалистов, которые смогли бы общаться с монголами без переводчика. Для этой цели были использованы калмыки-востоковеды — Д. А. Павлов, А. И. Сусеев и др. Общение А. И. Сусеева с монголами началось с 1930-х гг. С 1933 г. студент московского Института востоковедения А. И. Сусеев стал переводчиком, а затем — преподавателем у монгольских студентов Коммунистического университета трудящихся Востока имени И. В. Сталина (далее — КУТВ). Он принимал участие в праздновании 13 годовщины Победы Народной революции, которая состоялась 11 июля 1934 г. в посольстве Монголии [Сусеев 1978: 100, 110, 118], а также в организации встречи студентов из Монголии, обучавшихся в Москве, с Х. Чойбалсаном, которая состоялась осенью 1934 г. [Сусеев 1978: 102]. С 1935 г. А. И. Сусеев в течение трех лет проработал преподавателем русского и монгольского языков в Ташкентском Университете Средней Азии [Очирова 2001: 337], где в тот период также работал и Церен-Дорджи Номинханов. Весной 1935 г. А. И. Сусеев и Ц.-Д. Номинханов вместе с обучавшимися там монгольскими студентами впервые отметили в Ташкенте *Цаган*

Сар [Сусеев 1978: 107]. В 1938 г. он переехал в Москву, где преподавал студентам из Монголии «Историю партии большевиков» на монгольском языке. В июле 1941 г. по решению Народного комиссариата иностранных дел (далее — НКВД) А. И. Сусеева решено было направить в консульство СССР в Монголии, однако из-за начала Великой Отечественной войны он не смог уехать.

Затем его направили в Забайкалье, в политический отдел армии, а оттуда — в Монголию в качестве корреспондента журнала «Красная звезда» 17-й армии Монголии [Сусеева 2005: 119]. Источниками его материалов для журнала и лекций для политработников монгольской армии служили советские газеты «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Красная звезда» и новости московского радио [Сусеев 1978: 118].

Помимо журнала «Красная звезда», А. И. Сусеев работал также в газетах «Правда» [Үнэн 1942: 4.3], «Молодежная правда» [Залуучуудын үнэн 1942: 4.5], в которых публиковал статьи об армии и политике. Комиссар армии Ю. Цэдэнбал, посещая различные части армии, часто брал А. И. Сусеева с собой. Так, они посетили военные части Ундур-хана, Чойбалсана, Тамсагбулага.

Кроме того, А. И. Сусеев работал в военном училище Монголии, а его жена Анна Урубджуровна преподавала в школе водителей. В декабре 1943 г. калмыков выслали в Сибирь, поэтому 4 февраля 1944 г. А. И. Сусеев уехал из Улан-Батора. Несмотря на тот факт, что и монгольские, и советские военные, работавшие в Монголии, ходатайствовали о том, чтобы он остался и продолжал работать в Монголии, его все же перевели в один из полков в Алтайском крае [Сусеева 2005: 120; Сусеев 1978: 180].

Многие сыны Калмыкии принимали участие в войне с Квантунской армией 1945 г. Одним из них был крупный военный деятель Калмыкии, Герой Советского Союза, генерал-майор Б. Б. Городовиков, который в августе 1945 г. был в составе командования 5-ой Дальневосточной Армии в Маньчжурии. По данным Совета Министров КАСР, в 1976 г. из участников той войны в живых оставалось: в Сарпинском районе — 12 чел., в Черноземельском — 5, в Юстинском — 8, в Лаганском — 2, в Яшалтинском — 33, в Малодербетовском — 11, в Яшкульском — 5, в Приозерном — 2, в Целинном — 3, в Городовиковском — 28,

в Приютненском — 9 (всего 116 ветеранов) [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Ед. хр. 1693. Л. 27].

Вследствие депортации калмыцкого народа в Сибирь калмыcko-монгольские отношения прекратились на долгие тринадцать лет. Правительство Монголии не могло противоречить руководству СССР, который оказал существенную поддержку в борьбе за независимость. Поэтому не было никакой возможности наладить отношения со ссыльными калмыками.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

ПМА — Полевые материалы автора.

ХакНИИЯЛИ — Научный архив Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Рукописный фонд. Личное дело Номинханова Церена-Доржи. № 10. 28 с.

Халимаг үнэн сонин. 1978 оны 7 сарын 11.

Хальмг үнн. 26. 09.1969.

Үнэн сонин. 1942 оны 4 сарын 3.

Залуучуудын үнэн. 1942 оны 4 сарын 5.

Литература

Илишкин Н. У. Незабвенные наши фронтовики. Элиста: АПП «Джангар», 1995. 160 с.

Ученые Калмыцкого института гуманитарных исследований (юбилейное издание) / отв. ред. Н. Г. Очирова, Э. У. Омакаева. Элиста: АПП «Джангар», 2001. 440 с.

Хомутников Х. П. Жизнь и судьбы в годы репрессий. Элиста: НПП «Джангар», 2013. 108 с.

Бимбаев М. Т. Судьба моя военная (воспоминания о друзьях-однополчаных). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 156 с.

Оглаев Ю. О. В бою — в одном экипаже, в труде — в одной бригаде. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1981. 222 с.

Сусеев А. И. В горниле народной жизни. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. 127 с.

Сусеев А. И. Олна жирһлин гүргүд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 174 с.

Сусеева Д. А. Советско-монгольское сотрудничество в годы Великой Отечественной войны (по личным материалам полтрука А. И. Сусеева) // Вклад народов Северного Кавказа в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Мат-лы межрегиональной науч.-практич. конф. (27–28 апреля 2005 г.). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2005. 205 с.

Sources

НА РК — *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykiya* [The National Archive of the Republic of Kalmykia].

KhakNIYaLI — *Nauchnyy arkhiv Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka,*

- literatury i istorii* [The Scientific Archive of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History].
- Khalimag Ūnen* (The Kalmyk Truth newspaper), 7 November 1978 (In Kalm. and Russ.).
- Khalimag Ūnen* (The Kalmyk Truth newspaper), 26 September 1969 (In Kalm. and Russ.).
- Ūnen* (The Truth newspaper), 3 April 1942 (In Mong.).
- Zaluuchuudyn Ūnen* (The Youth Truth newspaper), 5 April 1942 (In Mong.).
- References**
- Ilishkin N. U. *Nezabvennye nashi frontoviki* [Our unforgettable veterans]. Elista, Dzhangar Publ., 1995, 160 p. (In Russ.).
- Uchenye Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy (yubileynoe izdanie) / otv. red. N. G. Ochirova, E. U. Omakaeva* [Scholars of the Kalmyk Humanities Research Institute (a jubilee edition). Edit. by N. Ochirova, E. Omakaeva]. Elista, Dzhangar Publ., 2001, 440 p. (In Russ.).
- Khomutnikov Kh. P. *Zhizn' i sud'by v gody respressiy* [Life and destinies in the years of repressions]. Elista, Dzhangar Publ., 2013, 108 p. (In Russ.).
- Bimbaev M. T. *Sud'ba moya voennaya (vospominaniya o druz'yakh-odnopolchanakh)* [My military destiny (memoirs about companions in arms)]. Elista, Kalm. Book Publ., 1983, 156 p. (In Russ.).
- Oglav Yu. O. *V boyu — v odnom ekipazhe, v trude — v odnoy brigade* [In one crew both at war and in peaceful labor]. Elista, Kalm. Book Publ., 1981, 222 p. (In Russ.).
- Suseev A. I. *V gornile narodnoy zhizni* [Sharing the hardships of common people's lives]. Elista, Kalm. Book Publ., 1978, 127 p. (In Russ.).
- Suseev A. I. *Olna jirylin gürgüd* [Stages of social life]. Elista, Kalm. Book Publ., 174 p. (In Kalm.).
- Suseeva D. A. *Sovetsko-mongol'skoe sotrudnichestvo v gody velikoy otechestvennoy voyny (po lichnym materialam politruka A. I. Suseeva)* [Soviet-Mongolian cooperation during the Great Patriotic War (evidence from A. Suseev's private records)]. *Vklad narodov Severnogo Kavkaza v pobedu nad fashizmom v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.: matly mezhregional'noy nauch.-praktich. konf. (27–28 aprelya 2005 g.)* [The North Caucasian peoples' contribution to the victory over fascism in the Great Patriotic War, 1941–1945. Proc. of the Interregional research and pract. conf. (27–28 April 2005)]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2005, 205 p. (In Russ.).

УДК 94 (517)

КАЛМЫЦКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1925–1943 гг.)

Наранжаргал Норовсамбуу¹

¹ аспирант, Калмыцкий государственный университет (Элиста, Российская Федерация). E-mail: mr.naranjargal@mail.ru.

Аннотация. После того как калмыцкие студенты, работавшие в Монголии, вернулись в 1925 г. на родину, монгольско-калмыцкие отношения на время приостановились. Однако нельзя сказать, что они совсем прекратились: в 1927 г. в Астрахани состоялась встреча представителей монгольской и калмыцкой молодежи, в 1928, 1929, 1936 гг. в Монголии работали Ц.-Д. Номинханов, В. А. Хомутников, М. Т. Бимбаев. В частности, в 1939 г. из-за начала сражений на Халхин-голе в Монголию пригласили калмыков, служивших в Самарском 7-м конном полку Белорусской армии для обучения монгольских солдат. Кроме того, монгольские студенты, обучавшиеся в Москве, развивали отношения с калмыками. Ставший впоследствии известным калмыцким писателем А. И. Сусеев работал журналистом в монгольской газете «Улаан од» и поддерживал тесные отношения с монгольскими студентами. Однажды он встретился с маршалом Х. Чойбалсаном. Также в 1945 г. во время освободительных боев многие калмыцкие солдаты из объединений Красной Армии служили на территории Монголии. К сожалению, по окончании войны калмыки и кавказские народы были отправлены в депортацию, и калмыки, занимавшиеся обучением в Монголии, были возвращены в СССР, после чего монгольско-калмыцкие отношения прекратились.

Ключевые слова: Монголия, Калмыкия, депортация, освободительная война, Красная Армия, Халхин-гол, ветераны.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 45–57, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-45-57
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94 (47+57)

Educational Environment and Hierarchy within the Deportee Community in Western Siberia (1940–1950s)

Aleksandr S. Ivanov ¹

¹ Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Associate Professor, Department of Natural Science Subjects and Humanities, Surgut Institute of Oil and Gas — Affiliated Institution of Tyumen State Oil and Gas University in Surgut; Senior Lecturer, Department of History of Russia, Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: 88d@bk.ru.

Abstract

The article — through the analysis of state educational policy, educational spaces and practices of employment of deportees in the educational sphere — attempts to characterize the heterogeneity of the status ‘special contingents’ in the context of a special administrative regime.

It is established that the educational environment of the 1940–1950s has evolved considerably as compared to the period of ‘dispossession’ of the early 1930s: since the 1937 school year children of special settlers were formally educated on a common basis (in schools, colleges and universities); as distinct from the 1930s, no attempt had yet been made to use literature in national languages and establish any national schools for deportees; teachers-representatives of the ‘punished peoples’ were to teach their compatriots only in Russian; in the mid-1950s ‘significant drawbacks’ in the education of ethnic deportees were acknowledged (those were mentioned short before the lifting of restrictions on the special settlements in view of the need to ‘fix’ the repressed people in the areas of their forced settlement).

There was a general vector of development of the educational environment: the wave of ethnic deportations and the increase in ethnic diversity of the special settlements were accompanied by increased unifying trends in education — which resulted from the refusal to take into account any national features of ethnic deportees. The ambivalence of the government’s actions regarding the educational environment of the special settlements was explained by the desire of the Soviet system to transform the ‘suspicious’ population into loyal individuals who would work in state indicated territories and have only those professional knowledge and skills that were required by the state.

Analysis of a set of documents relating to the history of the settlements suggests that state educational policy in the special settlements supported the hierarchy of ‘contingents’ and ‘in-contingent’ groups established by administrative and operational methods (socially dangerous and socially close), the position of which was determined by the opinions of the authorities regarding the degree of loyalty of a particular category of special settlers. The Germans and Kalmyks were considered to be ‘more loyal as compared to other special contingents’ and could get employed in educational institutions, while ‘less loyal ones’ (‘the Baltic contingents’, deportees from the North Caucasus, Crimean Tatars and Ukrainian Nationalists) were virtually deprived of this opportunity. The government’s ‘bottleneck policy’ inflicted significant damage on the deportees: the general level of education of the special settlers was reduced to the pre-war level; disparities in the proportions of different specialists, especially those to engaged in the humanities, occurred.

Keywords: deportation, special settlement, educational environment, Kalmyk deportees.

Историография истории образования сталинского периода достаточно обширна, однако в данных исследованиях не рассматривалась проблема специфики образовательного процесса среди спецпереселенцев [Кирилук 2015; Стась 2015], также специально не затрагивали этот вопрос специалисты из регионов выселения (в частности, Республики Калмыкия [Максимов 2007; Максимов 2009; Убушаев 2007]). Исключение составляют исследования И. В. Лиджиевой, в которых исследователь воссоздает образы депортации калмыцкого народа, запечатленные в памяти вернувшихся на родину «детей депортации» [Лиджиева 2013; Лиджиева 2014]. Этим обусловлена актуальность изучения заявленной темы. Из числа сибирских и дальневосточных специалистов в области депортации в своих работах данную проблематику непосредственно затрагивают Л. В. Алексеева, Н. И. Загороднюк, Н. М. Игнатова, С. А. Красильников, В. В. Мошкин, В. В. Сарнова, Е. Н. Чернолуцкая [Алексеева 2003; Загороднюк 1992; Игнатова 2009; Красильников 2004; Мошкин 2008]. Указанные исследования можно условно разделить на две группы: первую составляют авторы, которые особо выделяют школы для спецпереселенцев как режимное образовательное пространство (Л. В. Алексеева, Н. И. Загороднюк, В. В. Мошкин); вторую — исследователи, рассматривающие данную категорию школ только как часть общеобразовательной системы (Н. М. Игнатова, С. А. Красильников, В. В. Сарнова, Е. Н. Чернолуцкая). Есть и более локальные историографические различия. Например, если для В. В. Мошкина история обособленной сети учебных заведений для спецпереселенцев заканчивается в середине 1930-х гг., то для Н. И. Загороднюк она продолжается до 1950-х гг. [Загороднюк 1992: 80; Мошкин 2008: 174].

Используя принципы предложенного В. Л. Глазычевым средового подхода, мы учитываем, что целостная образовательная среда призвана обеспечить полноценное развитие и становление личности, овладение обучающимися необходимыми компетенциями [Глазычев 1995]. Под образовательной средой подразумевается педагогически организованная система условий, влияний и возможностей для удовлетворения комплекса потребностей личности и трансформации этих потребностей в жизненные ценности [Демидова 2009: 78].

В данной статье посредством анализа государственной образовательной политики, организации образовательного пространства и практик трудоустройства спецпереселенцев в образовательной сфере мы постараемся охарактеризовать статусную неоднородность «спецконтингентов» в условиях особого административного режима.

Образовательная среда 1940–1950-х гг. существенно отличалась от условий образовательного пространства «кулацкой ссылки» 1930-х гг. Обособленная сеть учебных заведений для детей ссыльных крестьян перестала существовать в середине 1930-х гг. 15 декабря 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б), отметив «неудовлетворительное руководство со стороны Наркомпроса РСФСР делом обучения и воспитания детей трудпоселенцев», постановили обеспечить «детей трудпоселенцев всеобщим обучением на общих основаниях» и «установить, что непосредственное руководство школами трудпоселков (назначение административного и учительского состава, инспектирование, снабжение учебными пособиями, финансирование и т. д.) осуществляют соответствующие районные отделы народного образования» [Политбюро, 1 2005: 693]. Кроме того, было предписано «краевым и областным отделам народного образования обеспечить систематический контроль и наблюдение за состоянием школ в трудпоселках» [Политбюро, 1 2005: 693–694]. Пятым пунктом была утверждена возможность «детей трудпоселенцев, окончивших неполную среднюю школу, принимать на общих основаниях как в техникумы, так и в другие специальные средние учебные заведения; окончивших среднюю школу допускать на общих основаниях в высшие учебные заведения» [Политбюро, 1 2005: 693–694].

Судя по отчетам с мест, процедура перевода в школьной сети трудпоселков в ведение местных отделов народного образования фактически была проведена к концу календарного года 1936 г. [Политбюро, 2 2006: 828]. Для школьников первым годом равных возможностей стал 1937 г.

После призыва на фронт в 1942 г. детей ссыльных крестьян последовали послабления и в образовательной сфере. На основании директивы НКВД от 25 мая 1944 г. с учета спецпоселений снимались дети спецпереселенцев — бывших кулаков, направленные в школы фабрично-заводского обучения (далее — ФЗО) и ремесленные

училища [Земсков 2005: 113]. В то же время вышла директива НКВД и Прокуратуры СССР, согласно которой было решено не привлекать к ответственности за побег и не возвращать на спецпоселение «бывших кулаков», самовольно покинувших спецпоселение (если они в течение последних трех лет после выезда из мест спецпоселения занимались общественно полезным трудом) [Земсков 2005: 113]. Появление подобного документа отнюдь не было случайностью, а фиксировало сложившееся положение: не существовало не только изолированной образовательной сети, но и системы изолированных спецпоселков.

Подтверждение мы находим в словах начальника отдела спецпоселений УНКВД Новосибирской области Г. С. Жукова, который в декабре 1944 г., характеризуя ситуацию с кадровым составом аппарата спецкомендатур Сибири, осуществлявшим надзор за депортированными калмыками, отмечал: «В абсолютном большинстве областей спецпоселков в том виде, как они были раньше, уже давно не существует. Наш контингент живет так же, как и остальное правовое население, т. е. расселен по всему району. Таким образом, комендант там, где он один по штату, фактически обслуживает целый административный район, там, где их два, половину административного района» [ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 171]. Данное высказывание имело непосредственное отношение к образовательной среде, так как дисперсное расселение среди правового населения приводило к механическому включению обучающихся в существовавшую общеобразовательную среду.

Наибольшая группа калмыков (27 тыс.) была депортирована на территорию Омской области в декабре–январе 1943 г. (в августе 1944 г. из ее состава выделилась Тюменская). К концу 1944 г. на территории всей Тюменской области находилось около 14 тыс. человек, Омской — 9,5 тыс. человек [ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 141. Л. 240 об., 242, 242 об.]. Более подробно рассмотрим состояние образовательной среды на примере калмыцкого населения на территорию Ханты-Мансийского округа: летом–осенью 1944 г. на территорию округа прибыло 5 999 человек, из них детей до 14 лет — 2 029, подростков 14–16 лет — 564 человека [ГАХМАО. Ф. 118. Оп. 1. Д. 329. Л. 1; 9; 12].

Анализируя положение на макроуровне, нельзя не отметить, что именно в период де-

портации калмыков было принято одно из важнейших правительственных решений, по мнению многих авторов характеризующих политику сталинского государства в отношении «наказанных народов» в целом. Речь идет о распоряжении СНК № 13287 рс от 20 июня 1944 г., принятом после обращения Л. П. Берии к В. М. Молотову от 19 июня того же года [Сталинские...: 546–547]. А. Статиев полагает, что Л. П. Берия, апеллируя к В. М. Молотову, изложил «суть ассимиляционной политики» в следующих словах: «Спецпереселенцы размещены небольшими группами в колхозах и районах вперемешку с местным — русским, казахским, узбекским и киргизским населением» [Сталинские...: 546]. Видимо, чтобы усилить впечатление от документа, А. Статиев добавил, что детей депортированных «учили на русском» для того, чтобы они «забыли свою культуру» [Statiev: 258]. В цитируемом документе действительно говорится о необходимости начального образования на русском языке для спецпереселенцев из числа представителей «наказанных» народов, расселенных в республиках Средней Азии (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и крымских татар), «...в силу отсутствия соответствующих проверенных педагогических кадров», способных организовать обучение депортированных на их национальных языках. НКВД СССР считало целесообразным проводить обучение детей спецпереселенцев на русском языке в школах по месту спецпоселения [Сталинские...: 546]. Обучение детей в средних и высших учебных заведениях проводилось также на общих основаниях, но с правом перемещения только в пределах республик спецпоселения. Обращает на себя внимание отсутствие в списке двух крупных этнических контингентов — немцев и калмыков. Хотя последнее не помешало, в частности А. А. Шадту, экстраполировать данное правительственное распоряжение на немецкий контингент [Шадт 2004: 218; 222]. Мы вслед за уважаемым коллегой до настоящего времени считали это утверждение справедливым и в отношении калмыков–спецпереселенцев.

Более внимательное прочтение источника говорит о том, что априорное распространение его действия на все регионы СССР и не обозначенные в распоряжении этнические группы не совсем корректно. Более того, содержание данного документа, относящегося к среднеазиатскому региону, позволяет го-

ворить о существенных отличиях в государственных практиках формирования образовательной среды применительно различным регионам и этническим группам спецпереселенцев в СССР. Представляется, что в отношении представителей северокавказских народов государственная политика носила более ярко выраженный «советизирующий» характер, будучи открыто направленной на формирование лояльного населения. В отношении калмыков и ряда других народов, расселенных в сибирском регионе, данная политика являлась более пластичной.

Раскрывая проблематику на микроуровне, обратимся к ситуации, сложившейся в отдельных районах и школах Югры в связи с прибытием калмыков школьного возраста. Ситуация, возникшая здесь, интересна тем, что перед руководством школ района встала аналогичная проблема, что и десятилетием ранее перед руководством ОГПУ и Наркомпроса СССР: в 1932 г. для обучения детей ссыльных из национальных регионов (Украина, Казахстан) на национальных языках в спецпоселках Урала и Западной Сибири были организованы 562 «национальные группы» в общих школах с привлечением педагогов из национальных республик. От подобной практики отказались к 1935 г., на фоне нарастания трудностей с материально-техническим обеспечением «национальных» учебных заведений [Красильников 2004].

В середине 1940-х гг. требовалось также организовать всеобщее обучение для иноэтничной группы спецпереселенцев. Из протокола Сургутского райисполкома от 12 февраля 1945 г. видно, что, как и во времена «кулацкой ссылки», власти пошли по пути создания отдельных классов для спецпереселенцев. Директор Черномысовской школы Сургутского района Логинова сообщала, что все дети калмыков охвачены школой, для них создан отдельный класс [АОА. г. Сургута Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 8]. В Березовском районе, при Березовской средней и Игримской начальной школах были созданы специальные классы для калмыков. В Игримской школе имелся даже специальный интернат для 19 детей калмыков-рыбаков [ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 878. Л. 3 об.]. Как и в случае с ссыльными крестьянами 1930-х гг., в Сургутском и Березовском районах в остальных школах обучение велось совместно с местным (преимущественно русским) населением [ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 4. Д. 60. Л. 83].

Неудачная попытка создания обособленных национальных классов закрепила общий негативный результат. Тюменский областной отдел образования с особым негодованием отмечал, что к сентябрю 1945 г. из 2 784 детей-калмыков школьного возраста обучением охвачены 778 человек [ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 4. Д. 60. Л. 83]. При этом ничего не говорилось о необходимости учета национальной специфики данной группы обучающихся и в национальных классах.

Причину неудачи попытки создания национальных классов можно видеть в том, что обучающиеся-калмыки, особенно на первых порах, нуждались в постоянной материальной поддержке, которую могли оказать только местные жители. Родителям было значительно проще объяснить, что нужно помочь однокласснику их ребенка, чем обособленному «классу иждивенцев». От национальных классов отказались во имя помощи отдельным обучающимся, распределенным по разным классам. Подтверждением этого служат воспоминания А. И. Манджиева, обучавшегося в 1945–1948 гг. в Сытоминской средней школе Сургутского района. Приведем отрывок из его трогательного рассказа: «Я учился хорошо, только по русскому языку и литературе имел оценки «четыре», а по остальным предметам — «пятерки». Зная, как матери тяжело, малые заработки в зимний период, решил поступить учеником в бондарный цех и написал на имя директора школы заявление с просьбой исключить меня из школы. Директором школы работал Питтер Михаил Иванович. Он спросил: «Где работает мать?» Я рассказал, где она работает и Ф.И.О. матери. Михаил Иванович, кроме директорской должности и был преподавателем по математике и физике в 6–7 классах. Я был его одним из лучших учеников. На следующий день он собрал педсовет, где решили выплачивать мне стипендию 200 рублей за счет школьного фонда и 100 руб. — учителя со своих зарплат. Моя стипендия — 300 рублей — оказалось, в три раза превышала зарплату матери в зимний период» [Рукопись...: 5–6]. Понятно, что помощь в таком объеме могла быть только адресной.

Важнейшими индикаторами реального содержания образовательной политики на спецпоселении и состояния образовательной среды в 1940–1950-х гг. являются: 1) наличие / отсутствие возможности продолжить образование для школьников;

2) практика трудоустройства депортированных в образовательной сфере.

Имеющиеся сведения достаточно разноречивы. С одной стороны, они позволяют предполагать наличие дискриминации. Так, Ю. О. Оглаев вспоминал, что его не приняли на исторический факультет омского вуза, поскольку существовало, со слов работника приемной комиссии, «...некое указание: калмыков в пединститут не принимать, а тем более — на исторический факультет» [Оглаев 2003]. Тем самым пресекалась возможность создания калмыцких кадров специалистов гуманитарного профиля [Гучинова 2005: 141]. Такое положение дел с обучением обществоведческим специальностям помогает нам понять политику властей в отношении использования по специальности калмыков-педагогов. В источниках различных видов на этот счет можно встретить прямо противоположные примеры: если А. С. Бадминова говорила, что «в октябре 1944 г. я устроилась работать учителем, но в 1946 г. меня уволили, так как калмычка — изменница Родины — не имела права учить и воспитывать детей» [Бадминова 2003: 194], то сельская учительница русского языка и литературы Е. И. Мукабинова работала по специальности (по состоянию на 31 декабря 1949 г.), а в 1948 г. была на летней сессии в Омске, яв-

ляясь студенткой заочницей литературного факультета Омского пединститута. Этому, вероятно, способствовал ее кандидатский стаж в ВКП(б) [ОГИК музей... 11807/3-11807/6]. А вышеупомянутый Ю. О. Оглаев, в 1953–1954 учебном году работал учителем истории в одной из школ Любинского района Омской области, «не имея специального образования» [Оглаев 2003: 218].

Вопросы о степени доступности образования для депортантов и существовании скрытых ограничений и негласных запретов при допуске спецпоселенцев к работе в образовательной сфере являются очень сложными и дискуссионными в современной историографии. Авторы, полагающие, что власть стремилась к маргинализации спецпереселенцев, указывают, в частности, на факт отстранения от работы в 1948 г. всех немцев, находившихся на поселении в Новосибирской области: учителей, преподавателей ВУЗов и артистов, связывая это с ужесточением режима спецкомендатуры [Шадт 2010]. Для получения полной картины образовательной политики и состояния образовательной среды проведем компаративный анализ практики трудоустройства спецпереселенцев различных «контингентов» в органах образования Тюменской области конца 1940-х гг. (Табл. 1).

Таблица 1. Спецпереселенцы-выселенцы в органах народного просвещения Тюменской области (по состоянию на 20 июля 1949 г.)

Работает в органах народного просвещения	немцы	калмыки	указники	литовцы	сектанты	ОУНовцы	Бывшие кулаки ¹
Директоров (Зав.) школами	3	4	-	-	-	-	1 ²
Преподавателей	62 (4) ³	1	-	-	-	-	-
Учителей	110 (5) ⁴	30 (2)	-	-	-	-	-
Воспитателей	-	3	1	-	-	-	1
Зав. избами-читальнями	-	1	-	-	-	-	-
Всего трудоустроено по области	12 842	5 196	2 829	466	211 ⁵	107	79

Составлено по: [ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 40. Д. 143. Л. 65–83; 103–119].

¹ Данные только по г. Тюмени.

² Заместитель директора школы № 21 г. Тюмени.

³ В скобках даны сведения по г. Тюмени. По контингенту «немцы» включают преподавателя и заведующего кабинетом иностранных языков тюменского пединститута, преподавателей лесного машиностроительного техникумов.

⁴ Данные по г. Тюмени. По контингенту «немцы» включают педагога музыкальной школы и «преподавателя школы» № 21.

⁵ В том числе 50 домработниц.

Таблица 2. Спецпереселенцы-калмыки сотрудники школ Тюменской области (1948–1956 гг.)

Работают:	1 января 1948 г.	20 июля 1949 г.	1 января 1950 г.	1 января 1956 г.
Директоров / заведующих школ	-	4	4	-
Учителей	26	30	31	5

Составлено по: [ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 356. Л. 348; Книга Памяти... 2004: 60–66; Боркова 2004: 139].

Данные таблицы 1 опровергают сведения А. А. Шадта. Представляется, что здесь необходимо учитывать и анализировать не только директивные указания на места, но и практику его реализации, поскольку попытки отстранения спецпереселенцев (как «подозрительных элементов») предпринимались неоднократно, но далеко не всегда желания местных властей совпадали с возможностями. Показательна история, связанная с принятием 8 августа 1950 г. Ханты-Мансийским окружком постановления «О засоренности аппаратов советских и хозяйственных органов округа социально-чуждыми элементами и лицами, не внушающими политического доверия» [ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1690. Л. 14–17], когда требование окружкома партии снять с руководящих постов в советских и хозяйственных организациях всех спецпереселенцев и административно высланных (ссыльнопоселенцев), встретило неожиданный отпор со стороны Тюменского обкома ВКП(б), который 17 октября того же года указал югорским товарищам на «ошибочность» требования «проведения сплошной чистки аппарата советских учреждений и хозяйственных предприятий», после чего в Ханты-Мансийске вынуждены были отменить собственное решение о «массовой чистке» [ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1690. Л. 39]. Аналогичные действия предпринимались и в других регионах спецпоселения (например, в Коми АССР), но безуспешно, в первую очередь ввиду дефицита кадров [Игнатов 2009: 171].

Вместе с тем, при исследовании проблем трудовой дискриминации в образовании, полезно изучать их не только с точки зрения государственной национальной политики, но также учитывать этику поведения самих депортантов в отношении власти и отношения различных групп репрессированных по этническому признаку с режимно-административными органами. Именно подобный подход может привести нас к неожиданным результатам, поскольку пред-

ставители власти учитывали различные поведенческие стратегии и разную степень лояльности представителей отдельных этнических «контингентов». Так, обобщая результаты оперативно-розыскной работы по поиску бежавших спецпереселенцев и причинах их побегов с мест поселения начальник УНКВД Тюменской области Н. Ф. Шеваров в августе 1948 г. отмечал, что «... основными причинами побегов спецпоселенцев-немцев и калмыков являются разрозненность семей, а спецпоселенцев «указников», оуновцев и литовцев — стремление путем побега избежать пребывания в ссылке. Эти настроения усиливаются в случаях, когда хозорганы не создают им нормальных трудовых и жилищно-бытовых условий» [ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 416. Л. 147]. В результате уже на поселении спецпереселенцы разделялись на «более лояльных» и «менее лояльных». В соответствии с представлением о степени лояльности разных «контингентов» варьировалась строгость административного режима: в Тюменской области была «организована регулярная явка глав семей спецпоселенцев-калмыков для отметок в спецкомендатуру 1 раз в месяц, глав семей «оуновцев» и литовцев 2 раза в месяц и всех «указников» [выселенные по указу ПВС от 2 июня 1948 г. — А. И.] один раз в неделю» [ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 416. Л. 141]. Аналогичным образом в соседней Омской области в конце 1949 г. в местах поселения калмыки и немцы являлись для отметки в комендатуру 1 раз в месяц; «оуновцы» и латыши — 2 раза в месяц; эстонцы — 3 раза в месяц» [ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 471. Л. 271].

Данные таблицы 1 коррелируются со сведениями отчетной документации МВД и позволяют утверждать, что на территории Западной Сибири немцы и калмыки относились к числу «более лояльных спецконтингентов» и имели приоритетный доступ (в сравнении с другими категориями спецпереселенцев) к занятию должностей в органах образования. Если сопоставить

это с данными распоряжения СНК № 13287 рс от 20 июня 1944 г., то у нас выстроится своеобразная иерархия «более лояльных» и «менее лояльных» групп спецпереселенцев, в которой к «более лояльным» относились немцы и калмыки, а к «менее лояльным» — «прибалтийские контингенты», выселенцы с Северного Кавказа, крымские татары и ОУНовцы.

Иерархическая система приобретает законченный вид, если мы вспомним, что коменданты в своей практической деятельности опирались на вышедшие 8 марта 1944 г. «Правила хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев». В соответствии с этим документом, спецпереселенцы были формально разделены на «социально опасных» и «социально неопасных».

К категории «опасных» были причислены те из спецпереселенцев, «которые в период временной оккупации немецко-фашистскими войсками районов их прежнего местожительства служили полицейскими, старостами, комендантами или по собственной инициативе выполняли другие обязанности, способствовавшие немцам в проведении карательных и репрессивных мер по отношению к советским гражданам» [Ссылка 1993: 146–147]. Обустройство на поселении первой группы производилось в условиях, обеспечивавших постоянный и усиленный надзор за ними со стороны органов НКВД [Ссылка 1993: 147].

Для второй группы спецпереселенцев — «социально неопасных» — предлагалось создавать «благоприятные условия» для трудоустройства [Ссылка 1993: 147]. Все спецпереселенцы, не относившиеся к категории «опасных», попадали во вторую группу. В особом положении находились коммунисты и комсомольцы, не утратившие общественного статуса, который они имели до депортации, хотя они выселялись на общих основаниях, даже если имели заслуги перед государством [Ссылка 1993: 25].

В результате, на спецпоселении возникала всепроникающая иерархия «контингентов» и «внутриконтингентных» групп. Положение в этой системе отношений определялось представлениями власти о степени лояльности той или иной категории спецпереселенцев.

Отнесение той или иной группы спецпереселенцев к категории «лояльных» не решало всех проблем, так как репрессии (чистки) в отношении разного рода «ненадежных

элементов», которые власти осуществляли на всем протяжении сталинской эпохи, носили волнообразный характер [Папков 2012: 388]. Данный тезис подтверждает как описанный выше случай с принятием постановления Ханты-Мансийским окружкомом, так и данные таблицы 2.

Обобщенные нами данные можно интерпретировать двояко: с одной стороны, они свидетельствуют о проведении властями политики «бутылочного горлышка» — комплекса мер, ограничивавших занятость спецпереселенцев строго определенными направлениями обучения и сферами общественного труда и требовавших замены при первой возможности работников из числа «неблагонадежных элементов» идеологически верным населением (снятие с учета спецпоселения в 1944 г. и повторная постановка на спецучет калмыков-сотрудников НКВД–НКГБ подтверждает эту гипотезу [ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 455. Л. 43–45]); с другой стороны, данные таблицы 2 свидетельствуют о сохранении потенциальной возможности трудоустройства на преподавательскую работу, и, следовательно, об относительно высоком уровне доверия до конца истории калмыцкого спецпоселения. Также необходимо принять во внимание факт снятия с учета в 1955 г. ряда наиболее близких к власти категорий спецпереселенцев (коммунистов, лиц, награжденных правительственными наградами и др.), которые, по всей видимости, составляли значительную часть руководителей и педагогов в школах, а, следовательно, не вошли в учетные данные отдела «П» МВД СССР за 1956 г.

При этом не подлежит сомнению, что депортация и проводимая в сфере образования «политика бутылочного горлышка» нанесли серьезный урон по образованности депортированных и, в частности, калмыков.

По данным переписи 1939 г., общий уровень грамотности у калмыков составлял 58,7 %, а в возрастной группе от 9 до 49 лет — 72,1 %. Доля калмыков со средним школьным образованием — 2,6 %, с высшим образованием — 0,2 % [Максимов 2007: 34–35]. Спецперепись 1949 г. показала уровень грамотности взрослого калмыцкого населения: на территории Омской области: с высшим образованием — 29 человек (0,5 %), со средним — 245 (4 %), с начальным — 3 101 (50,3 %), неграмотных — 2 796 (45,3 %). В Тюменской области: с высшим образова-

ем — 12 человек (0,2 %), со средним — 153 (2,4 %), с низшим — 4 543 (71,2 %), неграмотных — 1 676 (26,3 %) [ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 484. Л. 136; 139; 241–242; 247]. По СССР: с высшим образованием — 201 человек (0,4 %), со средним — 1 367 (2,8 %), с начальным — 28 020 (57,6 %). По сравнению с показателями грамотности населения РСФСР (98,5 %) эти показатели были достаточно низкими. Среди калмыков (по СССР) было в 2,5 раза меньше лиц с высшим образованием, чем по РСФСР [Максимов 2009: 608]. В результате депортация отбросила образовательный уровень к показателям конца 1930-х гг. Среди вернувшихся на территорию Калмыцкой АССР (к началу 1959 г.) калмыков насчитывалось 1 332 человека (2,1 %) с высшим и средним образованием [Книга Памяти: 455].

К 1 апреля 1949 г. к категории учащихся высших и средних специальных учебных заведений были отнесены 164 калмыка (107 — в Омской области; 57 — в Тюменской области) [ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 484. Л. 136; 139; 241–242; 247]. Ужесточение режима спецпоселения в конце 1940-х гг. отрицательно сказалось на степени доступности образования. В 1955 г. в школах Омской области училось более 5 500 детей-спецпереселенцев (всех категорий), в то время как в техникумах — 216, в ВУЗах — 124 человека [ИсА ОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 6940. Л. 5]. К началу 1956 учебного года в средних специальных учебных заведениях Омской области обучалось всего три калмыка [ИсА ОО. Ф. 437. Оп. 24. Д. 204. Л. 245]. Авторы «советской» истории Калмыкии установили, что как минимум 4 калмыка закончили ВУЗы Омска, причем один из них — в 1948 г. Один калмык работал в Омском пединституте [Очерки... 1970: 330–332]. По данным А. Некрича, один калмык защитил кандидатскую в Омске [Некрич 1993: 265].

Существование дискриминации и негативные последствия депортации были официально признаны вскоре после снятия ограничений по спецпоселению. В проекте постановления правительства «О восстановлении национальной автономии калмыков, карачаевцев, балкарцев, чеченцев и ингушей» (октябрь 1956 г.) говорилось о том, что выселение народов имело следствием: «невыдвижение названных групп населения на руководящую работу; малый прием в высшие и средние специальные учебные заведения; использование не по назначению

в производственной сфере; неграмотность» [По решению... 2003: 747].

Закономерным итогом развития образовательной среды спецпоселения стала ситуация, сложившаяся к моменту снятия режимных ограничений (март 1956 г.) с калмыцкого населения Ханты-Мансийского округа. Представляется типичным положение, зафиксированное в информационном письме секретаря окружкома А. Ключникова: «Все дети калмыков охвачены обучением, но в русских школах. В школах округа обучается 416 детей калмыков, из них: в 1–4 классах — 210 чел., в 5–7 классах — 169 чел. и в 8–10 классах — 37 чел. Окончило в 1955–1956 учебном году семилетнюю школу — 31 и среднюю — 7 человек. Анализ размещения калмыков в округе показывает, что возможности создания специально калмыцких школ в округе пока нет, так как они небольшими группами размещены по большому числу населенных пунктов. <...> Кроме того, в округе нет учителей калмыков и учебников на калмыцком языке. Дети калмыков поступают учиться в специальные средние учебные заведения округа. Так медицинское училище окончило 6 чел. и в настоящее время в нем учится 3 чел. Все окончившие медучилище работают в лечебных учреждениях округа.

Кроме этого, получили из калмыков специальность киномехаников и мотористов 2 чел., окончили окружную сельско-хозяйственную, торгово-кооперативную школы школу подготовки кадров для рыболовецких колхозов 16 чел.» [ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1799. Л. 37–38].

Отметим, что всего по Тюменской области к началу 1956 г. на спецучете находилось 5 учителей-калмыков [Книга Памяти... 2004: 60–66]. В этой же «информации» сообщалось о том, что в семилетней школе бывшего спецпоселка Черный Мыс, где ранее действовал «калмыцкий» класс, обучалось 24 калмыка, но по 3–4 человека в каждом классе [ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1799. Л. 38]. Подтверждают достоверность указанных сведений воспоминания ученицы Черномысовской школы Нины Николаевны Распоповой: в начале 1950-х гг. «...здесь, в нашем классе, все были русские, только несколько было калмыков — 2 или 3 человека. Но мы к ним очень хорошо относились» [Запись... 2011].

Образовательная среда спецпоселения была полна различного рода скрытыми и

явными барьерами как для обучающихся, так и для педагогов-спецпереселенцев. Эти барьеры не исчезли и после формальной ликвидации обособленной сети школ для детей ссыльных. Система продолжала воспроизводить образовательные установки начала 1930-х гг., пытаясь воссоздать в годы войны сеть национальных классов и интернатов для детей депортированных в годы войны калмыков.

Попытка организовать постоянно действующие отдельные классы для этнических депортированных, как и десятилетие назад, не удалась. В этом легко увидеть проявление «политики принудительной ассимиляции» или попытку «отрыва народа от родных корней», но если мы рассматриваем ситуацию с позиции рядового спецпереселенца и чиновников районного уровня, то ситуация предстанет в ином свете: 1) создание отдельных классов для детей этнических депортантов (калмыков, немцев и др.) требовало значительных ресурсов, которых у местных властей по объективным причинам не было; 2) обособление детей вынужденных переселенцев замедляло процесс социализации и интеграции учащихся в существующую социальную и образовательную среду; 3) появление «калмыцких» классов могло привести к нарастанию социальной напряженности не только в образовательном учреждении, но и в отдельных населенных пунктах, поскольку требовало изъятия средств у местных жителей.

Образовательная среда периода 1940-1950-х гг. заметно эволюционировала в сравнении с периодом «раскулачивания» начала 1930-х:

- с 1937 учебного года дети спецпереселенцев формально получали образование на общих основаниях: в общеобразовательных школах, ССУЗах и ВУЗах;

- в отличие от 1930-х гг., не предпринимались попытки использования литературы на национальных языках и создания национальных школ для спецпереселенцев;

- учителя из числа представителей «наказанных народов» должны были вести обучение своих сородичей только на русском языке;

- в середине 1950-х гг. были признаны «существенные недостатки» в обучении этнических депортантов (о них вспомнили незадолго до снятия ограничений по спецпоселению, ввиду необходимости «закрепления» репрессированных в местах бывшего поселения).

Наметился общий вектор развития образовательной среды: параллельно с волной этнических депортаций и последовавшим за ней увеличением этнического многообразия спецпоселения усиливались унифицирующие тенденции в образовании, за счет отказа от учета национальной специфики этнических спецпереселенцев. Амбивалентность действий власти в отношении к образовательной среде спецпоселения продуцировалась стремлением советской системы сформировать из «подозрительного» населения людей лояльных, работавших там, где укажет государство, и обладавших только теми профессиями и навыками, которые ему необходимы.

Анализ комплекса документов, относящихся к истории спецпоселения, позволяет утверждать, что государственная образовательная политика на спецпоселении поддерживала установившуюся административно-режимными методами иерархию «контингентов» и «внутриконтингентных» групп (социально опасных и социально близких), положение в которой определялось представлениями власти о степени лояльности той или иной категории спецпереселенцев. Немцы и калмыки относились к числу «более лояльных спецконтингентов» и имели возможность трудоустройства в органах образования, а «менее лояльные» («прибалтийские контингенты», выселенцы с Северного Кавказа, крымские татары и ОУНовцы) были фактически лишены такой возможности. Проводимая государством на спецпоселении «политика бутылочного горлышка» нанесла значительный ущерб депортированным: отбросила общий уровень образования спецпереселенцев на довоенный уровень, привела к диспропорции в подготовке специалистов по ряду направлений и специальностей, особенно гуманитарного профиля.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-11-86009 а(р) «Спецпоселение как среда обитания (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа — Югры)».

Источники

АОА г. Сургута — Архивный отдел администрации города Сургута

Бадьмина А. С. Мне не дали работать учителем // Мы — из выселенных навечно. Вос-

- поминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / сост. П. О. Годяев. Элиста: АПП Джангар, 2003. С. 193–194.
- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
- ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тюменской области
- ГАХМАО — Государственный архив Ханты-Мансийского округа
- Запись интервью с Н. Н. Распоповой // Полевые материалы автора, г. Сургут, 2011 г.
- ИсА ОО — Исторический архив Омской области
- Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. I. Ссылка калмыков: как это было. Кн. 3-я. Восстановление автономии и реабилитация калмыцкого народа: Сб. док-тов и мат-лов. Ч. 1. Восстановление автономии (1956–1963 гг.) / сост. В. З. Атуева, Л. С. Бурчинова, Г. С. Санджиева и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 584 с.
- ОГИК музей — Омский государственный историко-краеведческий музей
- Оглаев Ю. О. Через тернии — к свету и знаниям // Мы — из выселенных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / сост. П. О. Годяев. Элиста: АПП Джангар, 2003. С. 216–223.
- «По решению правительства СССР...» (Депортация народов: док-ты и мат-лы) / сост., предисл., коммент. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 927 с.
- Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2005. 912 с.
- Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 2006. 1020 с.
- Рукопись воспоминаний А. И. Манджиева (1931 г. р.) // Семейный архив Т. А. Михалевой (Манджиевой). Л. 1–6.
- Ссылка калмыков: как это было: сб. док-тов и мат-лов. Т. I. Кн. 1 / сост.: П. Д. Бакаев, Н. Ф. Бугай, Л. С. Бурчинова [и др.]. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 264 с.
- Сталинские депортации. 1928–1953. М.: МФД: Материк, 2005. 904 с.
- сую область (1944–1956 гг.) // Вестник Тобольского государственного педагогического института. 2004. № 3. С. 136–143.
- Гучинова Э.-Б. М. Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы калмыков. Штутгарт: ibidem, 2005. 282 с.
- Демидова Н. И. Исследование подходов к категории «образовательная среда» в истории психолого-педагогической мысли // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 5. С. 76–82.
- Загороднюк Н. И. Школы для спецпереселенцев (30–50 гг.) // Исторический опыт образования Тюменского края. Мат-лы обл. науч. конф. Тюмень: [б/и], 1992. 208 с.
- Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2005. 306 с.
- Игнатова Н. М. Спецпереселенцы в республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар: ИИО Коми НЦ УрО РАН, 2009. 192 с.
- Кирилюк Д. В. Системные проблемы школьного образования на Тюменском Севере в 1945–1966 гг. // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. Т. 4. № 2 (32). С. 25–29.
- Красильников С. А., Сарнова В. В. Сохранение национальной культуры и этничности спецпереселенцами в Сибири в 1930–1940-е годы // Национально-культурная политика в Сибирском регионе в XX в.: Сб. науч. тр. Новосибирский гос. университет. Новосибирск, 2004. С. 197–217.
- Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма / отв. ред. Д. А. Чугаев. М.: Наука, 1970. 432 с.
- Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2007. 374 с.
- Максимов К. Н. Репрессии против калмыцкого народа и его реабилитация (1943–1950-е гг.) // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: ИД Герел, 2009. Т. 2. С. 580–641.
- Мошкин В. В. Крестьянская ссылка на Обь-Иртышский Север (1930–1933 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2008. 215 с.
- Некрич А. Наказанные народы // Нева. 1993. № 9. С. 223–261; № 10. С. 246–284.
- Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.
- Стась И. Н. Развитие образования как фактор урбанизации Ханты-Мансийского автономного округа (1960-е — начало 1990-х гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Литература

- Алексеева Л. В. Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере 1920–1941 гг.: приоритеты, формы осуществления и результаты. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2003. 251 с.
- Боркова Е. В. Депортация калмыков в Тюмен-

- ки. 2015. № 10–1 (60). С. 167–171.
- Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2007. 496 с.
- Чернолуцкая Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011. 512 с.
- Шадт А. А. Национальная политика в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск: Наука-Центр, 2004. 293 с.
- Шадт А. А. Этническая ссылка советских немцев // Маргиналы в советском социуме. 1930-е — середина 1950-х гг. Новосибирск, 2010. С. 355–416.
- Statiev A. Soviet ethnic deportations: intent versus outcome // Journal of Genocide Research. (2009) 11(2–3). June–September. P. 243–264.
- Sources**
- АОА г. Surguta — *Arkhivnyy otdel administratsii goroda Surguta* [Archival Department of the Surgut Municipality].
- Badminova A. S. *Mne ne dali rabotat' uchitelem* [I was not allowed to work as a teacher]. *My — iz vyselennykh navechno. Vospominaniya deportirovannykh kalmykov (1943–1957 gg.)* / sost. P. O. Godaev [We are those who were once deported forever. Memoirs of deported Kalmyks (1943–1957). Comp. by P. Godaev]. Elista, Dzhangar Publ., 2003, pp. 193–194 (In Russ.).
- GA RF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [The State Archive of the Russian Federation].
- GASPIITO — *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti* [The State Archive of Socio-Political History of Tyumen Oblast].
- GAKhMAO — *Gosudarstvennyy arkhiv Khanty-Mansiyskogo okruga* [The State Archive of Khanty-Mansi Autonomous Okrug].
- Zapis' intervyyu s N. N. Raspopovoy // *Polevye materialy avtora, g. Surgut, 2011 g.* [A record of an interview with N. Raspopova. Author's field data. Surgut, 2011].
- IsA OO — *Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti* [The Historical Archive of Omsk Oblast].
- Kniga Pamyati ssylki kalmytskogo naroda. T. I. Ssylka kalmykov: kak eto bylo. Kn. 3-ya Vosstanovlenie avtonomii i reabilitatsiya kalmytskogo naroda: Sb. dokumentov i materialov. Chast' 1-ya. Vosstanovlenie avtonomii (1956–1963 gg.)* / Sost.: V. Z. Atueva, L. S. Burchinova, G. S. Sandzhieva i dr. [Deportation of the Kalmyk people: a memorial book. Vol. I. Deportation of the Kalmyks: how it was done. Book 3. Restoration of the autonomy and rehabilitation of the Kalmyk people: a collection of documents and materials. Part 1. Restoration of the autonomy (1956–1963). Comp. by V. Atueva et al.]. Elista, Kalm. Book Publ., 2004, 584 p. (In Russ.).
- OGIK muzey — *Omskiy gosudarstvennyy istoriko-kraevedcheskiy muzey* [Omsk State Museum of History and Regional Studies].
- Oglaeu Yu. O. *Cherez ternii — k svetu i znaniyam* [Through hardships to the light of knowledge]. *My — iz vyselennykh navechno. Vospominaniya deportirovannykh kalmykov (1943–1957 gg.)* / sost. P. O. Godaev [We are those who were once deported forever. Memoirs of deported Kalmyks (1943–1957). Comp. by P. Godaev]. Elista, Dzhangar Publ., 2003, pp. 216–223 (In Russ.).
- «Po resheniyu pravitel'stva SSSR...» (*Deportatsiya narodov: dok. i mat-ly*) / sost., predisl., komment. N. F. Bugay, A. M. Gonov [“According to the decision of the USSR Government ...” (Deportations: documents and materials). Comp., introd., comment. by N. Bugay, A. Gonov]. Nalchik, El-Fa Publ., 2003, 927 p. (In Russ.).
- Politbyuro i krest'yanstvo: vysylka, spetsposelenie. 1930–1940: V 2 kn. Kn. 1 [The Politburo and peasantry: deportations and special settlements. 1930–1940. In 2 books. Book 1]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005, 912 p. (In Russ.).
- Politbyuro i krest'yanstvo: vysylka, spetsposelenie. 1930–1940: V 2 kn. Kn. 2 [The Politburo and peasantry: deportations and special settlements. 1930–1940. In 2 books. Book 2]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 1020 p. (In Russ.).
- Rukopis vospominaniy A. I. Mandzhieva (1931 g. r.)* // *Semeynyy arkhiv T. A. Mikhalevoy (Mandzhievoy). L. 1–6* [A manuscript of memoirs by A. Mandzhieva (born 1931) from the family archive of T. Mikhaleva (Mandzhieva). Pp. 1–6].
- Kniga Pamyati ssylki kalmytskogo naroda. Ssylka kalmykov: kak eto bylo: sb. dok. i mat-lov. T. I. Kn. 1* / sost.: P. D. Bakaev, N. F. Bugay, L. S. Burchinova [i dr.] [Deportation of the Kalmyk people: a memorial book. Vol. I. Deportation of the Kalmyks: how it was done. Book 1. ... A collection of documents and materials]. Elista, Kalm. Book Publ., 1993, 264 p. (In Russ.).
- Stalinskie deportatsii. 1928–1953* [Stalinist deportations. 1928–1953]. Moscow, MFD Materik Publ., 2005, 904 p. (In Russ.).

References

- Alekseeva L. B. *Sotsiokul'turnaya politika sovetskoy vlasti na Ob'-Irtyshskom Severe 1920–1941 gg.: priority, formy osushchestvleniya i rezul'taty* [Soviet socio-cultural policies of in the Ob-Irtysh North in 1920–1941: priorities, methods and results]. Ekaterinburg, Publ. Dept. of Inst. for History and Archaeology (Ural Branch of the RAS), 2003, 251 p. (In Russ.).
- Borkova E. V. *Deportatsiya kalmykov v Tyumenskuyu oblast' (1944–1956 gg.)* [Deportation of Kalmyks to Tyumen Oblast (1944–1956)]. *Vestnik Tobolskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Bulletin of Tobolsk State Pedagogical Institute], 2004, No. 3, pp. 136–143 (In Russ.).
- Guchinova E.-B. M. *Pomnit' nel'zya zabyt'. Antropologiya deportatsionnoy travmy kalmykov* [Never to be forgotten. Anthropology of the post-deportation trauma of the Kalmyks]. Stuttgart, 2005, 282 p. (In Russ.).
- Demidova N. I. *Issledovanie podkhodov k kategorii «obrazovatel'naya sreda» v istorii psikhologo-pedagogicheskoy mysli* [Researching the category 'educational environment' in the history of psycho-pedagogical thought]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tyumen State University Herald], 2009, No. 5, pp. 76–82 (In Russ.).
- Zagorodnyuk N. I. *Shkoly dlya spetspereselentsev (30–50 gg.)* [Schools for 'special settlers' (displaced persons), 1930–1950]. *Istoricheskiy opyt obrazovaniya Tyumenskogo kraya. Mat.-ly. obl. nauch. konf* [Education in Tyumen Region: a Historical Retrospective. Proc. of the regional conf.]. Tyumen, 1992, 208 p. (In Russ.).
- Zemskov V. N. *Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960* ['Special settlers' in the USSR, 1930–1960]. Moscow, Nauka Publ., 2005, 306 p. (In Russ.).
- Ignatova N. M. *Spetspereselentsy v respublike Komi v 1930–1950-e gg.* ['Special settlers' in the Komi Republic, 1930–1950s]. Syktyvkar, Publ. Dept. of Inst. of Language, Literature and History (Ural Branch of the RAS), 2009, 192 p. (In Russ.).
- Kirilyuk D. V. *Sistemnye problemy shkol'nogo obrazovaniya na Tyumenskom Severe v 1945–1966 gg.* [Systemic problems of secondary education in the Tyumen North in 1945–1966]. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, kul'tura* [The Northern Region: Science, Education, Culture journal], 2015, vol. 4, No. 2 (32), pp. 25–29 (In Russ.).
- Krasilnikov S. A., Sarnova V. V. *Sokhraneniye natsional'noy kul'tury i etnichnosti spetspereselentsami v Sibiri v 1930–1940-e gody* [Preservation of national culture and identity by displaced persons in Siberia in 1930–1940s]. *Natsional'no-kul'turnaya politika v Sibirskom regione v XX v.: Sb. nauch. tr.* [National and cultural policies in Siberia in the 20th c.]. Novosibirsk, Novosibirsk State Univ. Press, 2004, pp. 197–217 (In Russ.).
- Ocherki istorii Kalmytskoy ASSR. Epokha sotsializma / otv. red. D. A. Chugaev* [The Kalmyk ASSR: historical sketches. The Socialist era. Edit. by D. Chugaev]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 432 p.
- Maksimov K. N. *Velikaya Otechestvennaya vojna: Kalmykiya i kalmyki* [The Great Patriotic War: Kalmykia and the Kalmyks]. Moscow, Nauka Publ., 2007, 374 p. (In Russ.).
- Maksimov K. N. *Repressii protiv kalmytskogo naroda i ego reabilitatsiya (1943–1950-e gg.)* [Repressions against the Kalmyks and their rehabilitation (1943–1950s)]. *Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dney: v 3 t.* [History of Kalmykia from the ancient times to the present days]. Elista, Gerel Publ., 2009, vol. 2, pp. 580–641 (In Russ.).
- Moshkin V. V. *Krest'yanskaya ssylka na Ob'-Irtyshskiy Sever (1930–1933 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Deportation of peasants to the Ob-Irtysh North (1930–1933)]. Nizhnevartovsk, 2008, 215 p. (In Russ.).
- Nekrich A. *Nakazannyye narody* [The punished peoples]. *Neva* (magazine), 1993, No. 9, pp. 223–261; No. 10, pp. 246–284 (In Russ.).
- Papkov S. A. *Obyknovennyy terror. Politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary terror. Stalinist policies in Siberia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, 440 p. (In Russ.).
- Stas I. N. *Razvitie obrazovaniya kak faktor urbanizatsii Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga (1960-e — nachalo 1990-kh gg.)* [Development of education as a factor urbanization of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (the 1960s — the beginning of the 1990s)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2015, No. 10–1 (60), pp. 167–171 (In Russ.).
- Ubushaev V. B., Ubushaev K. V. *Kalmyki: vyselenie, vozvrashchenie, vozrozhdenie. 1943–1959 gg.* [The Kalmyks: exile, return, revival]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2007, 496 p. (In Russ.).
- Chernolutsкая E. N. *Prinuditel'nye migratsii na sovetskom Dal'nem Vostoke v 1920–1950-e gg.*

- [Forced migrations in the Soviet Far East in 1920–1950s]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2011, 512 p. (In Russ.).
- Shadt A. A. *Natsional'naya politika v Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [National policy in Siberia during the Great Patriotic War]. *Zapadnaya Sibir' v Velikoy Otechestvennoy voyne (1941–1945 gg.)* [Western Siberia and the Great Patriotic War]. Novosibirsk, Nauka-Tsentr Publ., 2004, 293 p. (In Russ.).
- Shadt A. A. *Etnicheskaya ssylka sovetskikh nemtsev* [Deportation of Soviet ethnic Germans]. *Marginaly v sovetskom sotsiume. 1930-e — seredina 1950-kh gg.* [Soviet social outcasts. 1930s — mid-1950s]. Novosibirsk, 2010, pp. 355–416 (In Russ.).
- Statiev A. Soviet ethnic deportations: intent versus outcome. *Journal of Genocide Research*, 2009, vol. 11 (2–3), June–September, pp. 243–264 (In Eng.).

УДК 94 (47+57)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА И ИЕРАРХИЧНОСТЬ НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1940–1950-е гг.)

Александр Сергеевич Иванов ¹

¹ кандидат исторических наук, доцент, кафедра естественно-научных и гуманитарных дисциплин, Сургутский институт нефти и газа — филиал Тюменского индустриального университета в г. Сургуте; старший преподаватель, кафедра истории России, Сургутский государственный университет (Сургут, Российская Федерация). E-mail: 88d@bk.ru.

Аннотация. В данной статье посредством анализа государственной образовательной политики, организации образовательного пространства и практик трудоустройства спецпереселенцев в образовательной сфере характеризуется статусная неоднородность «спецконтингентов» в условиях особого административного режима.

В среде спецпоселенческого социума депортированных в годы войны народов «внутриконтингентных» социально близких власти групп (сотрудников советских спецслужб, членов ВКП (б) / КПСС и ВЛКСМ). Принадлежность к одной из «благонадежных» групп не снимала клейма спецпереселенца, но создавала благоприятные предпосылки для успешной социализации на поселении. На противоположном «полюсе лояльности» находилась группа «социально опасных» спецпереселенцев, за которыми обеспечивался постоянный и усиленный контроль органов НКВД / МВД. Внутриконтингентная иерархия органично дополнялась межконтингентной. Практика трудоустройства спецпереселенцев-педагогов позволяет утверждать, что на поселении сложилась иерархия «более лояльных» (немцы, калмыки) и «менее лояльных» (Прибалтийские контингенты, депортированные с Северного Кавказа, крымские татары, ОУНовцы) контингентов спецпереселенцев.

Автор приходит к выводу, что проводимая государством на спецпоселении «политика бутылочного горлышка» нанесла значительный ущерб депортированным: отбросила общий уровень образования спецпереселенцев на довоенный уровень, привела к диспропорции в подготовке специалистов по ряду направлений и специальностей, особенно гуманитарного профиля.

Ключевые слова: депортация, спецпоселение, образовательная среда, спецпереселенцы-калмыки.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 58–70, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-58-70
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(47)084

National Units of the Red Army in the 1930s

Aleksey Yu. Bezugolnyi ¹

¹ Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Senior Research Associate, Research Institute of Military History, Military Academy of the General Staff (Moscow, Russian Federation). E-mail: besu111@yandex.ru.

Abstract

The emergence and development of national formations in the interwar period was due to a number of objective factors and should be considered in the overall context of the development of the country's armed forces and state national policy. The influence of these factors varied in different periods. National formations were established in the mid-1920s on the wave of political emancipation of the USSR's national regions and the mass introduction of the *korenization* practice (Soviet 'localization policy') — a special state policy in the national regions aimed at major promotion of national cadres, development of national cultures and languages. In addition, it was planned to use national formations for further revolutionary expansion into neighboring countries of the East.

The article analyzes the development of national military units as a special institution within the Red Army which survived during the 1930s and reached its zenith, as well as the period of its rapid decline. The paper notes that the fate of the national parts was determined not only by the peculiarities of development of the Soviet armed forces on the eve of the major war but also by the vicissitudes of big-league politics and ideology, namely, the change of the course — from world revolution to construction of a national socialist state to be accompanied by the Great Purge and discreditation of national movements.

Prospects of a big war and Red Army's accelerated reorganization revealed a discrepancy of national formations with dictates of the time. Since the late 1930s, mass conscription of citizens of all nationalities of the USSR and their extraterritorial distribution throughout military units (outside their homeland regions) was introduced. For these reasons, further existence of any national troops became irrelevant since those were in conflict with the goal of mass mobilization and reserve accumulation. We should also note the absence of a certain official responsible for the construction of a corresponding national structure within the Red Army. This resulted, on the one hand, in the chaotic development of national units in the first half of the 1930s, and, on the other hand, in the absence of lobbyists inside the Defense Ministry, subsequent to which those were abolished without any discussions.

Keywords: Red Army, national military units, Soviet localization policy, national policies, concentration.

В период Гражданской войны национальные формирования в составе Рабоче-Крестьянской Красной Армии (далее — РККА), а также партизанские отряды, укомплектованные лицами местных национальностей, сыграли важную роль, отстаивая советскую власть на окраинах бывшей Российской империи. Чаще всего они соз-

давались в инициативном порядке, без единого замысла. В послевоенный период был совершен принципиальный переход к планомерному, обоснованному государственными интересами и экономическими возможностями строительству национальных воинских формирований как неотъемлемой части боевого состава Красной Армии.

Историография темы национальных формирований РККА в межвоенный период невелика: большинство исследований посвящено либо периоду их зарождения в 1920-е гг., либо периоду Великой Отечественной войны. Современные событиям работы, как правило, касались текущих проблем военного строительства в национальных регионах и не содержали глубоких обобщений [Катуков 1930; Рымшан, Алексинский 1932; Плетнев 1937 и др.]. Вопросы истории национальных формирований в 1930-е гг. затрагивались в ряде региональных работ 1970–1980-х гг. [Курбанов 1972; Гуружапов 1974 и др.], а также в некоторых обобщающих работах [Маркарян 1975; Аманжолов 1987 и др.]. В современной России эти проблемы поднимаются в ряде диссертаций [Иванов 1995; Кадыров 2002; Назих 2011] и журнальных публикаций [Градосельский 2001; Подустов 2005; Жарков 2014 и др.], однако до сих пор обобщенного взгляда на развитие данного института Красной Армии в 1930-е гг. нет.

Поворотным в судьбе национальных формирований стал Пленум РВС СССР, проходивший в конце ноября — начале декабря 1924 г. 28 ноября на пленуме был заслушан большой доклад наркома по военным и морским делам М. В. Фрунзе «О национальных формированиях» [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 269]. В основу предложенной М. В. Фрунзе концепции национального строительства в РККА легли тезисы о полном равноправии народов СССР, учете интересов всех этносов в деле военного строительства и постепенном переносе центра тяжести с использования в войсках славянских контингентов на национальные [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 531. Л. 82об.–83]. По итогам работы Пленума РВС СССР была принята резолюция «О национальных формированиях», изложенная в тридцати семи тезисах. Они содержали требования к будущему плану национальных формирований, который намечалось осуществить в течение пяти лет. С 1925 г. реализовывалась пятилетняя программа национального строительства в РККА, скорректированная в 1927 г. (фактически это была новая программа).

Национальное строительство в РККА в 1920-е гг. вполне отвечало интересам общесоюзной власти, поскольку опыт последних войн России со всей очевидностью показывал, что ведение длительной круп-

номасштабной войны без использования мобилизационных ресурсов национальных окраин крайне затруднительно. В идеологическом плане национальные формирования виделись большевистскому руководству вооруженным авангардом советской власти в ожидаемой мировой революции, особенно на Востоке. Горячим сторонником этой идеи являлся М. В. Фрунзе [Захаров 1925: 5]. Национальные формирования вполне соответствовали и эмансипаторским устремлениям национальных большевистских элит, видевших в национальных формированиях один из главных символов революционной зрелости и политической состоятельности своих народов.

Национальное строительство в РККА велось в русле одновременно проводимого общегосударственного курса на коренизацию, которая заключалась в комплексных политических, социальных, культурных предпочтениях местному коренному населению (отсюда специфические неологизмы — «украинизация», «белорусизация», «тюркизация» и т. п.) перед этническими группами, считавшимися пришлыми, некоренными, как правило, русскими. Новая политика стала выражением своего рода покаяния «колонизаторской» русской нации перед «угнетенными», «культурно отсталыми» малыми народами, которые теперь подлежали эмансипации [Баберовски 2010: 309–310].

Согласно пятилетней программе 1925 г. предстояло сформировать 15 национальных дивизий (кадровых и территориальных) общей численностью 56 971 чел. (без учета национальных военно-учебных заведений) [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 501. Л. 64], что должно было составить около 10 % предельной численности всей Красной Армии. По обновленной программе 1927 г., штат национальных формирований составлял 45 210 чел., или 8 % общей штатной численности Красной Армии [Реформа, 2 2006: 474].

На 1 декабря 1929 г. перечень существовавших на тот момент национальных частей выглядел следующим образом:

- Ленинградский военный округ: отдельный Карельский егерский батальон;
- Белорусский военный округ: 2, 33-я Белорусские стрелковые дивизии;
- Украинский военный округ: 46, 96, 99, 100-я Украинские стрелковые дивизии;
- Северо-Кавказский военный округ: кавалерийский полк горских национальностей Северного Кавказа;

– Краснознаменная Кавказская армия: 1 и 2-я Грузинские, Армянская, Азербайджанская стрелковые дивизии;

– Среднеазиатский военный округ: отдельные Узбекская сводная и Туркменская кавалерийская бригады, отдельный Таджикский горно-стрелковый батальон, отдельные Киргизский и Казакский (Казахский) кавдивизионы;

– Приволжский военный округ (далее — ПриВО): 100-й Татаро-Башкирский стрелковый полк, эскадрон 34-й стрелковой дивизии, Татаро-Башкирский полк, Бурят-Монгольский кавдивизион;

– Казакская (Казахская) АССР: отдельный Казакский эскадрон [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 87].

В этот же период действовало девять военных школ по подготовке национальных военных кадров: Объединенная татаро-башкирская (штатная численность курсантов — 442); Объединенная белорусская (500 курсантов); Школа червонных старшин (350 курсантов); Объединенная среднеазиатская школа (795 курсантов); Украинская кавалерийская школа (320 курсантов); Киевская артиллерийская школа (200 курсантов); Закавказская подготовительная школа (450 курсантов); Северо-Кавказская горских национальностей школа (320 курсантов) и Закавказская пехотная школа (550 курсантов) [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 88об.–89]. Общая штатная емкость всех национальных школ составляла 3 927 мест.

Отметим, что в изданном в 1931 г. статистическом сборнике «Характеристика личного состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии (социально-демографическая)» изменения в перечне национальных формирований были минимальными. Они коснулись в основном татарских и башкирских частей, которые всегда отличались неоднородностью национального состава [РГВА. Ф. 54. Оп. 4. Д. 73. Л. 77–78].

Наиболее единообразны в национальном плане были армянские и грузинские части: в Армянской дивизии 93,2 % рядового состава и 89,1 % — командного являлись армянами; в Грузинской дивизии грузин было 83,0 % среди рядового и 94,5 % — среди командного состава. Этнически менее монолитными были азербайджанские части (60,5 и 65,1 % азербайджанцев соответственно). Среднеазиатские части при достаточно высокой этнической однородности рядового и младшего начальствующего составов

имели значительный недостаток среднего и старшего командного состава местных национальностей, покрывавшийся славянами [РГВА. Ф. 37837. Оп. 1. Д. 2. Л. 14].

На рубеж 1920–1930-х гг. пришелся качественный рост национальных формирований РККА. Они характеризовались достаточно высокой выучкой командного состава, насыщенностью партийно-комсомольскими кадрами. По мнению специалиста Политуправления РККА Шапошникова, подготовившего в 1928 г. доклад на тему развития национальных формирований, последние уже «заняли видное место в РККА и заметно влияют на степень ее общей боеспособности» [РГВА. Ф. 37837. Оп. 1. Д. 2. Л. 161]. Это касалось не только славянских и закавказских национальных формирований, относившихся к передовым, но и среднеазиатских частей. Так, в декабре 1928 г. в резолюции Казахского ЦИКА отмечалось, что «темпы и линия в национальном военном строительстве, которые в последние 3–4 года проводились на основе большой подготовительной работы, по строго рассчитанным и последовательно продуманным планам, в точном соответствии с экономическим и культурным ростом КАССР <...> являются единственно правильными и создали реальную осуществимость национальных формирований» [Катуков 1930: 12–13]. В 1931 г. в статистическом сборнике ГУ РККА «Социально-демографический состав РККА», подготовленном Отделом статистики ГУ РККА, отмечалось, что «качественный состав и степень боевой подготовки нацчастей можно считать значительно укрепившимися сравнительно с прежними годами» [РГВА. Ф. 37837. Оп. 11. Д. 2. Л. 91–91об.].

Кроме формирования национальных частей в рамках утвержденной программы, широко практиковались так называемые концентрации бойцов-«националов» в обычных, так называемых номерных частях и соединениях, когда пополнения одной национальности сводились в небольшие национальные подразделения — взводы, роты, реже — батальоны и даже полки. Это был самый простой способ снять языковой и культурно-ментальный барьер в связи с прибытием нерусских пополнений. Пятилетним планом такие подразделения, как и сама практика концентраций, не предусматривались, однако с середины 1920-х гг. явочным порядком концентрации охватили

все войска и признавались вторым важнейшим способом национального строительства в войсках.

В целом по состоянию на 1930 г. в составе «обычных» войсковых частей РККА только по неполным данным (без учета данных Ленинградского и Северо-Кавказского военных округов, Кавказской и Дальневосточной Краснознаменных армий) имелись: 1 полк (1-й стрелковый полк 1-й Казанской стрелковой дивизии ПриВО), 1 батальон, 1 эскадрон, 14 рот татар; 1 полк (96-й стрелковый полк 32-й стрелковой дивизии ПриВО), 1 эскадрон и 1 рота немцев; 7 эскадронов башкир; 3 роты и 1 батарея чувашей; 3 роты и 1 взвод удмуртов; 1 рота украинцев; 1 рота поляков; 1 эскадрон казахов; 1 эскадрон горцев Северного Кавказа; 1 взвод белорусов [РГВА. Ф. 37837. Оп. 11. Д. 2. Л. 90]. Обращает на себя внимание наличие целых полков, укомплектованных по национальному принципу, но не имевших официального национального статуса. Являясь изначально побочным, внеплановым, вынужденным мероприятием, концентрации не давали такого права. Однако в изданном в 1931 г. статистическом сборнике Главного управления (далее — ГУ) РККА «Характеристика личного состава РККА» это обстоятельство было названо упущением и предлагалось указанные формирования «перевести на права настоящих частей» с переходом в них на национальный язык политработы [РГВА. Ф. 37837. Оп. 11. Д. 2. Л. 91].

Фактически таковой состоялся в течение последующих нескольких лет. Уже в 1934 г. в действующем мобилизационном расписании МП-6 оказалось немало национальных частей, не предусмотренных ранее программами 1925 и 1927 гг., а сформированных в порядке концентраций. На это указывает и то обстоятельство, что национальными частями теперь именовались не только по формальному статусу, но и по «фактической насыщенности» представителями того или иного этноса. По состоянию на июль 1934 г. национальные части и военно-учебные заведения представляли собой следующую картину:

– Украинский военный округ: украинские «по фактической насыщенности» 7, 23, 25, 75, 58-я стрелковые дивизии, школа Червонных старшин, Полтавские военно-политические курсы (украинское отделение на 300 чел.); татарский батальон в 9-м стрел-

ковом полку; две немецкие батареи 47-го артиллерийского полка; три еврейские роты в 45 и 141-м стрелковых полках; греческая рота в 238-м стрелковом полку;

– Северо-Кавказский военный округ: отдельный кавалерийский полк горских национальностей; батальон адыго-черкесов в 222-м стрелковом полку; рота чеченцев и ингушей в 82-м стрелковом полку; рота кумыков в 83-м стрелковом полку; рота осетин в 84-м стрелковом полку; рота аварцев в 85-м стрелковом полку; эскадрон кабардинцев в 77-м кавалерийском полку; эскадрон черкесов в 78-м кавалерийском полку;

– Краснознаменная Кавказская армия: Армянская, Азербайджанская, 1 и 2-я Грузинские стрелковые дивизии, Грузинский и Армянский кавалерийские полки. Для их пополнения людскими ресурсами развертывались запасный грузинский полк, запасный армянский батальон, Закавказские пехотные и военно-политические курсы;

– Среднеазиатский военный округ: 4-я Туркменская горная кавалерийская дивизия с Таджикским полком, 6-я Узбекская горная кавалерийская дивизия с Киргизским полком, таджикская рота 15-го горно-стрелкового полка, туркменская рота 1-го стрелкового полка. 13-й запасный кавалерийский полк предназначался для комплектования узбекских, туркменских и таджикских частей, в 14-м запасном кавалерийском полку было по одному казахскому и киргизскому эскадрону;

– Отдельная Краснознаменная Дальневосточная армия: отдельный национальный Бурят-Монгольский полк и до 3 тыс. бурят и монголов в 1-й Колхозной дивизии; карельский батальон в 76-м стрелковом полку и немецкий батальон в 77-м стрелковом полку 26-й стрелковой дивизии;

– Приволжский военный округ: 1-й Татарский стрелковый полк и отдельный Татарский эскадрон 1-й Казанской стрелковой дивизии; 157-й Ангелеский немецкий стрелковый полк; 4-й отдельный стрелковый Башкирский полк. С объявлением мобилизации в округе разворачивался 16-й запасный стрелковый полк для комплектования татарских частей;

– Ленинградский военный округ: 1-я Карельская егерская бригада [РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 19. Л. 41–42].

Всего национальных частей в РККА насчитывалось: 9 стрелковых и 2 горно-кавалерийских дивизии, 1 егерская бригада, 5

стрелковых и 1 кавалерийский полк, 5 батальонов, 9 рот, 3 эскадрона, 2 батареи. Предусматривались и запасные части.

К середине 1930-х гг. состав национальных формирований вышел далеко за рамки перечней, утвержденных в двух пятилетних программах. Многие новые формирования создавались по решению окружных командований. Центральные органы военного управления уже не владели в полной мере информацией о численности и дислокации национальных частей. Потребовались меры по их упорядочению и оптимизации. Летом 1934 г. 2-е управление ГУ РККА затребовало у округов предоставить до 15 сентября 1934 г. сведения о наличных национальных частях. Выяснилось, что национальным военным строительством к этому моменту было охвачено уже без малого 34 народа СССР¹, а список национальных формирований численностью от взвода до дивизии далеко перевалил за сотню. При этом численность не отдельных формирований (численностью от взвода до полка), созданных путем концентраций, вне программы национального военного строительства, достигла 105 единиц [подсчитано автором по: РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 195. Л. 139–146].

К сказанному следует добавить, что немало частей и соединений состояло из ряда национальных формирований. Встречались случаи, когда соединения с этническим наименованием (например, 4-я Туркменская горно-кавалерийская, отдельная Карельская егерская бригада) на деле имели смешанный национальный состав. В то же время части, имевшие топонимические или цифровые наименования (1-я Казанская стрелковая дивизия, 4-й отдельный территориальный стрелковый полк) были почти полностью укомплектованы лицами одной национальности [РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 195. Л. 139–146]. При этом в крупных национальных соединениях появлялись национальные подразделения из не титульных для данного соединения национальностей — как бы на-

циональные формирования «второго порядка» (например, курдские и талышские роты в составе Армянской и Азербайджанской дивизий соответственно).

Все это было следствием того, что дело национального военного строительства фактически было пущено на самотек, передано в руки окружного командования, которое национализировало войска, согласуясь с национальностью поступавших на укомплектование контингентов новобранцев. Центральный орган, руководящий и координирующий развитие национальных формирований и распределение нерусских пополнений, так и не был создан.

По итогам анализа затребованных у округов сведений о национальных частях Политуправлением РККА был составлен сводный перечень таковых, разосланный в главные управления РККА для их заключения «о необходимости содержания всех перечисленных частей и подразделений РККА» [РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 195. Л. 77]. Окончательный список после всех согласований утвердил лично нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов [РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 195. Л. 77]. Особенности нового перечня национальных формирований, утвержденного наркомом обороны, отражали серьезные перемены в их номенклатуре и структуре.

Во-первых, во второй половине 1934 г. статус национальных утратили славянские соединения, укомплектованные украинцами и белорусами. Это было отражением ситуации фактического выравнивания уровня боевой подготовки всех славянских по составу формирований РККА. В одной из справок по национальному составу РККА, обнаруженной в документах Политуправления РККА, датированной 7 июля 1934 г., после перечисления данных по украинским частям была сделана карандашная ремарка: «Украинские части, также как и белорусские, поскольку в них работа ведется на государственном языке (т. е. русском — А. Б.), как национальные не должны выделяться (выделено мной. — А. Б.)» [РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 19. Л. 44]. Так, совершенно «бесшумно» украинские и белорусские национальные формирования были упразднены. Будучи изначально очень близкими с обычными номерными частями, в конечном итоге они слились с ними в единое целое.

Во-вторых, продолжился процесс укрупнения национальных формирований.

¹ Абхазы, аварцы, адыгейцы, армяне, балкарцы, башкиры, белорусы, буряты, грузины, евреи, ингуши, кабардинцы, казаки (казахи), калмыки, карачаевцы, карелы, киргизы, корейцы, кумыки, курды, лезгины, монголы, немцы, осетины, таджики, талыши, татары, туркмены, тюрки (азербайджанцы), удмурты, узбеки, украинцы, черкесы, чеченцы, якуты (подсчитано автором по: РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 195. Л. 139–146).

В частности, в дивизии были сведены татарские стрелковые части и закавказские горно-кавалерийские.

В мобилизационных расписаниях 1930-х гг. национальные формирования выводились в отдельную категорию. Особенно оговаривалось, какие части при мобилизации остаются национальными, вплоть до рот в составе обычных частей. Для пополнения национальных формирований обученными резервами предусматривалось развертывание запасных частей.

В целом в середине 1930-х гг. национальные формирования продолжали оставаться объектом приоритетного внимания военных и политических органов. В Политуправлении РККА считалось, что «успех достигнут» и следует его «полностью сохранить и в дальнейшем укреплять» [РГВА. Ф. 9. Оп. 33. Д. 19. Л. 44]. По итогам учений национальные части оценивались удовлетворительно. Например, о среднеазиатских частях на заседании Военного совета при народном комиссаре обороны СССР в октябре 1936 г. говорилось: «Национальные кавдивизии подготовлены неплохо, хорошо маневрируют, лошади отлично втянуты, войска научены вести пеший и конный бой» [РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 53. Л. 131]. Об успехах национальных формирований в 1930-х гг. свидетельствует и то, что целый ряд их был награжден орденами и получил почетные наименования. Например, Армянской стрелковой дивизии (с июля 1936 г. — 76-я Армянская горно-стрелковая дивизия) в 1935 г. было присвоено имя наркома обороны СССР маршала К. Е. Ворошилова, а в 1936 г. ее наградили орденом Красного Знамени. Азербайджанская стрелковая дивизия (с июля 1936 г. — 77-я Азербайджанская горно-стрелковая дивизия) в 1930 г. получила имя Серго Орджоникидзе, а в 1935 г. ее наградили орденом Красного Знамени. 20-я Таджикская горно-кавалерийская дивизия в 1931 г. была награждена орденом Красного Знамени, а в 1935 г. — орденом Ленина. 6-я Узбекская горно-кавалерийская дивизия в 1936 г. также была награждена орденом Ленина.

По состоянию на начало 1938 г. в РККА числилось: 4 стрелковых дивизии (две Грузинские, Азербайджанская, Армянская), 3 горно-кавалерийские дивизии (Узбекская, Туркменская, Таджикская), 2 отдельные кавалерийские бригады (горских национальностей Северного Кавказа и Бурят-Мон-

гольская) и 6 кавалерийских не отдельных полков (Грузинский, Армянский, Казахский, Хорезмский, Киргизский, Таджикский) в составе других соединений. В Закавказье до 1938 г. национальные дивизии (20, 47, 63, 76 и 77-я горно-стрелковые, 17-я кавалерийская) составляли ядро войск Закавказского военного округа. То же можно сказать и о Среднеазиатском военном округе.

Однако, несмотря на успехи в развитии национальных формирований, в это же самое время — в середине 1930-х гг. — они вступили в противоречие с общим ходом развития РККА. Еще в 1929 г. постановлением ЦК ВКП(б) от 15 июля «О состоянии обороны СССР», определившим пятилетний курс развития Красной Армии, был объявлен курс на «качественное усиление» армии вместо ее «количественного расширения». Упор в нем делался на многократное наращивание и усовершенствование технических средств [Вестник 2007: 228, 234, 236]. Реализация этого курса пришлось уже на 1930-е гг. Одновременно велась организационная перестройка. Резко выросшая техническая оснащенность вооруженных сил оказала значительное влияние на их структуру, перечень и соотношение военных специальностей. Появились новые рода войск. Значительная масса молодого пополнения направлялась для прохождения службы в артиллерию, мотомеханизированные войска, авиацию.

Реформа отражала возросшие экономические и политические возможности Советского государства и имела цель, в числе прочего, ликвидировать существовавшую разнотипность войсковых формирований, усилить мобилизационную готовность кадровых дивизий, обеспечить равномерный подъем военнообязанных запаса при мобилизации между округами и сократить сроки мобилизационного развертывания войск.

В 1938–1939 гг. РККА была переведена на экстерриториальную систему комплектования, при которой личный состав проходил службу вне регионов своего проживания в кадровых частях (директива НКО № 33791сс). Этот принцип позволял пополнять воинские части личным составом и создавать группировки войск вне зависимости от плотности населения в той или иной местности, а также сглаживал проблемы, связанные с огромной территорией и слабо развитой транспортной сетью. Для призывников из национальных регионов это

означало длительный непрерывный срок службы (вместо прежних сборов) вне своей республики, в ходе которой они быстрее адаптировались в составе русскоязычного воинского коллектива и, по определению командующего войсками Закавказского военного округа комкор И. В. Тюленева, общались «к общей культуре единого многонационального народа» [РГВА. Ф. 21873. Оп. 1. Д. 128. Л. 60].

Историю национальных частей в этот период нельзя рассматривать вне контекста описанных реформ. Еще на рубеже 1920–1930-х гг. при достаточно близком уровне боевой подготовки национальных и номерных частей в пехоте и кавалерии многие специалисты стали обращать внимание на все более отчетливо проявлявшееся концептуальное отклонение национальных частей от парадигмы развития Красной Армии, в которой акцент делался на усложнение организации и насыщение войск современной техникой. Между тем, как отмечалось в подготовленном в середине 1929 г. для Политбюро ЦК ВКП(б) отчетном докладе РВС за период с мая 1927 г. по июнь 1929 г., «нацформирования на данном этапе вступили в противоречие с технизацией армии», поскольку необходимого числа подготовленных в техническом отношении кадров воспитать пока не удавалось [Вестник 2007: 177]. Значительная масса командиров местных национальностей не владела русским языком и не могла самостоятельно работать с уставами и прочей литературой. Это «страшно мешает уровню боевой подготовки, — отмечал на Военном совете при наркоме обороны в ноябре 1937 г. командующий Закавказским военным округом комкор Н. В. Куйбышев. — Сами посудите: как может [профессионально] расти командир, который не может прочесть устав?» [Военный совет 2006: 76]. Подготовка и публикация уставов и пособий на местных языках очень затянулась, а в ряде случаев издание не было осуществлено вплоть до самого упразднения национальных формирований в 1938 г. «В отношении пособий, особенно на национальном языке, мы находимся в очень тяжелом положении. Переведенных учебников у нас нет, а националы плохо знают русский язык, средств нет», — подтверждал на том же Военном совете заместитель командующего Среднеазиатского военного округа комкор О. И. Городовиков [РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 274].

Кадровый дефицит не позволял в ближайшем будущем надеяться на создание национальных формирований в технически сложных родах войск, что ставило их вне магистрального пути развития Красной Армии.

Абсолютный и особенно относительный численный прирост национальных формирований замедлялся, что наглядно видно на фоне бурного развития технических родов войск. Например, численность военно-воздушных сил и артиллерии по штатам военного времени по мобилизационным планам 1930 и 1938 гг. возросла за восемь лет в 2,7 раза, войск ПВО — в 3,3, железнодорожных войск и органов ВОСО — в 7,3, бронетанковых войск — в 16 раз [РГВА. Ф. 40442. Оп. 2а. Д. 75. Л. 230]. В начале 1938 г., после фактического упразднения украинских и белорусских частей как национальных, общая списочная численность таких формирований мирного времени составляла лишь 27 239 чел. при штате 25 378 чел., причем численность представителей титульных национальностей составляла 69 % (18 695 чел.). При мобилизационном развертывании национальные формирования должны были достигать численности 138 739 чел. [РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 75–78]. Для сравнения: общая штатная численность РККА мирного времени на 1 января 1938 г. составляла 1 448,0 тыс. чел. [РГВА. Ф. 40442. Оп. 2а. Д. 121. Л. 82]. На военное время по мобплану 1937 г. МП-6 она разворачивалась до численности 4 830,8 тыс. чел. [РГВА. Ф. 40442. Оп. 2а. Д. 75. Л. 225]. Таким образом, численность национальных формирований по штату мирного времени составляла лишь 1,75 % общей штатной численности РККА против почти 8–10 % во второй половине 1920-х гг., а по штату военного времени — 2,87 %.

Важно, что через относительно немногочисленные национальные части по объективным причинам невозможно было в мирное время пропустить большое количество бойцов-срочников, а значит — создать существенный мобилизационный резерв из представителей данного этноса. А в боевой обстановке необходимость доукомплектовывать национальные формирования представителями определенного этноса неизбежно создавала бы дополнительные сложности. Быстрое развертывание армии и переход к экстерриториальному распределению пополнения делали штатную ем-

кость национальных формирований недостаточной для приема возраставшего потока пополнений.

В подготовленной 23 февраля 1938 г. наркомом обороны справке «О национальных частях и соединениях РККА» временно исполнявший должность начальника Административно-мобилизационного управления РККА комдив А. И. Баринов подчеркивал, что «по военному времени комплектование национальных частей встретит большие трудности, так как источники комплектования чрезвычайно удалены от театра военных действий. Это вызовет необходимость в периоды напряженных операций укомплектовывать национальные части, не считаясь с национальным признаком из близрасположенных запасных частей. В конечном счете национальные части через очень короткий промежуток превратятся в смешанные с преобладанием русского и украинского элементов» [РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 78]. Комдив А. И. Баринов довольно точно предсказал сложности с укомплектованием национальных формирований, возникшие в годы Великой Отечественной войны, если только их мононациональный состав целенаправленно не поддерживался усилиями военных и гражданских властей. Напомним, что в 1920-х гг. в интересах политической интеграции национальных окраин эти издержки считались неизбежными и приемлемыми, даже в ущерб боеспособности Красной Армии.

Нельзя не отметить и общий контекст развития национальной политики в СССР в 1930-х гг. На первую половину десятилетия пришлось постепенное свертывание политики коренизации, интенсивно, нередко под сильным административным нажимом, насаждавшейся по всей стране с середины 1920-х гг. С одной стороны, сказались общие методологические ошибки при воплощении в жизнь этой программы, связанные, прежде всего, с оказавшейся не реализуемой в короткие сроки ставкой на выдвижение национальных кадров и обеспечение гегемонии национальных языков. С другой стороны, произошел фактический отказ от идеи мировой революции («водоразделом» считается XVII съезд ВКП(б), проходивший в начале 1934 г.) как ближайшей стратегической цели и замены ее на национальное государство, где цементирующим государством-образующим элементом новой общности — советской нации — стал русский на-

род. В 1936 г. русский народ был объявлен «великой и передовой нацией», а к 1938 г. русские стали «старшими среди равных» в «семье советских народов» [Синицын 2014: 25–26]. В идеологической и образовательной сферах развернулось насаждение русских культурных парадигм — фильмов о русских полководцах и царях, реабилитация российской дореволюционной истории и культуры, обязательное (с марта 1938 г.) изучение русского языка в национальных республиках [Синицын 2014: 26–28].

Концепт «старшего брата» в семье советских народов нес в себе прямо противоположный коренизации идеологический заряд, выдвигая на первое место русский язык, русскую историю, русскую культуру. Национальные формирования на фоне краха политики коренизации выглядели анахронизмом, хотя и просуществовали несколько дольше — до конца 1930-х гг. Сворачивание коренизации отражало процессы тоталитарной трансформации страны и значительного ослабления политических позиций республиканских коммунистических элит, уже не способных, как в 1920-х гг., отстаивать свои интересы, в том числе в сфере военного строительства.

Невиданный государственный террор, охвативший Красную Армию и особенно ее высший и старший командный составы в 1937–1938 гг., безусловно, стал еще одним фактором, повлиявшим на судьбу национальных формирований. В гнетущей атмосфере массовых репрессий жупел борьбы со шпионажем и военными заговорами в армии не мог обойти стороной национальные части. При желании они могли теперь квалифицироваться как эпицентры местного национализма и проводники этнического шпионажа для соседних государств. При создании национальных формирований в 1920-х гг. этническая близость их личного состава с населением соседних стран считалась преимуществом, поскольку была призвана облегчить продвижение революции за пределы Советского Союза. Теперь же, напротив, это вызывало подозрения. Например, высказывались мнения о том, что финские шпионы проникали в Красную Армию через карельские национальные части, иранские — через азербайджанские, турецкие — через грузинские, японские — через бурятские и т. д. [РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 157–160; Намнанов 1997: 21]. Говоря о национальных частях, первый зам. ко-

мандующего ОКДВА корпусной комиссар Я. К. Берзин предостерегал коллег: «Наш сосед этих частей не забывает, и среди них есть люди, работающие не на нас, а на чужих» [РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 53. Л. 640]. В октябре 1937 г., после разгрома «антисоветских организаций» в недрах партийного руководства среднеазиатских союзных республик, секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев предложил И. В. Сталину перевести узбекские и таджикские национальные формирования в Европейскую часть СССР, поскольку разоблаченное руководство республик «ставило серьезную ставку на эти национальные воинские части; будут попытки и впредь из Афганистана, Ирана и Турции вести в них враждебную работу». На документе имеется одобрительная резолюция И. В. Сталина с указанием «предварительно почистить» национальные части [ЦК ВКП(б), 2 2009: 296].

Национальные части легко подвергались в немудреные, даже самые фантастические схемы «националистических заговоров». Во множестве они выявлялись в республиках СССР, давая повод под корень рубить местные национальные элиты. Как отмечал один из ораторов на Военном совете при наркомате обороны в ноябре 1937 г., подводя итог чисткам в национальных частях, «нам необходимо было самым тщательным образом присмотреться, чтобы не дать возможность враждебным элементам, *прикрываясь национальностью* (курсив мой. — А. Б.), остаться в нашей армии. Отсюда у нас такое большое количество уволенных» [РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 101]. Ожидаемым результатом тщательного просева военнотружущих стало выявление «большой засоренности» начальствующего состава людьми, теми или иными путями связанными с близлежащими иностранными государствами (прежде всего, через родственные связи). Выявлялись «нездоровые настроения», вызванные нежеланием «националов» отправляться служить в иные регионы и изучать русский язык [РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 818. Л. 41–43].

Вследствие репрессий в отношении командного состава уровень боевой подготовки частей РККА резко упал. Например, Армянской стрелковой дивизией командовал капитан, который прежде не командовал ни полком, ни батальоном, а лишь батареей. Азербайджанской дивизией командовал майор, вообще не имевший командной

практики, — он являлся преподавателем военного училища. Все их усердие разбивалось об отсутствие опыта и знаний. «Откуда может быть хорошим командир грузинской дивизии Дзабахидзе, который до этого в течение двух лет командовал только ротой и больше никакого стажа командира не имеет», — восклицал на Военном совете при наркомате обороны в ноябре 1937 г. командующий округом Н. В. Куйбышев [Военный совет 2006: 74]. В итоге получалось, что «уровень подготовки командного состава настолько низок, что приходится для оказания помощи прикомандировывать к ним опытных старших командиров» [Военный совет 2006: 74]. В ноябре 1937 г. Военный совет Закавказского военного округа оценивал боевую подготовку подчиненных ему войск как неудовлетворительную, и основной причиной этому, по мнению Куйбышева, было то, что «у нас округ обескровлен очень сильно» [Военный совет 2006: 73].

Национальные формирования в целом как особый институт в составе Красной Армии редко подвергались прямым нападкам и подозрениям. В то же время при изучении документов создается впечатление, что политические обвинения в адрес национальных формирований и национальных кадров назревали и, вполне возможно, были выдвинуты, если бы в разгар репрессий их не упразднили. Опыт строительства национальных формирований, хотя и признавался целиком и полностью оправданным «на определенном этапе» истории Красной Армии, но явно был дискредитирован кампаниями по «выкорчевыванию» «врагов народа».

Все сказанное выше предопределило решение о расформировании национальных частей. 21 февраля 1938 г. в ЦК компартий союзных республик и обкомы автономных республик РСФСР (всего 10 первых секретарей ЦК «нацкомпартий» и 14 первых секретарей обкомов) были направлены телеграммы, обязывавшие первых секретарей ЦК «нацкомпартий» и обкомов прибыть на совещание с подготовленными материалами по вопросам преподавания русского языка в нерусских школах и национальных формированиях [ЦК ВКП(б), 2 2009: 382–383]. Едва ли на однодневном совещании предусматривалась полноценная дискуссия с коллективным поиском решения проблем. Гораздо логичнее предположить, что созыв первых секретарей национальных регионов носил ритуальный характер, долженству-

ющий соблюсти формально-демократическую процедуру принятия коллегиального решения представителями всех заинтересованных республик.

7 марта 1938 г. на совещании при ЦК ВКП(б) по вопросам об обязательном преподавании русского языка в нерусских школах и о национальных формированиях было принято совместное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О национальных частях и формированиях РККА», поставившее точку на почти 20-летней истории национальных формирований в Красной Армии. В постановлении отдавалось должное историческим заслугам национальных формирований перед Советским государством: «Национальные части и формирования, возникшие в годы Гражданской войны и борьбы за национальную независимость, сыграли в то время свою положительную роль в борьбе с контрреволюционными националистическими буржуазными правительствами и иностранными интервентами. Они являлись одной из основных форм вовлечения народностей, в армии ранее вовсе не служивших (узбеков, туркмен, бурят-монголов, киргизов, части народов Северного Кавказа и т. д.), в дело обороны государства. Национальные части построены по принципу территориальности, что ранее соответствовало принципу строительства всей РККА» [ЦК ВКП(б), 2 2009: 382–383].

Однако в настоящий момент, констатировалось в постановлении, они «не могут оправдать своего предназначения». Поскольку Вооруженные Силы СССР «призваны защищать государство в целом», то они должны быть организованы единообразно, строиться на основе всеобщей воинской повинности и экстерриториальности комплектования воинских частей. С переходом от территориальной системы к комплектуемому экстерриториально кадровым формированиям национальные части оказались в противоречии с общегосударственным принципом строительства Красной Армии. Кроме этого общего противоречия, указывалось на ряд частных проблем: на консервацию национально-культурных различий личного состава национальных частей, замкнутость обучения национальных контингентов, неприспособленность их к иным природно-климатическим и бытовым условиям, отсутствие перспектив служебного роста для командно-политического состава [ЦК ВКП(б), 2 2009: 83].

В связи с изложенным ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановили:

«1. Национальные части, соединения, военные училища и школы РККА переформировать в общесоюзные с экстерриториальным комплектованием, изменив соответственно дислокацию частей и соединений.

2. Граждан национальных республик и областей призывать к выполнению воинской службы на общих со всеми национальностями СССР основаниях» [ЦК ВКП(б), 2 2009: 383].

Постановление партии и правительства было развернуто изложено в приказе наркома обороны от 6 апреля 1938 г. № 4/1/33791. В проекте приказа предусматривалось оставление за переформированными национальными частями их названий, указывавших на национальность или республику. В проекте также предусматривалась возможность досрочного увольнения военнослужащих из национальных частей, не желающих переводиться в другие округа. Однако из окончательной редакции приказа эти положения К. Е. Ворошилов вычеркнул [РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 1769. Л. 12–15].

Расформирование национальных соединений в основном завершилось к лету 1938 г. (по плану — к 15 июня). В ноябре 1938 г. на Военном совете при наркомате обороны заместитель наркома, начальник Главного Политуправления армейский комиссар 1-го ранга Л. З. Мехлис сообщил, что «ликвидация национальных формирований прошла хорошо» [РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2030. Л. 2–6]. Правда, еще к этому времени в ряде дивизий оставалось незначительное число национальных подразделений — очевидно, остатки практики концентраций.

Исследование показало, что возникновение и развитие национальных формирований в межвоенный период были обусловлены рядом объективных факторов и должны рассматриваться в общем контексте развития вооруженных сил страны и государственной национальной политики. Влияние этих факторов в различные периоды было неодинаковым. Национальные формирования были учреждены на волне политической эмансипации национальных регионов СССР и массового внедрения в них практики коренизации. Они должны были способствовать дальнейшей революционной экспансии в сопредельные страны.

В 1930-х гг., по мере затухания надежд на мировую революцию и перестройки

идеологического курса страны на строительство автономного национального государства, идейная основа национальных формирований сильно потускнела. Этому способствовали сворачивание на рубеже 1920–1930-х гг. политики коренизации и развертывание государственного террора, прямо затронувшего многие этнические группы в СССР. Ожидание большой войны и форсированная перестройка РККА выявили несоответствие национальных формирований требованиям времени. С момента развертывания массовых призывов в армию и их экстерриториального распределения дальнейшее существование национальных формирований становилось неуместным, поскольку входило в противоречие с поставленной целью накопления массового мобилизационного резерва. Ряд национальных формирований (прежде всего, славянских) по своим боевым качествам фактически слились с обычными номерными частями, что делало содержание их в качестве национальных избыточным. Нельзя не отметить и отсутствия ответственного за национальное строительство органа в структуре РККА. Это обусловило, с одной стороны, хаос в развитии национальных формирований уже в первой половине 1930-х гг., а с другой — отсутствие лоббистов в военном ведомстве, в связи с чем они безо всяких дискуссий были упразднены.

Источники

- Вестник Архива Президента РФ. Красная Армия в 1920-е годы. М.: Архив Президента Российской Федерации, 2007. 270 с.
- Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. 360 с.
- Реформа в Красной Армии: док. и материалы: 1923–1928 гг.: в 2 т. Т. 2. М.; СПб.: Летний сад, 2006. 720 с.
- РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.
- РГВА — Российский государственный военный архив.
- ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 2: 1933–1945. М.: РОССПЭН, 2009. 1094 с.

Литература

- Аманжолов К. Национальные воинские формирования в составе Советских Вооруженных Сил (1917–1945): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1987. 48 с.
- Баберовски Й. Враг есть везде: сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010. 850 с.

Градосельский В. В. Национальные воинские формирования в Красной Армии (1918–1938 гг.) // Военно-исторический журнал. 2001. № 10. С. 2–6.

Гуружапов А. Х. Партийное руководство формированием национальных частей Красной Армии и оборонно-массовой работой в Советской Бурятии (1923 — июнь 1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1974. 25 с.

Жарков В. В. Значение национальных воинских формирований в развитии Вооруженных Сил в 30-е гг. XX века // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. 2014. № 4. Т. I. С. 27–31.

Захаров М. Национальные формирования и их организация // Военный вестник. № 19. 23 мая 1925 г. С. 5–8.

Иванов В. Е. Деятельность партийных и государственных органов по строительству и боевому применению национальных воинских частей в СССР, 1917–1946 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 188 с.

Кадыров Б. Г. Национальная политика Советского государства в армии в межвоенный период: концепция и практика: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2002. 431 с.

Катуков В. Национальное военное строительство в Казахстане. Алма-Ата: Издание Юбилейной комиссии 10-летия Казахстана, 1930. 39 с.

Курбанов О. Правовые основы создания национальных частей Красной Армии в Туркменистане (1924–1936 гг.) // Известия АН Туркменской ССР: Серия обществ. наук. Вып. 3. Ашхабад, 1972. С. 57–63.

Маркарян В. М. Коммунистическая партия — организатор и руководитель национальных воинских формирований Красной Армии в период мирного социалистического строительства (1922–1938): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. 23 с.

Назих Э.-Б. Р. Деятельность государственных и военных органов СССР по созданию и развитию национальных воинских формирований (1923–1939 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 174 с.

Намнанов Д. Д. Национальные формирования Красной Армии в Бурятии в 1924–1939 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 1997. 22 с.

Плетнев Е. Узбекская дивизия // Литературный Узбекистан. Кн. 1. Ташкент: Гос. изд. УзССР, 1937. С. 14–19.

Рымиан М., Алексинский К. Национальные формирования в буржуазных государствах и

СССР. М.; Л.: Гос. изд-во. Отд. военной литературы, 1932. 54 с.

Синицын Ф. Л. Национальная политика СССР в предвоенный период (1938–1941 гг.) // Вестник РУДН. Сер. История России. 2014. № 1. С. 25–34.

Sources

Vestnik Arkhiva Prezidenta RF. Krasnaya Armiya v 1920-e gody [Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation. The Red Army in the 1920s]. Moscow, Archive of the President of the Russian Federation, 2007, 270 p. (In Russ.).

Voennyi soviet pri narodnom komissare oborony SSSR. Noyabr' 1937 g.: Dokumenty i materialy [The Military Council under the People's Defense Commissar of the USSR. November 1937: documents and materials]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 360 p. (In Russ.).

Reforma v Krasnoy Armii: dok. i materialy: 1923–1928 gg.: v 2 t. T. 2 [The Red Army's reform: documents and materials, 1923–1928. In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, Saint Petersburg, Letniy Sad Publ., 2006, 720 p. (In Russ.).

RGASPI — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* [The Russian State Archive of Socio-Political History].

RGVA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy voennyi arkhiv* [The Russian State Military Archive].

TsK VKP(b) i natsional'nyy vopros. Kn. 2: 1933–1945 [The Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the national question. Book 2: 1933–1945]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, 1094 p. (In Russ.).

References

Amanzholov K. *Natsional'nye voinskie formirovaniya v sostave Sovetskikh Vooruzhennykh Sil (1917–1945): avtoref. diss. ... d-ra ist. nauk* [National military units within the Soviet Armed Forces (1917–1945). A Ph. D. thesis abstract]. Almaty, 1987, 48 p. (In Russ.).

Babarovskiy Y. *Vrag est' vezde: Stalinizm na Kavkaze* [The enemy is everywhere: Stalinism in the Caucasus]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 850 p. (In Russ.).

Gradosel'skiy V. V. *Natsional'nye voinskie formirovaniya v Krasnoy Armii (1918–1938 gg.)* [National military units of the Red Army (1918–1938)]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal* [Military Historical Journal], 2001, No. 10, pp. 2–6 (In Russ.).

Guruzhapov A. Kh. *Partiynoe rukovodstvo formirovaniem natsional'nykh chastey Krasnoy Armii i oboronno-massovoy raboty v Sovetsko-*

Buryatii (1923 — iyun' 1941 gg.): avtoref. diss. ... kand. ist. nauk [The party's governance of the processes for the establishment of Red Army's national units and organization of mass defense work in Soviet Buryatia (1923 — June 1941). A Ph. D. thesis abstract]. Irkutsk, 1974, 25 p. (In Russ.).

Zharkov V. V. *Znachenie natsional'nykh voinskikh formirovaniy v razvitiy Vooruzhennykh Sil v 30-e gg. XX veka* [The value of national military units for the development of the armed forces in the 1930s]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], Humanities, 2014, No. 4, Vol. I, pp. 27–31 (In Russ.).

Zakharov M. *Natsional'nye formirovaniya i ikh organizatsiya* [National units and their organization]. *Voennyi vestnik* [Military Bulletin], No. 19, 23 May 1925, pp. 5–8 (In Russ.).

Ivanov V. E. *Deyatel'nost' partiynykh i gosudarstvennykh organov po stroitel'stvu i boevomu primeneniyu natsional'nykh voinskikh chastey v SSSR, 1917–1946 gg.: diss. ... kand. ist. nauk* [Activities of party and state authorities aimed at constructing and employing national military units in the USSR, 1917–1946]. Moscow, 1995, 188 p. (In Russ.).

Kadyrov B. G. *Natsional'naya politika Sovetskogo gosudarstva v armii v mezhoennoy period: kontseptsiya i praktika: diss. ... d-ra ist. nauk* [National policy of the Soviet state in the army during the interwar period: conception and practice. A Ph. D. thesis]. Kazan, 2002, 431 p. (In Russ.).

Katukov V. *Natsional'noe voennoe stroitel'stvo v Kazakhstane* [National military construction in Kazakhstan]. Almaty, 1930, 39 p. (In Russ.).

Kurbanov O. *Pravovye osnovy sozdaniya natsional'nykh chastey Krasnoy Armii v Turkmenistane (1924–1936 gg.)* [The legislative basis for the establishment of Red Army's national units in Turkmenistan (1924–1936)]. *Izvestiya AN Turkmeniskoy SSR: Seriya obshchestv. nauk* [Bulletin of the Turkmen SSR's Academy of Sciences], iss. 3, Ashkhabad, 1972, pp. 57–63 (In Russ.).

Markaryan V. M. *Kommunisticheskaya partiya — organizator i rukovoditel' natsional'nykh voinskikh formirovaniy Krasnoy Armii v period mirnogo sotsialisticheskogo stroitel'stva (1922–1938): avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [The Communist party as the organizer and director of Red Army's national military units during the period of peaceful military construction (1922–1938). A Ph. D. thesis abstract]. Moscow, 1975, 23 p. (In Russ.).

- Nazikh E.-B. R. *Deyatel'nost' gosudarstvennykh i voennykh organov SSSR po sozdaniyu i razvitiyu natsional'nykh voinskikh formirovaniy (1923–1939 gg.): diss. ... kand. ist. nauk* [Activities of the USSR's executive and military authorities on creation and development of national military units (1923–1939). A Ph. D. thesis]. Moscow, 2011, 174 p. (In Russ.).
- Namnanov D. D. *Natsional'nye formirovaniya Krasnoy Armii v Buryatii v 1924–1939 gg.: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Red Army's national military units in Buryatia from 1924 to 1939. A Ph. D. thesis abstract]. Ulan-Ude, 1997, 22 p. (In Russ.).
- Pletnev E. *Uzbekskaya diviziya* [The Uzbek division]. *Literaturnyy Uzbekistan. Kn. 1* [Literary Uzbekistan. Book 1]. Tashkent, State Publ. House of the Uzbek SSR, 1937, pp. 14–19 (In Russ.).
- Rymshan M., Aleksinskiy K. *Natsional'nye formirovaniya v burzhuznykh gosudarstvakh i SSSR* [National units in bourgeois states and the USSR]. Moscow, Leningrad, Military Liter. Publ., 1932, 54 p. (In Russ.).
- Sinitsyn F. L. *Natsional'naya politika SSSR v predvoennyi period (1938–1941 gg.)* [USSR ethnic policy in pre-war period (1938–1941)]. *Vestnik RUDN. Seriya: «Istoriya Rossii»* [RUDN Journal of Russian History], 2014, No. 1, pp. 25–34 (In Russ.).

УДК 94(47).084.8

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ РККА в 1930-е гг.

Алексей Юрьевич Безугольный¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт военной истории, Военная академия Генерального штаба ВС РФ (Москва, Российская Федерация). E-mail: besu111@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу развития национальных воинских формирований как особого института в составе Красной Армии, пережившего в течение 1930-х гг. и свой расцвет, и период стремительного заката. Исследование показало, что возникновение и развитие национальных формирований в межвоенный период было обусловлено рядом объективных факторов и должны рассматриваться в общем контексте развития вооруженных сил страны и государственной национальной политики. Влияние этих факторов в различные периоды было неодинаковым. Национальные формирования были учреждены в середине 1920-х гг. на волне политической эмансипации национальных регионов СССР и массового внедрения в них практики коренизации — особой государственной политики в национальных регионах, направленной на всемерное выдвижение национальных кадров, развитие национальных культур и языков. Кроме того, национальные формирования планировалось использовать для дальнейшей революционной экспансии в сопредельные страны Востока.

В статье отмечается, что в 1920-е гг. в судьбе национальных частей переплелись не только особенности развития Вооруженных Сил СССР (в частности, быстрое наращивание численности РККА и форсированное ее техническое перевооружение) в преддверии большой войны, но и перипетии большой политики и идеологии: смена курса от мировой революции к построению национального социалистического государства, развертывание большого террора и дискредитация национальных движений.

Ключевые слова: Красная Армия, национальные воинские формирования, коренизация, национальная политика, концентрации.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 71–81, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-71-81
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(47).084.8(470.61)

Premonitory Signs of the Disaster in the South: the Defeat of the Red Army in the Crimea and at Kharkov in May 1942

Vladimir I. Afanasenko ¹

¹ Senior Research Associate, Laboratory of History and Ethnography, Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russian Federation).
E-mail: krinko@ssc-ras.ru.

Abstract

In the spring of 1942, the Soviet-German front — from Leningrad to the Kerch Peninsula in the Crimea — became a theater of operations that proved the epilogue to the Red Army's strategic offensive conducted in the winter of 1941–1942, and served as the overture to the summer campaign of 1942. The summer advances of Wehrmacht troops and troops of Germany's allies on the southern wing of the Soviet-German front was preceded by large spring 1942 battles on the Volkhov Front where near Myasnoi Bor the 2nd Shock Army of general A. A. Vlasov was encircled and crushed; in the Northwest Front, the powerful counterthrust of the German troops through the settlement of Ramushevo deblocked the main forces of the 16th Field Army at Demyansk. The 33rd Army of general M. G. Efremov was beaten near Vyazma, in the rear of the Army Group Centre, military forces of the 1st Guards Rifle Corps and 11th Cavalry Corps of the Western Front were encircled. During the operations, due to the errors of the commanders of troops aggravated by scarce supplies and replenishment, a number of armies of the Volkhov, Northwest, Kalinin and Western Fronts were crushed. The catastrophic defeats of the armies of the Crimean and Southwestern Fronts in May 1942 had especially heavy effects on the Soviet troops in the south. The main reasons for the failure of the Soviet offensive operations in the southern wing of the Soviet-German front were as follows: mistakes at the planning stage, insufficient strengthening of flanks of the shock groups, absence of fortified belts in the rear of the armies and fronts with obligatory placement of troop reserves, artillery and military engineering units on such rear boundaries. The neglect of meteorological conditions (forecasts) in the zone of action of the Southwestern, Southern and Crimean Fronts, the insufficient information regarding the counter-forces and their actual assets, reserves and action plans resulting from the poor performance of the army reconnaissance and secret agent intelligence, frequent losses of control over the troops due to continuous wire communications failures within the 'front — army — corps — division' chain, weak and inept use of radio communication resulting in overdue reaction of the commanders to sudden changes in combat situations — all these factors contributed to the catastrophic result of the battles in the Crimea and at Kharkov in May of 1942. The tragedies dramatically worsened the strategic situation on the southern wing of the Soviet-German front and let the German generals recapture the strategic initiative.

Materials and evidence for the article were searched for in the Central Archive of the Russian Ministry of Defense; memoirs and articles by Soviet and German military commanders as well as scholarly works of the post-war (Soviet) and modern periods also proved sources of data for the paper. The historical and situational, comparative and narrative methods were applied in the work; those imply studies of certain facts in the context of the era under consideration — in conjunction with the “adjoining” events and facts on the principles of “historicism”.

Keywords: Great Patriotic War, defeat of the Crimean and Southwestern Fronts, failures of the commanders, scale of casualties.

В январе–марте 1942 г. армии Юго-Западного и Южного фронтов провели несколько наступательных операций с целью освобождения Харькова, Донбасса, Таганрога, но существенных результатов не достигли. В ходе изнурительных боёв удалось лишь захватить плацдарм на западном берегу р. Северский Донец в районе Старый Салтов, а силами 6-й, 57-й и 9-й армий — закрепиться южнее Харькова на плацдарме в районе Барвенково. Противник в ходе весенних боёв укрепил оборону на подступах к Харькову, Краматорску, Славянску. Сложным оставалось положение в Крыму. Крымский полуостров имел для советского командования стратегическое значение. В период с 25 декабря 1941 г. по 2 января 1942 г. в результате Керченско-Феодосийской десантной операции Красная Армия освободила Керченский полуостров и продвинулась за 9 дней на 100–110 км. Потери войск составили 41 935 чел., из них 32 453 — безвозвратные [Великая Отечественная война 2010: 102]. 18 января вермахт неожиданным контрударом отбил Феодосию, что заставило генерала Д. Т. Козлова отвести войска на позиции у села Ак-Монай, находившегося в 80 км западнее Керчи. Руководство войсками на Керченском полуострове осуществлялось из города Тбилиси, за тысячу километров от фронта. 28 января 1942 г. директивой Ставки ВГК был создан Крымский фронт под командованием генерал-лейтенанта Д. Т. Козлова. Начальником штаба стал генерал-майор Ф. И. Толбухин, членом Военного совета — дивизионный комиссар Ф. А. Шаманин [ЦАМО РФ. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 32. Л. 17–18]. В состав фронта вошли 44-я армия генерала С. И. Черняка, 47-я армия генерала К. С. Колганова и 51-я армия генерала В. Н. Львова. Задача фронта состояла в том, чтобы деблокировать осажденный с ноября 1941 г. Севастополь и завершить освобождение всего Крымского полуострова. С 27 февраля по 13 апреля 1942 г. армии Крымского фронта трижды пытались про-

вести наступательную операцию. Первая из них началась 27 февраля одновременно с наступлением частей Приморской армии Севастопольского оборонительного района. 44-я и 51-я армии в составе восьми стрелковых дивизий и двух танковых батальонов при артиллерийской поддержке кораблей Черноморского флота попытались прорвать Ак-Монайский рубеж немецкой обороны. Оборону занимали четыре пехотные дивизии 11-й полевой армии генерал-полковника Э. фон Манштейна. Болотистая местность западнее села Ак-Монай, ставшая озером после ливневых дождей, мешала использовать танки и тяжелую технику, увязшие в раскисшей земле. Лишь на правом фланге, севернее селения Кой-Ассан, ценой больших потерь советские войска продвинулись на 10–15 км вдоль берега озера Сиваш до деревни Киет. Следующее наступление войск Крымского фронта, предпринятое 13 марта, вылилось в двухнедельные кровопролитные бои со значительными потерями с обеих сторон. 20 марта Э. фон Манштейн силами только что прибывшей из резерва ОКХ (нем. *Oberkommando des Heeres*, Верховное командование сухопутными войсками) 22-й танковой дивизии нанес контрудар из района села Кой-Ассан к побережью Азовского моря, стремясь отрезать советские части в Киетском выступе. Однако контрудар немцев тоже не достиг результата, а 22-я танковая дивизия понесла столь большие потери в материальной части, что пришлось отвести ее в тыл на переформирование. После этой неудачи командование Крымского фронта наконец осознало, что в условиях весенней распутицы пытаться наступать по болотам вдоль берега Сиваша не имело смысла. Поэтому очередное наступление советских войск, начавшееся 9 апреля, велось уже на южном фланге образовавшегося в феврале выступа и имело целью захват селения Кой-Ассан с последующим выходом на Феодосию. К 12 апреля наступление советских войск прекратилось. По завершении весенней распутицы обе противоборствующие сторо-

ны готовились к возобновлению активных наступательных действий.

Разгром Крымского фронта 8–19 мая 1942 г. явился одним из звеньев цепи военных катастроф весны 1942 г.

Во второй половине апреля командование Крымского фронта приступило к наращиванию сил для нового наступления, запланированного на середину мая. Возникли перебои с обеспечением продовольствием, боеприпасами, подвозом пополнения, не удалось полностью возместить понесенные в ходе боев в феврале–апреле 1942 г. потери в личном составе, превысившие 225 000 чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести [Керченская оборонительная операция]. Тем не менее общее соотношение сил и средств оставалось в пользу советских войск. Войска Крымского фронта после пополнений личного состава и материальной части достигли численности в 300 000 чел., имевших на вооружении 238 танков, до 1 200 орудий и 574 самолета. Положение с рубежами обороны было катастрофическим: главная полоса протяженностью 27 км не имела необходимой глубины (она не превышала 4 км), а вторая была создана лишь на правом фланге, в полосе 51-й армии. Левый, приморский фланг 44-й армии, не обеспечивался прикрытием со стороны моря. Артиллерийские противотанковые резервы фронтового и армейского подчинения не были созданы, противовоздушная оборона войск также не была организована должным образом. Фронтной тыловой рубеж, подготавливаемый на Турецком Валу и на Керченском оборонительном обводе, в инженерном отношении был не завершен и не занят войсками. Резервы и пункты управления располагались близко к переднему краю, в зоне досягаемости вражеской артиллерии.

К 8 мая 1942 г. в состав Крымского фронта входили 16 стрелковых и 1 кавалерийская дивизии, 3 стрелковые и 4 танковые бригады, 3 танковых батальона, 9 полков артиллерии резерва Главного Командования, 3 полка гвардейских минометов и другие, более мелкие, части [ЦАМО РФ. Ф. 148-А. Оп. 3763. Д. 107. Л. 177–184]. Трех советским армиям противостояли 7 пехотных и 1 танковая дивизии и румынская кавалерийская бригада 11-й полевой армии генерала Манштейна общей численностью около 150 000 солдат и офицеров. Пять дивизий 11-й армии (до 70 000 чел.)

блокировали Севастополь. Противник уступал Крымскому фронту: в живой силе — в 2 раза, в танках — в 1,2 раза, в артиллерии — в 1,8 раза. Немцы, правда, располагали большей по численности авиацией — в 1,7 раза. В первых числах мая разведка фронта наконец получила информацию о немецких планах. 7 мая на заседании Военного совета фронта обсуждались вопросы, связанные с отражением предполагаемого наступления противника. До начала операции «Охота на дроф» оставалось менее суток.

Генерал-полковник Манштейн после 10-минутной артподготовки на рассвете 8 мая нанес удар силами четырех дивизий по войскам 44-й армии вдоль побережья Черного моря. Несмотря на общее численное превосходство советских войск, на узком (5 км) участке фронта, где велось наступление, немцам удалось создать локальный перевес в силе: 3 пехотных и 1 танковая дивизии 11-й армии против 2 советских. На побережье Феодосийского залива за спиной советских войск со штурмовых мотоботов высадился тактический десант численностью до батальона, дезорганизовавший тылы оборонявшихся дивизий. Бомбардировщики 8-го авиакорпуса барона В. фон Рихтгофена, сменяя друг друга, непрерывно бомбили наши позиции, а советские самолеты в воздухе почти не появлялись. К исходу дня советская оборона была прорвана. На участке шириной в 5 км немецкие дивизии продвинулись на 8 км в глубину (при такой плотности войск и этого оказалось достаточно), и Крымский фронт потерял оперативную устойчивость. В прорыв вошла 22-я танковая дивизия, чьи танки лишь ненадолго задержались у старого противотанкового рва. При авианалете Люфтваффе 9 мая погиб командующий 51-й армией генерал-лейтенант В. Н. Львов. Утром 10 мая Ставка приказала отвести войска Крымского фронта на Турецкий Вал [ЦАМО РФ. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 41. Л. 136–137]. Однако к этому моменту немецкие части, оказавшись восточнее села Парпач, повернули на север и вышли в район дислокации советских резервов. Резервные соединения были разбиты, так и не развернувшись в боевые порядки: часть из них отошла на восток, к Керчи, а часть оказалась в окружении.

Утром 11 мая штаб Крымского фронта окончательно утратил связь со штабами 47-й и 51-й армий, восемь дивизий которых были зажаты в плотном котле на побережье Сива-

ша. Попытка командования фронтом 12 мая организовать оборону на Турецком Валу силами отходившей 44-й армии, а также теми частями, которым удалось вырваться из окружения, не увенчалась успехом. Утром 13 мая тыловая позиция советских войск была прорвана, а к исходу 14 мая немецкие войска прорвались к окраинам Керчи. Началась спешная и плохо организованная эвакуация оставшихся войск через пролив на Таманский полуостров, проходившая под массированными атаками германской авиации. 15 мая Керчь пала, и неуправляемые остатки перемешавшихся дивизий, бригад и полков отступили на восточную оконечность полуострова, между мысом Хрони, поселком им. Войкова и мысом Змеиный. Вывоз остатков войск с полуострова продолжался до 20 мая, в основном в ночное время. Не успевшие эвакуироваться части, численностью до 15 000 чел., ушли в Аджимушайские каменоломни, где очаги сопротивления продержались до сентября. Всего на Тамань удалось эвакуировать до 120 000 чел. и почти всю реактивную артиллерию. 176 566 чел. погибли и попали в плен [Великая Отечественная война 2010: 179], противник захватил 260 танков и 1 130 артиллерийских орудий, потеряв за двенадцать дней наступления всего до 8 000 солдат. 19 мая вместо Крымского фронта был сформирован Северо-Кавказский фронт [ЦАМО РФ. Ф. 148-А. Оп. 3763. Д. 10. Л. 141–142] под командованием Семёна Михайловича Буденного. Войска 11-й полевой армии высвободились для завершающего штурма Севастополя.

В те же майские дни вторая катастрофа произошла под Харьковом. Еще 22 марта 1942 г. командование Юго-Западного направления обратилось в Ставку Верховного Главнокомандования с предложением провести наступательную операцию силами Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов, усиленных резервами Ставки, на южном крыле советско-германского фронта с целью разгрома группы армий «Юг» и выхода советских войск на линию Гомель–Киев–Черкассы–Первомайск–Николаев. Планировалось форсирование р. Днепр в его среднем и нижнем течении. Общая глубина операции составляла свыше 500 км на фронте шириной до 900 км [ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 34–60]. Однако Ставка ВГК 29 марта отвергла эту авантюрную инициативу и дала указание маршалу

С. К. Тимошенко разработать план по разгрому лишь харьковской группировки немцев, освобождению Харькова и в дальнейшем, при успехе, — наступлению на Днепропетровск.

По плану, разработанному к 10 апреля начальником штаба Юго-Западного направления генерал-лейтенантом И. Х. Баграмяном и утверждённому маршалом С. К. Тимошенко, войска Юго-Западного фронта должны были нанести по харьковской группировке немцев два сходящихся удара: с северо-востока — силами 21-й, 28-й и 38-й армий и с юго-востока, с северного фаса Барвенковского выступа, — силами 6-й армии и армейской группы генерала Л. В. Бобкина. Согласно плану, в течение первой недели наступления советские войска должны были прорвать немецкую оборону и сомкнуть кольцо окружения западнее Харькова, а к концу второй недели — уничтожить немецкую группировку в районе Харькова. Затем, на третьем этапе, планировалось наступление с целью захвата Днепропетровска [ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 145. Л. 181–188]. Фланги ударных группировок Юго-Западного фронта прикрывали левофланговая 21-я армия Брянского фронта и правофланговые 57-я и 9-я армии Южного фронта. Численность советских войск, задействованных в начале майской операции, составляла 765 300 чел. [Великая Отечественная война 2010: 179] — всего 27 стрелковых и 9 кавалерийских дивизий, 20 танковых и 3 мотострелковые бригады, имевших на вооружении свыше 1 200 танков, 13 000 орудий и минометов, 926 боевых самолетов (включая часть ВВС Южного фронта). Численность немецких войск в районе операции составляла около 250 000 чел. (8-й, 17-й, 29-й, 51-й армейские корпуса 6-й армии, в сумме — 13 пехотных и 2 танковые дивизии).

1 мая 1942 г. Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин обратился к вооружённым силам с приказом № 130, в котором говорилось: «Красная Армия добилась перелома в ходе войны и перешла от активной обороны к успешному наступлению на вражеские войска. <...> Все это говорит о том, что Красная Армия стала организованнее и сильнее, её офицерские кадры закалились в боях, а её генералы стали опытнее и прозорливее. Приказываю <...> всей Красной Армии добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фа-

шистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев» [Сталин, 15 1997: 106–109].

4–7 мая главнокомандующий, маршал С. К. Тимошенко, член Военного совета Н. С. Хрущев и командующие родами войск фронта побывали в 28-й и 6-й армиях, которые должны были сыграть главную роль в наступлении на Харьков. Вместе с командующими армиями, генерал-лейтенантами Д. И. Рыбышевым и А. М. Городнянским, они проверяли в этих объединениях планирование операции и подготовку войск к наступлению. Переход войск Юго-Западного фронта в наступление на Харьков, запланированный на 4 мая, из-за несвоевременного поступления пополнения личным составом и вооружения был перенесен на утро 12 мая. В эти же дни начала мая немецкое командование для создания благоприятных условий для летнего наступления также готовило операцию по ликвидации Барвенковского выступа. 10 мая командующий 6-й полевой армией генерал-лейтенант Ф. Паулюс представил командующему группой армий «Юг» генерал-фельдмаршалу Федору фон Боку план операции «Фридрикус». Планом предусматривалось наступлением 6-й полевой армии из района севернее Балаклеи и армейской группы Клейста (1-я танковая, 17-я полевая армии) из районов Славянска, Краматорска в общем направлении через Барвенково на Изюм окружить и уничтожить группировку советских войск Южного и Юго-Западного фронтов в Барвенковском выступе, восстановить линию фронта по Северскому Донцу и овладеть плацдармами на восточном берегу реки в районе города Изюм. Немецкие части пополнялись личным составом и техникой, из Франции перебрасывались новые пехотные и танковые дивизии. На Харьковском направлении главная полоса немецкой обороны имела 2–3 позиции общей глубиной 6–7 км. Основу каждой позиции составляли опорные пункты и узлы сопротивления, созданные в населённых пунктах и на высотах между ними. Вторая оборонительная полоса располагалась в 10–15 км от переднего края, армейская тыловая полоса — в 20–25 км, по рубежу населённых пунктов Змиев, Чугуев, Липцы, Черемошное. Хорошо развитая в инженерном отношении система полевой обороны и четкое огневое взаимодействие родов войск позволяли Ф. Паулюсу удерживать фронт в полосе советского наступления

всего 6 пехотными дивизиями, имея в резерве в Харькове 3-ю и 23-ю танковые дивизии в готовности оказать поддержку на любом атакованном участке.

В планировании и подготовке операции было много недостатков и просчётов. В первую очередь, это касалось плана наступления. Решительная по своей сути цель операции должна была выполняться «черепашьями темпами», о чём свидетельствуют намеченные средние темпы наступления (6–8 км в сутки!), медленное наращивание сил и средств на направлении главного удара фронта, поздние (лишь на третий день наступления) сроки ввода в сражение 21-го и 23-го танковых корпусов. Основным просчётом командования Юго-Западного направления было то, что наступление главной ударной группировки планировалось осуществить из оперативного «мешка», слабо защищённого от ударов противника с юга. Задачи 57-й и 9-й армий Южного фронта на южном фланге Барвенковского выступа были пассивными. Дивизий и бригад, имевшихся в их составе, было недостаточно для создания прочной противотанковой обороны в занимаемой ими 176-километровой полосе. Более того, из этих армий были изъяты и переданы в состав Юго-Западного фронта: 1 стрелковая дивизия, 2 стрелковых и 3 танковых бригады, 8 артиллерийских полков и по 500 чел. пехоты из оставшихся дивизий, несмотря на то что имелись сведения о сосредоточении танковых соединений армейской группы «Клейст» перед войсками этих армий. Крупные просчёты были допущены в оценке сил и намерений противника. Его группировка к началу операции оказалась значительно мощнее, чем предполагало командование Юго-Западного направления. Не был вскрыт план немецкого командования по ликвидации Барвенковского плацдарма. Военный совет и штаб фронта в период подготовки, и особенно в ходе операции, во многих случаях действовали непрофессионально. На действиях соединений сказались их слабая сколоченность и недостаток боевого опыта. Взаимодействие пехоты с танками, артиллерией и особенно с авиацией часто нарушалось или полностью отсутствовало.

Наступление советских войск на Харьков началось в 5:30 утра 12 мая 1942 г. На северном участке, со Старо-Салтовского плацдарма, после часовой артиллерийской и авиационной подготовки, в атаку пош-

ли батальоны 11 стрелковых дивизий при поддержке 7 танковых бригад, сопровождаемые огнем 20 артиллерийских полков Резерва Главного Командования. Войскам 21-й, 28-й и 38-й армий противостояли в этот день 79-я и 294-я пехотные дивизии и один пехотный полк 71-й дивизии противника. Южная ударная группировка также после часовой артиллерийской и авиационной подготовки в 7:30 утра перешла в наступление против частей 8-го и 51-го армейских корпусов противника на участке от Верхнего Бишкина до Мироновки. 6 советских дивизий при поддержке 200 танков и 14 полков РГК к полудню сломили сопротивление 62-й пехотной и 454-й охранной немецких дивизий и 108-й венгерской легкой пехотной дивизии. Во второй половине дня на Красноградском направлении в прорыв был введен 6-й кавкорпус, усиленный 7-й танковой бригадой. К вечеру 12 мая войска на фронте на 42-километровом участке вклинились вглубь немецкой обороны на 12–15 км, достигнув второго оборонительного рубежа, созданного на возвышенном западном берегу р. Орель. Немцы бросили на этот участок всё, что было под рукой, в том числе трофейные команды и строительные батальоны Тодта. Командующий 6-й армией генерал А. М. Городнянский начал выдвижение 103-й и 248-й стрелковых дивизий второго эшелона. 21-й и 23-й танковые корпуса оставались в исходном районе, хотя находились уже в 35 км от линии фронта.

За три дня тяжёлых боёв советским войскам удалось продвинуться на 20–25 км соединениями северной ударной группировки (около половины пути до Харькова) и на 35–50 км соединениями 6-й армии и армейской группы Л. В. Бобкина (6-й кавкорпус в составе 26-й, 28-й, 49-й кавалерийских дивизий; 270-я и 393-я стрелковые дивизии, 7-я танковая бригада). Согласно плану операции, на третий день, 14 мая, маршалу С. К. Тимошенко следовало ввести в сражение 21-й и 23-й танковые корпуса. Обстановка в целом способствовала этому: командующий группой армий «Юг» фельдмаршал фон Бок, не надеясь на сопротивление своих войск, устойчивость которых из-за понесённых потерь снизилась, обратился к Гитлеру с просьбой перебросить из группы «Клейст» 3–4 дивизии для ликвидации бреши южнее Харькова. Ситуация на

левом фланге 6-й полевой армии Ф. Паулюса была критической. Нарастив силу удара путём ввода в сражение танковых корпусов и резервов, фронт имел возможность стремительно развить достигнутый успех. К сожалению, это не было осуществлено.

К исходу 14 мая немецкие войска остановили наступление войск 28-й и 38-й армий восточнее Харькова и стали наносить контрудары силами 3-й и 23-й танковых и 71-й пехотной дивизий. 38-я армия генерала К. С. Москаленко вынуждена была отойти за реку Большая Бабка, открыв левый фланг 28-й армии. Противник сам перешёл к наступательным действиям и вынудил войска северной ударной группировки вести тяжёлые оборонительные бои. Немецкая авиация господствовала в воздухе.

Утром 17 мая войска армейской группы «Клейст» силами 17 дивизий (12 пехотных (8 немецких, 4 румынские), 2 танковые и 1 моторизованная дивизии: всего свыше 200 000 чел.) нанесли удар по южному фасу Барвенковского выступа, который обороняли 9-я и 57-я армии Южного фронта. Они имели в своем составе 13 стрелковых, 3 кавалерийские дивизии и 4 танковых бригады, общей численностью до 170 000 чел. В течение дня 17 мая немецкие войска 44-го армейского и 3-го моторизованного корпусов отбросили войска 9-й армии генерала Ф. М. Харитонova на 20 км на север. 57-я армия генерала К. П. Подласа сумела удержать свои позиции, отразив атаки четырех дивизий 6-го румынского армейского корпуса. 18 мая немецкие войска оттеснили советскую 9-ю армию ещё на 20–25 км, заняли Барвенково и вышли на южную окраину города Изюм. Возникла прямая угроза окружения в этом выступе войск 6-й, 9-й, 57-й армий и армейской группы генерала Л. В. Бобкина. Маршал С. К. Тимошенко приказал прекратить наступление на Харьков и сосредоточиться на отпоре наступления армейской группы «фон Клейст». Северная ударная группировка (21-я, 28-я, 38-я армии) под ударами танков и авиации отошла на позиции, которые она занимала до начала наступления 12 мая. 23 мая авангард армейской группы «Клейст», наступавший на север, встретился с 3-й и 23-й танковыми дивизиями Ф. Паулюса, наносившими удар с Чугуевского плацдарма в южном направлении. В окружение попали 6-я и 57-я армии и армейская группа генерала Ф. Я. Костенко (бывшая группа генерала Л. В. Бобкина). Всего в кот-

ле оказались 16 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 12 танковых и 2 мотострелковые бригады общей численностью свыше 150 000 чел. Кольцо окружения удерживали 10 немецких дивизий, в том числе 2 танковые и 1 моторизованная, 4 румынские и 1 венгерская дивизии. В течение 24–29 мая немецкие войска методично сжимали кольцо окружения, уничтожая или беря в плен советские части. 28 мая из окружения с 20-тысячной группой бойцов и командиров 6-й армии смогли прорваться на восток член Военного совета фронта дивизионный комиссар К. А. Гуров, начальник штаба 6-й армии генерал-майор А. Г. Батюня. Мелкие группы и одиночки выходили из окружения еще длительное время. Всего же, по данным на 1 июня 1942 г., из Барвенковского выступа вырвалось 21 910 чел. с 6 танками, 4 орудиями, 16 миномётами, 20 пулемётами и 1 939 лошадьми [ЦАМО РФ. Ф. 103. Оп. 161. Д. 843. Л. 238].

В ходе боев в окружении погибли генералы: заместитель командующего войсками Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко (застрелился вместе с сыном, капитаном-артиллеристом), командующий 6-й армией генерал-лейтенант А. М. Городнянский (застрелился 27 мая), бригадный комиссар И. А. Власов, командующий 57-й армией генерал-лейтенант К. П. Подлас, бригадный комиссар А. И. Попенко, генерал-майор А. Ф. Анисов, генерал-майор артиллерии Ф. Г. Маляров, командующий армейской группой генерал-майор Л. В. Бобкин (был убит 26 мая немецким автоматчиком у труп своего 12-летнего сына), командир 15-й стрелковой дивизии генерал-майор Д. Г. Егоров, командир 47-й стрелковой дивизии генерал-майор Ф. Н. Матыкин, командир 270-й стрелковой дивизии генерал-майор З. Ю. Кутлин, командир 337-й стрелковой дивизии генерал-майор И. В. Васильев. Командир 21-го танкового корпуса генерал-майор Г. И. Кузьмин, будучи ранен в живот, застрелился 28 мая. Погибло также большое количество командиров и красноармейцев, многие попали в плен. Среди них генералы И. М. Шепетов, Г. М. Зусманович, А. А. Носков, Н. Ф. Михайлов, А. Б. Борисов (Шистер). По донесениям немецкого командования, «армейская группа Э. фон Клейста и 6-я полевая армия взяли 215 000 пленных, а также захватили или уничтожили 1 812 орудий, 1 270 танков. Сбили 542 самолета» [Быков 2007: 454].

Барвенковский выступ был ликвидирован. За 18 дней этой операции безвозвратные потери советских войск (убитыми и пропавшими без вести) составили 170 958 чел., санитарные потери — 106 232, всего — 277 190 бойцов и командиров [Великая Отечественная война 2010: 179]. Помимо огромных людских потерь, материальные потери только 6-й, 9-й, 57-й армий и армейской группы Л. В. Бобкина составили 1 646 орудий, 3 278 миномётов, 57 600 лошадей [ЦАМО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Д. 355. Л. 19; Ф. 229. Оп. 213. Д. 63, Л. 465–466]. За провал этой операции был наказан начальник штаба Юго-Западного направления генерал-лейтенант И. Х. Баграмян: распоряжением И. В. Сталина он был понижен в должности до начальника штаба 28-й армии. В конце мая 1942 г. Ставка ВГК поставила Юго-Западному фронту задачу перейти к обороне и не допустить развития наступления противника из района Харькова на восток [ЦАМО РФ. Ф. 148-А. Оп. 3763. Д. 107. Л. 199–203]. Линия фронта проходила в основном по Северскому Донцу.

Поражение войск Крымского и Юго-Западного фронтов в мае 1942 г. позволило немецкому командованию перехватить стратегическую инициативу на южном крыле советско-германского фронта и создать благоприятные условия для летнего наступления вермахта на Кавказ и к нижнему течению Волги.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-01-00300 «Большая излучина Дона — место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

Источники

ЦАМО РФ — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.

Литература

- Быков К. В. Харьковский котел. 1942 год. Крушение надежд. М.: Яуза; Эксмо, 2007. 472 с.
- Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. М.: Вече, 2010. 384 с.
- Керченская оборонительная операция 1942 года [электронный ресурс] // URL: <http://voynablog.ru/2013/03/24/kerchenskaya-oboronitelnaya-operaciya-1942-goda/> (дата обращения: 23.03.2016).
- Сталин И. В. Сочинения. Т. 15. М.: Изд-во «Писатель», 1997. 249 с.

Sources

TsAMO RF — *Tsentral'nyy arkhiv Ministerstva oborony RF* [The Central Archive of the Russian Ministry of Defense].

References

Bykov K.V. *Khar'kovskiy kotel. 1942 god. Krushenie nadezhd* [The Kharkov pocket. 1942. Defeat of hopes]. Moscow, Yauza Publ., Eksmo Publ., 2007, 472 p. (In Russ.).
Velikaya Otechestvennaya voyna bez grifa

sekretnosti. Kniga poter' [The Great Patriotic War non-classified. A book of combat casualties]. Moscow, Veche Publ., 2010, 384 p. (In Russ.).

Kerchenskaya oboronitel'naya operatsiya [The Kerchenskaya Defensive Operation]. Available at: <http://voynablog.ru/2013/03/24/kerchenskaya-oboronitelnaya-operaciya-1942-goda> (accessed: 23 March 2016) (In Russ.).
 Stalin J. V. *Sochineniya. T. 15* [Works]. Moscow, Pisatel Publ., 1997, 249 p. (In Russ.).

Приложение

Таблица № 1: Состав и командование немецких и советских войск на харьковском направлении в мае 1942 г.:

Группа армий «Юг» — генерал-фельдмаршал Федор фон Бок	23-я танковая дивизия — генерал-майор Ганс фон Бойнибург-Ленгсфельд
6-я армия — генерал-лейтенант Фридрих Паулюс:	Армейская группа «Клейст»: генерал-полковник Эвальд фон Клейст
<u>8-й армейский корпус</u> — генерал артиллерии Вальтер Гейтц	17-я армия (генерал-полковник Карл-Генрих фон Штюльпнагель)
62-я пехотная дивизия — генерал-майор Рихард-Генрих фон Ройсс	<u>44-й армейский корпус</u> — генерал артиллерии Максимилиан де Ангелис
113-я пехотная дивизия — генерал-майор Ганс-Генрих Сикст фон Арним	16-я танковая дивизия — генерал-майор Ганс-Валентин Хубе
305-я пехотная дивизия — генерал-майор Бернгард Штейнмец	68-я пехотная дивизия — генерал-майор Пауль Шойерпфлюг
454-я охранная дивизия — генерал-лейтенант Герман Вильке	97-я лёгкая пехотная дивизия — генерал-майор Максимилиан Фреттер-Пико
<u>29-й армейский корпус</u> — генерал пехоты Ганс фон Обстфельдер	101-я лёгкая пехотная дивизия — генерал-лейтенант Бруно фон Хайдринген
299-я пехотная дивизия — генерал артиллерии Вильгельм Мозер	257-я пехотная дивизия — генерал-лейтенант Карл Гимбель
75-я пехотная дивизия — генерал-лейтенант Эрнст Хаммер	384-я пехотная дивизия — генерал-лейтенант Эккард фон Габленц
168-я пехотная дивизия — генерал-лейтенант, доктор Ганс Мундт	389-я пехотная дивизия — генерал-лейтенант Эрвин Йенеке
<u>51-й армейский корпус</u> — генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах	<u>3-й танковый корпус</u> — генерал кавалерии Эберхард-Август фон Макензен
44-я пехотная дивизия — генерал-лейтенант Фридрих Зиберт	14-я танковая дивизия — генерал танковых войск Фридрих Кюн
71-я пехотная дивизия — генерал-лейтенант Александр фон Хартманн	60-я моторизованная дивизия — генерал-лейтенант Отто Колерман
297-я пехотная дивизия — генерал артиллерии Макс Пфеффер	1-я горно-стрелковая дивизия — генерал-лейтенант Губерт Ланц
<u>17-й армейский корпус</u> — генерал пехоты Вернер Кинитц	100-я лёгкая пехотная дивизия — генерал-лейтенант Вернер Занне
79-я пехотная дивизия — генерал-лейтенант Карл Штреккер	<u>6-й армейский корпус (румынский)</u> — генерал-лейтенант Корнелиу Драгилина
294-я пехотная дивизия — генерал-лейтенант Отто Габке (убит 22.03.1942)	1-я пехотная дивизия (рум.) — бригадный генерал Константин Панайотиу
3-я танковая дивизия — генерал-майор Герман Брайт	2-я пехотная дивизия (рум.) — бригадный генерал Димитриу Тудосе

- 4-я пехотная дивизия (рум.) — бригадный генерал Георгиу Гилак
- 20-я пехотная дивизия (рум.) — бригадный генерал Георгиу Гоергеску
- 298-я пехотная дивизия — генерал-лейтенант Вальтер Гресснер
- 239-я пехотная дивизия — генерал пехоты Фердинанд Нойлинг
- 55-й армейский корпус — генерал пехоты Эрвин Фиров
- 57-я пехотная дивизия — генерал-лейтенант Оскар Блюм
- 11-й армейский корпус — генерал пехоты Ойген Отт
- 125-я пехотная дивизия — генерал пехоты Вильгельм Шнекенбургер
- 4-й армейский корпус — генерал пехоты Виктор фон Шведлер
- 94-я пехотная дивизия — генерал-майор Георг Пфейфер
- 76-я пехотная дивизия — генерал-лейтенант Карл Роденбург
- 52-й армейский корпус — генерал пехоты Курт фон Бризен
- 9-я пехотная дивизия — генерал-лейтенант, барон Зигмундт фон Шлейниц.
- 295-я пехотная дивизия — генерал-майор, доктор Отто Корфес.
- Юго-Западный фронт** — маршал Тимошенко Семен Константинович
- 28-я армия** — генерал-лейтенант Рябышев Дмитрий Иванович
- 13-я гв. стрелковая дивизия — генерал-майор Родимцев Александр Ильич
- 38-я стрелковая дивизия — полковник Доценко Николай Петрович
- 162-я стрелковая дивизия — полковник Матвеев Михаил Иванович
- 169-я стрелковая дивизия — генерал-майор Рогачевский Самуил Моисеевич
- 175-я стрелковая дивизия — генерал-майор Кулешов Н. Демьянович
- 244-я стрелковая дивизия — полковник Истомин М. С.
- 3-й гв. Кавалерийский корпус — генерал-майор Плиев Исса Александрович
- 5-я гв. кавалерийская дивизия — полковник Чепуркин Николай Степанович
- 6-я гв. кавалерийская дивизия — подполковник Белогорский Анатолий Иванович
- 32-я кавалерийская дивизия — полковник Москаленко Алексей Прокофьевич
- 6-я гв. танковая бригада — подполковник Скуба Михаил Кузьмич
- 10-я танковая бригада — полковник Бунтман-Дорошевич Вениамин Александрович
- 14-я танковая бригада — полковник Семенников Сергей Иванович
- 57-я танковая бригада — генерал-майор Алексеев Василий Михайлович
- 90-я танковая бригада — подполковник Малышев Михаил Иванович
- 38-я армия** — генерал-майор артиллерии Москаленко Кирилл Семенович
- 226-я стрелковая дивизия — генерал-майор Горбатов Александр Васильевич
- 124-я стрелковая дивизия — полковник Берестов Александр Кондратьевич
- 81-я стрелковая дивизия — полковник Пименов Федор Алексеевич
- 300-я стрелковая дивизия — полковник Меркулов Серафим Петрович
- 199-я стрелковая дивизия — полковник Веревкин Федор Андреевич
- 304-я стрелковая дивизия — полковник Хазов Иван Васильевич
- 13-я танковая бригада — полковник Климчук Иван Трофимович
- 36-я танковая бригада — полковник Танасчишин Трофим Иванович
- 133-я танковая бригада — полковник Бубнов Николай Матвеевич
- 6-я армия** — генерал-лейтенант Городнянский Авксентий Михайлович
- 337-я стрелковая дивизия — генерал-майор Васильев Илья Васильевич
- 41-я стрелковая дивизия — полковник Баерский Владимир Гелярович
- 47-я стрелковая дивизия — генерал-майор Матыкин Филипп Николаевич
- 103-я стрелковая дивизия — комдив Чанышев Якуб Джагирович
- 253-я стрелковая дивизия — подполковник Григорьев Михаил Григорьевич
- 266-я стрелковая дивизия — полковник Таванцев Александр Игнатьевич
- 248-я стрелковая дивизия — полковник Матусевич Иосиф Иванович
- 411-я стрелковая дивизия — полковник Песочин Михаил Андреевич
- 37-я танковая бригада — полковник Кагарманов Мукарам Лутбрурахманович
- 38-я танковая бригада — подполковник Зурин Петр Захарович
- 48-я танковая бригада — полковник Сильнов Артемий Павлович
- 5-я гв. танковая бригада — генерал-майор Михайлов Николай Филиппович
- 21-й танковый корпус** — генерал-майор Кузьмин Григорий Иванович
- 64-я танковая бригада — подполковник Постников Михаил Ефимович

- 198-я танковая бригада — полковник Дроздов Петр Дмитриевич
- 199-я танковая бригада — полковник Демидов Иван Демидович
- 4-я мотострелковая бригада — майор Шекал Александр Михайлович
- 23-й танковый корпус** — генерал-майор Пушкин Ефим Григорьевич
- 6-я танковая бригада — подполковник Еремин Алексей Яковлевич
- 130-я танковая бригада — майор Бирюков Петр Степанович
- 131-я танковая бригада — подполковник Арсениук Иван Кириллович
- 23-я мотострелковая бригада — полковник Шахназаров Аршавир Георгиевич
- Армейская группа** — генерал-майор Бобкин Леонид Васильевич
- 270-я стрелковая дивизия — генерал-майор Кутлин Заки Юсупович
- 393-я стрелковая дивизия — полковник Зиновьев Иван Дмитриевич, ГСС.
- 6-й кавалерийский корпус** — генерал-майор Носков Александр Алексеевич
- 26-я кавалерийская дивизия — подполковник Андреев Михаил Николаевич
- 28-я кавалерийская дивизия — полковник Сакович Леонид Николаевич
- 49-я кавалерийская дивизия — полковник Юровский Борис Леонтьевич
- 7-я танковая бригада — полковник Юрченко Иван Федорович
- 57-я армия** — генерал-лейтенант Подлас Кузьма Петрович
- 14-я гв. стрелковая дивизия — генерал-майор Шепетов Иван Михайлович
- 99-я стрелковая дивизия — полковник Владимиров Владимир Яковлевич
- 150-я стрелковая дивизия — генерал-майор Егоров Дмитрий Григорьевич
- 317-я стрелковая дивизия — полковник Яковлев Дмитрий Павлович
- 351-я стрелковая дивизия — полковник Гурский Николай Устинович
- 9-я армия** — генерал-майор Харитонов Федор Михайлович
- 51-я стрелковая дивизия — генерал-майор Филиппов Федор Григорьевич
- 333-я стрелковая дивизия — генерал-майор Дашевский Яков Сергеевич
- 335-я стрелковая дивизия — полковник Шевченко Иван Афанасьевич
- 349-я стрелковая дивизия — полковник Рузняев Михаил Гаврилович
- 341-я стрелковая дивизия — полковник Шагин Александр Ильич
- 12-я танковая бригада — полковник Кирнос Авраам Соломонович
- 15-я танковая бригада — генерал-майор Колосов Максим Васильевич
- 121-я танковая бригада — полковник Радкевич Николай Николаевич
- Резервы фронта:**
- 277-я стрелковая дивизия — полковник Чернов Виктор Георгиевич
- 278-я стрелковая дивизия — генерал-майор Монахов Дмитрий Петрович
- 343-я стрелковая дивизия — полковник Чувашев Петр Павлович
- 242-я стрелковая дивизия — полковник Кашкин Анатолий Михайлович
- 3-я танковая бригада — полковник Красногоровый Владимир Иванович
- 114-я танковая бригада — подполковник Куриленко Иван Васильевич
- 5-й кавалерийский корпус** — генерал-майор Вальц Юрий Владимирович
- 30-я кавалерийская дивизия — полковник Головской Василий Сергеевич
- 34-я кавалерийская дивизия — полковник Инаури Алексей Николаевич
- 60-я кавалерийская дивизия — полковник Перекрестов Григорий Никифорович
- 2-й кавалерийский корпус** — полковник Ковалев Григорий Андреевич
- 62-я кавалерийская дивизия — полковник Григорович Владимир Иосифович
- 38-я кавалерийская дивизия — подполковник Субботин Федор Иванович
- 70-я кавалерийская дивизия — полковник Юрчик Николай Михайлович

УДК 94(47).084.8(470.61)

ПРЕДВЕСТНИКИ КАТАСТРОФЫ НА ЮГЕ: ПОРАЖЕНИЯ РККА В КРЫМУ И ПОД ХАРЬКОВОМ В МАЕ 1942 г.

Владимир Иванович Афанасенко ¹

¹ старший научный сотрудник, Лаборатория истории и этнографии, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону, Российская Федерация). E-mail: krinko@ssc-ras.ru.

Аннотация. Летнему наступлению войск вермахта и войск союзников Германии на южном крыле советско-германского фронта предшествовали крупные сражения весной 1942 г. под Ленинградом, в районе Демянского выступа, в тыловом районе группы армий «Центр» в районе Вязьмы, под Харьковом и в Крыму, ставшие своеобразным итогом зимнего стратегического наступления Красной Армии. В ходе этих операций, в условиях недостаточного снабжения и пополнения, ряд армий Волховского, Северо-Западного, Калининского, Западного, Юго-Западного и Крымского фронтов потерпели поражения. Особенно тяжкие последствия для советских войск на юге имели катастрофические разгромы армий Крымского и Юго-Западного фронтов в мае 1942 г. Основными причинами поражений советских войск на южном крыле советско-германского фронта явились: ошибки при планировании наступательных операций; недостаточное усиление флангов ударных группировок; отсутствие оборудованных в инженерном отношении оборонительных рубежей в тылу армий и фронтов с размещением на этих тыловых рубежах войсковых резервов, артиллерии и инженерно-саперных частей; игнорирование метеорологической обстановки в полосе действий армий Юго-Западного, Южного и Крымского фронтов; недостаточная информация о силах и средствах противника, его резервах и планах действий вследствие слабой работы армейской и агентурной разведки; частые потери управления войсками из-за систематических нарушений проводной связи в звене фронт–армия–корпус–дивизия при недостаточном использовании радиосвязи, а также запоздалая реакция командования на внезапное изменение оперативной обстановки. Все эти факторы предопределили катастрофический результат сражений в Крыму и под Харьковом в мае 1942 г. Материалами для подготовки статьи послужили архивные документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, мемуары и статьи советских и немецких военачальников, а также научные публикации послевоенного (советского) и современного периодов. В работе использованы историко-ситуационный, сравнительный и нарративный методы, которые предполагают изучение фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с «соседствующими» событиями и фактами на принципах «историзма».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, поражение Крымского и Юго-Западного фронтов, просчеты командования, масштабы потерь.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 82–89, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-82-89
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 902

Graphic Reconstruction of Field Archaeological Documentation According to Archival Data

Erdni A. Kekeev¹, Maria A. Ochir-Goyayeva², Evgeniy G. Burataev³

¹ Junior Research Associate, Archaeological Research Laboratory, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru.

² Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Chief Research Associate, Archaeological Research Laboratory, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: mariaochir@gmail.com.

³ Junior Research Associate, Archaeological Research Laboratory, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: burataev1981@mail.ru.

Abstract

The work on graphic reconstruction of field documentation has been conducted as part of the project for studying the heritage of the large-scale archaeological surveys implemented by expert teams headed by professors I. V. Sinitsyn and U. E. Erdniev in the early 1960s. From 1961 to 1972 a number of famous archaeological monuments were explored, namely the burial sites of Lola (I / II), Arkhara, Elista, East Manych, etc. The distinctive feature of the explorations, as compared to the pre-war ones, was that those were rescue excavations, i. e. the monuments were endangered with total destruction and, thus, all of them without exception were excavated. The construction of the Chogray Reservoir's dam and subsequent flooding of the East Manych valley proved one of the largest projects during the revival of the republic. The East Manych burial site comprised seven mound groups that were investigated from 1965 to 1967; a total of 329 mounds containing 1 541 burials were excavated. The vast and diverse materials have been published in a series of scholarly articles and monographs issued by various publishers, so the qualities of printed illustrations (schemes, drawings, photographs) varied as well. Some of the published photographs were of low quality and looking at them one could hardly trace the general silhouette of an object with the minor elements and ornaments being totally unperceivable. The paper states the low-quality illustrations may have contributed to the fact that the exploration results from the East Manych mound groups are somewhat underrated.

In the course of the conducted work on filling the gaps that had appeared during the publication of the results from the 1967 archaeological investigations of the East Manych mound group (the right bank; VMPB-67) a database of archaeological findings from the burial site was created; the findings were once again — processed, systematized, described, their corresponding drawings and photographs were made. Careful studies of the archival materials (in-field diaries) indicated that those are informative enough to identify the actual sizes of mounds and burials. The unpublished schemes of burials from the site under consideration have been reconstructed according to the in-field diaries and the research report — by the aid of a new method for reproducing schemes involving the use of diverse data and latest technologies. As a result, the materials once viewed upon as incomplete sources have been re-introduced into scientific discourse.

Further development and sophistication of the method shall allow to conduct similar work for sources on explorations of other burial sites which would enable to conduct research at a totally new level. The advantages of the method comprise ease of editing schemes and high processing speed; in addition, data storage and communication in electronic format is easier and more practical than those in print or other formats.

Keywords: East Manych, rescue excavations, field documentation, graphic reconstruction, computer technologies

Совместная работа Ивана Васильевича Сеницына и Урюбджура Эрдниева началась с раскопок Первого Лолинского могильника в 1961 г. и продолжалась до 1972 г. Результатом стало исследование таких известных памятников, как могильники Лола, Архара, Элиста, Восточный Маныч и др. Это были первые спасательные археологические раскопки на территории Республики Калмыкия. На плечи И. В. Сеницына и У. Э. Эрдниева легла вся работа по организации и проведению полевых работ, а также последовавшая за этим обработка материалов, написание научного отчета и подготовка его к публикации. Благодаря их самоотверженному и кропотливому труду результаты работ были опубликованы, и сегодня у нас есть возможность работать с материалами археологических раскопок. Но, к сожалению, в силу некоторых причин наблюдается определенная недооценка работ, проведенных И. В. Сеницыным и У. Э. Эрдниевым.

В последние годы авторским коллективом была начата планомерная работа по изучению наследия профессоров И. В. Сеницына и У. Э. Эрдниева, в процессе которой был очерчен круг источников. Комплексный анализ дал возможность оценить масштабность исследований археологических памятников, проведенных авторами раскопок в указанный период. Первым и наиболее доступным источником стали опубликованные научные отчеты раскопок; кроме того, была проведена работа по изучению находок из археологических коллекций исследованных могильников, поиску и систематизации архивных источников.

Первой причиной недооцененности данных материалов стала задержка в публикации результатов работ: за период, прошедший между полевыми работами и выходом в свет публикации научного отчета, требования к проведению археологических работ значительно усложнились. Например, спасательные работы того же периода, совершенные в связи со строительством плотины Волгоградской ГЭС и затоплением площа-

ди водами Волгоградского водохранилища, были проведены на том же уровне, что и спасательные раскопки на территории Республики Калмыкия. Отличие заключается лишь в том, что результаты работы Волгоградской экспедиции были опубликованы оперативно, тогда как результаты раскопок археологической экспедиции И. В. Сеницына и У. Э. Эрдниева, совершенной в 1961 г., опубликовали в 1963 г., а завершающая публикация работ 1966 г. вышла в 1991 г., т. е. спустя 25 лет. Здесь нужно сказать о том, что это произошло не по вине авторов: наоборот, несмотря на нагрузку на основной работе, а также занятость на нескольких общественных должностях, они смогли подготовить материал для публикации. Отдельно следует упомянуть о труде Урюбджура Эрдниева, который уже после кончины И. В. Сеницына подготовил и опубликовал результаты их совместной работы 1966–1967 гг.: шесть статей и одну монографию с указанием имен обоих авторов.

Еще одной возможной причиной возникшей недооценки работ может быть качество печати графической части научного отчета (чертежей, рисунков, фотографий): результаты спасательных работ вышли в виде нескольких публикаций, которые были выпущены в разное время и в разных типографиях. В процессе изучения наследия работ 1961–1967 гг. в Научном архиве КалмНЦ РАН в фонде профессора У. Э. Эрдниева были изучены оригиналы фотоснимков находок из раскопок группы «Восточный Маныч». Эти фотографии были сделаны качественно: предметы сняты в фокусе, все элементы находки отображены четко, т. е. при фотографировании были соблюдены все требования к фотофиксации археологических находок. Тем самым можно утверждать, что низкое качество изображений в некоторых публикациях материалов могильника «Восточный Маныч» — это технический недостаток оборудования типографий.

С учетом выявленных недостатков публикаций авторами было принято решение провести работу по восполнению данных

пробелов: начата работа по оценке коллекций археологических находок из спасательных раскопок 1961–1967 гг. [Кекеев 2011; 2014]; в настоящее время ведется работа по зарисовке находок из изучаемых коллекций, а также проводится поиск и сбор оригиналов фотографий и рисунков находок, чертежей и схем курганов и погребений.

В данной статье освещается работа над коллекцией археологических находок из раскопок курганной группы «Восточный Маныч, Правый Берег» (далее — ВМПБ), проведенных в 1967 г. под руководством И. В. Синицына и У. Э. Эрдниева. Эта коллекция была выделена в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, проведена полная сверка списка находок с созданными на основе научного отчета описями. Все находки, в основном глиняные сосуды, были сфотографированы, и начата их зарисовка. Далее приведены описания, фотографии и зарисовки некоторых глиняных изделий из коллекций изучаемого могильника.

В процессе исследования наследия первых спасательных раскопок была проведена работа над делами из личного фонда У. Э. Эрдниева в Научном архиве КалмНЦ РАН, изучены полевые дневники археологических работ в долине р. Восточный Маныч, проведенных в 1967 г. Анализ дневников, представляющих собой две двенадцатистрочные тетради, показал, что в них содержится полевая документация в виде чертежей курганов и погребений, а также схематические зарисовки находок и краткие

заметки, сделанные в процессе раскопок. На чертежах указаны все элементы конструкции погребений: формы входной и погребальной камер, формы ступенек, формы свода и т. д. Также указаны все размерные данные: длина, ширина, глубина погребения, входной и погребальной камер, высота и глубина ступенек и заплечников, высота свода катакомбы и т. д. В результате изучения схематических чертежей была дана оценка целостности и полноте представленной на них информации, и у авторов возникла идея реконструировать эти чертежи.

Первым этапом в работе по графической реконструкции стала идентификация чертежей: они были сверены с текстовым описанием из публикации. Результаты идентификации чертежей представлены в таблице 1. Далее было отобрано несколько чертежей для реконструкции: основными параметрами были полнота данных, сложность конструкции и разнообразие инвентаря. Погребения, имеющие простую конструкцию, безынвентарные или с одним предметом, не попали в данный список, так как чертеж можно легко представить, имея лишь основные размерные данные и минимум информации о расположении инвентаря. Список погребений, отобранных для графической реконструкции по вышеуказанным критериям, представлен в таблице 1. Чертежи были воспроизведены по текстовым описаниям из научного отчета [Эрдниев 1982], а расположение находок взято из чертежа полевого дневника, размерные данные брались из обоих источников.

Таблица 1. *Чертежи курганов и погребений, содержащиеся в полевых дневниках раскопок могильника ВМПБ, 1967 г. (полужирным выделены погребения, реконструкции которых приведены в работе).*

№	Курган	Количество зарисованных погребений (№ погребений)	Погребения, отобранные для графической реконструкции
1	№ 4 (чертеж)	4 (№№ 11–16)	
2	№ 5 (чертеж)	1 (№ 8)	
3	№ 6 (чертеж)	1 (№ 10)	
4	№ 10 (нет чертежа)	7 (№№ 6–8, 10–13)	
5	№ 11 (чертеж)	6 (№№ 12, 21, 23, 27, 30, 31)	№№ 30, 31
6	№ 14 (нет чертежа)	1 (№ 8)	
7	№ 16 (чертеж)	5 (№№ 1, 5, 8–10)	№№ 8, 10
8	№ 17 (чертеж)	3 (№№ 3–5)	
9	№ 18 (чертеж)	2 (№№ 2, 4)	
10	№ 19 (чертеж)	9 (№№ 1–9)	
11	№ 20 (чертеж)	3 (№№ 2–4)	№№ 2, 3
12	№ 21 (чертеж)	6 (№№ 1–6)	

13	№ 22 (нет чертежа)	4 (№№ 1–4)	
14	№ 23 (нет чертежа)	4 (№№ 1–4)	№ 2
15	№ 24 (чертеж)	7 (№№ 1–7)	№ 5
16	№ 25 (чертеж)	3 (№№ 6–8)	
17	№ 26 (чертеж)	3 (№№ 2–4)	№№ 3, 4
18	№ 27 (нет чертежа)	1 (№ 1)	№ 1
19	№ 28 (чертеж)	2 (№№ 2, 3)	
20	№ 29 (чертеж)	6 (№№ 4–7, 9, 10)	№№ 4, 5, 6
21	№ 30 (чертеж)	8 (№№ 3–10)	№ 5
Итого	16 курганов	88 погребений	15 погребений

Перед описанием технологии воссоздания чертежей следует рассказать о требующихся средствах и программах. Нами была использована программа QuantumGIS, существующая в свободном доступе и несложная в освоении и работе по сравнению с аналогичными платными ГИС-программами. Работа, проведенная по реконструкции, возможна также в любой другой программе (ArcGIS, AutoCAD, CorelDRAW и др.), в которой есть возможность работать со слоями и масштабами.

Чертежи отобранных погребений, воспроизведенные в масштабе на миллиметровой бумаге с отображенной на них информацией, доступной из полевого дневника и научного отчета, сканировались. Затем чертежи в виде отдельного слоя помещались в рабочий проект в программу QuantumGIS, и на основе этого слоя создавались все остальные слои. Основным форматом созданных данных был shp-файл, который позволяет передать в виде слоев практически любой чертеж и может быть нескольких типов: точки, линии, полигоны и т. д. В соответствии с этим все объекты на реконструированном чертеже были заранее поделены на точечные, линейные и площадные объекты (точки высот, линии разрезов, замкнутые линии планов, изображений предметов и костей и др.). Разделение элементов чертежа на слои дало возможность редактировать каждый вид объекта по отдельности, будь то толщина линии, вид значка точки и т. д. Все объекты чертежа были зарисованы по имеющимся данным, но из-за того, что костяки погребенных на чертежах были сделаны схематично, было решено создать модуль на основе современных чертежей погребений, выполненных по современным требованиям, и помещать его на каждом реконструируемом чертеже путем копирования. Таким образом, положение костяка на реконструированном чертеже является неточным, но

максимально приближенным к положению костяка в обнаруженном погребении. Модульные чертежи костяков были выполнены на основе чертежей, сделанных в процессе раскопок кургана № 13 могильника «Ергенинский» (2006 г.). Работы были проведены Археологической экспедицией КИГИ РАН (ныне — КалмНЦ РАН) под руководством М. А. Очир-Горяевой и К. Малек.

Далее будут приведены некоторые итоги проведенной работы, а именно: описаны археологические находки и погребения, над чертежами которых проводилась графическая реконструкция. Реконструированы чертежи 15 погребений, но ввиду большого объема в данной публикации будут описаны лишь 6 погребений (табл. 1). Кратко опишем представленные рисунки находок и реконструированные чертежи погребений.

Погребение № 31 кургана № 11 по своей конструкции является ямой с вертикальными стенками, но на ее дне были устроены заплечники шириной до 0,6 м, дно погребения находилось на 0,3 м ниже заплечников. Именно на этом уровне был расположен погребенный и погребальный инвентарь. Это погребение выделяется не только своей конструкцией, но и разнообразием погребального инвентаря, который состоял из пяти глиняных лепных сосудов разных размеров, ножа, крюка, шила и каменной булавы, сделанных из бронзы (рис. 1). Лепной глиняный сосуд находился в северо-западном углу погребения, был небольшим по размеру, коричневатого-охристого цвета с черным пятном с небольшим прямым горлом с отогнутом венчиком, выпуклыми боками и одной лентовидной ручкой, тесто грубое, высота его — 10 см, диаметр устья — 8 см, диаметр дна — 5,5 см. Рядом с ним находился другой лепной глиняный сосудик черного цвета с лентовидной ручкой, венчик без отгиба, такой же формы, что и первый сосуд, высота его — 12,5 см, диа-

метр венчика — 8,5 см, диаметр дна — 6 см. Авторами раскопок погребение было датировано катакомбным временем [Эрдниев 1982: 29–30].

Погребение № 10, основное в кургане № 16, не выделялось своей конструкцией: оно представляет собой простую яму, в которой были погребены женщина и ребенок. Однако в нем была обнаружена редкая орнаментированная глиняная курильница, находившаяся за черепом ребенка, на одной квадратной ножке с отделением и на квадратном поддоне с двумя сквозными отверстиями, в отделении — также два сквозных отверстия и два каменных валика. Поверхность и широкий край курильницы орнаментированы прочерченными линиями, образующими треугольники, пространство между которыми заполнено круглыми и дуговидными вдавлениями, высота ее — 7 см, диаметр — 17 см. Кроме курильницы, в состав инвентаря входил бронзовый нож листовидной формы, который был обнаружен за спиной погребенной женщины, около таза. Погребение — катакомбное [Эрдниев 1982: 37].

Погребение № 3 кургана № 20 было впускным, катакомбным по конструкции; в нем была погребена женщина, погребальный инвентарь состоял из двух глиняных сосудов. Один из них был зарисован, сосуд — лепной глиняный с выпуклыми боками, отогнутым наружу венчиком, поверхность — местами оранжевого цвета, ниже венчиков — черный нагар, высота сосуда — 15 см, диаметр венчика — 13 см, диаметр дна — 7 см. Погребение — катакомбное [Эрдниев 1982: 40].

В кургане № 27 было обнаружено одно погребение, датированное авторами раскопок сарматским временем. В основном и единственном погребении находился скелет женщины на спине, вытянуто, головой на юг. С левой стороны, около берцовых костей, лежал ребенок младенческого возраста на спине, вытянуто, головой на юг (рис. 2). Около черепа женщины с левой стороны стоял глиняный высокий сосуд серого цвета с ручкой, венчик — отогнутый, часть его утрачена в древности, высота сосуда — 15,5 см, диаметр венчика — 9,5 см, диаметр дна — 7,5 см. Около локтя левой руки лежало глиняное пряслице, ниже кисти правой руки — два обломка бронзового зеркала, а также до 30 штук стеклянных бус желтого и черного цвета и 6 железных наконечников стрел [Эрдниев 1982: 47].

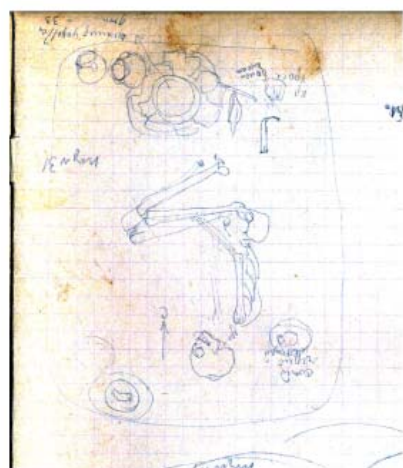
Очень интересным является глиняный лепной сосуд из погребения № 5 кургана № 29, представлявшего собой кенотаф — погребение без следов захоронения человека, содержащее лишь сопутствующий инвентарь. На полу катакомбы стоял глиняный сосуд красно-оранжевого цвета, стенки которого были орнаментированы тонким налепным валиком и прочерченными линиями. Ниже плечика и около дна также расположены прочерченные линии, образующие треугольники. Высота сосуда — 11 см, диаметр венчика — 8 см, диаметр дна — 4,5 см. Рядом с ним находился второй сосуд; между сосудами лежал бронзовый нож ромбовидной формы. Погребение — катакомбное [Эрдниев 1982: 48].

Далее представлены результаты реконструкции погребения № 6 кургана № 29, которое было сооружено представителями катакомбной культуры. Оно интересно тем, что входная яма имела сложную конструкцию и три ступеньки полукруглой в плане формы. На дне погребения лежал скелет ребенка на левом боку, скорченно, головой на юг с отклонением на юго-запад, руки протянуты к бедрам и кистями помещены между бедер (рис. 3). Благодаря восстановленному чертежу удалось точнее определить местоположение погребального инвентаря. В юго-восточном углу стояли два сосуда. Один из них — красновато-оранжевого цвета с черным нагаром и в трещинах, высота его — 11,5 см, диаметр венчика — 10,5 см, диаметр дна — 6,5 см. Часть венчика утрачена. У второго сосуда оранжево-охристого цвета — прямое горло, квадратная ручка с отверстием, на плечиках — выступы, высота его — 9 см, диаметр венчика — 8 см, диаметр дна — 4 см. Между сосудами лежал бронзовый нож листовидной формы. Выше кистей рук, ближе к локтям, были обнаружены каменный пест-терочник и костяной предмет в виде свистка [Эрдниев 1982: 49].

В процессе проведенной работы по восполнению возникших пробелов в публикации результатов археологических раскопок курганной группы ВМПБ (1967 г.) была создана база данных по коллекции археологических находок из данного могильника, находки были заново обработаны, систематизированы, описаны, сфотографированы и зарисованы. Неопубликованные чертежи погребений из изучаемого могильника были реконструированы по данным полевых дневников и научного отчета, для чего

была использована новая методика воспроизведения чертежей на основе разнородных данных с применением новых технологий. Оработка данной методики позволит провести подобную работу с источниками по раскопкам других могильников, что даст возможность проводить исследование на новом уровне. Из плюсов разрабатываемой методики нужно выделить удобство в редактировании чертежей и скорость работы с

данными; кроме того, хранение и передача информации в электронном формате гораздо легче и практичнее, нежели на бумажных и других носителях. Еще одним, не менее важным преимуществом является то, что электронные версии археологических источников при размещении их в сети Интернет могут быть доступными для любого пользователя, интересующегося археологией, исследователя, преподавателя или студента.

Цифрами обозначены:
1-5 - сосуд глиняный
6 - нож бронзовый
7 - шило бронзовое
8 - булава каменная
9 - охра фрагмент
10 - крюк бронзовый

Рисунок 1. Оригинальный и реконструированный чертежи погребения 31 кургана 11 (ВМЛБ-67)

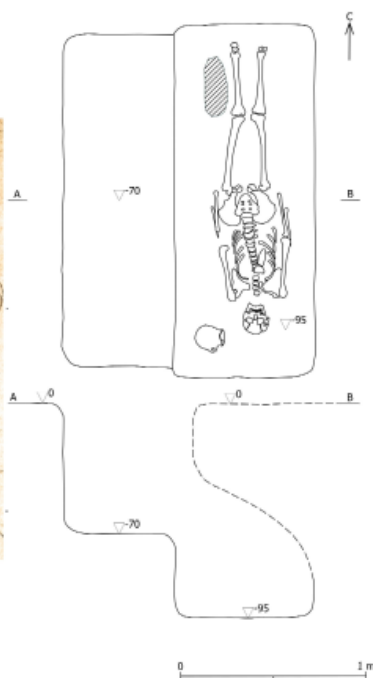
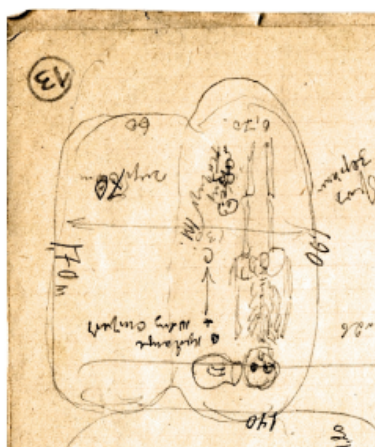

Рисунок 2. Оригинальный и реконструированный чертежи погребения 1 кургана 27 (ВМЛБ-67).

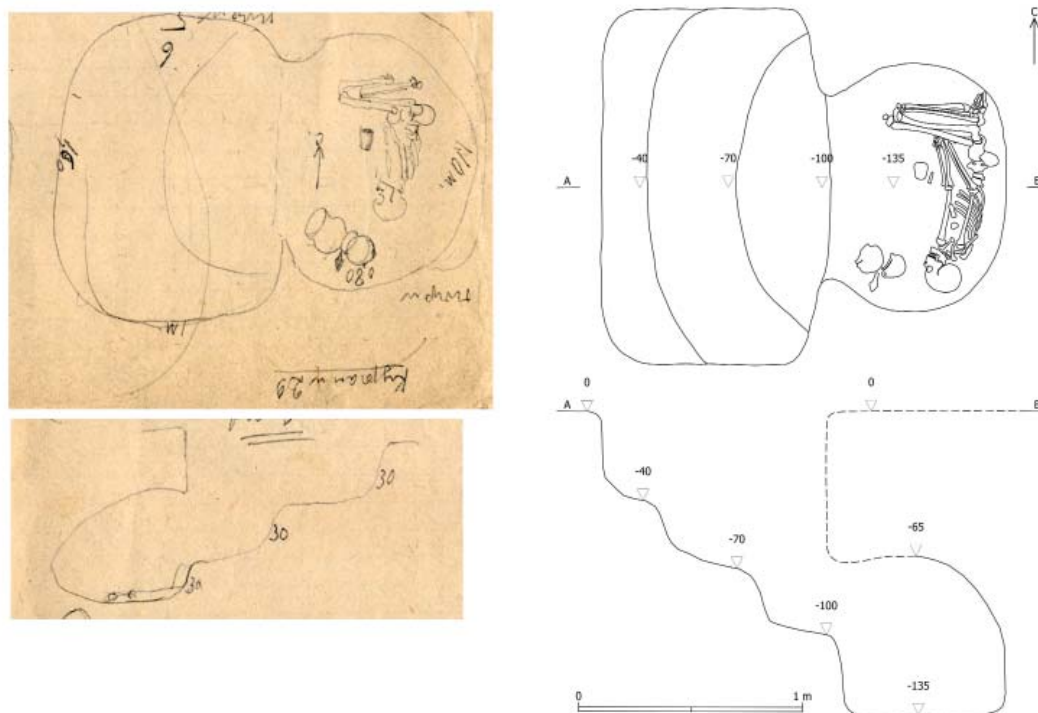

Рисунок 3. Оригинальный и реконструированный чертежи погребения 6 кургана 29 (ВМЛБ-67).

Литература

- Кекеев Э. А. Анализ археологического материала раскопок курганной группы «Восточный Маныч» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 70–74.
- Кекеев Э. А. Спасательные археологические раскопки курганной группы Восточный Маныч // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 73–77.
- Синицын И. В. Древние памятники Восточного Маныча. Ч. 1–2. Саратов: Изд-во Сар. гос. ун-та, 1978. Ч. 1. 130 с. Ч. 2. 117 с.
- Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста: КНИИИФЭ, 1979. С. 25–94.
- Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИИФЭ, 1981. С. 29–66.
- Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста: КНИИИФЭ, 1982. С. 59–62.
- Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1985. С. 43–78.
- Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Археологические исследования Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1987. С. 83–98.

Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 173 с.

Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста: КИОН АН СССР, 1991. С. 4–21.

Эрдниева У. Э. Курганный могильник Восточного Маныча (правый берег) // Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 6–52.

References

- Kekeev E. A. *Analiz arkheologicheskogo materiala raskopok kurgannoy gruppy «Vostochnyy Manych»* [Analysis of archaeological materials from the East Manych mound group]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2011, No. 1, pp. 70–74 (In Russ.).
- Kekeev E. A. *Spasatel'nye arkheologicheskie raskopki kurgannoy gruppy Vostochnyy Manych* [Rescue excavations of the East Manych mound group]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2014, No. 2, pp. 73–77 (In Russ.).
- Sinitsyn I. V. *Drevnie pamyatniki Vostochnogo Manycha. Ch. 1–2* [Ancient monuments of the East Manych. Parts 1–2]. Saratov, Saratov State Univ. Press, 1978, part 1, 130 p.; part 2, 117 p. (In Russ.).

- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. *Drevnosti Vostochnogo Manycha* [Ancientries of the East Manych]. *Arkheologicheskie pamyatniki Kalmytskoy stepi* [Archaeological monuments of the Kalmyk steppe]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Research Inst. of History, Philology and Economics, 1979, pp. 25–94 (In Russ.).
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. *Drevnosti Vostochnogo Manycha* [Ancientries of the East Manych]. *Arkheologicheskie pamyatniki epokhi bronzy i srednevekov'ya* [Archeological monuments of the Bronze Age and Medieval Period]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Research Inst. of History, Philology and Economics, 1981, pp. 29–66 (In Russ.).
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. *Drevnosti Vostochnogo Manycha* [Ancientries of the East Manych]. *Pamyatniki Kalmykii kamennogo i bronzovogo vekov* [Kalmykia's monuments of the Stone and Bronze Ages]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Research Inst. of History, Philology and Economics, 1982, pp. 59–62 (In Russ.).
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. *Drevnosti Vostochnogo Manycha* [Ancientries of the East Manych]. *Drevnosti Kalmykii* [Ancestries of Kalmykia]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Research Inst. of History, Philology and Economics, 1985, pp. 43–78 (In Russ.).
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. *Drevnosti Vostochnogo Manycha* [Ancientries of the East Manych]. *Arkheologicheskie issledovaniya Kalmykii* [Archaeological investigations of Kalmykia]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Research Inst. of History, Philology and Economics, 1987, pp. 83–98 (In Russ.).
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. *Drevnosti Vostochnogo Manycha* [Ancientries of the East Manych]. Elista, Kalm. Book Publ., 1987, 173 p. (In Russ.).
- Sinitsyn I. V., Erdniev U. E. *Drevnosti Vostochnogo Manycha* [Ancientries of the East Manych]. *Materialy po arkheologii Kalmykii* [Materials on the archaeology of Kalmykia]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Inst. for Social Sciences of the USSR Acad. of Sc., 1991, pp. 4–21 (In Russ.).
- Erdniev U. E. *Kurgannyi mogil'nik Vostochnogo Manycha (pravyy bereg)* [The East Manych mound burial site (the right river bank)]. *Arkheologicheskie pamyatniki Yuzhnykh Ergeney* [Archeological monuments of Southern Ergeni]. Elista, Kalm. Book Publ., 1982, pp. 6–52 (In Russ.).

УДК 902

ОПЫТ ГРАФИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПОЛЕВОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ПО АРХИВНЫМ ДАННЫМ

Эрдни Анатолевич Кекеев¹, Мария Александровна Очир-Горяева², Евгений Гаврилович Буратаев³

¹ младший научный сотрудник, Лаборатория археологических исследований, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru.

² доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Лаборатория археологических исследований, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: mariaochir@gmail.com.

³ младший научный сотрудник, Лаборатория археологических исследований, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: burataev1981@mail.ru.

Аннотация. Работа по графической реконструкции полевой документации была проведена в рамках проекта по переработке результатов масштабных археологических работ, проведенных под руководством профессоров И. В. Синицына и У. Э. Эрдниева в начале 60-х гг. прошлого столетия. Курганная группа «Восточный Маныч, Правый берег» была раскопана в 1967 г. и опубликована с некачественными иллюстрациями. Археологические находки, хранящиеся в фондах Национального музея РК, были заново сфотографированы, описаны и зарисованы. Внимательное изучение архивных материалов (полевых дневников) показало, что в них содержится достаточно информации по размерным данным чертежей курганов и погребений. Графическая реконструкция проведена с применением программы Quantum GIS и стандартных графических компьютерных технологий. В результате в научный оборот введены материалы, считавшиеся ранее источниками с неполной информацией.

Ключевые слова: Восточный Маныч, спасательные раскопки, полевая документация, графическая реконструкция, компьютерные технологии.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 90–96, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-90-96
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(470.51)

The Udmurt *Kumyshka*: Documentary Evidence of Everyday Life in the Latter Half of the 18th – 19th cc.

Nikolai V. Pislegin¹

¹ Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Associate Professor, Senior Research Associate, Department for Historical Research, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the RAS (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: cpeg@rambler.ru.

Abstract

Kumyshka is traditionally studied by scholars specializing in Udmurt regional ethnography. The article provides an overview of archival documents describing the ritual and everyday use of the product. Being the traditional alcoholic beverage of the Udmurt people, by no means could *kumyshka* escape the attention of the state. From the mid-18th century corresponding bans were systematically imposed by authorities, and in the periods when it was legalized — significant restrictions were introduced. The ban on its sale was the main one; its alcoholic content was also limited. The existing restrictions were aggravated by corruption. The very term '*kumyshka*' apparently derives from the Russian '*kumushka*' ('godmother'), its occurrence being related to the mass Christianization of Udmurts. In the early 19th century, *kumyshka* was used not only in the traditional prayers but also during Orthodox holidays which may testify of significant elements of religious syncretism since thus — through the use of *kumyshka* — traditional Udmurt cults and Orthodox ceremonies were connected. Initially, cauldrons for its preparation could be made of both iron and copper. Some archival documents about *kumyshka* provide a unique opportunity to study the everyday life of peasants. Those contain information about the peculiarities of contacts between individuals, their economic activities, food, household items, one can learn about their formal and informal names as well as some small tricks of peasants (e.g., men and especially women would pretend to be ignorant of Russian), etc. According to the study results, the idea of small-scale spread of alcoholism in the pre-revolutionary period rooted in present-day public consciousness proves to be biased propaganda. Still, of course, alcoholism of separate individuals does not mean that drunkenness was inherent to the nation in general. *Kumyshka*-related events are reflected in some archival documents. Those represent a unique opportunity to highlight the ordinary everyday life of Udmurt peasants at a time when no systematic studies were conducted by pre-revolutionary ethnographers. And, moreover, the documents provide significant materials that characterize a number of other elements of material and spiritual culture of the peoples which had inhabited the region, contain ethnographic sketches that can add to the existing scientific ideas (trends) of the 'bygone nature'.

Keywords: Udmurts, *kumyshka*, ceremonial beverage, government regulation.

Обращение к алкогольному напитку удмуртов, обладающему обрядовыми функциями, — кумышке — является традиционным для региональной этнографии (см., например: [Блинов 1867; Михеев 1928; Трофимова 1991; Никитина 1998; Никитина 2004; Никитина 2015; Орлов 2004; Владыкин 1994; Волкова 2003; Попова 1998; Садиков 2008; Христолюбова 2004; Шутова 2016; Удмуртская Республика 2012: 78]). Настоящую статью мы считаем попыткой дополнить их картинами встречающейся в архивных документах народной повседневности, связанной с этим продуктом, его ритуальным и обыденным использованием.

Бытование кумышки сопровождалось периодическими запретами на ее производство. Впервые системный государственный запрет был оформлен в середине XVIII в. законами 1749–1751 гг. В ходе массового изъятия посуды для «курения вина», производившегося у северных удмуртов, а также их соседей — татар и бесермян, в 1755 г. вместо обнаруженных кубов и казанов отбирались котлы. Интересно, что самогон в этот период изготавливался не только в чугунной (известной также по этнографическим свидетельствам), но и медной посуде. К 9 июня было изъято 56 медных и 460 чугунных котлов различного веса и объема. Почти половина (26) медных котлов принадлежали татарам и бесермянам (в Большом и Нижнем погостах «Парзинской бесермянской доли» — 10, Нижнем и Илясовом погостах Каринской татарской доли — 13, Верхнем погосте той же доли — 2. В наши дни данные селения составляют с. Карино, расположенное в Слободском районе Кировской области. Также возможно, что крестьяне уже расселились отсюда, официально числясь еще в «погостах». Еще 1 котел был, очевидно, из бесермянских «Ежевских деревень Нижней доли». У них же было изъято 20 чугунных изделий (в том числе 15 — в Каринской бесермянской доле). На долю удмуртов, соответственно, пришлось 30 медных и 440 чугунных котлов, отобранных и высланных в Слободскую воеводскую канцелярию (в их числе, правда, 45 — из удмуртско-бесермянских «Ежевских и Юберевских деревень Лекомской стороны») [РГАДА. Ф. 573. Оп. 1. Д. 91. Л. 251–253]¹. Медные котлы, упоминаемые

в начале XIX в., имелись в рассматриваемый период также у марийцев. Заметим, что в использованном нами источнике — рапорте вятского губернатора П. С. Рунича императору Александру I — наряду с объективными имеются и явно недостоверные сведения об удмуртском кумышковарении (в принципе характерные для высших уровней власти этого периода: достаточно вспомнить периодически «всплывавшие» попытки отождествить удмуртский напиток с кумысом), такие, как варка продукта в «глиняных корчагах или чугунных и медных горшках» [ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 129. Л. 15об., 58–59].

Исходя из источников, можно утверждать, что термин «кумышка» в середине и даже в конце XVIII в. еще не использовался (традиционное название для этого времени — «вино» (см., например: [ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 3. Д. 18. Л. 2–229]). Отсюда заслуживает внимания высказанное В. С. Чураковым предположение, что название явилось производным от русского слова «кумушка» (изначально удм. *кума вина* — лучший сорт кумышки), т. е. она была напитком, приготовляемым для потчевания «восприемников» при крещении, первоначально, как правило, русских. Он, в свою очередь, развил положения И. С. Михеева и в определенной степени А. Столбова и других исследователей конца XIX — начала XX вв., утверждавших, что обычным наименованием кумышки среди северных удмуртов было *вина*, южных — *арака* [ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 129. Л. 8об., 9об.; Михеев 1928: 146–159]. Массовое крещение удмуртов, как мы знаем, происходило, начиная с 1740-х гг. Термин не мог быть заимствован из тюркских языков (у ближайших соседей удмуртов — татар и башкир — кумыс, от которого достаточно часто пытаются вывести слово, звучащее примерно как *кымыз*, что никак не могло дать удм. *кумыш*) или быть принадлежащим к исконной удмуртской лексике (например, ввиду отсутствия в ней суффикса *-ка*). К сожалению, в настоящий момент данная точка зрения не имеет своего подробного, обоснованного отражения в современных опубликованных научных статьях.

[см., например: РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3190. Л. 415–428об.]. Вместе с тем есть «разночтения» между ними (а также данными III ревизии 1762 г.) и использованными нами данными 1755 г.

¹ Этносологическую принадлежность населения административно-территориальных единиц можно определить по сказкам II ревизии 1744 г.

Архивные источники позволяют утверждать, что в начале XIX в. (1803 г.) удмурты, например, в Селтинском крае (д. Селты, поч. Аяшур-Монья), в котором отмечалось значительное число официально придерживающихся традиционных верований, а в 1800–1803 гг. волостным головой был некрещеный удмурт Едей Семенов, с кумышкой не только играли свадьбы с венчанием (причем летом, 1 июля, «на другой день праздника Петра и Павла»), но и встречали православные праздники (Петра и Павла, Медовый Спас). На «валовом» сходе 19 ноября 1802 г. крестьяне Нылга-Жикьинской волости Сарапульского уезда просили в случае «воспоследования монаршей милости» разрешить им выкурку самодельного вина с условием уплаты 25 коп. в год с ревизской души 4 раза в год, «к празднуемым в году дням», — на Пасху, в Петров день, к Рождеству и на Масленицу. Выскажем логичное, на наш взгляд, предположение, что таким образом происходило увязывание ритуального использования кумышки в традиционных культах удмуртов с православными праздниками. Как итог, выросло то обоснование, что кумышка им, уже крещеным, необходима тем не менее для молений. В качестве маленького штриха к повседневной жизни крестьянства и власти добавим слова селтинского волостного писаря Фофана Бармина, объясняющего, почему они вместе со своим помощником, поверенным Глазовской питейной конторы, сидельцем Селтинского питейного дома и донскими казаками не приступили к обыску в хозяйстве некрещеного удмурта из Селтов Аники Микоева: «...видя их [удмуртов. — *Н. П.*] пьяными, опасаясь, дабы они, огорчась, не учинили бунту» [ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 129. Л. 15об., 54–54об.; ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 40. Л. 588, 600, 606об.–610об., 613, 615об.].

Заметим, что данные события, получившие отражение в документах уездного суда, представили уникальную возможность осветить жизнь селтинских крестьян начала XIX в. Так, деревенский десятник поч. Аяшур-Монья 35-летний Федор Данилов вместе с женой, 35-летней Гилбикой, 1 июля уехали из дома на 3 дня погостить, попить пива у шурина Алексея (второе, «языческое», имя — Бикмурза) Байтурзина в поч. Нузык-Бию. В это время к нему приезжал для перемены лошадей поверенный Глазовской питейной конторы Василий

Овчинников, его привез «за условленную плату» (например, земский суд и казаков «ямщики» возили бесплатно в рамках отбывания подводной повинности) из д. Юбери ямщик, некрещеный удмурт Зансент Зянкев. Немного позже десятник занимался «в поле» огораживанием подсеки, а его сын, 18-летний Трофим (женатый на 16-летней Парасковье), — «в лугах для горожения ж сена». Во время отъезда родителей Трофим отлучался в гости в поч. Сюрмошур, а Парасковья ходила к соседям «для питья пива», причем в это время в их чуме соседи также пили пиво, принесенное из погреба (в реальности, думается, наряду с пивом логично видеть и кумышку¹). Во время жатвы последняя могла забыть в поле «детский пеленальный пояс». Тогда же 40-летний Андрей-Атыр Сидоров уезжал за 15 верст на 3 дня в гости к сестре в д. Буим, а его сын, 14-летний Дмитрий, пробыл 4 дня у тестя в с. Мултан (жена была «взята» в 1802 г. около Петрова дня, сколько ей лет, он будто бы не знал, жили с ней невенчанными, «которая по сватовстве и живет с ним в одном доме обще с его отцом и спит с ним, Дмитрием, на одной постеле, с которой чинит блудодеяние»). Их сосед, 30-летний Роман Андреев, примерно в это же время также занимался огораживанием подсеки, а его жена Кесчибей и брат, 19-летний Мырай-Василий Федоров (к слову, на него падала очередь предоставить 2 лошадей для В. Овчинникова, их он «забрал с поля» и привел во двор Федора Данилова), «отлучались» на целый день на собственную мельницу в 2 верстах от деревни молотить рожь. Его сестра Сестяк (допрашивающим она, как и «забывчивая» жена брата, отказалась назвать свои имя и возраст, «объясняя только то, что зовут ее девкой»; имя мы знаем из показаний мужчин) из амбара забирала масло для выпечки блинов. Житель поч. Поргурта 50-летний Иван Ермолаев

¹ Заметим, что и от пива, например, после такого общественного деяния, как помощь, желающие крестьяне вполне могли сильно опьянеть. Так случилось в начале августа 1796 г. в поч. Зюзинском русской, приписной к Ижевскому железоделательному заводу Верховской Рождественской волости (Глазовский уезд), где вечером, после полевых работ по жатве овса, у Михаила и Харитона Воробьевых на последовавшем по традиции угощении все употребляли пиво, от чего «весьма» захмелели [Пислегин 2014: 91–92].

(или «по-вотски» Еркей Ермаков) «приносил» находившемуся в 3 верстах от его селения в поч. Аяшур-Монье волостному голове жалобу на «обывателей» д. Сурдошур «о травеже ими в яровом их поле своему скоту хлеба». 28-летний Петр Степанов находился в искомом починке, чтобы предложить своему дяде Сергею Петрову мед «за цену», к этому последнему также приходил 45-летний Семен Родионов для приобретения «заимообразно» ржи на посев («но как он тогда, по сказанию домашних его, спал, то сказанный Родионов из дому его и ушел»). Женщины могут спать в «клетях» (после полудня), больными лежать в «чуме», ходить по грибы; мужчины — городить с работниками (но без их хозяина) «на другой день праздника 1-е Спаса» поутру поля с овсом и льном, а «перед вечером» «рубить» лыко или «с полудни» отправиться в лес за лошастью, «ходившею от селения верстах в трех», чтобы привести ее в лес «поблизости селения» (или, наоборот, отвести распряженных лошадей в поле за 3 версты от деревни), на следующий день — жать хлеб «с женой». Во время поисков кумышки у жителей находили медные трубы («красной меди труба длиною в аршин»; «трубы, прочные к винокурению»), глиняный («балзанный») кувшин, бурак и деревянную флягу («осмух в шесть») с «корчемным вином». На свадьбе в Селтах гости пировали в «чумах», были «не по один день» пьяны (правда, якобы от специально сваренного по такому поводу пива и купленного в питейном доме вина), как например, когда 60-летний Аника Микоев «на другой день после Петрова дня» выдавал замуж жившую у него племянницу Парасковью. Ее он заранее «просватал» за «новокрещена» из поч. Жайгиль Исаю Максимову. В «полдни» невесту увезли в дом жениха («сказанной Аника, будучи пьян, остался с прочими гостями дома»). Амбар Аники запирался «одною только внутри сделанною у дверей задвижкою деревянным ключом», «сделанным по водскому обыкновению», «дабы во оной кто воровски не зашел и чего б не похитил». Некоторые из удмуртов «по закосности и грубым видам» притворялись не знающими русского языка, хотя «присутствующими замечено, что из них некоторые по-русски говорить могут» [ЦГА УР. Ф. 126. Оп. 1. Д. 40. Л. 580об.—593, 595об.—597, 599—599об., 600об., 601об., 604, 607—609об., 612об.—613об., 618, 623].

Кумышка-самогон была запрещена для изготовления для всех народов края, кроме удмуртов. Для последних запрет также имел место с середины XVIII в. до 1802 / 1803 гг., в 1818—1827 гг. и, наконец, с 1890 г. до конца имперской эпохи. При этом, даже когда существовало разрешение, имелись достаточно существенные законодательные ограничения. Главными из них были запрещение торговать ею, и особенно ограничение пределов крепости. В реальной жизни добавлялись новые ущемления. Так, жители с. Старый Мултан 14 июля 1861 г. пожаловались в Старотрыкском волостном правлении на стражника «поверенного Худякова» и на продавцов Кизнерского питейного дома. Первый, согласно их показаниям, приказал к празднику Петра и Павла приобрести 5 ведер вина, чтобы таким образом обеспечить разрешение на выкурку самодельного алкогольного напитка, а после приобретения ими вначале 3 ведер (за 20 руб. серебром) сиделец попытался продать из других, «распечатанных бутылей» вино / водку «скверной доброты». Старомултанцы, заметив это, «не стали брать оной и не допустили влить в бочонки», тогда продавцы «начали ругать их скверноматерно», драться и, как итог, выгнали из питейного заведения, не отдав ни уже купленного вина, ни денег [ГАКО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 782. Л. 1об.—2об., 3—3об., 5об.—7].

Ближе к концу XIX столетия, в 1881 г., для некоторых из крестьян-удмуртов вполне нормальным было в Рождество, 25 декабря, после обеда пойти по своей деревне «пировать», переходя из дома в дом и употребляя «вино и кумышку» так, что к полночи напиться допьяна (д. Волкова Большеучинской волости Малмыжского уезда). При этом их соседям естественна мысль, что не пришедшие домой не только под утро, но и через несколько дней могут отправиться пировать в соседнюю д. Березек «к сыну» одного из них. И только значительно позднее, к 1 января, по выяснении отсутствия одного из ушедших дома и в гостях, обществом начались поиски пропавшего. Подобные «пирования» у родственников либо просто в соседних селениях были характерны и для русских соседей удмуртов. Например, так было 2 и 3 февраля в поч. Табани и поч. Мальчикове той же волости, основанных старообрядцами и подведомственными официальной церкви. Подобное гостевание в том же году документами зафиксировано в

Троицу, в ночь с 16 на 17 мая, из д. Большой Сюги (Большеучинская волость Малмыжского уезда) в соседнюю д. Лайшуд (Можгинская волость Елабужского уезда). Вероятно, к этому же празднику утром 14 мая варили пиво в «шалаше» удмурты д. Эшметьгурт Селтинской волости Малмыжского уезда Филипп Еремеев с женой [ГАКО. Ф. 716. Оп. 1. Д. 50. Л. 14–15, 66–67, 245–245об., 274–274об.; ГАКО. Ф. 176. Оп. 2. Д. 1662. Л. 211–221, 564–567]. По сведениям полицейского управления Малмыжского уезда, татары также «предавались пороку пьянства», особенно во время празднования Джиена и Сабантуя [ГАКО. Ф. 716. Оп. 2. Д. 91. Л. 50]. Имеющиеся представления о незначительных масштабах распространения пьянства в дореволюционный (или, как минимум, до преобразований С. Ю. Витте, связанных с введением государственной монополии на реализацию спиртных напитков) период все-таки, на наш взгляд, носят необъективный характер. Часть отмеченных выше фактов празднований с употреблением выпивки закончилась смертью. В журнале заседаний Малмыжского уездного суда за сентябрь 1863 г. были зафиксированы факты смерти минимум 7 чел. (3 удмуртов и 4 русских) от неумеренного употребления алкоголя [ГАКО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 809. Л. 23–26об.]. Разумеется, необходимо согласиться с утверждением этнографов об осуждении народом пьянства, отсутствии необходимости напиваться в обрядах (см., например: [Трофимова 1991: 78–79]). Вместе с тем оно и сейчас в основном не приветствуется, но реалии очень часто имеют расхождение с идеальными представлениями.

Подводя некоторые итоги, заметим, что удмуртское кумышкварение, а шире — употребление алкогольных напитков в Вятско-Камском крае получили широчайшее освещение в архивных источниках. И это, среди прочего, дает исследователю основательный материал для характеристики не только вопросов «народного питания», но и ряда других составляющих материальной и духовной культуры народов края, которые, возможно, даже могут дополнить сложившиеся в научной литературе представления об «ушедшей натуре». Обладая, несомненно, ритуальными функциями, кумышка в значительно большей степени все-таки выполняла свою непосредственную функцию опьяняющего напитка, что естественным образом получило отражение в документальных источниках.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Президиума и УрО РАН в рамках научного проекта № 15-13-6-6 программы фундаментальных исследований «Традиции и инновации в истории и культуре».

Источники

ЦГА УР — Государственное казенное учреждение «Центральный государственный архив Удмуртской Республики».
ГАКО — Кировское областное государственное казенное учреждение «Государственный архив Кировской области».
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Литература

- Блинов Н. Н. Вопрос о кумышке // Записки для чтения. 1867. № 3. С. 31–43.
- Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира у удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
- Волкова Л. А. Земледельческая культура удмуртов (вторая половина XIX — начало XX в.). Ижевск: Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2003. 388 с.
- Михеев И. С. Кумышка. История кумышки // Известия общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1928. Т. XXXIV. Вып. 1–2. С. 146–159.
- Никитина Г. А. Кумышка в традиционном обществе и в современной жизни удмуртов // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. 2015. № 1. С. 33–36.
- Никитина Г. А. Мифологические представления в народной медицине удмуртов // Удмуртская мифология: сб. ст. Ижевск, 2004. С. 84–96.
- Никитина Г. А. Роль галлюциногенов (кумышки) в быту удмуртов // Об этнической психологии удмуртов: сб. ст. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. С. 49–63.
- Орлов П. А. Статус алкоголя в традиционной удмуртской культуре // Г. Е. Верещагин и этнокультурное развитие народов Урало-Поволжья: сб. ст. Ижевск, 2004. С. 94–100.
- Попова Е. В. Семейные обычаи и обряды бесермян (конец XIX — 90-е годы XX вв.). Ижевск: Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. 241 с.
- Пислегин Н. В. Традиции взаимопомощи у народов Камско-Вятского края в исторической ретроспективе // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 2. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. С. 90–96.

- Сади́ков Р. Р. Культ луда / керемета у закамских удмуртов // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 102–113.
- Трофимова Е. Я. Как сложилась народная кухня удмуртов. Блюда удмуртской кухни. Ижевск: Удмуртия, 1991. 176 с.
- Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки. Ижевск: Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2012. 288 с.
- Христолюбова Л. С. Обрядность и мифология // Удмуртская мифология: сб. ст. Ижевск: Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2004. С. 103–110.
- Шутова Н. И. Календарные и семейные обряды слободских удмуртов // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2016. № 2 (31). С. 185–199.
- Sources**
- TsGA UR — *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Udmurtskoy Respubliki* [The Central State Archive of the Udmurt Republic].
- GAKO — *Gosudarstvennyy arkhiv Kirovskoy oblasti* [The State Archive of Kirov Oblast].
- RGADA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archive of Ancient Acts].
- References**
- Blinov N. N. *Vopros o kumyshke* [The question of kumyshka]. *Zapiski dlya chteniya* (Reading Notes journal), 1867, No. 3, pp. 31–43 (In Russ.).
- Vladykin V. E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira u udmurtov* [The religious and mythological world view of the Udmurts]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1994, 384 p. (In Russ.).
- Volkova L. A. *Zemledel'cheskaya kul'tura udmurtov (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [The agricultural culture of the Udmurts (the latter 19th – early 20th cc.)]. Izhevsk, Publ. Dept. of Udmurt Inst. of History, Language and Literature (the Ural Branch of the RAS), 2003, 388 p. (In Russ.).
- Mikheev I. S. *Kumyshka. Istoriya kumyshki* [Kumyshka and its history]. *Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii* (Proceedings of the Society for Archaeology, History and Ethnography), Kazan, 1928, vol. XXXIV, iss. 1–2, pp. 146–159 (In Russ.).
- Nikitina G. A. *Kumyshka v traditsionnom obshchestve i v sovremennoy zhizni udmurtov* [Home-distilled vodka in traditional society and contemporary life of the Udmurts]. *Zdorovie, demografiya, ekologiya finno-ugorskikh narodov* (Health, Demography, Ecology of Finno-Ugric Peoples journal), 2015, No. 1, pp. 33–36 (In Russ.).
- Nikitina G. A. *Mifologicheskie predstavleniya v narodnoy meditsine udmurtov* [Mythological ideas in Udmurt folk medicine]. *Udmurtskaya mifologiya: sb. st.* [Udmurt mythology. A collection of articles]. Izhevsk, 2004, pp. 84–96 (In Russ.).
- Nikitina G. A. *Rol' gallyutsinogenov (kumyshki) v bytu udmurtov* [The role of hallucinogens (kumyshka) in Udmurts' daily life]. *Ob etnicheskoy psikhologii udmurtov: sb. st.* [National psychology of the Udmurts. Collected works]. Izhevsk, Publ. Dept. of Udmurt Inst. of History, Language and Literature (the Ural Branch of the RAS), 1998, pp. 49–63 (In Russ.).
- Orlov P. A. *Status alkogolya v traditsionnoy udmurtskoy kul'ture* [The place of alcohol in traditional Udmurt culture]. *G. E. Vereshchagin i etnokul'turnoe razvitie narodov Uralo-Povolzh'ya: sb. st.* [G. Vereshchagin and ethnocultural development of the Volga-Ural peoples. A collection of articles]. Izhevsk, 2004, pp. 94–100 (In Russ.).
- Popova E. V. *Semeynye obychai i obryady besermyan (konets XIX — 90-e gody XX vv.)* [Family customs and traditions of the Besermyan (the late 19th c. – 1990s)]. Izhevsk, Publ. Dept. of Udmurt Inst. of History, Language and Literature (the Ural Branch of the RAS), 1998, 241 p. (In Russ.).
- Pislegin N. V. *Traditsii vzaimopomoshchi u narodov Kamsko-Vyatskogo kraya v istoricheskoy retrospektive* [Traditions of mutual aid among peoples of the Kama-Vyatka region in historical retrospective]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* (Yearbook of Finno-Ugric Studies), iss. 2, Izhevsk, Udmurt University Press, 2014, pp. 90–96 (In Russ.).
- Sadikov R. R. *Kul't luda / keremeta u zakamskikh udmurtov* [The cult of loud/keremet among the Udmurt of the Trans-Kama river area]. *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review journal), 2008, No. 4, pp. 102–113 (In Russ.).
- Trofimova E. Ya. *Kak slozhilas' narodnaya kukhnya udmurtov. Blyuda udmurtskoy kukhni* [The making of Udmurt folk cuisine. National dishes]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1991, 176 p. (In Russ.).
- Udmurtskaya Respublika: istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Udmurt Republic: historical and ethnographic sketches]. Izhevsk, Publ. Dept. of Udmurt Inst. of History, Language and Literature (the Ural Branch of the RAS), 2012, 288 p. (In Russ.).

- Khristolyubova L. S. *Obryadnost' i mifologiya* [Ceremonialism and mythology]. *Udmurtskaya mifologiya: sb. st.* [Udmurt mythology. A collection of articles]. Izhevsk, Publ. Dept. of Udmurt Inst. of History, Language and Literature (the Ural Branch of the RAS), 2004, pp. 103–110 (In Russ.).
- Shutova N. I. *Kalendarnye i semeynye obryady slobodskikh udmurtov* [Calendar and family rituals of sloboda Udmurts]. *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoy rekonstruktsii* (Idnakar: Methods of Historical and Cultural Reconstruction *journal*), 2016, No. 2 (31), pp. 185–199 (In Russ.).

УДК 94(470.51)

УДМУРТСКАЯ КУМЫШКА: ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII–XIX вв.

Николай Викторович Пислегин¹

¹ кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел исторических исследований, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН (Ижевск, Российская Федерация). E-mail: cpeg@rambler.ru.

Аннотация. Удмуртский традиционный алкогольный напиток кумышка являлся объектом внимания со стороны государства. С середины XVIII в. государство периодически стало запрещать этот напиток, а в моменты, когда она разрешалась, вводились значительные ограничения. Главным был запрет на его продажу, ограничивались пределы крепости. Жизнь добавляла новые ущемления, связанные, в первую очередь, с коррупцией. Сам термин, по всей видимости, является производным от русского слова *кумушка*, его возникновение связано с массовым крещением удмуртов. В начале XIX в. отмечается использование кумышки не только в традиционных молениях, но и в православных праздниках. Котлы для ее приготовления первоначально могли быть не только чугунными, но и медными. Встречающиеся в публикациях сообщения о незначительных масштабах распространения пьянства в дореволюционный (или дореформенный, или предмонопольный, т. е. до введения казенной винной монополии эпохи С. Ю. Витте, и т. д.) период, все-таки, на наш взгляд, носит необъективный характер. Связанные с кумышкой и кумышководарением события, получившие отражение в архивных документах, представляют возможность осветить повседневность, жизнь крестьян нашего края в то время, когда еще отсутствовало их планомерное изучение, и шире — дают исследователю основательный материал для характеристики не только вопросов «народного питания», но и ряда других элементов материальной и духовной культуры народов края, этнографических описаний, которые, возможно, смогут дополнить сложившиеся в научной литературе представления об «ушедшей натуре».

Ключевые слова: удмурты, обрядовый напиток, кумышка, государственное регулирование.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 97–102, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-97-102
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 94(47).07

Traditional Kalmyk Medicine in the Second Half of the 18th Century (Evidence from Johannes Jährig's Records)

Alexandr A. Diuldenko ¹, Evgenii G. Ponomarev ²

¹ Assistant Lecturer, Department of History and Law, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russian Federation). E-mail: 9188660508@mail.ru

² Ph. D. in Jurisprudence (Doct. of Juridical Sc.), Ph. D. in History (Cand. of Historical Sc.), Head of Department of History and Law, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russian Federation). E-mail: kafedra-04@yandex.ru.

Abstract

In the second half of the 18th century, the Russian Academy of Sciences arranged five physical expeditions under the supervision of outstanding scientists mainly of German origin. The objective of those expeditions was to increase knowledge regarding the bordering regions of the Russian Empire. One of the main points of the program of those academic expeditions was to study the traditional medicines of the peoples of Russia. The topic was especially actual and interesting since the relevant knowledge was scarce enough. One of the reasons the knowledge was that poor was that such kind of information was hard to obtain. For example, for the Kalmyks medicine was closely connected with religion and Kalmyk priests did not want to share their knowledge with other scientists. One of the scholars who provided lots of interesting materials regarding the topic was Johannes Jährig (1747–1795). His role in the collection of medical data and his personality is little known to the public. At the same time, he was admitted into the Russian Academy of Sciences upon P. S. Pallas' request since 1774 and worked as his informer on various subjects for over sixteen years. Among Jährig's materials there were numerous reports regarding the Kalmyk ethno-medicine of the late 18th century. Some of those reports were published in the leading journals of the Russian Academy of Sciences and other periodicals world-wide. The remaining materials are Johannes Jährig's archived unpublished manuscripts. The most interesting of the latter are reports about application of snakes for treatment of tumors, application of magical spells and different medicinal herbs for treatment of varied diseases. Jährig's materials also describe the Kalmyks' methods for treatment of domestic animals, especially horses and hunting birds. In general, Jährig's reports regarding the Kalmyk ethno-medicine of the mid-to-late 18th century are unique and many-sided materials for further historical studies, as well as for modern human and veterinary medicine which adds to the actuality of the research and signifies its cross-disciplinary nature.

Keywords: Johannes Jährig, Sarepta, Kalmyks, medicine, medicinal herbs, Russian Academy of Sciences, scientific expeditions.

Вторая половина XVIII в. была ознаменована значительным расширением познаний об окраинных районах Российской империи, в особенности о народах, населявших приграничные рубежи государства. Исследовательский процесс в этом направлении был обусловлен не только сугубо научными мотивами, но и стратегическим интересом государства, связанным с необходимостью управления этими территориями.

Главная идея эмпирической формы развития российской науки принадлежала М. В. Ломоносову, который и разработал первоначальный план географических экспедиций Российской академии наук. На пути реализации своего замысла он встретил сопротивление со стороны академиков иностранного происхождения, которые с большим нежеланием покидали пределы столицы империи. М. В. Ломоносов неоднократно подчеркивал значимость географических изысканий и их большую пользу для России. Парадокс заключался в том, что воплощать ломоносовские идеи предстояло по большей части именно иностранцам, приглашенным возглавить академические отряды. В 1768–1774 гг. было организовано пять физических экспедиций под руководством П. С. Палласа, И. Г. Гмелина, И. И. Лепехина, И. П. Фалька, И. А. Гильденштедта. Если обратиться к научному статусу обозначенных исследователей, то выяснится интересная закономерность: каждый из них был доктором медицины, что определенным образом повлияло на программы предстоявших путешествий.

Несмотря на большой объем сведений, предписанных к сбору в рамках академических экспедиций, была разработана единая для всех инструкция «для отправленных от имп. академии наук в Россию физических экспедиций». Она выделяла всего девять главных пунктов изысканий и наблюдений, два из которых имели непосредственное отношение к традиционной народной медицине: «п. 4) до описания особых болезней в той стране обыкновенно случающихся также до скотских падежей, ежели где бывают. О сих болезнях и падежах примечать, какие в тамошних местах против оных употребляют средства, или какие бы по их мнению можно было употреблять с успехом; а вообще примечать, чем крестьяне и другие языческие народы обыкновенно себя лечат от всяких болезней; п. 9) до познания разных в медицине, экономии и купечестве

полезных трав, а особливо таких, которые или иностранные наградить или совсем новую отрасль торгу произвести могут» [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 1. № 83: 2-7]. Таким образом, вопросы медицины занимали одно из ведущих мест в программе академических экспедиций 60–70 гг. XVIII в., что было обусловлено не только большим интересом к данной области знаний, но и квалификаций исследователей.

С 1769 по 1772 гг. отряд академика И. Г. Гмелина неоднократно посещал Астраханскую губернию, в частности моравскую колонию Сарепта близ города Царицын. Среди местных гернгутеров (так называли членов моравской церкви и переселенцев из немецкого города Гернгут) был молодой человек по имени Иоганн Иериг [Дюльденко 2015: 25–30], предоставивший академику интересные сведения о религии и обычаях кочевых народов губернии [Протоколы заседаний..., III 1900: 108]. Он прибыл в составе переселенцев из Германии в 1769 г., за короткое время сумел выучить калмыцкий язык и приобрести навыки чтения сложного монгольского письма.

Летом 1773 г. Сарепту посетил другой знаменитый естествоиспытатель академии наук П. С. Паллас, который был поражен способностями И. Иерига общаться с калмыками и читать их письма. На тот момент существовал большой дефицит переводчиков с монгольских языков, и специалисты в этой области знаний были весьма востребованы. По ходатайству профессора Палласа с 1774 г. Российская академия наук приняла на службу Иоганна Иерига в должности переводчика и исследователя монгольских народов.

Перед возвращением в Санкт-Петербург, в мае 1774 г., академик составил соответствующую инструкцию для нового сотрудника. По большей части И. Иеригу предстояло заниматься изучением языка, религии, культуры и истории калмыков, т. е. теми вопросами, которые П. С. Палласу не были доступны ввиду отсутствия специальных знаний монгольского языка и непродолжительности пребывания в Астраханской губернии. Наряду с основными задачами, инструкция от 15 мая 1774 г. предписывала новому исследователю обратить внимание на «растения и деревья, которые употребляются калмыками полностью или в виде корений, а также бережливо употребляются для лечения, либо считаются по-

лезными или вредными для скота...» [АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 4 / 1106]. Определенная сложность в получении этих сведений была обусловлена тем, что врачевание у калмыков тесно переплеталось с религией. Чтобы понять условия, в которых И. Иеригу пришлось добывать необходимый материал, приведем выдержку из книги известного врача середины XIX в. Рудольфа Кребеля: «Медицина для Калмыков — божественная наука, они имеют для нее даже особенное божество (Бурхан). Врачи их (Емчи) отделены от хирургов. Последние занимаются преимущественно вывихами и переломами и очень искусны в лечении их. Они также лечат животных и выказывают при этом большую опытность. Врачи принадлежат к классу священников, черпают свои знания из книг и лечат наружные и внутренние болезни. В опасных болезнях они употребляют воду, хлеб, сыр, которые приносятся в жертвенных чашах изображениям идолов. Как последним средством служат общественные молитвы, при чем надо заметить, что каждому слову таких молитв приписывают чудодейственную силу. Калмыцкий врач — шарлатан насквозь, он старается ослепить непосвященных как способом исследования больного, так и кудрявыми фразами о болезни» [Кребель 1868: 42–43]. Известно, что калмыцкие священнослужители отличались особой скрытностью и нежеланием делиться тайнами своей «науки» с различного рода чужаками, к которым, безусловно, они причисляли Иоганна Иерига.

В связи с необходимостью налаживания более доверительных отношений с местным населением и урегулирования некоторых административных вопросов, связанных с доставкой полученных материалов, первые сведения И. Иерига о народной медицине кочевников стали поступать в академию наук только в 1777 г. В отчете от 12 сентября 1777 г. из Енотаевской крепости он писал о лечении опухоли, названной *Моха*, которая часто приводила к летальному исходу [АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 4 / 1106]. В переводе с калмыцкого *Моха* означает змея [Русско-калмыцкий словарь 1964: 200]. Т. Г. Басангова отмечает, что у калмыков с давних времен эти пресмыкающиеся применялись в народной медицине: «С помощью змеиных рогов хорошо излечиваются разные опухоли женской груди, а также опухоль коровьего вымени, потертости от седла на теле коня, <...> змеиная шкура

применялась при лечении опухолей (*хавдр*) на коже. Человек, нашедший шкуру змеи, должен был ее высушить и хранить потом в специальном мешочке. Обряд лечения построен на имитативной магии: кожу змеи прикладывают к коже человека» [Басангова 2014: 76].

В конце 1777 г. Иериг сообщал, что для излечения от некоторых болезней и для помощи в других жизненных ситуациях калмыки используют индийские «абраксы». Абраксами называли, помимо прочих значений, магические слова или драгоценные камни, на которых были изображены иероглифы и которым приписывали магическую силу [Епишкин 2010: 123]. Метод лечения с их помощью заключался в проглатывании листочков с магическими надписями [Протоколы заседаний..., III 1900: 339]. К сожалению, нам не удалось найти образцы таких «съедобных» заклинаний в архивном фонде И. Иерига. Тем не менее, съедать кусочек бумаги, на котором были написаны заклинания, — известный способ лечения болезней в Тибете. Такие кусочки бумаги по-тибетски называются *za-yig* 'съедобные слова' [Sarközi 1999: 227–234]. На рисунке 1 приведен пример внешнего вида такого магического лекарства.

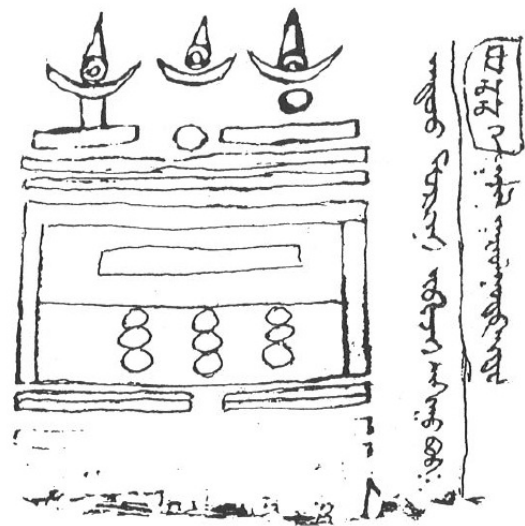

Рис. 1. Пример съедобного магического заклинания

По утверждению А. Шаркози, представленный выше фрагмент выполнен ойратами, и в оригинале содержал само заклинание, а также 12–13 полей, в которые вписывался необходимый текст на тибетском и монгольском языках. Тибетская часть,

судя по всему, имела функцию магических слов (*dharani*), в то время как монгольский текст давал инструкции, примерно следующего содержания: *xaral xariyulxu-du idee* 'Съешь его, чтобы обратить проклятье'; *amin xaciysan-du idee* 'Съешь его, когда твоя жизнь в опасности' [Sarközi 1999: 227–234]. Следует отметить, что традиция съедать написанные на бумаге заклинания сохранилась у калмыков и по сей день.

В декабре 1777 г. И. Иериг отправил в Санкт-Петербург образцы и описание лечебной травы *Sangana* (степная малина), которую калмыки успешно использовали против сильных болей при ревматизме [АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 4 / 1106]. Это сообщение Иерига было опубликовано в восьмом номере Санкт-Петербургских ведомостей за 1778 г. и позже переиздано в Астраханских епархиальных ведомостях 1895 г. Согласно ему, калмыки изготавливали *декохт* (т. е. отвар) из травы, называемой по-русски *степная малина*, по-калмыцки *Зергана* или *Зергена*. Эта трава в изобилии произрастала на сухих, песчаных астраханских степях и отличалась отсутствием листьев и соцветий, вместо которых имелись своеобразные «иглистые» цветки, содержавшие семя. На нем созревали красные ягоды, внешне напоминавшие малину, но без соответствующего вкуса. Метод лечения этим растением заключался в простом употреблении отвара большой горсти высушенных ягод, после чего больной должен был укутаться в постель и пропотеть. После процедуры следовало избавление от недуга [Астраханские епархиальные ведомости 1895: 331–332]. Позже Иоганн Иериг неоднократно присылал образцы степной малины в академию наук, а также сообщал, что калмыки ее не только отваривают, но и добавляют в пиво или напиток на основе воды и мёда [Протоколы заседаний..., III 1900: 434].

В 1778 г. И. Иериг прислал академии образцы растения под названием *Tuschut Oboson* (растение вида статицы [Reuss 1821: 54]), применявшееся калмыками при различных болезнях, а особенно для борьбы с гангренозными опухолями, которыми по неизвестным причинам часто страдали не только лошади и скот, но и даже жители низин, расположенных вдоль р. Волги. Для лечения необходимо было порезать на небольшие кусочки это несколько вяжущее растение и только им (и ничем другим) кормить больных лошадей [АВ ИВР РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 4 / 1106].

Сразу несколько выдержек из медицинских наблюдений И. Иерига были напечатаны во франкоязычном издании академии наук «Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae» за 1779 г. Исследователь сообщал о способе применения калмыками специального вида лишайника *Lichenoides ceratophyllum obtusius minus ramosum*, произрастающего в засушливых районах, по направлению к Каспийскому морю. Растение предварительно пережевывалось, после чего прикладывалось к больному месту в виде целебного компресса [Jährg 1779: 66].

Интересное наблюдение Иоганн Иериг сделал о калмыцком лекарстве от кожных заболеваний. Оно изготавливалось на основе кирказона ломоносовидного (кирказон обыкновенный) и в качестве отвара применялось наружно в борьбе с болезнями кожи. Также подобным средством кочевники обрабатывали перья своих охотничьих соколов, которые весной особенно страдали от чесотки и наносили вред своим перьям. Купание в отваре этой сухой травы способствовало быстрому выпадению старых перьев и росту новых [Jährg 1779: 66]. Отметим, что калмыки уделяли большое внимание вопросам ветеринарии. Помимо почти «священного» уважения к природе в целом, калмыки сильно зависели от домашних животных, игравших огромную роль в жизни каждого кочевника.

В опубликованной статье И. Иерига также описывалось средство, применявшееся калмыками для стимулирования носового кровотечения. Чтобы воспользоваться этим действенным методом, зачастую благотворно действующим при заболеваниях глаз и опухолях головного мозга, они применяли вид злака, описанный под названием *Agrostis pungens* (полевица). Калмыки делали небольшие шарики из этого растения, листья которого выглядели как маленькие пучки, и вставляли их в ноздри, совершая движения в разных направлениях до наступления желаемого эффекта [Jährg 1779: 67].

Весьма необычный способ употребления лечебного растения, называемого *Prenanthes chondrilloides* (косогорник хондрилла), заключался в постоянном его пережевывании до крайне вязкого, клейкого состояния, чем-то напоминавшую, по словам И. Иерига, эластичную смолу из Бразилии. Это растение обычно произрастало в песках вдоль Волги: у корня оно образовывало не-

что вроде камедь-смолы, представлявшей собой сок этого растения молочного цвета [Jählig 1779: 67]. Академик И. Г. Георги даже сделал химический анализ такой калмыцкой «жвачки», в результате которого выяснил, что представленное И. Иеригом вещество в свежем состоянии имеет черно-зелёный цвет, а на открытом воздухе становится более вязким и темным. В процессе пережевывания этой смолы происходило обильное слюноотделение, однако слюна не меняла ни цвета, ни вкуса и даже не становилась более слизистой [Jählig 1779: 68]. К сожалению ни И. Иериг, ни И. Г. Георги не смогли точно описать целебное действие данного растения. Скорее всего, такой способ употребления был своего рода калмыцкой привычкой, способствовавшей очищению полости рта.

В 1779 г. научный руководитель И. Иерига академик П. С. Паллас принял решение о его долгосрочной командировке в Забайкалье (район реки Селенга) для продолжения изучения монголоязычных народов России. Тем не менее, за время пребывания в Астраханской губернии исследователю удалось собрать довольно обширный материал не только о религии и языке калмыков, но и лекарственных растениях, традиционных способах лечения людей и животных. Публикация этих сведений в ведущих периодических изданиях конца XVIII в. доказывает большой интерес современников И. Иерига к традиционной медицине, а также актуализирует представленные материалы ученого для современных междисциплинарных исследований в области истории, медицины и этнографии.

Источники

- АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук
СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

Литература

- Астраханские епархиальные ведомости. № 11. Астрахань, 1895. 334 с.
Басангова Т. Г. Змея в мифологии калмыков // Новые исследования Тувы. 2014. № 2, С. 75–79 [электронный ресурс] // URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_22/7148-basangova.html (дата обращения: 11.07.2016).
Дюльденко А. А. Иоганн Иериг (1747–1795): сотрудничество с императорской академией

наук и европейским научным сообществом // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. Элиста, 2015. С. 25–30.

- Епишкин Е. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: 2010 [электронный ресурс] // URL: <http://gallicismes.academic.ru/> (дата обращения: 07.08.2016).
Кребель Р. М. Народная медицина и народные средства различных племен Русского царства против разных болезней. В 2 отд.: Руководство для врачей (пер. с нем. С. Блументаля). Москва: Тип. С. Орлова, 1868. 171 с.
Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год. Том III. 1771–1785. СПб.: Тип. ИАН, 1900. 976 с.
Русско-калмыцкий словарь / под ред. И. К. Илишкина. М.: изд-во Сов. Энцикл., 1964. 803 с.
Jählig J. Extraits des Rapports envoyes a l'Academie // Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. 1779. Vol. I. P. 65–68.
Reuss J. D. Repertorium commentationum a societatibus litterariis editarum. Ars veterinaria. Vol. 16. Gottingae, 1821. P. 87.
Sarközi A. The magic of writing-edible charms // Writing, in the Altaic World. Studia Orientalia 87. Helsinki, 1999. P. 227–234.

Sources

- AV IVR RAN — *Arkhir vostokovedov Instituta vostochnykh rukopisey Rossiyskoy akademii nauk* [The Archives of the Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts (RAS)].
SPF AРАН — *Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk* [St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS].

References

- Astrakhanskies eparkhial'nye vedomosti [Astrakhan Eparchial Journal], No. 11, Astrakhan, 1895, 334 p. (In Russ.).
Basangova T. G. Zmeya v mifologii kalmykov [The snake in the mythology of Kalmyks]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva online journal], 2014, No. 2, pp. 75–79. Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_22/7148-basangova.html (accessed: 11 July 2016) (In Russ.).
Dyuldenko A. A. Iogann Ierig (1747–1795): sotrudnichestvo s imperatorskoy akademiej nauk i evropeyskim nauchnym soobshchestvom [Johannes Jählig (1747–1795): cooperation with the Imperial Academy of Sciences and European academic community]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh*

- issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2015, No. 2, Elista, 2015, pp. 25–30 (In Russ.).
- Epishkin E. I. *Istoricheskiy slovar' gallitsizmov russkogo yazyka* [A historical dictionary of Gallicisms in Russian]. Moscow, 2010. Available at: <http://gallicismes.academic.ru/> (accessed: 07 August 2016) (In Russ.).
- Jährg J. *Extraits des Rapports envoyes a l'Academie* [Excerpts from reports submitted to the Academy]. *Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae* [Journal of St. Petersburg Imperial Academy of Sciences], 1779, vol. I, pp. 65–68 (In French).
- Krebel R. M. *Narodnaya meditsina i narodnye sredstva razlichnykh plemen Russkogo tsarstva protiv raznykh bolezney. V 2 otd.: Rukovodstvo dlya vrachev (per. s nem. S. Blumental')* [Folk-medicine and empiric remedies of different tribes of the Russian Empire from different diseases. A guidebook for physicians (transl. from German by S. Blumental). Moscow, S. Orlov Publ., 1868, 171 p. (In Russ.).
- Protokoly zasedaniy Konferentsii Akademii nauk s 1725 po 1803 god. Tom III. 1771–1785* [Minutes of the meetings of the Conference of the Academy of Sciences from 1725 to 1803. Vol. III. 1771–1785]. St. Petersburg, Imperial Acad. of Sc. Press, 1900, 976 p. (In Russ.).
- Russko-kalmytskiy slovar' / pod red. I. K. Ilishkina* [Russian-Kalmyk dictionary. Edit. by I. Ilishkin]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1964, 803 p. (In Russ.).
- Reuss J. D. *Repertorium commentationum a societatis litterariis editarum. Ars veterinaria*, vol. 16, Göttingen, 1821, p. 87 (In Latin).
- Sarközi A. The magic of writing-edible charms. Writing in the Altaic World. *Studia Orientalia* 87, Helsinki, 1999, pp. 227–234 (In Eng.).

УДК 94(47).07

ТРАДИЦИОННАЯ КАЛМЫЦКАЯ МЕДИЦИНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. (по материалам Иоганна Иерига)

Александр Александрович Дюльденко¹, Евгений Георгиевич Пономарев²¹ ассистент, кафедра истории и права, Ставропольский государственный педагогический институт (Ставрополь, Российская Федерация). E-mail: 9188660508@mail.ru.² доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заведующий, кафедра истории и права, Ставропольский государственный педагогический институт (Ставрополь, Российская Федерация). E-mail: kafedra-04@yandex.ru.

Аннотация. Во второй половине XVIII в. существенно возрос интерес российской академической науки к сведениям о традиционной медицине народов России. Особенно четко это прослеживается в инструкциях физических экспедиций Российской академии наук 1768–1774 гг., где необходимость сбора сведений по медицинской тематике являлась одной из главных задач. Роль Иоганна Иерига (1747–1795) в реализации таких академических планов практически не изучена отечественной и зарубежной наукой, впрочем, как и сама личность этого ученого. В то же время, состоя на службе Российской академии наук с 1774 г., он являлся основным «информатором» профессора П. С. Палласа и протяжении почти 16 лет снабжал его необходимым материалом из удаленных регионов Российской империи. На основе ранее не опубликованных архивных источников, а также данных отечественной и зарубежной периодической печати конца XVIII в., в настоящей статье приводятся сведения Иоганна Иерига о традиционных способах лечения болезней людей и животных у калмыков. Его описания представляют собой уникальный и разносторонний материал как для исторической науки, так и для современной медицины и ветеринарии, что дополнительно актуализирует настоящее исследование и говорит о его междисциплинарном характере.

Ключевые слова: Иоганн Иериг, Сарепта, калмыки, медицина, лекарственные растения, Российская академия наук, научные экспедиции.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 103–108, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-103-108
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 294.3+7.046.3+069:09 (045)

Ornamental Motifs in the Samples of Buddhist Icon-Painting from the Collection of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Svetlana G. Batyreva¹

¹ Ph. D. in Art Studies (Doct. of Art Criticism), Head of Zaya Pandita Museum of Kalmyk Traditional Culture, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: sargerel@mail.ru

Abstract

The article provides an overview of Buddhist paintings stored by the Kalmyk Scientific Center of the RAS. The object of research is the traditional pictorial art of Kalmykia. Buddhist iconography is characterized by certain compositional fundamentals, iconometry, symbolism of lines and properties of the canonic images that were implemented taking the form of a religious ceremony. Since icon-painters never autographed their works, monuments of Buddhist fine arts are basically anonymous to meet the canonical requirements. An image created by an ordained icon-painter *zurachi* or sculptor *urun* with due account of the traditional (canonical) performance technique — naturally became sacred.

When it comes to historical and cultural studies of the 19th — early 20th century art of Kalmykia, one should keep in mind the regional peculiarities of religious life mainly determined by the actual ethno-cultural landscape. The mass and official conversion of the Oirat-Kalmyks to Buddhism in the 16th — early 17th cc. was followed by quite a long period during which corresponding professional knowledge and skills were acquired and accumulated by representatives of Kalmyk *khuruls* — Buddhist monasteries. Development of the national style was accompanied by transformation of the Tibetan iconographical canon through the prism of indigenous ethnic aesthetics and view of the world. This determined the structure of the Kalmyk Buddhist pantheon which proved an ethnic Central Asian version of the latter — largely common for Tibetans and Mongols but containing separate local distinct features. Kalmyk monasteries gave rise to the regional school of easel hieratic painting and sculpture.

The study aims to identify and describe the peculiarities of Kalmyk icon-painting which introduced ornamental motifs into Buddhist iconography. From the perspective of the canon, the paper reveals the local features of composition, proportions, color and attributes of Kalmykia's Buddhist art objects. Decorativeness of paintings consisting in application of ornaments around canonical images and plots is inherent of the ethnic hieratic art. This was mainly characteristic of the late period of its development and was often accompanied by certain breakaways from conformities of Buddhist pictorial art.

The long artistic process of acquiring and accumulating professional knowledge in the sphere of Buddhist pictorial art was due to the two trends, namely the canonical and folklore ones which are perceivable enough in the context of iconography. The folklorization of the canon originating from the active interactions of the diverse traditions reshapes the style-developing process in Buddhist art which is influenced by ethnic culture. The interaction between the canon and the national tradition set forth in the local peculiarities of artistic process determines the emphasized decorativeness of a picture. This is expressed by introduction of ornamental motifs and, in particular, in the interpretation

of the conventional landscape of hieratic paintings. The comprehensive study of the mentioned works comprises methods of art criticism, history, ethno-cultural studies within the framework of museology and characterizes the local Kalmyk school (tradition) of icon-painting. The subject of research are pieces of Buddhist pictorial art from the collections of the Zaya Pandita Museum of Kalmyk Traditional Culture created at the turn of the 19th and 20th centuries.

Keywords: art, icon-painting, Museum of Kalmyk Scientific Center of the RAS, Buddhist collection, iconography, ornament, tradition, cultural heritage, research.

Говорить о стиле произведений искусства позднего периода, сводимом к своеобразным деталям трактовки степного ландшафта или этнического облика персонажей, «нарушающих» канон художественной формы, по-видимому, нет оснований. В этом случае речь может идти о *стилизации*, неизбежной в условиях общего упадка каноничной традиции и затрагивающей в той или иной степени формирование локальной школы живописи. Возведенная в эстетический принцип «наивность» этого искусства сродни такому феномену, как народная живопись «примитива». Художественное решение калмыцких иконописных образов органично тяготеет к жизнерадостному колориту орнамента *зег*, незатейливо вводимого в декор одеяния иконописного образа, раскраску лotosового подножия и декоративную трактовку облаков и цветов в условном пейзаже иконописного произведения.

Последнее может быть посвящено изображению персонажей, принадлежащих к разным группам буддийского пантеона. Коллекция культовой живописи и скульптуры представляет группы божеств, выстроенных в определенной иерархии и классифицируемых по тому или иному признаку. В буддизме сформирован огромный пантеон, в котором современные исследователи насчитывают более трех тысяч образов. В России более известной является классификация, предложенная известным востоковедом, лингвистом, специалистом по языку и культуре Тибета Ю. Н. Рерихом [Roerich 1925]. В соответствии с ней, буддийский пантеон подразделяется на группы изображений: «просветленные существа», куда входят будды, бодхисаттвы, учителя-проповедники; идамы и дхармапалы; а также изображения мандалы, иллюстрации к учению буддизма и янтры [Roerich 1925].

Тибетский изобразительный канон, трактуемый в произведениях, включает в себя ключевые для его понимания разделы: *иконометрию* и *иконографию*. Иконометрия означает систему мер, т. е. «изме-

рение изображений», определяющее меру тел и систему пропорций в изображении того или иного персонажа пантеона. Для каждой иерархической группы определены своя мера и набор обязательных признаков. Калмыцкие иконописцы в работе использовали монгольское иконографическое руководство «Дегеду амугуланг санвар», где приведена классификация форм лиц будд, бодхисаттв, учителей веры, дхармапал и других групп пантеона. В руководстве даны указания о длине тела и в целом — облике персонажей высшего разряда пантеона. Сюда относятся образы просветленных существ, изображавшихся в системе 12–12,5 ладоней, — стройными и умиротворенными в статичной стоящей или сидящей позе согласно изобразительному канону буддизма [Герасимова 1971]. Красота, Добро и Знание, формирующие облик просветленных существ, объединены в этническом своеобразии облика, представленном экспонатами буддийской коллекции КалмНЦ РАН. Особенностью ее состава определяется наличие образцов иконописи, созданной на рубеже XIX–XX вв., в начале XX в. и представляющей поздний период развития канонического искусства Калмыкии.

Одним из таких образцов является изображение бодхисаттвы Авалокитешвары (Инв. № И–17 / 0314 ОФ. Поступ. в 2003 г. из Научного архива КалмНЦ РАН). Его создание мы относим к началу XX в.; оно небольших размеров и написано на грунтованном полотне минеральными красками. В центре однофигурной композиции квадратной формы изображен белый четырехрукий бодхисаттва Авалокитешвара в разноцветном одеянии, сидящий в ауре на стилизованном лotosовом подножии. Фоном служит условный пейзаж: синее небо с дисками светил и разноцветными облаками, ниже переходящее в зеленую равнину. По линии горизонта изображены остроконечные горы с розовыми вершинами, окаймленными желтыми облаками и дублированными в условном пейзаже холмами. Поверхность

последних усыпана множеством кустиков, имитирующих побеги растительности.

Другим примером декоративного изображения условного пейзажа в иконописи является образ идама Ваджрапани (Инв. № И-43 / 0470 ОФ. Поступ. в 2005 г. от А. Г. Кукеева). В произведении калмыцкой иконописной школы рубежа XIX–XX вв. в центре трехфигурной композиции изображен Ваджрапани, танцующий в клубках красного пламени на лotosовом подножии. Отчетливо просматривается контурный рисунок центрального образа, исполненного с соблюдением иконографического канона, но незавершенного в авторском исполнении. Подножие «уходит» в схематичное изображение водоема. Наверху слева — сидящий бодхисаттва, справа — Мандзушри с каноничными атрибутами — мечом и книгой в руках. Фон: темно-синий цвет неба с обозначенными вверху дисками светил по верхней горизонтали изображения. Ниже горизонта у подножия рассыпаны красными бутонами несколько цветов, подчеркивая декоративное своеобразие произведения.

Линия орнамента, усиливающейся со временем в искусстве, наглядно просматривается в иконописном образе стоящего Цаган Аав, Белого Старца (Инв. № И-45 / 0472 ОФ. Поступ. в 2005 г. от А. Г. Кукеева). Произведение, без сомнения, создано в Калмыкии в период XIX — нач. XX вв., выполнено на грунтованном полотне минеральными красками. Это однофигурная композиция с изображением стоящего Цаган Аав в подпоясанном одеянии с посохом и четками в руках. Розовый нимб старца в облачном окружении призван подчеркнуть его «небесное» происхождение, канонизирующее появление образа добуддийского происхождения в пантеоне буддизма [Батчулун 2004: 184]. Обращает на себя внимание этнический тип круглого лица в обрамлении волос и бороды. Старец одет в длиннополое в мелкий рисунок платье и распахнутого кроя халат, в руках — четки и посох с головой дракона, повелителя водной стихии. Плотный в цветовом решении условный пейзаж построен в теплом колорите, выдержанном в желто-зелено-коричнево-охристой цветовой гамме. Изображение дисков луны и солнца на небе декоративно дополняют гряды разноцветных облаков, холмистой равнины под ногами старца. Землю, декоративно трактованную переплетающимися красочными орнаментированными полосами, пересека-

ют водные протоки, обозначенные узором волн в окаймлении глинистыми уступами степных балок.

В качестве иллюстрации особенностей процесса развития культового искусства Калмыкии можно привести иконографию образа бодхисаттвы Мандзушри (Инв. № И-46 / 0473 ОФ. Поступ. в 2005 г. от А. Г. Кукеева). Мы датируем время создания произведения началом XX в. Оно представляет собой трехфигурную композицию с изображением бодхисаттвы Мандзушри в зеленом нимбе и красно-оранжевой ауре, сидящего в падмасане с атрибутами в руках: книгой Мудрости и мечом, рассекающим тьму Незнания. Справа и слева от него сидят Белая и Зеленая Тары в $\frac{3}{4}$ повороте к центральному образу. Фон: условный пейзаж, в колорите которого преобладают зеленый и красный цвета. Внизу по центральной вертикали подчеркнуто декоративно изображен серо-голубой водоем, трактованный волнами, в окружении «букетов» бело-красных цветов, рассыпанных узорочьем по зеленой степи [Иванов 2008: 40–47].

В поздний период развития старокалмыцкого искусства, помимо усиления его декоративной выразительности, наблюдается явление отхода от канона, сопровождаемое его нарушением в композиции и пропорциях образа, трактовке атрибуции и других деталях. Таково изображение локапалы Вайшраваны, созданное в начале XX в. на грунтованном полотне минеральными красками (Инв. № И-49 / 0476 ОФ; инв. № И-51 / 0478 ОФ. Поступ. в 2005 г. от А. Г. Кукеева). Иконопись исполнена рукой автора, не озабоченного точным следованием правилам буддийского канона. Изображение сводится к однофигурной композиции сидящего Вайшраваны на льве, возлежащем на розовом лotosовом подножии. Каноничные атрибуты в его руках — штандарт с трезубцем и синей мышью, изыгивающей драгоценности. В трактовке фигуры локапалы и ваханы явно нарушен пропорциональный канон. Фон: синее небо с дисками луны и солнца, грядами длинных облаков, переходящее в зеленую равнину с орнаментированным облачным обрамлением и синим водоемом у подножия локапала. В другом варианте условного пейзажа зеленая равнина выстлана букетами (по 3–5) бело-красных цветов, напоминающих тюльпаны, подобно красочному узорчатому ковру.

Иногда такой декоративизм оформле-

ния культовой живописи Калмыкии сопровождается появлением образов, которые можно с трудом идентифицировать с персонажами пантеона северного буддизма. Примером может служить образ бодхисаттвы Тары (Инв. № И-59 / 0486 ОФ. Поступ. в 2005 г. от А. Г. Кукеева). Предполагаемая датировка произведения — начало XX в. Однофигурная композиция с изображением бодхисаттвы Белой Тары в зеленом нимбе и оранжевой ауре с серым облачным окружением, в неканоничной позе (со спущенной левой ногой) на лotosовом подножии. Внизу — серо-голубой водоем, декорированный геометрическим орнаментом. Фон: темно-синее небо с дисками луны и солнца и зеленый ландшафт, усыпанный симметричными рядами бело-красных цветов. Мы определяем полотно образцом стилизованной «наивной живописи», исполненной с нарушением композиционного канона и атрибутики персонажа.

К обозначенному ряду лубочной живописи можно отнести образы будды Амитаюса (Инв. № И-60 / 0487 ОФ; инв. № И-68 / 0495 ОФ. Поступ. в 2005 г. от А. Г. Кукеева). Однофигурная композиция с изображением будды Амитаюса в зеленом нимбе, сидящего в падмасане с сосудом в руках. Фон: условный пейзаж синего неба с дисками луны и солнца, по линии горизонта переходящего в холмистую зеленую равнину, сплошь покрытую цветами. Внизу полотна орнаментальной композицией преподносится иконописцем ряд водоемов, декоративно оформленных бело-розовым цветочным узором.

Описание калмыцкой народной живописи, характеризуемой лубочной выразительностью стилизации изобразительного канона, можно завершить образом будды Шакьямуни (Инв. № И-78 / 0505 ОФ. Поступ. в 2005 г. от А. Г. Кукеева). Он датируется нами XIX — началом XX вв. В трактовке однофигурной композиции с изображением будды Шакьямуни, сидящего в желто-оранжевом одеянии с патрой у лона на разноцветном подножии, наблюдаем нарушение пропорций нижних конечностей. Автор, стремясь украсить образ, по краю эманации старательно изображает кудрявые серые облака с рогообразными завитками. На синем небе с дисками луны и солнца плывут гряды облаков с длинными основаниями. Фон: условный холмистый пейзаж, усыпанный множеством красно-белых цветов. Декора-

тивная дорожка, расчленяющая серо-голубой водоем на два рукава, орнаментально обрамлена симметрией букетиков цветущих растений.

В анализе калмыцкой иконописи, хранящейся в коллекции Музея имени Зая-пандиты, можно констатировать самобытное явление фольклоризации изобразительного канона буддизма. Наблюдается это в цветовой гамме произведений, восходящей к символике этнического мировидения, слагающего спектр в теплую полихромную живописи, расписанной скульптуры и прикладного искусства. Декоративный стиль явлен в произведениях, исполненных традиционными приемами, где черный линейный «каркас» формы получает развитие в богатстве радужной и тональной разработки цвета. Тяготение к орнаментальной трактовке иконописного образа, вышитого или апплицированного, живописного и скульптурного, обозначено термином *зеегэр кеерүлх* (калм. 'украшать узором') в калмыцком декоративно-прикладном искусстве [Батырева 2010: 62–83]. Орнаментальная трактовка такого элемента условного пейзажа, как облака на небе рядом со светилами, а также в декоративном обрамлении центрального образа, дает основание говорить о взаимовлиянии традиции народного искусства и изобразительного канона буддизма [Батырева 2005: 108; Бернштейн 1981: 112–153].

Такие изобразительные сюжеты, обозначенные в народной терминологии как *сартгэ эрэтэ зег* ('трилистник'), *дольган зег* ('волна'), *байр зег* ('цветок'), *бетк зег* ('побег'), *өвр зег* ('рог, рога'), широко применяются мастерами в красочном узоре чье иконописных произведений [Батырева 2007: 128–143]. Как правило, они небольших размеров и отличаются ярким колоритом и декоративным оформлением деталей условного пейзажа. Это имеет для простого мирянина конкретную значимость в представлении о щедрой, напоенной водой и потому цветущей и плодоносящей земле. Последнее выступает необходимым условием земного благополучия для животноводческого хозяйства кочевников.

Обаяние народного миропредставления и художественного вкуса выражено в орнаментальных мотивах произведений буддийского искусства Калмыкии. Этническая художественная традиция вдыхает новую жизнь в изобразительный канон буддизма, определяя самобытное своеобразие его наивного оформления.

Литература

- Батчулун С. К иконографии образа Белого Старца — божества монголо-этнического ареала // Живопись как знак культуры. Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 184–193.
- Батырева С. Г. Старокалмыцкое искусство XVIII — начала XX вв. Опыт историко-культурной реконструкции. М.: Наука, 2005. 141 с.
- Батырева С. Г. Иконография буддизма: из опыта музейного изучения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 5. Искусствознание. С. 250–254.
- Батырева С. Г. Калмыцкий орнамент как историко-культурный источник // Монголоведение. № 4. Элиста, 2007. С. 128–143.
- Батырева С. Г. Народное декоративно-прикладное искусство // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. 3. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2010. С. 62–83.
- Бернштейн Б. М. Традиция и канон. Два парадокса // Советское искусствознание, 1980. Вып. 2. М., 1981. С. 112–153.
- Герасимова К. М. Памятники эстетической мысли Востока. Тибетский канон пропорций. Трактаты по иконометрии и композиции Амдо, XVIII в. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1971. 303 с.
- Иванов Д. В. Калмыцкие танка в буддийских коллекциях МАЭ (Кунсткамера) РАН // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая. Мат-лы Межд. науч. конф. (г. Элиста, 9–14 мая 2007 г.). Ч. III. Элиста, 2008. С. 40–47.
- Roerich G. Tibetan paintings. Paris: Paul Geuthner, 1925. 95 p., 12 frontis, 7 plates.
- Batchulun S. K ikonografii obraza Belogo Startsa — bozhestva mongolo-etnicheskogo areala [On the iconography of the White Old Man — a deity of ethnic Mongols]. *Zhivopis' kak znak kul'tury* [Pictorial art as a cultural marker]. Elista, Dzhangar Publ., 2004, pp. 184–193 (In Russ.).
- Batyreva S. G. *Starokalmytskoe iskusstvo XVIII — nachala XX vv. Opyt istoriko-kul'turnoy rekonstruktsii* [The 18th — early 20th cc. old Kalmyk art: an effort of historical and cultural reconstruction]. Moscow, Nauka Publ., 2005, 141 p. (In Russ.).
- Batyreva S. G. *Ikonografiya buddizma: iz opyta muzeynogo izucheniya* [Buddhist iconography: a case study of museum collections]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2008, No. 5, Art Studies, pp. 250–254 (In Russ.).
- Batyreva S. G. *Kalmytskiy ornament kak istoriko-kul'turnyy istochnik* [Kalmyk ornamental patterns as a source on the history and culture]. *Mongolovedenie* [Mongol Studies], No. 4, Elista, 2007, pp. 128–143 (In Russ.).
- Batyreva S. G. *Narodnoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo* [Decorative and applied arts]. *Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dnei. T. 3* [A history of Kalmykia from the earliest times to the present days. Vol. 3]. Elista, Gerel Publ., 2010, pp. 62–83 (In Russ.).
- Bernshteyn B. M. *Traditsiya i kanon. Dva paradoksa* [The tradition and canon. Two paradoxes]. *Sovetskoe iskusstvoznaniye* [Soviet Art Studies journal]-1980, iss. 2, Moscow, 1981, pp. 112–153 (In Russ.).
- Gerasimova K. M. *Pamyatniki esteticheskoy mysli Vostoka. Tibetskiy kanon proporsiy. Traktaty po ikonometrii i kompozitsii Amdo, XVIII v.* [Monuments of the aesthetic thought of the Orient. The Tibetan canon of proportions. Transactions on iconometry and composition of Amdo, 18th c.]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1971, 303 p. (In Russ.).
- Ivanov D. V. *Kalmytskie tanka v buddiyskikh kollektsiyakh MAE (Kunstkamera) RAN* [Kalmyk thangkas in Buddhist collections of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS (Kustkamera)]. *Oyraty i kalmyki v istorii Rossii, Mongolii i Kitaya. Mat-ly Mezhd. nauch. konf. (g. Elista, 9–14 maya 2007 g.). Ch. III* [Oirats and Kalmyks in the history of Russia, Mongolia and China. Proc. of the Internat. research confer. (Elista, 9–14 May 2007)]. Elista, 2008, pp. 40–47 (In Russ.).
- Roerich G. Tibetan paintings. Paris, Paul Geuthner Publ., 1925, 95 p., 12 frontis, 7 plates (In Eng.).

References

УДК 294.3+7.046.3+069:09 (045)

**ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ИКОНОПИСИ МУЗЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ
КалмНЦ РАН**Светлана Гарриевна Батырева ¹¹ доктор искусствоведения, заведующий, Музей традиционной культуры имени Зая-пандиты, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: sargerel@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена обзору буддийской живописи в музейном собрании КалмНЦ РАН. Объектом исследования является традиционное изобразительное искусство Калмыкии. Цель исследования — выявление и характеристика особенностей иконописи, характеризуемой введением орнаментальных мотивов в иконографию буддизма. Рассматривая образ в русле канона, автор выявляет локальные особенности в трактовке композиции, пропорций, колорита и атрибутики произведений буддийского искусства Калмыкии. Декоративизм живописного решения произведения, выражаемый в орнаментации элементов канонического сюжета, представляет этническое своеобразие культового искусства. Явление, характерное в большей степени для позднего периода его развития, нередко сопровождается отходом от условностей изобразительного канона буддизма.

Длительный художественный процесс освоения и накопления профессиональных знаний в сфере изобразительной традиции буддизма обусловлен двумя тенденциями: канонической и фольклорной, явственно ощутимыми в иконографии. Явление фольклоризации канона, наблюдаемое в активизирующемся взаимодействии различных традиций, оформляет процесс стилиобразования в искусстве буддизма под влиянием этнической культуры. Взаимодействие канона и традиции, фокусируемое в локальных особенностях художественного процесса, определяет подчеркнутый декоративизм изображения. Последнее проявляется во введении орнаментальных мотивов, в частности, в трактовке условного пейзажа каноничной живописи. В комплексном изучении указанных произведений, сочетающем в сфере музееведения методы искусствоведения, истории, этнокультурологии, дается характеристика локальной школы калмыцкой иконописи. Предметом исследования являются произведения буддийской живописи из коллекции Музея традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра, представляющие период рубежа XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: искусство, музей КалмНЦ РАН, буддийская коллекция, иконография, орнамент, традиция, культурное наследие, исследование.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 109–118, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-109-118
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 297.17 + 397.4

Materials for the Study of the Cult of Saints among the Kazakhs (Evidence from West Kazakhstan Region)

Elena. I. Larina ¹

¹ Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Associate Professor, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ei-larina@mail.ru.

Abstract

The article deals with the cult of Muslim saints in Western Kazakhstan. Religious minimalism has been inherent to western regions of the country which made the territory different from Southern Kazakhstan where Islam had occupied strong positions throughout the religious worldview and practices, where ancient mosques and mausoleums have become not only objects of pilgrimages but rather state-protected museums, their history being made part of the national ideology. Western Kazakhstan was the first region to have been included in Russia's sphere of influence with subsequent modernization and Europeanization of the community, secularization of all aspects of life in the Soviet period. Following the changes in religious life, the cult of saints and pilgrimages became a distinct feature of the Kazakh ethnocultural landscape. In the 1990s, the sacralization of space occurred, e. g., mass veneration of burial places of saints (*mazars*) and pilgrimages to their graves. There also appeared a number of advocates of such manifestations and organizers of corresponding religious practices. The article provides materials collected during the international expedition *Following the Route of P. S. Pallas* (2010 and 2011). En route, places and graves of revered saints were fixed, oral legends and practices associated with visiting and honoring these places (including related folk healing practices) were collected.

The 20th century cultural revolution and proximity to Russian territory resulted in the loss and dramatic minimization of religious practices and sacred places; so, the daily Islam has been mystified excessively. Contemporary Kazakhs tend to revere graves and attribute holiness to 'folk mullahs' of the Soviet period, i. e. those who had followed religious rules (observed fast days, learnt and read the Quran), engaged in healing practice, read prayers over the dead and recited the Quran's *ayats* at the request of villagers during different rituals. Nowadays, their immediate descendants are alive and some of them organize pilgrimages to graves of ancestors; still, others refute the opinions about sanctity of the latter and insist that emphasis should be laid on Muslim education. At the same time, rural dwellers retain and pass on oral stories not only about lives and abilities of those people but also about miracles shown in the times of atheism and opposition to governmental authorities, about spirit patrons — *aruaks*. Special attributes are being installed around such graves which results in a peculiar architecture. Thus, such *aul'ya* become patrons and saviors of certain *auls* (settlements), and currently almost each *aul* has its own spirit patron. Except for direct descendants, there are also other followers, those usually engage in folk healing and even shaman practices.

Keywords: cult of Saints, Islam, pilgrimage, folk mullahs, Kazakhstan.

Эта статья посвящена культу святых в Западно-Казахстанской области. Тема мусульманских святых стала классической в этнологической науке. Однако радикальные изменения в 1990-х гг., и, в частности, законы «О свободе вероисповедания» (25.10.1990 г. для РСФСР), «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» (15.01.1992 г. Республика Казахстан), «О свободе совести и религиозных объединениях» (26.09.1997 г. Российская Федерация) привнесли новые явления в религиозную жизнь: культ святых и связанное с ними паломничество стали яркой чертой этнокультурного ландшафта у народов, исповедующих ислам. Стихийно начавшаяся народная «канонизация» привела к созданию широкой сети мазаров и сакрализации пространства: буквально каждое селение приобрело своего покровителя. Вопросы, связанные с паломничеством к святыням Южного Казахстана, культ которых имеет региональные масштабы и даже вписан в современную идеологию казахского национализма, частично были описаны нами [Ларина 2011; 2012а; 2012б]. Возникновение же культа новых святых в локальном масштабе изучено нами во время работы в составе международной экспедиции «По маршруту Палласа» в Западно-Казахстанской области осенью 2010 и весной 2012 гг.¹

В научной литературе существует дискуссия о понятии «святой» в исламе [Абашин, Бобровников 2003; Терлецкий 2007]. Главными доводами оппонентов являются утверждения, что в исламе нет института легитимации святых; мусульманские святые никакими специальными решениями не утверждаются; нет процедуры определения святости того или иного человека, официальных дней и ритуала почитания и т. д. Тем не менее культ святых традиционно является одной из форм бытования ислама, сочетающего в себе различные религиозные представления. Исторический ход времени трансформировал представления о единобожии и *ауля* (*аулия* ‘коран. приближённый друг Аллаха’), выступающих посредниками

и заступниками между верующими и Всевышним. Формирование культа новых святых практически не отражено в современной литературе, ещё предстоит понять механизмы их формирования, ритуальную практику, собрать устные предания. В этой статье приведен материал из полевого дневника об антропогенных почитаемых местах, который, конечно, не является исчерпывающим для Западно-Казахстанской области, однако позволит составить первое представление о самих *ауля*, их почитании и формировании нового этнокультурного ландшафта.

Акжайыкский район, а. Аксуат (до 1994 г. с. Батурино) (2010 г.).

Музыканты в Доме культуры а. Алмалы Олбазар и Биржан, которые также работают учителями музыки и истории в школе и ведут кружок домбристов, рассказывали об *ауля* Бетлю-ата в Батуристине. У его могилы лечит знахарь Дарига. Олбазар и Биржан ночевали на этом мазаре: «Тоже есть поверье — ночевать; что приснится — деньги или домбра. Если домбра, то будешь музыкантом. У одарённых музыкантов сны предсказывают. Им приходит на белом коне, в белом плаще старик — Коркут-ата. Мы когда ездили на поезде там, где Коркут-ата похоронен, там ветер как будто музыка играет. Музей в виде кобыза сделан. *Аулие* — душа, как стекло, чистая. Ангелы ходят. Они рождаются святыми. Аллах ему дал все прекрасные способности, чтобы помогать людям. После его смерти люди ходят на его могилу, ночуют. Он как посол. Их болезнь [людей. — Е. Л.] ангелы забирают. Все грехи они смывают. У святого барана режут — ни собаки, ни *каргалар* (‘вороны’), ни лисы не трогают».

Учитель казахского языка Булат (1980 г. р., адай) и его жена Назгуль из Алмалы четырежды ездили к Дариге-апа *баксы* вместе с маленьким ребёнком: «*Кой-ауру*² (букв. ‘младенческое’) в два месяца лечили, на каждом пальчике на ручке, на ножке надрезы делала и *ишкурут* — дышала на надрезы. Даже если ребёнок не болеет, три раза надо съездить, чтобы защитить. А мы четыре раза ездили. Он слабый был».

¹ Эта экспедиция, приуроченная к 200-летию со дня смерти немецкого естествоиспытателя и путешественника Петра Симона Палласа (1741–1811), была организована Евразийским союзом учёных (директор проф. А. В. Голубев, г. Уралск) совместно с Санкт-Петербургским союзом учёных во главе с Л. Я. Боркиным [Боркин 2011; 2012].

² В народе так называют болезни младенцев до года, вызванные чаще всего тем, что ребёнок «сглазили». Симптомы «младенческого» позволяют классическим медицинским работникам говорить о гипертонусе: ребёнок часто плачет, зажимает верхний плечевой пояс, краснеет, плохо спит и ест.

Акжайыкский р-н, а. Сарман (2010 г.). Вместе с Темуром Кусаиновым из а. Жанама (Зауральное) ездили в а. Сарман в 10 км, чтобы взять интервью у аксакала. На обратной дороге посетили кладбище, одна из могил которого была отмечена шестом с белым флагом, как отмечают все святые могилы. Надпись на камне не читалась. Темур сказал, что в Жанаме не знают, чья это могила, кто это: «Может быть, этот человек читал Коран, совершал намаз, лечил. Вообще, склонны называть святыми тех, кто жил по нормам ислама».

Акжайыкский р-н, а. Тайпак (Калмыково) (2012 г.).

На зиёрате в а. Тайпак находится мазар *Арыстан-аулие* (ум. 1976 г., ружаныбек). Подробно об этом *аулье* мне рассказывали в а. Алмалы (Котельное). В 2010 г. мне удалось пообщаться с местной целительницей Кулян-баксы, которая получила от него благословение (*аян-беру*). Арыстан-аулие был муллою, читал намаз и держал уразу. Так же он был целителем: при помощи сур из Корана лечил самые разные болезни, «даже от сумасшествия». К Арыстан-аулие ещё при его жизни возили для лечения будущего мужа Кулян-баксы, когда ему было 9 месяцев. Кулян-баксы исцелилась после посещения могилы Арыстан-аулие: «Я болела сильно в 2001 г. Сказали, что это послеродовой психоз. Я заболела, не спала, заговаривалась. Меня туда привели, и я сразу уснула, я ничего не видела. Там есть *тунюк* ('ночёвка, место ночлега') — домик для ночёвки. И наутро я встала как нормальный человек, и повели меня домой. Эти обряды делала внучка Арыстана. Сказала, чтобы через 13 дней привели ещё раз. Через 13 дней он мне во сне пришёл, стоит хромым, третья пуговица на шубе болталась, рядом шла кобыла с жеребёнком. И он просит: скажи внучке, чтобы деньги между Кораном не клала — Коран грязнится. У кобылы *каскат*¹ была на лбу. Я не хотела к ней [внучке. — Е. Л.] ехать, потому что она меня психически больной считала. Она потом сказала, что я не больная, а у меня *аруак*²». С тех пор Кулян-баксы сама стала заниматься целительской практикой. На вопрос о том, кто передал ей дар, Кулян-баксы ответила: «Дар не передаётся, у каждого свой. У внучки Арыстан-ата — свой».

¹ Белая отметина на лбу у скота.

² Добрый дух усопших предков, пророков, святых, являющийся в разных обликах.

О посещении Арыстан-ата рассказывала свекровь (1926 г. р., ручеркеш) учительницы математики в школе Алмалы Розы Карабаевны Жумагазиевой: «Арыстан-ата — костоправ в Калмыковке. Он и *баксы*, и *саныкиши*. Сильный! Когда ребёнок болел, ездили к нему. Потом я тоже ездила в 35–36 лет. У меня голова кружилась сильно. Он тогда стариком был. Арыстан был без бороды, хромотал. Он щупал пульс, читал *дога*, написал *иширтка* — бумажку с арабскими буквами. Её в стакан с водой клали, текст смылся, воду пили. А что осталось, в землю закопали, где нога не ступала. Один раз ходила к Арыстан-ата, сразу помогло. Деньги он не брал. У Арыстан-ата есть *кумбез*³. Там ночью люди молятся; один день, три дня. У него внучка есть — Алтын-апа, в шестьдесят четвёртом году родилась. Алтын сюда перекочевала в 1976 г., отец её — агроном. Я услышала про неё в 1998 г.»

Роза Карабаевна Жумагазиева дополнила: «На *кумбез* белую материю *ак тык* привязывают, в неё нечётное число монет заворачивают, обычно 7 монет (в среднем по 5 тенге), иногда 21. Внучка над этим читает суры. У меня депрессия была, ничего делать не хотела. Я потом поехала на *кумбез*, привязала. Внучка дала баночку козьего жира отчитанного, я мазала себя на ночь. На месяц хватило. Она ещё мыло отчитала для мытья головы. У меня после интерес появился. У меня тогда ребёнку год был. Мы оставили на белой материи 200 тенге. Оставляют кто сколько может, она не говорит. Булат Хасин (1957 г. р.), фермер из Тайпака, построил мечеть имени Арыстан-ата. При мечети есть магазин, кафе. Имама привёз — ваххабит оказался. Он другого привёз. Сам мечеть построил, и люди помогали деньгами».

Каратобинский р-н, а. Егиндыколь (2010 г.).

В ауле Егиндыколь почитают могилу Сулейман-ата. Подробно о нём я в первый раз услышала от местной целительницы-травницы емши Инди-апа (о ней см. подробнее [Ларина 2012]). Миндибике Салимгиреева (1949 г. р., ружигерлен) получила имя Инди в честь красного и вкусного индийского чая, появившегося в ауле в продаже после визита в СССР в 1947 г. премьер-министра Индии Индиры Ганди. Лечить Инди-апа начала после тяжёлой болезни в

³ Мавзолей с куполом.

1986 г., обнаружения раковой опухоли. В её выздоровлении огромную роль сыграл Сулейман-ата. Инди-апа лежала в больнице в г. Орске Оренбургской области. Она приняла решение отказаться от операции и уйти из больницы. Осталось переночевать одну ночь с 28 на 29 августа. Инди-апа не спалось. Около 5 утра она «как будто в тумане увидела Сулейман-ата и по бокам — двоих мужчин. Они говорили, что надо сделать операцию. Сулейман-ата показал мне мою опухоль: шар на ладони держал. Я плачу, что не буду делать. А потом Сулейман-ата исчез, а стоят два доктора. Я говорю, что не буду делать операцию. Они спрашивают: «Ты сон видела?». Операцию сделала и выздоровела. Потом той сделала в благодарности, деньги в мечеть отнесла»¹.

Сулейман-ата стал *аруаком* Инди-апа. В дальнейшем он наставлял целительницу во сне (*аян-беру*²), рассказывал, какой человек к ней придёт и чем болеет (причём ни он, ни Инди-апа не знают названия болезней в медицине) и какими травами надо лечить. Он является на фоне сияющей луны, вырывает растения, и тогда Инди-апа знает, какое растение надо взять. Наяву просто идёт и срывает это растение. «В 1986 г. лежала в больнице в г. Орске и снился Сулейман-ата. Он сказал, что у Мусин Бекенбидуана — рак желудка. Я спросила: «Что мне делать?». Он ответил: «Надо подоить чёрную собаку (*ит акай*) и дать её молоко». «Укусит же меня», — сказала я. «Надо надеть намордник». А человек не должен знать, что я даю собачье молоко. Надо дать 1 *харам* и 1 *халаль*³ — молоко собаки и молоко коровы. Я не успела это сделать. Тот человек уехал в Москву в больницу и умер. А Рекс как раз ошенилась, собака Ерпая. Я-то ещё в больнице лежала. Не успела...».

¹ У казахов принято в честь исцеления, а также после важного успешно завершённого дела (например, при поступлении в институт, возвращении из армии, получении награды и пр.) устраивать *той*, который в разных областях также называется *садака*, *курмалдык*; зарезанный к *тою* баран — своего рода жертвенная благодарность. Во фразе «деньги отнесла в мечеть» «деньги» подразумевают именно пожертвованные *садака*.

² От араб. *аян* 'предостережение, внушение свыше во сне; обучение во сне от *аруака*'.

³ *Харам* 'запрещённое, недозволенное' и *халаль* 'разрешённое, дозволенное' — нормативные категории в исламе.

Не случайно Сулейман-ата стал *аруаком* Инди-апа. В Егиндыколе на кладбище (*зиарате*⁴) есть его могила, которая почитается как могила святого (*ауля*). Вообще-то кладбище образовалось вокруг его могилы позднее. У казахов было принято шаманов хоронить отдельно в указанном ими месте. Так и Сулейман-ата заранее пошёл на пустырь, забил колышек и наказал: «Завтра я умру, похороните меня там. Насыпьте только мел⁵. Так и вышло на следующий день». Когда позже умер его сын Ельяман-агай, он попросил похоронить себя позади могилы отца; перед могилой *баксы* или по бокам могил не делали. Так постепенно образовалось кладбище.

Понятно, что Инди-апа не могла быть знакома с Сулейман-ата. Но именно он явился во сне, «открыл дар» и стал наставлять. Инди-апа иногда приходит на его могилу. Она назвала Сулейман-ата *аркалы*. Так у казахов называют людей с особыми способностями вроде экстрасенсов. *Аркалы* чувствуют друг друга, обладают особой силой *кителе*. Существует своего рода иерархия: *аркалы* ('экстрасенс') — *емиш* / *саныкши* 'целитель, костоправ' — *баксы* 'шаман' — *аулие* 'святой' — *машаик* (букв. с араб. 'угодник Божий, благочестивый старец'; в переводе Инди-апа 'чистейший ангел'). Вот Инди-апа и Сулейман-ата чувствуют друг друга, они — *аркалы*, они же — и *емиш*⁶.

Сулейман-ата жил в 1872–1941 гг., по рассказам, он был сильным целителем (излечивал психически больных людей), *баксы*. Его отец Мухамбет Кали обладал даром, «всё знал по исламу, был очень верующим человеком — *тахуа*». В ауле до сих пор рассказывают о чудесах, которые мог творить Сулейман-ата. Он мог вызывать дождь на три дня, «управлял всеми джиннами и пери». «В 1937 г. были репрессии. Тогда всех мулл арестовали и отвезли в Уральск в центральную тюрьму. Он там

⁴ Обычно название паломничества к святым местам, кладбище, посещение кладбища.

⁵ В этих местах обилие известняка, поэтому на могилы насыпают небольшие кучи из меловых камней.

⁶ Обращает на себя внимание и имя *баксы* — Сулейман-ата. Коранический Сулейман (Сулайман) — благочестивый и мудрый древний царь, библейский Соломон. Он был мудр, знал тайное и скрытое, понимал язык животных и птиц. Он обладал магическими знаниями, которые получил от Аллаха.

сидел. У них не было *кумана*¹. Он сделал так, что у них в руках появился *куман*. Охранники сами выпускали его делать *дарет* (омовение перед намазом). Открывалась дверь, он делал *дарет* и заходил обратно молиться». Сулейман-ата, говоря современным языком, обладал способностью внушения и гипноза. Впоследствии его выпустили из тюрьмы.

В ауле жил некий Шанау. Он «всегда писал *домаллакарыз* ('анонимки'). Сулейман-ата знал, что это он. Сказал: «Я мог тебя превратить в осла и привязать у дома. Но я этого делать не буду, не хочу брать грех на душу. Но ты за всё ответишь потом». Сулейман-ата был физически очень сильным человеком: «В телегу не садился никогда». Обо всём этом мне рассказал внук Сулейман-ата Ельман Нагметов (1961 г. р., иссык).

Рассказывают также, что Сулейман-ата лично отвёз будущего поэта и учёного Кажима Жуналиева в интернат в Оренбурге на *ардуане* — телеге верблюжьей. «Его сначала не приняли. Хотел утопиться в Урале»². «У Сулейман-ата было очень много книг, Куран, другие. Безбожники топтали книги, поэтому он обмотал их войлоком и где-то зарыл».

К могиле Сулейман-ата приходят разные люди со своими нуждами и просьбами, ночуют, ставят масляный светильник, сделанный из палочек камыша (*чакына*), обёрнутых промасленной ватой. Рассказывают о предпринимателе Сангидулле, который «в советское время работал в Чигарлаке в комсомоле, поэтому у него дела не шли». А вот наладились дела после того как он поставил *кулпытас*³ на могиле Сулейман-ата.

Недалеко от Егиндыколя есть ещё одна почитаемая могила — Едиге-аулие, о кото-

¹ Рукомойник, кувшин.

² На сайте Западно-Казахстанской областной библиотеки им. Ж. Молдагалиева (www.zkolib.kz) в разделе «Литературное Приуралье» дана биография Кажима Жумалиева (1907–1968). Он родился в местности Жангиз-Агаш Каратобинского р-на. В 1923 г. учился в школе для взрослых в Оренбурге. А последние 20 лет жизни жил в Алма-Ате и руководил кафедрой казахской литературы в Казахском государственном педагогическом институте.

³ Намогильный памятник, обычно в виде стелы с высеченными на ней текстами или изображениями.

ром рассказал его внук, целитель Кайрахман Музафаров (1926 г. р., алаша). «В 1850 г. родился Едиге-аулие, умер 22 декабря 1926 г. Едиге-аулие (Шемирулы) имел три жены. От *байбише*⁴ был Музаффар, единственный [кто перенял дар. — Е. Л.]. Три сына — от первой жены, от второй — пять сыновей, от третьей — четыре сына. Работал в шахте в Усть-Каменогорске шесть с половиной лет, сослали туда. На шахте намаз держал, никогда не болел. В 1961 г. вышел. Ссылали как сына муллы. Сам научился арабскому. Семь языков знал. Восемь лет учился в медресе в Бухаре Шатакат. Он управлял джинами, пери. Он дома сидит, а те всё делали. В Аравии учился. Арабы его ждут — он там *жаназа* читал, намаз. Три раза был в хадже, людей водил из Узбекистана. Разбойники [большевики. — Е. Л.] ничего не могли сделать. Все книги вместе с ним захоронили, боялся, что будут осквернять. У Едиге-аулия был *асатаяк*, но не сохранился. Где земля кызыл-гуртского рода, туда он ездил⁵. Едиге-аулия одному мулле сказал, чтобы он делал *жаназу*. Тот сначала сказал — далеко, 500 км, потом поехал. Вот все люди встали на *жаназу* и видят — кто-то весь в белом, на белом коне, в пыли. Это был Едиге-аулия. «Кто будет читать *жаназу*? — спросил. Давайте спросим у умершего». Умерший головой закачал: «Нет, они не будут читать». Люди спросили: «Едиге будет читать?». Умерший три раза кивнул: «Да, Едиге будет читать». Едиге боятся. Даже безбожник ничего не скажет. Из 10 000 чел. только один такой выходит».

Могила Едиге находится в 35 км [от Егиндыколя. — Е. Л.], в урочище Едиге на р. Калдагайта. На могиле *кумбез*, там сундук, полный денег [ящик для *садака*. — Е. Л.] Двое пытались украсть сундук с деньгами. Встали как каменные. Двоюродный братишка Алиасов Аманжал собирает деньги, считает и сдаёт в мечеть в Кышыскуле, там *намаз-хона*, много людей ночует.

Я перенял дар, а у братишки нет дара. Во сне я видел деда до шахты, где-то в 13 лет. *Аян-беру* — во сне Едиге-аулие ска-

⁴ Старшая жена.

⁵ Кызылкурт, род байулы — располагались на территории, которая включала северную часть Гурьевского уезда (совр. Атырау) и южную часть Лбищенского уезда, т. е. юго-западные земли от озера Индер [Востров, Муканов 1968: 225].

зал, что буду лечить людей. Связано с *мушцелем*¹ — мужчиной стал. Лечу недержание мочи, ревматизм, душевнобольных могу излечить. Всю жизнь работал муллой. До мечети Джамбула здесь 25 лет работал муллой. Я лечу *дем-салу*², отваром из растений. *Иширтка* не делаю — это вредно, неправильно. Джинны и пери остаются без хозяина, бродят, ищут нового хозяина. Когда был мальчиком, был душевнобольным. До аяна. Тогда видел джинов. Они входили, выходили; до сих пор такой болезнью болею. Наизусть Коран читаю, глазами не могу. Любая сура помогает. Я вожу к Едиге-ауля тех, кто хочет ночевать. Там вода есть, всё есть».

Жанибекский район, а. Жанибек (2012 г.).

В Жанибеке и окрестностях почитают ауля *Атеш-ата* (Абдулла Ахад, рубериш). Атеш-ата умер 20 лет назад. В наши дни его считают *баксы* (шаманом). Рассказывают о его не только целительских способностях, но и способностях творить чудеса. Подробно об Атеш-ата мне рассказал Хасым Харисов (1935 г. р., руадай): «С двух лет он меня лечил. Мы жили по соседству. Всегда в гости к нам приходил. Он любую болезнь лечил, рак, паралич лечил. Он водкой и камфорным порошком лечил. Он семь лекарств делал. Люди говорят, у него *аруак* был верблюдов и *жылан-змея*».

Жену Мансурова Газиза в Саратове не вылечили, он — да [от паралича. — Е. Л.]. Сказал, что один орган не будет работать, а остальное вылечу. У неё только рука потом не разжималась. Потом 20 лет жила. Он в Астрахани, в Саратове лечил.

Он эпилепсию четырёхлетнему ребёнку вылечил. После первого раза ребёнка увез-

ли, потому что если бы ребёнок здесь остался, то болезнь перешла бы на Атеш-ата; надо было выждать 40 дней.

Когда 3–4 года было самому младшему сыну, он заболел, Аблакат. Атеш-ата большим пальцем повернул вокруг пупка, и всё. Он всегда чувствовал, кто придёт.

У него была лошадь. Залезли двое воровать, не могли ни выйти, ни войти. Так всю ночь и просидели. Он их силой духа держал.

Один раз он дал одному 25 рублей, чтобы тот лекарство сделал. А тот думает: «25 рублей — много, куплю бутылку водки». Атеш-ата узнал [узнал на расстоянии, почувствовал. — Е. Л.] и сказал: «Половину отдай!».

Секретарь райкома партии сказал ему: «Зачем у людей деньги берёшь? Лечишь?» — и прислал милицию. Атеш-ата передал привет секретарю, и тот перестал ходить «по маленькому». Мучился, а потом вспомнил и отправил свою мать к деду. Тот говорит: «Со мной не надо шутить». Секретарь больше никогда к нему не подходил. Потом секретарь стал ходить в туалет.

Он деньги не брал, говорил: «Я лечу, а они сами несут, кто сколько даст».

У Хасыма Харисова сохранился рецепт лекарства, написанный рукой Атеш-ата. Текст такой:

«1. *Виноградный портвейн 16, 17, 18, 19³. 0,5 л.*

2. *Жэуез — орыс-мамашкетный орех⁴. 20 шт.*

3. *Корица татаршадэршін пачкیده.*

4. *Ембирь — татаршажэнжэбіл пачкідэ.*

5. *Калампыр — гвоздика 1 пачкъ.*

6. *Лимон — 6 штук.*

7. *Песок жарты.*

8. *Бір пачкіутдічайы 50 гр. 1 пачкі.*

Настойку внутрь.

Растирание: Камфорный порошок 25 гр. Горчичник 10 пачкі.»

Могила Атеш-ата находится в 25 км от Жанибека, в Узынколе. 23 мая 2012 г. я посетила его могилу. Здесь меня ожидала этнографическая удача — случайная встреча с внучкой Атеш-ата Абдрахмановой Розой Бисеновной, проживающей в Алматы. Когда я уже собиралась уезжать, к кладбищу подъехала машина, из которой вышла группа людей. Они совершили обход вокруг могилы, помолились. Я дождалась, когда

³ Имеется в виду градус крепости портвейна.

⁴ Мускатный орех.

¹ Календарь кочевников Евразии и учёт возраста с 12-летним циклом, каждый год которого соответствует определённому животному. Считается, что после 12 лет мальчик становится мужчиной. С этого времени каждый 12-й год жизни человека может таить в себе опасность, неприятности, болезни, во избежание чего проводится обряд мушцель-жаз. По мнению А. Писарчик, слово мушцель происходит от тюркского слова мульдзар, что означает «условное время».

² От каз. *дем* «дыхание», *салу* «класть, положить»: 1) способ лечения, при котором после чтения сур и аятов из Корана лекарь дул в лицо больному; 2) чтение муллой или имамом аятов Корана над тяжело умирающим человеком с целью облегчить агонию («дать воздух»).

ритуал будет совершён, и решила с ними познакомиться. Так выяснилось, что Роза Бисеновна, внучка Атеш-ата, посетила могилу деда и матери, похороненной рядом с дедом, по дороге из Алматы в Жанибек, в который она ехала на юбилейную 25-ю встречу выпускников своего класса. Возможности разговаривать долго не было, но Роза Бисеновна сказала главное: «Атеш-ата — никакой не *баксы*. Он в медресе учился, он для нас *молда* (*мулла* — *Е. Л.*) был, не *баксы*. Это у узбеков называют *баксы*. Он читал Коран. Кто читает Коран, тот чистый человек, многое видит». Этот комментарий позволяет говорить о том, как почитаемый *ауля* наделяется в общественном мнении новыми сакральными чертами, усиливающими его влияние на потомков.

Имам мечети в Жаныбеке Куспанов Асыланбек Курмангалиевич знает об Атеш-ата, но в отношении к почитанию святых мест стоит на позициях классического ислама: «Отношение к ним? *Аулие* надо уважать, почитать, но молиться не надо. Аллах выше всех. Здесь был «Атажол», но народ понял, что Аллах только поможет. Как турист, по своей воле — пожалуйста. Посредников не должно быть с Аллахом. Когда ходим на *зиарат*, Коран надо почитать. Родители ничем не могут помочь, теперь им помогать надо [речь идёт о предках, в том смысле, что надо молиться за них. — *Е. Л.*]. Лекарши, целители есть, они заблуждают от религии».

Орда. Бокейординский р-н (2012 г.)

Недалеко от Орды находятся могилы святых, к которым приезжают казахи не только из этого района, но также из других районов и из приграничных районов России. Во время экспедиций к российским казахам мне рассказывали о паломничестве к этим *ауля* в Александровогайском районе Саратовской области (2008 г.), Николаевском и Палласовском районах Волгоградской области (2012 г.).

Речь идёт об *ауля* Сулейман Хазрате¹ и, по одной из версий, его брате Сагхе (ногай). Известно, что они были миссионерами и «жили до XVIII в. точно». Их могилы расположены в местности Карагул, в 7 км от Орды. Сначала паломники идут к Сагхе, у могилы которого просят о прощении грехов, испрашивают разрешения на дальнейший путь к Хазрату-*аулие*.

¹ *Хазрат* (араб.) — уважительное обращение к человеку или приставка к имени человека с высоким религиозным статусом.

Вместе с акимом Орды Мирамбеком Сарынғалиевичем Шабалиным я посетила *зиарат*. Мы проделали путь к обеим могилам с небольшими, вросшими в землю *кулпытасами*, мои спутники помолились, совершили обход, мы оставили *садака* на каждой могиле.

Учитель краеведения и спортивного ориентирования из Орды «к хазретам ходил два раза. В первый раз — дочка болела, врождённый вывих бедра. Делали операцию в Астане. Я перед этим ночевал там, *садака* делал. Второй раз с другом ездил. Он бизнесмен. Ему во сне приснилось, что надо сходить. Он ограду там сделал, *садака*». Директор школы Ерсайн Куспанович дополнил: «Сколько себя помню, столько ходят. Мы с дедушкой ходили. Мой отец — учитель русского языка. Он до 2001 г. у *хазрета* вагончик поставил, колодец сделал».

Жанакалинский р-н, а. Жанаказан (Новая Казанка) (2012 г.)

На кладбище а. Жанаказан находится могила *ауля* Наджметдин-ата (ум. 1984 г., рутулентут). Её видно издали по белым флагам на шестах. Наджметдин-ата почитают не только казахи, но и татары, которых много в Жанаказане. Галия Шарипова рассказывала: «К нему многие ходили, кто с ума сходил. И на могилу все ходят. Очень хороший человек был. С Уралья прямо «газелями» приезжают, едят, спят».

Наджметдин-ата хорошо помнит моя собеседница 1929 г. р. (румаскар): «Сердце у меня болело в 1964 г. Он рукой лечил и *тумар* (амулет) дал, *тумар* надо носить и не снимать. Я его 5–6 лет носила, потом в сундук положила, до сих пор хранится. Сейчас его [Наджметдин-ата. — *Е. Л.*] *аулие-ата* называют. А раньше — *молда* (*мулла* — *Е. Л.*). Я на его могилу по пятницам хожу. В прошлом месяце ходила. Когда хожу на *зиарат* к могилам родственников, то тоже к нему иду. Просто верили ему. Когда плохой сон вижу, то тоже к нему иду».

Врач из амбулатории Кульшат Есеновна Маделина рассказывала о своём отношении к традиционной медицине и *емши*: «Совсем всё исключать нельзя. Если неврологический стресс, я бы не возражала. Целитель — это тот же психолог. Туда ходят, чтобы успокоиться. Почему люди должны ходить на могилки? Есть связь. Бранный человек ничего не может сказать, а там поплачешь, поговоришь, когда на душе тяжело. Душевные раны не вылечишь».

Нурсулу-апай (1946 г. р., рубайбакты, тайпак-кудайназар) — председатель местного женсовета: «Наджметдин-ата — рутуленгут, умер в 1984 г. На этом кладбище у меня никого нет, а я хожу к Наджметдин-ата *садака* делать, молиться. Он лечил людей, у которых никакого сознания, которые не рожают — гинекология. Моя племянница ходила в 57 лет. Стала психической в 1976 г., а теперь у неё семья, сын. В 1974 или 1975 г. к нему приезжали из Петербурга и Евпатории. Наджметдин-ата работал в районе. У Наджметдин-ата *аруак* был. Он лечил 7 или 12 дней. Его отец сильно хорошо читал Коран, уразу держал. Его дочери Сауле и Роза живут в Уральске. Они привозят к могиле по пятницам, и 16 человек привозили. Они говорят от имени отца. Белый флаг 3–4 года назад появился».

Изложенные сведения показывают, насколько отличается формирование культа почитаемых святых в наше время. В период утверждения ислама в степи в XVIII–XIX вв. святыми становились подвижники ислама, те, кто распространял ислам, иной раз — ценой собственной жизни, причём поначалу их святость признавалась в мусульманской же среде — у мулл, имамов, ишанов (суфийских наставников), у тех, кто уже принял ислам. Также *ауля* объявляли себя при жизни шаманы-*баксы* в силу чудотворчества, присущего им [Басилов, Кармышева 1997].

Разрыв в религиозной традиции в период атеизации в СССР, а затем социально-политическая история конца XX в. радикально повлияли на все религиозные институты. В советский период ислам продолжал развиваться в двух плоскостях: один был признан официально и институализировался, например, в муфтиятах, медресе Бухары или Уфы, организованных государством хаджах и пр. Другой, повседневный, ислам бытовал в скрытом виде среди населения, «доместичировался», уйдя из общественной жизни и утратив богословскую традицию, но в полной мере сохраняясь и манифестируясь через ритуальные практики.

Народный ислам поддерживали главным образом народные муллы. Сохранялась прослойка людей, которых мы могли бы назвать праведниками: они твёрдо верили в Бога, соблюдали общечеловеческие правила нравственности и морали, проводили религиозные обряды (*суннет* ‘обрезание’, *азан* ‘имянаречение’, молитву ‘*жаназа*’ на

похоронах над умершими), многие в глазах общества признавались целителями. Немаловажно, что сами они подчёркивали: «Лечу не я, Аллах лечит», а лечение проводили, главным образом читая Коран, а также используя лекарственные растения. Они имели духов-помощников — *аруаков*, духов предков, иногда принимающих образ змеи или верблюда, часто являющихся в виде белых старцев. Этим праведникам «просто верили», доверяли их мнению, к ним обращались за помощью и в случае болезней, особенно при душевных заболеваниях, в них видели заступников перед Богом. Они оставили по себе у потомков добрую память, и после смерти их качества и достоинства лишь усиливались в глазах живущих, а место погребения довольно быстро приобретало сакральный характер и становилось объектом паломничества. Всё это происходило стихийно, но вскоре приводилось потомками в упорядоченное русло. Я полагаю сомнительной активную деятельность потомков в организации специальных групп для паломничества, поскольку неоднозначным остаётся вопрос распределения собранных пожертвований *садака*, или спекуляций с открытием дара к врачеванию у совершавших паломничество.

В наше время поклонение *ауля* вполне совместимо с рационализмом и динамикой современной жизни, дополняя потребности человека в духовном поиске основ жизни, уверенности и преодолении сомнений.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00442 «Судьба кочевых обществ в индустриальном и постиндустриальном мире».

Литература

- Абашин С. Н., Бобровников В. О. Соблазны культа святых (вместо предисловия) // Подвижники ислама: культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М.: Вост. лит., 2003. С. 5–7.
- Басилов В. Н., Кармышева Дж. Х. Ислам у казахов (до 1917 г.). М.: ИЭА РАН, 1997. 162 с.
- Боркин Л. Я. Памятные дни П. С. Палласа (1741–1811) в Палласовке: 8–12 сент. 2011 г. // Историко-биологические исследования. Т. 4. № 1. СПб., 2011. С. 118–124.
- Боркин Л. Я. Вторая российско-казахстанская комплексная экспедиция «По маршруту ака-

- демика П. С. Палласа», Западный Казахстан, 2012 // Историко-биологические исследования. Т. 4. № 4. СПб., 2012. С. 112–117.
- Востров В. В., Муканов М. С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX вв.). Алма-Ата: Наука, 1968. 253 с.
- Ларина Е. И. Религиозный фактор в формировании национального самосознания среднеазиатских народов // Прошлое и настоящее этнологических исследований. Сборник научных статей, посвящённых 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. С. 230–243.
- Ларина Е. И. Национальное самосознание и традиционные социальные институты в Центральной Азии // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2012. № 4. С. 66–90.
- Ларина Е. И. О новых понятиях в религиозной практике современных казахов: аккулар, сункар // Мир ислама. PAX ISLAMICA. Избранные доклады II Межд. конф. «Мир ислама: история, общество, культура». Москва, 28–30 октября 2010 г. 2012. № 1–2 (8–9). С. 125–134.
- Ларина Е. И. «Надо Жир Тенгри молиться — он травы даёт»: траволечение у казахов // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею д-ра ист. наук проф. Клавдии Ивановны Козловой. Сб. науч. ст. М., 2012. С. 213–221.
- Терлецкий Н. С. Места паломничества и поклонения и доисламские традиции в Центральной Азии // Центральная Азия. Традиция в условиях перемен. Вып. I. СПб.: Наука, 2007. С. 71–98.
- References**
- Abashin S. N., Bobrovnikov V. O. *Soblazny kul'ta svyatykh (vmesto predisloviya)* [Allurements of the cult of saints (in lieu of a preface)]. *Podvizhniki islama: kul't svyatykh i sufizm v Sredney Azii i na Kavkaze* [Enthusiasts of Islam: the cult of saints and Sufism in Central Asia and the Caucasus]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2003, pp. 5–7 (In Russ.).
- Basilov V. N., Karmysheva Dzh. Kh. *Islam u kazakhov (do 1917 g.)* [Islam among the Kazakhs (before 1917)]. Moscow, Publ. Dept. of Institute of Anthropology and Ethnography of the RAS, 1997, 162 p. (In Russ.).
- Borkin L. Ya. *Pamyatnye dni P. S. Pallas (1741–1811) v Pallasovke: 8–12 sent. 2011 g.* [P. S. Pallas (1741–1811): commemoration days in Pallasovka, 8–12 Sept. 2011]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya* [Studies in the History of Biology journal], vol. 4. No. 1, Saint Petersburg, 2011, pp. 118–124 (In Russ.).
- Borkin L. Ya. *Vtoraya rossiysko-kazakhstanskaya kompleksnaya ekspeditsiya «Po marshrutu akademika P. S. Pallas», zapadnyy Kazakhstan, 2012* [The 2nd Russia-Kazakhstan comprehensive expedition — Following the Route of P. S. Pallas, Western Kazakhstan, 2012]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya* [Studies in the History of Biology journal], vol. 4, No. 4, Saint Petersburg, 2012, pp. 112–117 (In Russ.).
- Vostrov V. V., Mukanov M. S. *Rodoplemennoy sostav i rasselenie kazakhov (konets XIX — nachalo XX vv.)* [The clan-tribal structure and geographical dispersal of the Kazakhs (the late 19th — early 20th cc.)]. Almaty, Nauka Publ., 1968, 253 p. (In Russ.).
- Larina E. I. *Religioznyy faktor v formirovanii natsional'nogo samosoznaniya sredneaziatskikh narodov* [The religious factor in the formation of national identity of Central Asian peoples]. *Proshloe i nastoyashchee etnologicheskikh issledovaniy. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchennykh 300-letiyu so dnya rozhdeniya M. V. Lomonosova* [Past and present ethnological researches. A collection of scientific articles dedicated to the 300th anniversary of the birth of M. V. Lomonosov]. Moscow, Moscow State Univ. Press, 2011, pp. 230–243 (In Russ.).
- Larina E. I. *Natsional'noe samosoznanie i traditsionnye sotsial'nye instituty v Tsentral'noy Azii* [National identity and traditional social institutions in Central Asia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Herald of Moscow University], ser. 8, History, 2012, No. 4, pp. 66–90 (In Russ.).
- Larina E. I. *O novykh ponyatiyakh v religioznoy praktike sovremennykh kazakhov: akkular, sunkar* [About new concepts in the religious practices of modern Kazakhs: acular, Sunkar]. *Mir islama. PAX ISLAMICA. Izbrannye doklady II Mezhd. konf. «Mir islama: istoriya, obshchestvo, kul'tura».* Moskva, 28–30 oktyabrya 2010 g. [The World of Islam. PAX ISLAMICA. Selected papers of the 2nd International conference — World of Islam: History, Society, Culture. Moscow, 28–30 October 2010]. 2012, No. 1–2 (8–9), pp. 125–134 (In Russ.).
- Larina E. I. *«Nado Zhir Tengri molit'sya — on travy daet»: travolechenie u kazakhov* [“We need to pray to Zhir Tengri who gives the grass”: herbal

medicine of the Kazakhs]. *Etnokul'turnye protsessy v proshlom i nastoyashchem. K yubileyu dokt. istor. nauk prof. Klavdii Ivanovny Kozlovoy. Sb. nauch. st.* [Ethnocultural processes in the past and present. Celebrating the anniversary of Sc. D., Professor Claudia I. Kozlova]. Moscow, 2012, pp. 213–221 (In Russ.).

Terletskiy N. S. *Mesta palomnichestva i pokloneniya i doislamskie traditsii v Tsentral'noy Azii* [Places of pilgrimage and venerations in the context of pre-Islamic traditions of Central Asia]. *Tsentral'naya Aziya. Traditsiya v usloviyakh peremen* [Central Asia. Traditions in the changing world], iss. I, Saint Petersburg, Nauka Publ., 2007, pp. 71–98 (In Russ.).

УДК 297.17 + 397.4

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТА СВЯТЫХ У КАЗАХОВ (на примере Западно-Казахстанской области)

Елена Игоревна Ларина¹

¹ кандидат исторических наук, доцент, кафедра этнологии, исторический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация). E-mail: e-larina@mail.ru.

Аннотация. В статье рассказывается об особенностях ислама у казахов Западного Казахстана в постсоветское время, в частности о культе святых (*ауля*). Собраны сведения о почитаемых могилах, показаны пути и механизмы формирования культа святых, сакрализации пространства, современные особенности этого процесса, ритуальная практика почитания и паломничества. Материалы статьи основаны на полевых материалах автора. Железные тиски атеизации в советский период повлияли на представления современных казахов о святости. В наши дни освещаются жизнь и дела так называемых народных мулл, людей, кто в советский период был верен мусульманской религии, совершал необходимые обряды вопреки запретам. Довольно часто они занимались целительской практикой. В наше время рассказы об их жизни дополняются историями о чудесах, связанных с этими людьми. К их могилам постепенно начинается паломничество, основанное на вере в святость умершего, благодать, исходящую от его могилы, и исцеляющие свойства его могилы. Подобные могилы появляются в каждом ауле, что позволяет говорить о сакрализации пространства и создании патронов, защищающих селения.

Ключевые слова: культ святых, ислам, паломничество, народные муллы, Казахстан.

Copyright © 2016 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 119–126, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-119-126
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 316.74

The Ethno-Confessional Factor in the Spiritual Revival of Tuva: a Social and Philosophical Analysis

Olga M. Khomushku ¹, Maria S. Kukhta ²

¹ Ph.D. in Philosophy (Doct. of Philosophical Sc.), Principal, Tuvan State University (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: hom17@mail.ru.

² Ph.D. in Philosophy (Doct. of Philosophical Sc.), Professor, Tomsk Polytechnic University; Professor, Tuvan State University (Kyzyl, Russian Federation). E-mail: hom17@mail.ru.

Abstract

The article describes ethno-confessional processes in present-day Tuva and the spiritual revival that began in the 1990s. The paper discusses and examines the formation of a new cultural and moral system and the youth's actual value paradigms. The authors emphasize the importance of preservation of the spiritual heritage of the past, including ethnic and religious forms of Tuvan traditional culture. The article also examines the relationships between religion and ethnicity, the peculiarity of Tuva as a multiconfessional region with quite a variety of religions. On the basis of the authors' research, the current state of religiosity is described, including the phenomenon of religious syncretism.

Thus, the current polyconfessional picture of religious life in the Republic of Tuva also determines prospects of further processes that take place as part of the situation. Polyconfessionality is quite a positive phenomenon which testifies of freedom of spiritual choice. The characteristic feature of modern Tuva's religious life is that amid a significant growth in the numbers of believers and adherents of the historic ethnoconfessional communities, there are a number of confessions that had been unknown before. And those undoubtedly influence the spiritual, cultural, social and ethnopolitical processes in the region. Modern society must be competent enough to communicate with the diverse confessions, which requires that such phenomena be subject to comprehensive studies.

Keywords: spirituality, traditional culture, tradition, religious syncretism, ethnic and religious relations, religiosity.

Процессы духовного возрождения, начавшиеся в 90-е гг. прошлого века в регионах России, тесно связаны с изменениями, происходившими в культуре каждого конкретного этноса, и имеют свои этносоциальные и этноконфессиональные особенности. Следует иметь в виду, что духовная составляющая по сути своей является определенной программой поведения человека, зафиксированной в системе культурных ценностей, поэтому ее разрушение и утрата ведут к кризису и деградации, причем в народном сознании распадается целостное восприятие прошлого, настоящего и будущего. Именно такая ситуация имела в свое время место в постперестроечной России в целом, и в Туве в частности. Этому процессу может противостоять только процесс воссоздания традиционных ценностей духовной культуры [Хомушку 2004а: 29].

Если говорить о современной картине состояния и развития духовной культуры в Туве, то можно отметить, что трансформационные процессы не только затронули политическую и социально-экономические сферы, но и непосредственно повлияли на состояние духовности и внутренний мир каждого индивида. С одной стороны, можно говорить о возрождении традиционных форм духовности, в том числе и этноконфессиональных, с другой стороны, крах выработанной марксистско-ленинской идеологией системы ценностей в 1990-е гг. привел к серьезным противоречиям в сознании людей — утрате чувства уверенности в будущем, правильности выбранного курса развития общества, потере существующей системы ценностных ориентиров и т. д.

Следует иметь в виду и то, что в истории Тувы был не менее трагичный период, когда также происходила ломка существующих духовных традиций. Не менее пагубное влияние на развитие духовной культуры в Туве было оказано в период, когда после Народной революции в 1921 г. произошло разрушение старых ценностей и традиций, кристаллизация которых происходила на протяжении длительного этапа истории. Массово закрывались существовавшие буддийские храмы, подвергались репрессиям служители культа.

Разрушение системы традиций в целом привело к такой ситуации, когда человек не только не знает, что ему нужно и что он может делать, но и что он хочет, к чему стремится. К чувству неполноценности было до-

бавлено ощущение утраты смысла жизни и духовной опустошенности. Причем следует иметь в виду, что в условиях духовного кризиса это чувство может охватить не только социально незащищенные, его испытывают и вполне обеспеченные люди, внешне благополучные и счастливые семьи [Хомушку 2004а: 30].

Традиционная тувинская семья всегда ориентировалась на сохранение и воспроизводство таких духовных ценностей, как преемственность поколений (передача навыков поведения, морально-нравственных норм, хозяйственных навыков от отца к сыну, от матери к дочери), уважительное отношение к труду и т. д. [Хомушку, Дубровский 2012: 199]. Именно поэтому наибольшее внимание в тувинских семьях всегда уделялось детям. Многодетные женщины, воспитавшие достойных членов рода, пользовались почетом и большим уважением. Такая система воспитания предполагала органичное включение ребенка в круговорот мира как еще одного необходимого звена [Доржу 2011: 35]. Тем не менее в настоящее время семья не всегда является главным фактором приобщения индивида к традиционным ценностным ориентациям. Корни этого явления уходят в тот период времени, когда происходила ломка старых понятий и представлений, вследствие чего утратилась генетическая связь поколений, поскольку родители современной молодежи сами не получали информацию о семейных религиозно-этических нормах и традициях, входящих в религиозную систему ценностей [Хомушку 2004а: 31].

Каким образом человек осуществляет свой выбор, на что ориентируется в процессе своей социализации, как происходит процесс осознания своего места в жизни, пути своего включения в окружающий мир, общество — все это зависит от многих факторов. И немаловажное значение здесь имеет преодоление противоречий между сохранившимися и возрождающимися духовными традициями и новыми, навязываемыми современным миром ценностями, в том числе потребительского плана.

Центральным объектом в данных процессах выступает молодежь: именно от того, к какой системе ценностей будет она тяготеть, зависит и будущее общества. В настоящее время в современном обществе активно идет процесс формирования новой культурно-нравственной системы ценност-

ных ориентаций молодежи. На этот процесс оказывают влияние различные факторы, в том числе и неопределенность социального будущего, неуверенность в завтрашнем дне, когда общество не может дать социальных гарантий выпускникам вузов ни в получении хорошей работы, ни в финансовом обеспечении. Возможно, это является свидетельством того, что утерян сам социально-психологический механизм приобретения ценностей, поскольку существовавший ранее вариант, исключавший возможность какого-либо индивидуального выбора, в настоящий момент исчерпал себя.

Методологическим основанием в такой ситуации может выступать обращение к духовному наследию прошлого, включающему мировоззренческие ориентации, традиционно-обрядовую сферу, религию. Другими словами, современное развитие невозможно без усвоения унаследованных от предыдущих поколений духовных ценностей. Этим и объясняется значение преемственности в культурно-историческом процессе. Применительно к культуре преемственность означает сохранение обществом комплекса ценностей, норм, традиций, памятников, обрядов, навыков, входивших в существовавшую прежде культуру. Именно поэтому разрыв одного из звеньев этого комплекса позволяет говорить если не об утрате преемственности поколений в целом, то о тенденциях к этому. Видимо, все вышесказанное будет справедливым и по отношению к Туве. Этот процесс начался уже в 30-е гг. XX в., когда преемственность утрачивалась, с одной стороны, в результате насильственных действий административных органов, а с другой стороны, вследствие вполне искреннего желания молодого поколения под влиянием революционных лозунгов (молодежь всегда представляла собой наиболее поддающуюся экстремистским лозунгам часть населения в силу своей возрастной мобильности) порвать с «пережитками прошлого», хотя по сути дела это означало отказ от своего культурного наследия [Хомушку 2004а: 31].

Современное тувинское общество проявляет все больший интерес к сохранению и возрождению традиционных духовных ценностей, в том числе этноконфессионального характера. Именно по этой причине анализ роли этноконфессиональных факторов в социально-культурном развитии конкретных регионов настолько актуален.

Стоит отметить, что в традиционной культуре тувинцев всегда было достаточно велико влияние религиозных верований и культов. Процесс формирования традиционной этноконфессиональной культуры тувинцев и закрепления ею нормативно-ценностных сакральных регулятивов можно отнести к III в. до н. э. — времени образования хуннского государства, поскольку именно в это время территория современной Тувы была включена в состав данного военно-племенного союза.

Постепенно в Туве складывается система этноконфессионального синкретизма, когда все религиозные системы — как автохтонные (шаманизм, тенгрианство), так и пришедшие на данную территорию позже (буддизм) — при сохранении своей внутренней целостности формируются в единый комплекс религиозных взглядов, традиций, культов и институтов. Существовая самостоятельно, но при этом являясь единой социокультурной системой, эти религиозные элементы, включавшие в себя и обрядово-традиционные элементы, представляли собой результат определенной сферы жизнедеятельности людей, выражение их внутренних потребностей и устремлений, а также способ закрепления и передачи этнокультурной информации последующим поколениям.

Главным методологическим ориентиром при изучении этноконфессиональных вопросов является анализ соотношения религии и культуры, поскольку в настоящее время многие конфессии носят этнически выраженный характер — результат длительного взаимодействия конфессиональной специфики с этнической спецификой народов, с которыми они оказались исторически взаимосвязанными [Хомушку 2013: 86].

Острота существующих проблем делает актуальной задачу сохранения генофонда нации и разработки системы мер по обеспечению ее духовного возрождения. Современная молодежь испытывает потребность в определенных нравственных ориентирах. Являясь неотъемлемой частью духовной культуры, религия зачастую выступает хранительницей нравственных норм. Духовная культура Тувы обладает значительным потенциалом и может служить фундаментом для обновления жизни народов Тувы, что касается самой традиционной системы хозяйства, традиционных промыслов, всего уклада жизни.

Современный человек опирается на религию в основном при решении каких-либо своих внутренних вопросов, отбирая из религии то, что наиболее соответствует его жизненному опыту, уровню знаний, душевному складу. Так, например, для тувинцев пожилого возраста характерно обращение к морально-нравственным нормам буддизма, тогда как более молодые люди видят в нем прежде всего этнические черты. Для части верующих религия может быть определенной системой взглядов и действий, которые были восприняты еще в детстве и превратились в привычную форму отношения к действительности. Религиозные же идеи не являются в этом случае результатом самостоятельного осмысления действительности и сохраняются постольку, поскольку не вступают в противоречие с повседневной деятельностью верующего.

Исследования показывают, что в последнее время у значительной части населения Тувы, особенно у молодежи, наблюдается интерес к религии, причем не к религии вообще (хотя это тоже имеет место), но именно к тем конфессиональным направлениям, которые традиционно существуют на данной территории (дошаманские культы, шаманизм, буддизм). Происходит некое духовное возрождение, охватывающее сразу несколько уровней: восстановление теоретических знаний (издание буддийской литературы, чтение лекций по основам буддизма, создание шаманских школ); формирование института священнослужителей из числа местного населения; восстановление обрядово-культовой сферы и т. д. Стоит отметить, что, если первый и второй уровни еще не обрели своей законченности, то восстановление обрядово-культовой сферы в Туве происходит достаточно интенсивно.

Возрождение шаманизма в конце XX в. на территории Сибири имело свои особенности. Так, в настоящее время присутствует тенденция к развитию шаманизма как определенной философско-религиозной системы, а не только обрядовой практики. Одной из причин подобного явления можно считать то, что в настоящее время «избранными» довольно часто становятся люди, имеющие высшее образование, что не может не наложить определенный отпечаток на интерпретацию шаманом своего камлания, способ работы шамана с сакральной реальностью. Отмечается тенденция «сращения шаманизма и шаманологии» [Жу-

ковская 1999: 162], когда ученые-шамановеды сами начинают заниматься шаманской практикой, а практикующие шаманы выступают с сообщениями на научных мероприятиях, пишут статьи [Хомушку 2006: 9].

Кроме того, имеет место стремление шаманизма найти свою нишу в современной духовной культуре, найти общие моменты с мировыми религиозными системами при сохранении своей самобытности. Так, сфера деятельности современных тувинских шаманов включает в себя гадание, камлание, лечение клиентов. Сами шаманы (в отличие от нешаманов российских городов) имеют полную атрибутику — одежду, головной убор, бубен, а обряды совершаются чаще всего не в помещении, а в открытом пространстве — у священного источника, на перевале и т. д.

Специфической же особенностью современного шамана остается то, что в отличие от представителей других сакральных структур шаман не просто совершает какое-либо обрядовое действие, но сам принимает участие в данном процессе, переживая и проходя все стадии своего общения с иными мирами и духами. Неслучайно, что именно на традиционный шаманизм тувинцев и других народов Сибири, Севера, Саяно-Алтая обращают внимание многие современные ученые, которые в ходе различных интерактивных исследований стремятся проанализировать данное явление не только с позиции религиоведения, но и с точки зрения медицины, психологии, физики и других наук [Хомушку 2006: 9].

Тува исторически складывалась как поликонфессиональный регион, в котором представлено множество конфессий — автохтонные религиозные верования, пришедший сюда буддизм, позднее — православие. В последнее время активность проявляют и те конфессии, которые ранее не имели распространения в регионе (протестантские направления, НРД и др.).

Вопросы, связанные с влиянием протестантских миссионеров (как российских, так и иностранных), достаточно многоаспектны. Контингент верующих здесь пополняется не только за счет представителей русскоязычного населения, но и тувинского. Причины этого заключаются в следующем: во-первых, до 1980-х гг. традиционные верования тувинцев (буддизм, шаманизм) были фактически под запретом, и если шаманизм не требует специальных культовых

сооружений, то разрушение буддийских хурээ, дацанов, безусловно, негативно отразилось на сохранении и возможности воспроизводства буддийских традиций, системе образования. Во-вторых, немаловажное значение приобретает финансовая проблема, поскольку многие протестантские общины могут финансироваться зарубежными религиозными организациями (оказание гуманитарной помощи, рождественские подарки, финансирование обучения своих последователей и т. д.). В качестве третьей причины можно указать отсутствие до недавнего времени единого координационного центра по вопросам общего характера как в межконфессиональном плане, так и среди буддийских организаций в частности. Тем не менее можно отметить первые шаги в этом направлении: так, в Туве представителями Русской православной церкви, Дхарма центра и министерства здравоохранения Тувы принято соглашение о возможности приглашения в лечебно-профилактические и больничные учреждения служителей культа (по просьбам больных).

Тенденции к христианизации тувинцев, причем не связанной с деятельностью Русской православной церкви, становятся в последнее время объектом более пристального внимания со стороны многих исследователей [Мышлявцев, Юша: 96–104].

Следует отметить, что изначально политика РПЦ в Туве в корне отличалась от политики, проводившейся ею, например, в Якутии, Хакасии и Алтае. С 20-х гг. прошлого столетия возраставшее русское влияние в Туве сопровождалось мощной антирелигиозной кампанией, направленной как против буддизма, так и христианства. Изначальная позиция РПЦ в отношении Тувы — «православие для русских» — сохранилась в общих чертах и до настоящего времени. Отказ от миссионерской деятельности позволил РПЦ установить с буддийской общиной Тувы отношения доброжелательного нейтралитета, сохраняющиеся и поныне.

Процесс христианизации тувинского населения связан с деятельностью протестантских миссионеров, представляющих различные направления христианства — евангельских христиан-баптистов, пятидесятников и др. В 1990-х гг. в Туве получили распространение южнокорейская церковь христиан веры евангельской «Сун Бок Ым», церковь «Прославление» (относящаяся к пятидесятническому направлению).

По мнению этнографов, эти протестантские общины привлекают внимание своей основательностью организации деятельности на местах и направленностью преимущественно на тувинскую часть населения. Филиалы этих общин есть практически во всех районах республики. В целом общая численность членов протестантских общин не так уж и велика по сравнению с традиционными конфессиями, имеющими распространение в Туве (шаманизм, буддизм), но в отличие от буддистов тувинские протестанты являются «активными верующими», регулярно посещающими церковные службы, библейские школы и ведущими миссионерскую деятельность.

В целом восприятие деятельности баптистских и пятидесятнических общин, несмотря на недружелюбные порой установки их проповедников в отношении буддийских и шаманских обрядовых практик, в Туве носит достаточно толерантный характер. Впрочем, это вполне соответствует принципам буддийской морали. Следует отметить, что религиозная жизнь регионов буддийской ориентации формирует достаточно толерантные традиции межэтнического и межконфессионального развития.

Для исследователей представляет несомненный интерес вопрос о причинах успешного распространения протестантских направлений, ранее не имевших распространения в Туве (тем более, что аналогичная картина просматривается и на всей территории Саяно-Алтая). В качестве одной из причин можно назвать более активные, чем у буддистов и православных, формы внешнего воздействия на потенциальную паству, которые носят более гибкий и доступный характер (финансовая поддержка со стороны зарубежных организаций, простота и доступность излагаемых проповедей, широкое обучение последователей в библейских школах очной и заочной формы, активное миссионерское начало). Не последнее место занимает и некоторое психологическое сходство культовых действий глоссолалий (говорения на ином языке) пятидесятников и шаманского камлания (впадение в экстаз).

По словам части опрошенных верующих, в протестантских общинах они находят то, что не могут найти в буддийской общине, — чувство сплоченности, помощь и внимание со стороны авторитетного лидера, неукоснительное соблюдение всеми общих религиозных норм, твердую веру в

Бога, поддерживаемую регулярным участием в религиозной жизни. С другой стороны, в отличие от тех же буддистов тувинские протестанты более жестко отзываются об иных конфессиях, проявляя меньшую толерантность к проповедуемым ими духовным ценностям и обрядовой практике, называя их «бесовскими, дьявольскими».

В ряде протестантских общин религиозная литература издается на тувинском языке, на нем же проводятся богослужения. Укреплению общин способствует и отработанная система подготовки проповедников из числа местных жителей. Широко применяется и такая общеизвестная форма эмоционального воздействия, как совместное пение религиозных гимнов, сочиненных тувинскими авторами-верующими.

Изучение современного состояния религиозности, степень сохранения у верующих традиционных религиозных образов показывает, что идея сверхъестественного, священного, божественного начала в мировоззрении тувинцев носит скорее расплывчатый характер. Однако монистические тенденции в постижении единства и целостности бытия, выработанные еще в глубокой древности, сохраняются до сих пор.

Явление синкретизма в настоящее время проявляется прежде всего в том, что значительная часть верующих достаточно слабо знает вероучение своей религии и обращается к ней для того, чтобы отвратить несчастья, получить исцеление от болезней и т. д. Иначе говоря, мир сверхъестественного воспринимается вне какой-либо конфессии и имеет множество проявлений, при этом взаимодействие человека со сверхъестественным опосредуют также множественные институты. Подобная позиция дает возможность в разных ситуациях обращаться к разным религиозным институтам и искать тот из них, который является наиболее эффективным на данный момент. Так, у тувинцев при определении дня похорон обращаются к ламе, а для совершения обряда «разговор с умершим» на 7-й и 49-й дни после смерти приглашают шамана.

Неслучайно, по мнению исследователей, с наступлением идеологического «потепления» во время перестройки для буддизма в России начался совершенно новый период развития, что выразилось прежде всего в востребованности буддизма со стороны этносов, никогда ранее его не испова-

буддийского вероучения является образ Ади-будды как изначально сущего отца всех Будд. Ади-будда — это не Бог-творец и не всеобщая субстанция, это изначальная чистота, присущая каждому живому существу. Подобная концепция позволяет говорить о наличии в буддизме определенного рода теизма, хотя и отличного от христианства [Нестеркин 2002: 189].

Итак, современная поликонфессиональная картина религиозной жизни в Республике Тыва определяет и перспективы дальнейших процессов, проходящих в рамках данной ситуации. Наличие поликонфессиональности — это достаточно позитивное явление, свидетельствующее о свободе духовного выбора [Хомушку 2004а: 31]. Характерной особенностью современной религиозной ситуации в Туве является то, что на фоне значительного увеличения численности среди прихожан и приверженцев исторически сложившихся этноконфессиональных общин появились новые конфессии, не имевшие ранее распространения в республике. Без сомнения, новые конфессии оказывают влияние на духовно-культурные, социальные и этнополитические процессы в республике. Современное общество должно быть способным вести диалог с разными конфессиями, должно всесторонне изучать эти новые явления [Хомушку 2004а: 31].

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-21-03002.

Литература

- Доржу З. Ю. Тувинская семья: тенденции ее жизнедеятельности // Омский научный вестник. № 1(95). 2011. С. 35–38.
- Жуковская Н. Л. Бурятский шаманизм сегодня: возрождение и эволюция // Шаманизм и иные традиционные верования и практики: Мат-лы Межд. конгресса. М., 1999. С. 162–175.
- Мышлявцев Б. А., Юша Ж. М. Протестантизм и его влияние на этнические процессы в современной Туве // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Новосибирск, 2002. С. 96–104.
- Нестеркин С. П. Буддизм в российской культурной среде. К проблеме соотношения ментальностей // Сибирь на перекрестке мировых религий. Новосибирск, 2002. С. 188–191.

- Хомушку О. М. Социокультурные проблемы состояния духовности в Республике Тыва // Научно-информационный сборник «Круг знаний». 2004а. № 4. С. 28–31.
- Хомушку О. М. Религии Тувы // Религия и право. 2004б. № 4. С. 10–14.
- Хомушку О. М. Межконфессиональные отношения в Республике Тыва: проблемы и перспективы // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сб. докладов и мат-лов межрегион. науч.-практ. семинаров и конференций 2002–2004 гг. М., 2004в. С. 303–313.
- Хомушку О. М. Шаманизм как основа традиционного мировоззрения народов Сибири в современном мире // Религия и право. № 1–2. 2006. С. 9–11.
- Хомушку О. М., Дубровский Н. Г. Религиозная ситуация и проблемы организации процесса физического и духовно-нравственного воспитания молодежи // Сибирский педагогический журнал. № 1. 2012. С. 198–200.
- Хомушку О. М. Духовно-космологические и этноэкологические представления тувинцев в контексте лечения на аржаанах // Опыт и перспективы использования в целях профилактики заболеваний лечения и реабилитации больных. Мат-лы I Межд. науч.-практ. конф. (17–20 июня 2013 г.). С. 86–87.
- On the problem of the relation of mentalities]. *Sibir' na perekrestke mirovykh religiy* [Siberia at the crossroads of the world religions]. Novosibirsk, 2002, pp. 188–191 (In Russ.).
- Khomushku O. M. *Sotsiokul'turnye problemy sostoyaniya dukhovnosti v Respublike Tyva* [Social and cultural issues of spirituality in the Republic of Tyva]. *Nauchno-informatsionnyy sbornik "Krug znaniy"* [Scientific Information Collection "Circle of Knowledge"], 2004a, No. 4, pp. 28–31 (In Russ.).
- Khomushku O. M. *Religii Tuvy* [Religions of Tuva]. *Religiya i pravo* [Religion and Law journal], 2004b, No. 4, pp. 10–14 (In Russ.).
- Khomushku O. M. *Mezhkonfessional'nye otnosheniya v Respublike Tyva: problemy i perspektivy* [Interfaith relations in the Republic of Tuva: problems and prospects]. *Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskiy i sovremennyy aspekt. Sb. dokladov i mat-lov mezhhregion. nauch.-prakt. seminarov i konferentsiy 2002–2004 gg.* [Freedom of Conscience in Russia: Historical and Contemporary Aspects. A collection of reports and materials of interregional research and practice seminars and conferences, 2002–2004]. Moscow, 2004c, pp. 303–313 (In Russ.).
- Khomushku O. M. *Shamanizm kak osnova traditsionnogo mirovozzreniya narodov Sibiri v sovremennom mire* [Shamanism as a basis of the traditional worldview of peoples of Siberia in the modern world]. *Religiya i pravo* [Religion and Law journal], 2006, No. 1–2, pp. 9–11 (In Russ.).
- Khomushku O. M., Dubrovskiy N. G. *Religioznaya situatsiya i problemy organizatsii protsessa fizicheskogo i dukhovno-nravstvennogo vospitaniya molodezhi* [The religious situation and problems of physical, spiritual and moral education of young people]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 2012, No. 1, pp. 198–200 (In Russ.).
- Khomushku O. M. *Dukhovno-kosmologicheskie i etnoekologicheskie predstavleniya tuvintsev v kontekste lecheniya na arzhaanakh* [The spiritual, cosmological and ethno-ecological beliefs of Tuvinsians in the context of arzhaan treatment]. *Opyt i perspektivy ispol'zovaniya v tselyakh profilaktiki zabolevaniy lecheniya i reabilitatsii bol'nykh. Mat-ly I Mezhd. nauch.-praktich. konf. (17–20 iyunya 2013 g.)* [Experience and Prospects for Prevention Treatment and Rehabilitation of Patients. Proc. of the 1st Internat. research and practice conf., 17–20 June 2013], pp. 86–87 (In Russ.).

References

- Dorzhu Z. Yu. *Tuvinskaya sem'ya: tendentsii ee zhiznedeyatel'nosti* [Tuvan family: trends of lifestyle]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2011, No. 1(95), pp. 35–38 (In Russ.).
- Zhukovskaya N. L. *Buryatskiy shamanizm segodnya: vozrozhdenie i evolyutsiya* [Buryat shamanism today: the revival and evolution]. *Shamanizm i inye traditsionnye verovaniya i praktiki: Mat-ly Mezhd. Kongressa* [Shamanism and other traditional beliefs and practices. Proc. of the Internat. Congress]. Moscow, 1999, pp. 162–175 (In Russ.).
- Myshlyavtsev B. A., Yusha Zh. M. *Protestantizm i ego vliyanie na etnicheskie protsessy v sovremennoy Tuve* [Protestantism and its impact on the ethnic processes in contemporary Tuva]. *Problemy mezhetnicheskogo vzaimodeystviya narodov Sibiri* [Issues of interethnic interaction between the peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2002, pp. 96–104 (In Russ.).
- Nesterkin S. P. *Buddizm v rossiyskoy kul'turnoy srede. K probleme sootnosheniya mental'nostey* [Buddhism in the Russian cultural environment.

УДК 316.74

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ДУХОВНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ ТУВЫ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Ольга Матпаевна Хомушку ¹, Мария Сергеевна Кухта ²

¹ доктор философских наук, ректор, Тувинский государственный университет (Кызыл, Российская Федерация). E-mail: hom17@mail.ru.

² доктор философских наук, профессор, Томский политехнический университет; профессор, Тувинский государственный университет (Кызыл, Российская Федерация). E-mail: hom17@mail.ru.

Аннотация. В статье дается анализ этноконфессиональных процессов в современной Туве, рассматриваются вопросы духовного возрождения, начавшиеся в 90-е гг. прошлого века. Исследуются проблемы формирования новой культурно-нравственной системы ценностных ориентаций молодежи. Подчеркивается необходимость сохранения духовного наследия прошлого, в том числе этноконфессиональных форм традиционной культуры тувинцев. В статье подробно анализируется связь религии с этносом, отмечается особенность Тувы как поликонфессионального региона, в котором представлено множество конфессий. На основании исследований автора дана характеристика современного состояния религиозности, в том числе явление религиозного синкретизма.

Ключевые слова: духовность, традиционная культура, традиция, религиозный синкретизм, этноконфессиональные отношения, религиозность.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 127–136, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-127-136
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestniknik>

UDC 94

Cultural Life of Kyzyl — the Capital of the Tuvan Autonomous Oblast (1944–1961)

Zoya U. Dorzhu ¹, Regina O. Shirap ²

¹ Ph. D. in History (Doct. of Historical Sc.), Professor, Department of Russian History, Tuvan State University (Kyzyl, Russian Federation) E-mail: zoyadorzhu@yandex.ru.

² Postgraduate Student, Department of Russian History, Tuvan State University (Kyzyl, Russian Federation) Email: reggylook@gmail.com.

Abstract

The article deals with the history of cultural and educational institutions of Kyzyl in the period of radical transformations experienced by the Tuvan people and associated with Tuva's incorporation into the USSR. The study is relevant due to the fact the culture of Kyzyl during the Tuvan Autonomous Oblast period (1944–1961) has not been subject to any special historical research. It is noteworthy that in recent years there is growing public interest towards the regional history, life of ordinary citizens and their everyday activities. Those were local periodicals which had most fully and consistently reflected all aspects of Kyzyl's life that served as the main sources for the paper. The article introduces into scientific discourse a number of materials from the State Archive of the Tuva Republic, including protocols of meetings of the City Executive Committee.

The 1944–1961 cultural life of Kyzyl was developing at an accelerated pace. The main objectives of the authorities were to eradicate vestiges of the past and introduce new types of leisure activities aimed to acquaint the Tuvinsians with the ideals of the Soviet way of life.

The most important innovations and qualitative changes within the Tuvan traditional society were introduced in the sphere of public education resulting in a significant rise in educational level. Due to the rapid growth in the number of literate people that in the early years of the Soviet rule had been provided only with elementary education, there was increase in the number of secondary schools. In the 1950s, there were established the first colleges — medical, pedagogical, agricultural ones. In 1952, the Teachers' Institute was opened in Kyzyl; this marked the beginning of higher education in the region.

An important role in the organization of the leisure-time system was played by the museum. One could learn there not only about the natural resources of the region but also about the socio-economic and political history of Tuva.

As townspeople grew to like visiting the library, a culture of reading was created. Socio-political and classical literature was especially popular. The library also organized exhibitions, lectures and conferences celebrating important historical events.

Tuvan national literature and painting stem from the same the period. The fashion of Tuvan young writers and artists' works was set and predetermined by the state ideology.

Keywords: culture, Kyzyl, cultural life, educational system, museum, library, theatre.

11 октября 1944 г. Тува вошла в состав СССР на правах автономной области РСФСР, что стало мощной предпосылкой для бурного роста и развития всей Тувы и ее столицы — Кызыла. В первые советские годы в Туве началась так называемая эпоха культурной революции, направленная на ликвидацию безграмотности и повышение культурного уровня населения¹. С течением времени новой власти удалось занять прочные позиции в Тувинской автономной области, что способствовало переходу от принятия временных мер к систематизированной и продуманной политике. Процесс культурных преобразований приобрел более организованные формы.

Целью настоящего исследования является анализ культурной жизни Кызыла в период коренных изменений, связанных с вхождением Тувы в братство советских республик. Для более четкого понимания особенностей рассматриваемого периода необходимо дать характеристику области и ее столицы. Тувинская автономная область включала в себя 5 городов, 15 районов, 108 сел. По данным переписи, в области на январь 1944 г. проживало 95 025 чел., областной центр насчитывал 6 047 чел. Однако сразу же после вхождения Тувы в состав СССР стало увеличиваться количество различных культурно-просветительских учреждений, предприятий народного хозяйства, что привело к незамедлительному росту численности горожан. Так, в ноябре 1944 г. население Кызыла увеличилось до 9 300 чел., т. е. более чем на 50 % примерно за 10 месяцев. Данная тенденция сохранялась на протяжении ряда лет, вплоть до конца рассматриваемого периода. Согласно данным переписи населения, общая численность населения в Кызыле в 1956 г. составляла 32 тыс. чел., к концу 1959 г. эта цифра увеличилась до 34 тыс. чел. [ГА РТ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 12. Л. 109].

Рассматривать Кызыл в первые годы новой власти как типичный советский город не представляется возможным, поскольку необходимо учитывать особенности, ха-

рактерные для тувинского общества, сохранявшего на тот момент традиционное сознание и мировоззрение. Именно в этих условиях приобщение тувинского общества к ценностным ориентирам советов являлось приоритетным направлением для властей. В задачи культурно-просветительских учреждений советской власти входило изменение ментальности тувинцев, убеждение в правильности выбора социалистического пути развития [Доржу 2015]. Появились первые в Туве культурные учреждения (библиотека, музей, театр, парк, кинотеатр), которые посредством своей деятельности должны были способствовать формированию нового тувинского общества с советскими поведенческими установками, новым художественным вкусом, искоренив пережитки прошлого, поскольку те могли стать преградой для введения новшеств.

Местная периодическая печать наиболее последовательно отражала все процессы, протекавшие в том или ином населенном пункте, и поэтому может быть использована как наиболее удобный и доступный источник для изучения различных аспектов общественной жизни города или региона, в том числе и культурной жизни. С 1930 г. начала выходить газета «Тувинская правда». Важно отметить, что до этого существовал ее аналог «Тувигийн унэн» на монгольском языке. В середине 1940-х гг. газета выходила 3 раза в неделю, однако в конце 1940-х — начале 1960-х гг. она стала выходить чаще — каждый день или через день. «Тувинская правда» являлась органом Тувинского обкома и Кызыльского горкома ВКП(б), областного и городского советов депутатов трудящихся. Часто на первой странице можно было увидеть рубрику «По нашей области», которая информировала читателей о событиях в регионе.

Культурную жизнь области освещала специальная рубрика «Хроника культурной жизни», рассказывавшая о предстоящих мероприятиях в этой сфере — гастролях тувинского музыкально-драматического театра в районные центры; концертах; демонстрации новых кинолент в кинотеатрах; выставках краеведческого музея; мероприятиях городского парка и многих других учреждений Кызыла и области. Редакция газеты старалась поддерживать контакты со своими читателями, о чем свидетельствует наличие постоянных рубрик, таких, как «Письмо в редакцию», «Письма трудящих-

¹ Под культурной революцией в Советской России и СССР принято понимать процесс духовного преобразования общества, формирования нового человека, приобщения населения к достижениям культуры. Этот процесс являлся важнейшей частью социалистического строительства в целом (см. [Арнольдов 1973: 597-598]).

ся», «По следам наших выступлений», «По следам неопубликованных писем». Если в первых двух случаях речь шла об обращении жителей области в редакцию с различными предложениями, жалобами или благодарностью, то две последние были официальным ответом со стороны редакции или других организаций на эти письма. Рубрика «По следам неопубликованных писем» касалась обращений граждан, факты из которых подтверждались редакцией в ходе проверки. Этот механизм работал на протяжении всего изучаемого периода, что говорит об эффективности газеты как посредника между гражданами и официальными учреждениями. «Тувинская правда» часто публиковала обращения жителей, критические статьи своих корреспондентов о функционировании каких-либо культурных учреждений (музеев, городского парка, кинотеатра, библиотеки и т. д.), частыми были жалобы на систему общественного питания, розничной торговли и многое другое. В рубрике «По следам наших выступлений» публиковались ответы на письма с критикой. Важно отметить, что за рассматриваемый период нами не встречено ни одного ответа, где бы факты, изложенные в письме, не подтвердились. Сообщалось о достоверности сведений, обсуждении письма на собрании коллектива и мерах, принятых для решения данной проблемы.

Таким образом, можно утверждать, что газета «Тувинская правда» является наиболее подходящим источником для изучения культурной жизни города Кызыла в 1944–1961 гг., поскольку она наиболее полно и всесторонне отражала все аспекты городских событий.

Как известно, просвещение получило активное развитие в Туве во второй четверти XX в. В 1930-е гг. первые шаги делало народное образование, которое на тот момент было только начальным. В 1940 г. советские власти построили в Кызыле трехэтажное здание, где была открыта первая семилетняя школа, и уже в апреле 1944 г. она получила статус средней школы.

Об успехах народного образования красноречиво говорят следующие факты: в 1936 г. в Туве насчитывалось всего 17 школ, в 1939 г. количество школ возросло почти в 4 раза и уже в 1946 г. в области насчитывалось 122 тувинские и русские школы. В 1958 г. в столице области насчитывалось 11 школ разного типа (начальные, семилетние

и средние): 10 из них были русскими и только средняя школа № 2 была тувинской [ГА РТ. Ф. 299. Оп. 1. Д. 90. Л. 1].

Как видно из архивных источников, одной из проблем системы образования города, требовавших скорейшего решения, было плохое материальное обеспечение учителей. Об этом в 1946 г. сообщала Кызыльскому исполнительному комитету депутатов трудящихся заведующая городским отделом народного образования Фролкова [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1. Л. 419]. По ее словам, многие учителя не были обеспечены жильем, несмотря на низкий уровень их дохода. Обслуживание в учительской столовой было организовано плохо. Для улучшения этой ситуации исполком городского совета обязал службы городского коммунального хозяйства передать в распоряжение отдела образования 3 квартиры, руководителям торгующих предприятий было поручено принять меры для устранения выявленных недостатков. Докладчику Фролковой было вверено силами своих подчиненных провести ремонтные работы в квартирах учителей и помочь в приобретении крупного и мелкого рогатого скота, птицы [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1. Л. 420].

До введения в эксплуатацию новых зданий школ остро стояла проблема переполненности классов. Так, в 1947 г. в Кызыльской школе № 1 количество учащихся в классе достигало 60 чел., что существенно затрудняло проведение уроков [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 4. Л. 23]. Решение данной проблемы стало возможным с окончанием строительства в 1948 г. еще двух средних школ на окраинах Кызыла. Каждая из новых школ была рассчитана на 124 учащихся [Строительство новых школ 1948: 3]. Таким образом, в 1948 г. в городе функционировали уже три средние школы. Тогда же в Кызыле, как и в ряде районов области, было введено обязательное всеобщее обучение. Перепись детей школьного возраста 7–15 лет показала, что в 1948–1949 учебном году только в трех средних школах города стали обучаться свыше 2 600 учеников [Шефство над школами Кызыла 1948: 1].

Для городских властей по-прежнему острым оставался вопрос ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. Исполнительный комитет городского совета в марте 1953 г. отмечал, что городской отдел народного образования ослабил работу в этом направ-

лении. По словам председателя городского исполнительного комитета П. Долгих, некоторые городские школы за 1952 г. не обучили грамоте ни одного взрослого человека. Из 9 000 руб., отпущенных на реализацию этой программы, было использовано только 10 %. Для решения данной проблемы отдел образования обязал провести учет неграмотных и малограмотных среди взрослого населения от 14 до 50 лет к 5 марта 1953 г. Предусматривалось организовать с 10 марта групповое и индивидуальное обучение, а также обязать руководителей организаций и учреждений создать все необходимые условия для проведения кружков ликбеза. Городской отдел народного образования и школы Кызыла должны были регулярно отчитываться о реализации этого проекта [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 39. Л. 118].

В первой четверти XX в. преподавательские кадры для области готовились за пределами Тувы. В столице соседнего региона — Абакане — при Учительском институте было создано тувинское отделение, так как в области актуальным был вопрос подготовки учительских кадров. В 1940-ые гг. в Туве учителей с высшим образованием среди тувинцев было всего 3 человека. Ситуация с учительскими кадрами несколько изменилась с открытием в 1945 г. в Кызыле педагогического училища [Корнев 1945: 3]. В газете было объявлено о наборе учащихся в данное учебное заведение на первый и подготовительный курсы в 1948–1949 учебном году [Кызыльское педагогическое училище 1948: 1].

На первый курс педагогического училища принимались абитуриенты 14–25 лет, окончившие семилетнюю школу. В подготовительный класс, открытый для поступающих в педагогическое училище, могли поступать люди такого же возраста, имевшие образование не ниже шести классов. Важно отметить, что в подготовительный класс принимались только дети тувинских аратов и колхозников, причем без испытаний. К тому же у таких абитуриентов имелись значительные льготы при поступлении: они обеспечивались общежитием и полным государственным содержанием, в то время как русские учащиеся получали только стипендию. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что власти уделяли особое внимание формированию квалифицированных кадров из числа коренного населения путем предоставления им различных льгот.

В 1952 г. открылся Кызыльский учительский институт, который стал первым высшим учебным заведением в области. Там были созданы партийная, комсомольская и профсоюзная организации, которые оказывали значительную поддержку администрации в укреплении дисциплины, повышении качества учебно-воспитательной работы и организации досуга студентов. В первый же год Учительский институт принял 100 студентов за счет учащихся, окончивших 10 класс в 1952 г., и учителей, работавших в школах области, но без специального образования [ГА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 543. Л. 168].

Таким образом, в сфере образования за столь короткие сроки были достигнуты значительные результаты. Политика властей в сфере образования совпадала с общесоюзной. В Туве, как и в других национальных регионах, активно строились школы, увеличивались показатели грамотности населения [Сартикова 2013: 69–72]. Помимо средних школ, открывались и средние специальные учебные заведения, которые обеспечивали квалифицированными кадрами всю область. Так, в 1961 г. в Кызыле насчитывались шесть средних и одно высшее учебное заведение, в которых обучались 1 962 студента, из них представители коренной национальности составляли 1 254 чел. [ГА РТ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 6. Л. 134]. Это можно объяснить стремлением властей сформировать интеллигенцию из числа тувинцев.

Еще одним примером успеха в научно-культурной сфере явилось открытие в Кызыле 1 октября 1945 г. Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ). О жизни и научной деятельности этого института рассказывал заместитель директора по научной части кандидат исторических наук Х. Сейфулин [Сейфулин 1946: 2]. В институте активно велись исследования в области гуманитарных наук, с привлечением научных работников ТНИИЯЛИ стало возможно обеспечение учащихся и учителей необходимыми пособиями по основным предметам школьного образования. Одновременно сотрудники института развернули интенсивный сбор материалов по фольклору, истории и этнографии тувинцев.

Ведущим культурно-просветительским учреждением Тувы стал краеведческий музей. Он был открыт в 1930 г. при поддержке Советского Союза, Всесоюзного общества

культурных связей за границей, ведущих музеев страны, которые выделили для Тувы различные коллекции, скульптуры, репродукции русских и зарубежных художников. Так, к началу 1940-х гг. из небольшого краеведческого кабинета вырос полноценный краеведческий музей. После вхождения Тувинской Народной Республики в состав СССР в октябре 1944 г. областному музею отводилось видное место в организации научно-исследовательской работы и сборе краеведческих материалов. Указом Президиума Малого Хурала трудящихся 26 марта 1946 г. Государственному музею было присвоено имя Алдан-Маадыр в честь 60-ти богатырей, восставших против феодального гнета в 1883–1885 гг. В постановлении бюро обкома партии «О работе краеведческого музея» (1947) ставилась задача «при подборе и оформлении экспонатов полнее раскрывать достижения Советской Тувы, заботу Коммунистической партии о народном хозяйстве и культуры» [80 лет... 2009: 8].

В 1950 г. в областном музее начал трудовую деятельность выпускник МГУ имени М. В. Ломоносова С. И. Вайнштейн, внесший большой вклад в развитие музейного дела. Его перу принадлежит статья «По залам областного краеведческого музея» [Вайнштейн 1951], где он сообщал об открытии музея после коренной перестройки экспозиции в соответствии с историческими постановлениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам в 1951 г. [Вайнштейн 1951: 3]. Два первых зала знакомили посетителей с флорой и фауной области; в отделе истории было отражено поэтапное развитие Тувы; самым большим в музее был зал социалистического строительства. С. И. Вайнштейн придавал большое значение активной экспедиционной деятельности музея, поскольку результатом такой работы являлось заметное пополнение коллекций музея. Так, в 1953 г. научными сотрудниками музея из Барун-Хемсчикского района были доставлены два каменных изваяния VII–VIII вв. н. э., представлявшие собой схематично выполненные мужские фигуры представителей тюркской знати. Предполагалось, что эти скульптуры являлись частью большого погребального комплекса [Экспозиции музея 1952: 3].

Важным событием в жизни тогдашнего Кызыла стало 10-летие вхождения Тувы в состав Советского Союза, которое отмеча-

лось в 1954 г. В связи с этой знаменательной датой во всех отделах музея были обновлены экспозиции.

Таким образом, можно говорить о том, что к середине 50-х гг. XX в. Тувинский областной музей утвердился как музей комплексного профиля, собрания которого отражали все стороны развития области: от ее природных характеристик до социалистического строительства в молодом регионе Союза.

В сентябре 1931 г. в Кызыле открылась первая городская библиотека, которая была преобразована в Тувинскую областную библиотеку. В середине 40-х гг. XX в. ее фонд насчитывал более 30 тыс. экземпляров научной и технической литературы; услугами библиотеки пользовались более 1 000 постоянных читателей [Данилова 1948: 4]. Она пользовалась большой популярностью среди населения. Учителя школ регулярно посещали библиотеку, чтобы ознакомиться с методическими пособиями, рабочие ходили туда за книгами, способствовавшими повышению квалификации, учащиеся — за учебниками, врачи — за новинками медицинской литературы. Увеличился спрос на художественную и общественно-политическую литературу. Так, читателям были доступны труды К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина, сочинения Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, а также труды по истории русского революционного движения, философии и экономики. Кроме того, в фондах библиотеки имелись собрания русских классиков и произведения советских писателей [В библиотеке им. А. С. Пушкина 1947:2].

Библиотеке была предоставлена возможность получать книги по межбиблиотечному абонементу из Москвы и Ленинграда. Однако, по словам К. Даниловой, это право абсолютно не пользовалось популярностью среди читателей, к примеру, за 1948 г. поступил всего один заказ. Сотрудники библиотеки совместно с партийными и общественными организациями, редакцией газеты «Тувинская правда» принимали активное участие в организации лекций, читательских конференций, литературных вечеров, встреч с поэтами и писателями. Так, в 1948 г. было организовано 2 литературных вечера, 4 конференции, 7 лекций на различные темы [ГА РТ. Ф. 30. Оп. 1. Д. 2. Л. 17]. Из годовых отчетов последующих лет вид-

но, что эта тенденция сохранялась на протяжении всего рассматриваемого периода. Кроме того, в летний период в парке культуры и отдыха им. Гастелло функционировал филиал читального зала библиотеки, где имелись новые книги, газеты и журналы, организовывались книжные выставки, читались лекции. Таким образом, библиотека играла важную роль общественного «места», обеспечивавшего всем горожанам доступ к знаниям и культуре.

В середине XX в. начался процесс зарождения тувинской национальной литературы и изобразительного искусства, который нашел отражение на страницах газеты «Тувинская правда». Из нее мы узнаем о первой «Литературной среде», состоявшейся в редакции газеты «Молодежь Тувы» [Межова 1947: 4]. Мероприятие прошло на высоком уровне. Были приглашены депутат Верховного Совета СССР, директор научно-исследовательского института, поэт Л. Б. Чадамба, кандидат филологических наук, тувиновед А. Пальмбах, председатель тувинского отделения Союза писателей С. Саган-оол, молодой поэт О. Сувакпит, стахановцы с предприятий. На вечере выступил Л. Б. Чадамба, рассказавший о своей поездке в Москву, где состоялась встреча с югославскими писателями, о работе советских писателей и поэтов в Москве. Олег Сувакпит прочитал свои последние стихи «Гордость», «Саянский хребет» и др. Председатель тувинского отделения Союза писателей С. Саган-оол призвал начинающих писателей и поэтов больше работать над своими произведениями, а также обратился к читателям газеты с просьбой активно сотрудничать с ней.

Следующая «Литературная среда» была посвящена встрече с заместителем директора научно-исследовательского института Х. Сейфулиным, на которой он рассказал о своей работе над «Историей Тувы» и научной жизни Кызыла.

В июле 1948 г. на секции тувинской литературы Союза советских писателей состоялось обсуждение отчета писателя Н. Гильярди и поэта М. Скуратова об их поездке в Туву. Сообщается, что рассказ Н. Гильярди «По аратскому делу» был подвержен критике и признан ошибочным. Однако о конкретных недостатках не сообщается. На заседании в очередной раз было высказано пожелание оказывать больше творческой помощи тувинским писателям, а именно:

улучшить работу по переводу на русский язык стихов, повестей и рассказов тувинских писателей.

Интересно, что 4 июля 1948 г. по московскому радио передавали рассказ тувинского писателя О. Саган-оола «Пути дружбы», который был посвящен дружбе русской девушки-врача, приехавшей на работу в молодую советскую область, с юношей-тувинцем [Передача рассказа О. Саган-оола по московскому радио 1948: 3]. Это было важным явлением в культурной жизни тувинского общества, поскольку такие передачи знакомили широкие массы с современной тувинской литературой. Кроме того, обретали популярность и рассказы для детей, посвященные дружбе между русскими и тувинскими детьми.

К 27-й годовщине народной национально-освободительной революции в Туве тувинское отделение Союза советских писателей подготовило к изданию литературно-художественный альманах на русском языке «Улуг-Хем». В альманахе были напечатаны рассказы, очерки, стихи, посвященные новой советской Туве.

Не оставались без внимания и юбилейные даты, связанные с классиками русской литературы. Так, 10 февраля 1947 г. отмечалось 110-летие со дня смерти А. С. Пушкина. В ознаменование этой годовщины коллективы типографии и редакций областных газет провели художественно-литературный вечер, посвященный его памяти [Арсеньев 1947: 2]. С докладом о его жизни выступила корреспондент газеты «Тувинская правда» В. Межова, также были прочитаны произведения поэта.

Широко отмечалось в Кызыле и 125-летие со дня рождения А. Н. Островского. Областная библиотека организовала выставку, посвященную литературной деятельности А. Н. Островского, где были представлены многочисленные издания произведений писателя и иллюстрации к ним.

В рассматриваемый период первые шаги делала тувинская национальная литература, происходило приобщение тувинского общества к русскому литературному наследию посредством проведения мероприятий, посвященных писателям и поэтам. Появились новые произведения, освещавшие повседневную жизнь новой советской Тувы, дружбу между русским и тувинским народами.

В Туве получило развитие и изобразительное искусство. Организовывались различные выставки молодых художников, которые широко освещались местной прессой. Так, мы узнаем, что в конце марта 1947 г. художники области показали свои последние работы [Лебедев 1947: 2]. В малом зале Дома культуры им. Сталина было экспонировано около 120 картин, этюдов и рисунков. Привлекали внимание композиционные пейзажи художника В. Демина, фигуры аратов для картины «Хурал в сумоне», над которой художник работал больше года. Были отмечены большие и красочные этюды Н. Рушева «Гулянье в день выборов», «Строят школу», «Концерт в поле», «Начало восстания» и другие его работы. Художник С. Ланзы показал оригинальные наброски композиции «Восстание 60-ти богатырей», «Депутат Верховного Совета СССР Салчак Тока среди аратов» и другие.

Художники Г. Суздальцева и А. Комзолов отчитались о своей творческой осенней командировке картиной «Пейзажи Пий-Хемского района». Художники также представили интересные натюрморты с изображением тувинских бытовых вещей — результат коллективных студийных занятий в краеведческом музее зимой 1947 г. Эта выставка была задумана как предварительный общественный просмотр творческой подготовки областных художников к юбилейным художественным выставкам в Кызыле, Новосибирске и Москве.

В начале апреля после закрытия выставки состоялась встреча художников с общественностью города, писателями, артистами, сотрудниками института истории, областного музея, представителями печати. Выступавший в заключение заместитель секретаря обкома ВКП(б) по пропаганде П. М. Горелов поставил перед художниками конкретную задачу — успешно завершить свои творческие замыслы и ярче показать художественные образы новой Тувы на республиканской выставке в Москве, посвященной 30-й годовщине Октябрьской революции.

По приглашению Красноярского отделения Союза советских художников тувинские мастера впервые приняли участие в краевой художественной выставке, которая была приурочена к празднованию 100-летия со дня рождения великого русского художника В. И. Сурикова [Васильев 1948: 3]. На творческом отчете в присутствии ведущих

художников Красноярского края и представителей общественности произведения тувинских художников получили высокую оценку и признание. Большинство работ было отобрано на выставку, а художники В. Ф. Демин и Н. К. Рушев были приняты в члены Красноярского отделения Союза советских художников.

Таким образом, главная задача художников Советской Тувы в середине XX в. заключалась в создании образа нового человека. Портреты колхозников, аратов, рабочих промышленных предприятий, представителей интеллигенции, строящих новую жизнь в области, глубокие культурные и экономические процессы, происходившие в Туве, должны были стать центральным направлением в развитии изобразительного искусства.

Большое развитие получило и театральное искусство. В 1928 г. группа передовых представителей интеллигенции создала кружок любителей драматического искусства, который был известен постановками произведений, написанных самими же членами кружка.

В 1935 г. Восьмой Великий Хурал принял решение о создании театрального отделения при учебном комбинате в Кызыле, которое послужило основой для создания в феврале 1942 г. театрально-музыкального училища. Однако имелись проблемы, связанные с отсутствием программы обучения, специальной литературы на родном языке, нехваткой учебного оборудования, малограмотностью учащихся.

В жизни театра многое изменилось с появлением режиссера И. Я. Исполнева и других советских специалистов. Перед ними стояла задача за 2–3 года создать в Кызыле базу для развития культуры и искусства, что, естественно, было делом далеко не легким. Свою главную задачу режиссер видел в создании тувинского театра по европейскому образцу. При этом решалась еще и политическая задача — через искусство убедить тувинцев в правильности выбора пути развития. Во время Великой Отечественной войны ставились соответствующие произведения, тогда большим успехом пользовались агитпредставления «Все силы на разгром врага», «Партизаны», «Животновод-арат» и другие [Забродин 1950: 3].

В начале 1950-х гг. Тувинский областной театр значительно усилил свой состав, были приглашены опытные артисты из

других областей. Главный режиссер театра И. Забродин объявил об открытии 28 октября 1950 г. нового театрального сезона пьесой Корнейчука «Макар Дубрава». Это была «глубоко партийная, по-большевистски страстная, боевая пьеса о скромных, простых талантливых советских людях». Кроме этого, ставились спектакли по другим произведениям, созданным советскими драматургами, таким, как «Васса Железнова» М. Горького, «За вторым фронтом» В. Собко; планировалось также поставить комедию итальянского драматурга К. Гольдони «Хозяйка гостиницы». Большим событием в культурной жизни области стал перевод комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» на тувинский язык и постановка ее на сцене Тувинского национального театра в марте 1951 г.

Таким образом, в рассматриваемый период активное развитие получила театральная жизнь. Каждый год обновлялся репертуар театра, коллектив стремился к повышению уровня своего профессионализма, пытался установить более тесные связи со зрителями и поднять их идейно-политический уровень. Однако одной из проблем было отсутствие какой-либо культуры посещения театра, помехой в работе театра была диспропорция между коллективом творческих работников и крайне урезанным штатом производственных цехов. Следует отметить и отсутствие в репертуаре пьес местных писателей, отражавших жизнь области, негативно сказывалось и плохое материально-бытовое обслуживание театра.

Большое внимание городские власти уделяли развитию физической культуры и спорта. Ежегодно в Кызыле организовывались летняя и зимняя спартакиады. Мероприятия такого рода должны были содействовать привлечению новых слоев населения, укреплению физической культуры на предприятиях, улучшению всестороннего физического воспитания и подготовки к труду и обороне Родины, повышению спортивных результатов и выявлению новых талантливых спортсменов. В программу летней спартакиады включались легкая атлетика, стрельба, национальная борьба, волейбол и футбол [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 3. Л. 90]. В зимнее время основным спортивным зрелищем для горожан были лыжные гонки и прыжки с трамплина [ГА РТ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 6. Л. 18].

Таким образом, культурная жизнь Кызыла в рассматриваемый период характе-

ризуется быстрыми темпами развития. Активно развивалась культурно-просветительская работа, заключавшаяся в организации «разумных развлечений» для населения: чтение лекций, организация митингов, открытие библиотек, выставок краеведческого музея. Большой популярностью среди горожан пользовались театральные постановки. В рассматриваемый период происходило зарождение тувинской национальной литературы и изобразительного искусства. Деятели искусства своими произведениями создавали образ новой жизни, рисовали портрет нового советского человека.

В рамках культурных преобразований осуществлялось всестороннее просвещение населения. Прежде всего, открывались новые образовательные учреждения, призванные заниматься ликвидацией безграмотности. Основываясь на материалах периодической печати и архивных документах, можно прийти к выводу, что далеко не всегда они функционировали исправно. В качестве главных проблем стоит выделить нехватку помещений для школьных зданий или их несоответствие существовавшим требованиям, нехватка учебного материала, халатное отношение учительского состава к своим обязанностям.

В целом эпоха культурной революции вызвала масштабные изменения во всех сферах общественной жизни столицы Тувы — Кызыла. Многие новшества прижились, став неотъемлемой частью городского быта и образа жизни. Однако население все еще оставалось достаточно консервативным, и в рассматриваемый период значительная часть преобразований сталкивалась с целым рядом трудностей.

Источники

ГА РТ — Государственный архив Республики Тыва

Литература

Арнольдов А. И. Культурная революция // Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 13. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 597–598.

Арсеньев Е. Вечер, посвященный памяти А. С. Пушкина // Тувинская правда. 1947. 18 февраля. С. 2.

В библиотеке им. А. С. Пушкина // Тувинская правда. 1947. 19 июня. С. 2.

Вайнштейн С. По залам областного краеведческого музея // Тувинская правда. 1951. 30 июня.

- Васильев Н. Художники Тувы на выставке в Красноярске // Тувинская правда. 1948. 15 апреля. С. 3.
- Данилова К. Библиотека и ее актив // Тувинская правда. 1948. 29 июня. С. 4.
- Доржу З. Ю. Из истории столицы Республики Тыва — Кызыла // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015. № 1. С. 32–41.
- Забродин И. Тувинский областной национальный театр в новом сезоне // Тувинская правда. 1950. 25 октября. С. 3.
- Корнев Г. К открытию педагогического училища // Тувинская правда. 1945. 7 ноября. С. 3.
- Кызыльское педагогическое училище объявляет набор // Тувинская правда. 1948. 30 мая. С. 1.
- Лебедев Н. Над чем работают художники // Тувинская правда. 1947. 25 апреля. С. 2.
- Лебедев Н. После выставки // Тувинская правда. 1947. 30 июля. С. 2.
- Межова В. На первой среде редакции газеты «Молодежь Тувы» // Тувинская правда. 1947. 12 апреля. С. 4.
- Передача рассказа О. Саган-оола по московскому радио // Тувинская правда. 1948. 6 июля. С. 3.
- Сартикова Е. В. Школьное образование в Калмыкии накануне депортации // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2013. № 3. С. 69–72.
- Сейфуллин Х. В Тувинском институте языка, литературы и искусства // Тувинская правда. 1952. 14 марта. С. 3.
- Сердобов Н. А. История формирования тувинской нации. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1971. 482 с.
- Строительство новых школ // Тувинская правда. 1948. 21 мая. С. 3.
- V biblioteka im. A. S. Pushkina [In the A. S. Pushkin library]. *Tuvinskaya pravda* [The Tuvan Truth newspaper], 19 June 1947, p. 2 (In Russ.).
- Vaynshteyn S. *Po zalam oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [In the halls of the Museum of Regional Studies]. *Tuvinskaya pravda* [The Tuvan Truth newspaper], 30 June 1951 (In Russ.).
- Vasiliev N. *Khudozhniki Tuvy na vystavke v Krasnoyarske* [Tyva's artists at an exhibition in Krasnoyarsk]. *Tuvinskaya pravda* [The Tuvan Truth newspaper], 15 April 1948, p. 3 (In Russ.).
- Danilova K. *Biblioteka i ee aktiv* [The library and its most active members]. *Tuvinskaya pravda* [The Tuvan Truth newspaper], 29 June 1948, p. 4 (In Russ.).
- Dorzh Z. Yu. *Iz istorii stolitsy Respubliki Tyva — Kyzyla* [From the history of the capital of the Republic of Tuva — Kyzyl]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Sib. Branch of the RAS], 2015, No. 1, pp. 32–41 (In Russ.).
- Zabrodin I. *Tuvinskiy oblastnoy natsional'nyy teatr v novom sezone* [New season at the Tuvan Regional National Theatre]. *Tuvinskaya pravda* [The Tuvan Truth newspaper], 25 October 1950, p. 3 (In Russ.).
- Kornev G. *K otkrytiyu pedagogicheskogo uchilishcha* [Celebrating the opening of the Teachers College]. *Tuvinskaya pravda* [The Tuvan Truth newspaper], 7 November 1945, p. 3 (In Russ.).
- Kyzyl'skoe pedagogicheskoe uchilishche ob"yavlyet nabor [Kyzyl Teachers College calls for applications]. *Tuvinskaya pravda* [The Tuvan Truth newspaper], 30 May 1948, p. 1 (In Russ.).
- Lebedev N. *Nad chem rabotayut khudozhniki* [What artists work on]. *Tuvinskaya pravda* [The Tuvan Truth newspaper], 25 April 1947, p. 2 (In Russ.).
- Lebedev N. *Posle vystavki* [After the exhibition]. *Tuvinskaya pravda* [The Tuvan Truth newspaper], 30 July 1947, p. 2 (In Russ.).
- Mezhova V. *Na pervoy srede redaktsii gazety «Molodezh' Tuvy»* [The first Wednesday at the editorial office of Tuva's Youth newspaper]. *Tuvinskaya pravda* [The Tuvan Truth newspaper], 12 April 1947, p. 4 (In Russ.).
- Peredacha rasskaza O. Sagan-oola po moskovskomu radio [O. Sagan-ool's story for the Moscow radio]. *Tuvinskaya pravda* [The Tuvan Truth newspaper], 6 July 1948, p. 3 (In Russ.).

Sources

GA RT — *Gosudarstvennyy Arkhiv Respubliki Tyva* [The State Archive of the Tyva Republic].

References

- Arnoldov A. I. *Kul'turnaya revolyutsiya* [The cultural revolution]. *Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya. Izd. 3-e. T. 13* [The Great Soviet Encyclopedia. 3^d ed. Vol. 13]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1973, pp. 597–598 (In Russ.).
- Arseniev E. *Vecher, posvyashchenny pamyati A. S. Pushkina* [A meeting dedicated to the memory of A. S. Pushkin]. *Tuvinskaya pravda* [The Tuvan Truth newspaper], 18 February 1947, p. 2 (In Russ.).

- Sartikova E. V. *Shkol'noe obrazovanie v Kalmykii nakanune deportatsii* [School education in Kalmykia on the eve of the deportation]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2013, No. 3, pp. 69–72 (In Russ.).
- Seyfulin Kh. *V Tuvinskom institute yazyka, literatury i iskusstva* [At the Tuvan Institute of Language, Literature and Art]. *Tuvinskaya pravda* [The Tuvan Truth newspaper], 14 March 1952, p. 3 (In Russ.).
- Serdobov N. A. *Istoriya formirovaniya tuvinskoy natsii* [A history of the Tuvan people]. Kyzyl, Tuvan Book Publ., 1971, 482 p. (In Russ.).
- Stroitel'stvo novykh shkol* [Building new schools]. *Tuvinskaya pravda* [The Tuvan Truth newspaper], 21 May 1948, p. 3 (In Russ.).

УДК 94

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ г. КЫЗЫЛА — СТОЛИЦЫ ТУВИНСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ (1944–1961 гг.)

Зоя Юрьевна Доржу¹, Регина Олеговна Ширап²

¹ доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории, Тувинский государственный университет (Кызыл, Российская Федерация). E-mail: zoyadorzhu@yandex.ru.

² аспирант, кафедра отечественной истории, Тувинский государственный университет (Кызыл, Российская Федерация). E-mail: reggylook@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена истории культурно-просветительских учреждений г. Кызыла в период коренных преобразований в жизни тувинского народа, связанных с вступлением Тувы в состав СССР. Рассмотрены процессы становления системы образования, библиотечного и музейного дела и театра. Актуальность выбранной темы обуславливается слабой изученностью истории культурной жизни Кызыла в период Тувинской автономной области, введением в научный оборот новых источников — материалов периодической печати и документов Государственного архива Республики Тыва.

Культурная жизнь г. Кызыла в 1944–1961 гг. развивалась ускоренными темпами. Главные задачи властей состояли в искоренении пережитков прошлого посредством организации нового вида досуга, приобщении тувинцев к идеалам советского образа жизни. Особенно активно развивалась система образования. За короткие сроки выросла численность образовательных учреждений, велась работа по ликвидации безграмотности не только среди детей, но и взрослого населения. Горожане стали посещать библиотеки, музейные выставки, театральные постановки. Важным событием в культурной жизни не только Кызыла, но и всей области стало зарождение тувинской национальной литературы и изобразительного искусства.

Ключевые слова: культура, Кызыл, культурная жизнь, образование, музей, библиотека, театральная жизнь.

Copyright © 2016 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 137–145, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-137-145
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 81'272

Language Planning in Polyethnic Countries

Vida Yu. Mikhilchenko ¹

¹ Ph. D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Professor, Leading Research Associate, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: vida-mi@mail.ru.

Abstract

The deliberate influence of the society onto the language is the key factor to the functional development of languages. This influence manifests itself in the domains of organized communication which presume the possibility of language planning through the realization of certain principles in the language policy. In a multinational state, the language policy implies the impact of the state onto the language, social, and ethnic factors. This policy is aimed at adjustment of multi-ethnic relations in the regions and promotes the mutual understanding, tolerance in society.

The article analyzes the interrelationship between the language policy and language situation. In order to avoid language conflicts in a multinational state, it is necessary to take into account the cultural and language demands of different language communities. Another important part of the language policy is the language unity in a multinational state. These two objectives call forth to take into count both the language diversity and the language unity of the state. However, these two trends come to an opposition to each other which leads to national language conflicts, e.g. in Moldova, Ukraine, and Baltic states. In order to achieve the language agreement, it is necessary to strive for the strict compliance of the language policy with the language factors and the language situation. Following the reasons mentioned above, the legislation on languages is adopted by the state where the languages gain their status. In the Russian Federation, the model of the language policy is multicomponent: the legislation on languages has been adopted in 22 republics, 34 languages gained official status. Along with the system of laws on languages in the Russian Federation, there have been attempts to ratify and apply the European Charter for Regional Languages which was signed by the President of the country but has not been ratified by the State Duma. In this connection, there have been attempts to plan the domains of language functioning in Russia, taking into consideration the main requirements of the European Charter for Regional Languages. One of the attempts has been analyzed in the article, namely the plans to expand the requirements of the Charter onto more than 100 languages in the Russian Federation. These plans were considered at the meeting of the round table at the Ministry of Regional Development of the Russian Federation – European Charter for Regional Languages and Minorities: Main Problems and Perspectives of Ratification, 27 November 2006. The languages of Russia are divided into three groups: regional languages with an official status (34), regional languages without an official status (12), regional languages of minorities (44).

It was proposed to plan the functioning of the languages in full compliance with the main principles of the European Charter, to consider these languages as the means of expressions of the cultural asset of the peoples, to respect the geographical area of each language, follow the necessary measures in order to protect and preserve the languages and their use in different domains, organize the system of education in these languages.

Following the principles mentioned above, there have been attempts to plan the scope of the language functions in education, administration, governmental services, media, culture, economy, i.e. in all domains of organized communication which are to be subject to further planning. It was an example of the language planning in a multinational country. However, the application of the principles of the European Charter in the situation of a recession is quite a challenging task. Nowadays, we see not a positive shift but rather a negative one in the development of social functions in a number of Russia's languages (see the example of the Khakass language). That is the reason why the European Charter has not been ratified yet in the Russian Federation. Along with the mentioned obstacles, it is considered that the existing legislation of languages in Russia is sufficient enough. However, in the present situation, there have been some attempts to ratify the European Charter by the State Duma of the Russian Federation.

Keywords: language legislation, language conflicts, social factors, European Charter for Regional Languages, models of the language policy, bilingualism, multilingualism.

Сознательное воздействие общества на язык является важным фактором функционального развития языков. Это влияние в основном проявляется в сферах организованного общения, предполагающих наличие возможности языкового планирования путём реализации определённых принципов языковой политики. «В многонациональном государстве языковая политика предполагает воздействие государства на языковой, социальный, этнический факторы, она нацелена на урегулирование межэтнических отношений в регионе, способствует установлению взаимопонимания, толерантности в обществе, восстановлению и сохранению миноритарных языков» [Биткеева 2016: 629]. Подробно проблемы влияния языковой политики на языковую жизнь РФ разработаны в научной монографии Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям (НИЦ НЯО) [Языковая политика 2015].

В годы перестройки воздействие на язык наиболее зримо проявилось в процессах становления языкового законодательства, имевших место во всех республиках Советского Союза, а позже — и в республиках Российской Федерации. Законы, конечно, создавали благоприятные условия для функционирования языков, получивших статус государственных: составлялись программы расширения социальных функций этих языков, выделялись необходимые средства для их реализации. В Российской Федерации устанавливалось юридическое «государственное двуязычие» или же «государственное многоязычие» в зависимости от количества языков, получивших статус

государственных. Это создавало условия для функциональной дистрибуции государственных языков, их параллельного использования или же рационального распределения социальных функций между языками. Наряду с этим создавались юридические основания для языковых конфликтов, например, отказ принимать на работу при отсутствии знания республиканского государственного языка или отказ регистрировать кандидата в президенты республики по этой же причине. Если раньше основания для конфликтов были бытовыми, частными, то при принятии законов о языках конфликты приобрели юридическое основание и нередко решались на уровне Конституционного суда (например, Конституционным судом рассматривалось право республик Башкортостан и Марий Эл отказать в регистрации кандидатам в президенты этих республик в связи с незнанием ими соответствующих республиканских государственных языков) (см. подробнее [Никитин 1988]). Таким образом, очевидно, что законы о языках могут сыграть как положительную роль в функциональном развитии, так и отрицательную в случае противопоставления республиканских государственных языков общегосударственному языку Российской Федерации.

В настоящее время существуют предпосылки появления некоторых новых тенденций сознательного воздействия общества на язык. Это связано с государственным переустройством Российской Федерации не по национальному, а по территориально-экономическому принципу. Процесс объединения 89 субъектов с целью сокращения их

количества и выдвижения экономической основы их организации, который начался в стране, возможно, будет достаточно длительным из-за сопротивления республик (например, Республика Адыгея), однако такое решение вопроса позволит нейтрализовать возможные национально-языковые конфликты и значительно изменить юридические условия функционирования языков народов России. Совершенно очевидно, что при отмене национальных республик путём организации субъектов Российской Федерации на территориально-экономической основе отпадает необходимость в функционировании Законов о языках, которые могут иметь силу только на территории национально-государственных образований. Скорее всего, в дополнение к ним в качестве юридической основы языковой жизни может прийти «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств», реализация которой может стать качественно новым этапом сознательного воздействия общества на язык [Европейская хартия]. Вопрос о применении основных положений этого документа в Российской Федерации ставился Министерством региональной политики Российской Федерации [Круглый стол].

Целью данного Круглого стола была выработка позиции государства по определению региональных языков или языков меньшинств и обязательств государства по отношению к ним. Интересно отметить, что языки коренных народов России в рекомендациях Круглого стола названы региональными и разделены на три группы:

- 1) региональные языки, имеющие официальный статус, т. е. государственные языки в субъектах Российской Федерации. Таких языков — 34;
- 2) региональные языки, не имеющие официального статуса, но традиционно распространённые в субъектах Российской Федерации. Список таких языков предполагается сформировать по предложениям субъектов Российской Федерации с учётом мнения научных учреждений и региональных национальных общественных объединений;
- 3) региональные языки коренных малочисленных народов на территории проживания носителей (в соответствии с Единым перечнем коренных малочисленных народов, кроме абазинского, который является государственным в Ка-

рачаево-Черкесской республике). Таких языков — 44.

Кроме того, была рекомендована реализация целей и принципов, соответствующих основным принципам Европейской хартии:

- признание указанных языков в качестве выразителей культурного богатства;
- уважение географического района каждого языка и недопущение препятствий со стороны старого или нового административного деления для развития языка;
- принятие мер по сохранению этих языков, их использованию в устной и письменной речи в разных сферах общения;
- сохранение и развитие связей между группами, пользующимися региональным языком или языком меньшинства с другими группами;
- обеспечение преподавания и изучения региональных языков или языков национальных меньшинств на всех стадиях, а также их изучение по желанию лицами, не владеющими данными языками.

В соответствии с перечисленными выше принципами предполагается планировать функционирование языков в образовании (Ст. 8), административных органах и на государственной службе (Ст. 10), средствах массовой информации (Ст. 11), культурных мероприятиях (Ст. 12), экономической жизни (Ст. 13), межгосударственных обменах (Ст. 14).

Языковое планирование ведётся с учётом выделенных трех групп языков: каждой из групп предписывается разное количество сфер функционирования, которые делятся по интенсивности применения языков.

В сфере образования (Ст. 8) предполагается обеспечить доступность дошкольного и начального образования на родном языке при желании родителей всем трём группам коренных народов России при наличии двух условий: если это не нанесёт ущерба преподаванию государственного языка и если будет достаточное количество желающих обучаться на данном региональном языке. В области среднего образования предусмотрены три варианта: 1) полная доступность на родном языке; 2) доступность существенной части на соответствующих региональных языках или языках меньшинств; 3) преподавание соответствующих языков в качестве составной части учебной программы. Их функционирование будет обеспечено при условии, что они не являются

помехой для преподавания на государственном языке и будет достаточное количество обучающихся: желающих учиться на этих языках или изучать их. Такие же условия создаются для функционирования языков в сфере профессионально-технического образования. В сфере высшего образования предполагается обеспечить доступность университетского и другого высшего образования, создавая условия для изучения этих языков в качестве дисциплин. Кроме того, предусмотрены меры по изучению региональных языков на курсах для взрослых, подготовка учителей региональных языков и языков меньшинств.

Сфера образования является принципиально важной сферой общения, создающей предпосылки для дальнейшего функционирования того или иного языка, поскольку в ней целенаправленно формируется языковая компетенция носителей языка. Другой важной сферой общения, влияющей на знание и сохранение языков, является сфера семейного общения, однако в ней обычно формируется лишь знание бытовой лексики.

В других сферах общения предусмотрено значительное расширение социальных функций языков и соответственно языковых прав граждан трех разных групп. Так, в разделе «Судебные власти» (Ст. 9) для реализации положений «Хартии» при рассмотрении уголовных дел обвиняемому гарантируется право на пользование его / её региональным языком или языком меньшинства: обеспечивается принятие запросов, свидетельских показаний, документов на региональных языках или языках меньшинств. Те же права должны быть реализованы и в судебном производстве по гражданским и по административным делам.

В статье 10 «Административные органы и государственные службы» отмечается, что административные власти обязаны пользоваться региональными языками или языками меньшинств, а носители этих языков имеют право представлять документы на этих языках и делать устные или письменные заявления. Однако имеются ограничения для некоторых групп: так, в ходе дебатов на сессиях представительных органов используются в основном языки первой группы.

В средствах массовой информации предполагается создание по крайней мере одной радиостанции и одного телевизион-

ного канала, вещающих на региональных языках или языках меньшинств, или же наличие программ на этих языках. В сфере письменной массовой коммуникации предусмотрено издание газет или содействие публикациям на этих языках.

В статье 12 «Культурные мероприятия и средства их обеспечения» описывается работа библиотек, культурных центров, музеев, архивов, театров, кинотеатров, подчёркивается поощрение видов творчества, характерных для народов — носителей региональных языков и языков меньшинств, предусматривается расширение подготовки переводчиков, финансирование переводов, а также проведение терминологических исследований с целью поддержки и развития соответствующей коммерческой, социальной, правовой и технической терминологии каждого регионального языка или языка меньшинства.

Таким образом, можно констатировать, что реализация «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» создаст новые возможности для расширения социальных функций языков Российской Федерации. Более того, после вступления в силу она отменит проблему противопоставления государственного языка России и республиканских государственных языков в тех ситуациях, когда вместо их софункционирования выбирается вариант их противопоставления. Можно предположить, что начатая в настоящее время реформа административного деления страны не скажется отрицательно на функциональном развитии языков народов России, тем более что гарантии и контроль европейских организаций не менее эффективны, чем действия соответствующих отечественных организаций.

Однако принятие законов, деклараций или хартий не является гарантией их выполнения. Всегда можно найти причину, по которой не выполняется та или иная статья закона. Кроме того, на наш взгляд, в предложениях по реализации «Европейской хартии» недостаточно учтена численность народа, компактность или дисперсность его проживания, являющиеся важными социальными факторами расширения социальных функций.

Сознательное воздействие общества на язык в данном случае проходит на пересечении реформы административного деления страны и ратификации «Европейской

хартии региональных языков или языков меньшинств». Успех данного этапа языкового планирования, видимо, будет зависеть не только от реализации европейских демократических принципов, языковых прав, но и от готовности самих народов — носителей того или иного языка реализовать все потенциальные возможности социальных функций.

Языковая ситуация и языковая политика являются взаимосвязанными сложными феноменами, определяющими устройство языковой действительности определенного государства или региона. Языковая ситуация складывается в течение длительного периода, ее изменения могут занять целые столетия, причем они могут быть как спонтанными, так и являться результатом сознательного воздействия общества на язык, реализуемого путем принятия и выполнения законов о языках. Через эти законы проводятся в жизнь определенные принципы языковой политики государства. Процессы изменения языковой ситуации через реализацию подобных законов демонстрируют длительный процесс, направленный на изменение существующей языковой действительности, и могут включать как гармоничные, так и негармоничные перемены. Под гармоничными переменами мы понимаем такие, которые соблюдают соответствие языковой политики той или иной языковой ситуации. Основой языковой ситуации является социально-коммуникативная система, состоящая из разных компонентов (языков, диалектов) и обслуживающая языковые потребности определенной социальной системы [Словарь социолингвистических терминов 2006: 266].

Функционирование социально-коммуникативной системы происходит под влиянием разных групп факторов, которые могут поддерживать или же препятствовать ее реализации. Эти факторы распадаются на четыре группы:

- 1) национально-демографические (национальный состав жителей, способы расселения жителей разных национальностей, их социальная дифференциация, образовательный уровень и др.);
- 2) лингвистические (функциональное состояние языков, наличие у них функциональных стилей для применения в разных сферах общения, наличие терминологических систем, письменных традиций и т. д.),

3) материальные (наличие словарей, разговорников, учебников, учителей, сети курсов обучения языкам и т. д.),

- 4) человеческий фактор (ценностные ориентации носителей языков, их языковая компетенция, готовность обучаться новому языку).

Для успешной смены одного доминирующего языка другим необходимы учет и одновременное воздействие на все эти факторы: учет национально-демографических факторов при составлении и разработке концепций законов о языках, совершенствование, улучшение лингвистических и материальных факторов и понимание того, как все эти изменения, тенденции влияют на человеческий фактор — на языковые общности, составляющие население государства или региона.

Мировой опыт развития многоязычных государств свидетельствует о том, что мирное, бесконфликтное существование в области национально-языковых отношений возможно лишь там, где учтены языковые притязания, языковые ориентации всех общностей. В качестве примера можно привести Швейцарию, в которой реализуется концепция языкового компромисса: четыре языка имеют статус (три языка — официальные и один — государственный язык), причем язык самой малочисленной языковой общности — ретороманцев (1 % населения) — признан государственным, т. е. нуждающимся в поддержке государства, а языки более многочисленных языковых общностей (немецкий — 65 % населения, французский — 18 %, итальянский — 12 %) выполняют функции официальных языков [О языковых ситуациях... 2003]. Подобная плюралистическая языковая политика реализуется и в других странах мира (Бельгия, Канада). Известны как однокомпонентные модели языкового законодательства (Франция), так и многокомпонентные (Сингапур). Российская Федерация относится к многоязычным странам с плюралистической языковой политикой, которая претворяется в многокомпонентной модели языкового законодательства [Михальченко 2015].

Научный анализ соотношения языковой ситуации и языковой политики в многоязычных странах мира приводит к следующим выводам:

- при проведении языковой политики в многоязычном, многоязыковом государстве необходимо учитывать ин-

тересы, предпочтения всех языковых общностей;

- законы о языках при сознательном воздействии общества на языковую действительность должны содержать длительные сроки языковой смены;
- в законах о языках необходимо избегать противопоставления языковых интересов одних языковых общностей соответствующим интересам других общностей;
- принятие и реализацию законов о языках нельзя использовать в политических целях;
- принятие законов о языках должно сопровождаться научным прогнозированием возможных социальных последствий — языковых конфликтов, поддержки сепаратизма, раскола страны по языковому признаку.

Таковы основные закономерности сознательного воздействия общества на языковую действительность, нарушения которых могут привести к национально-языковым конфликтам, что и произошло, например, в Канаде и Бельгии.

Научный анализ показывает, что вместо создания законов о языках, адекватных языковой ситуации того или иного государства, вместо учета языковых интересов всех языковых общностей во всех бывших республиках Советского Союза был избран путь законодательного утверждения одного доминирующего языка, языка основной, наиболее многочисленной языковой общности, титульного языка республики в качестве государственного языка. Национально-языковые интересы других языковых общностей не были учтены в полной мере: предполагалось, что они должны в кратчайший срок перейти на использование государственного языка, служащего средством единения многонационального государства.

Процесс принятия законов о языках был начат в Эстонской ССР (1989 г.). В качестве концептуального образца для его создания был взят конфронтационный закон о языках Квебека — франкоязычной провинции Канады. В этом законе предусмотрены меры противопоставления двух государственных языков Канады — английского и французского. Составители закона, чиновники, проводящие этот закон в жизнь, считают, что, несмотря на то что языковая общность, населяющая Квебек, является преимущественно франкоязычной, функциональной

доминантой в социально-коммуникативной системе стал английский язык. Это обстоятельство заставляет законодателей и чиновников искать пути устранения из ряда сфер общения английского языка и распространения французского. Отсюда запреты на использование английского языка вплоть до определения, на сколько миллиметров буквы французского языка в тексте должны быть выше букв текста на английском языке. Социальные последствия действия этого закона очевидны: из Квебека выехало 20 000 англоязычных предпринимателей, проходят суды по этому вопросу, во время выборов в центральные органы власти усиливается сепаратизм, причем языковой вопрос в нем играет не последнюю роль. Отметим, кстати, что в Квебеке противопоставляются два мировых языка, обладающих примерно одинаковой функциональной нагрузкой и объемом социальных функций в современном мире. В Эстонской ССР такая концепция была удобна для конфронтации с русским языком, который в то время назывался в Конституции СССР языком межнационального общения. Таким образом, был показан юридический путь вытеснения русского языка из разных сфер общения, замены его другим мировым языком (английским), более того, замены в процессе натурализации русскоязычных языковых общностей их родного языка (русского) государственным языком (эстонским).

Следует отметить, что эта модель однокомпонентного закона о языках прошла по всем республикам бывшего Советского Союза, кроме России и Белоруссии. Были полностью проигнорированы такие факторы, как специфика языковой ситуации в той или иной республике, языковые потребности разных языковых общностей, с той или иной степенью компактности населяющих республики, проигнорированы традиции в функционировании языков, языковая компетенция, предпочтения носителей языков. Более того, законы предусматривали 4–6-летний период их реализации, хотя при ориентации на бесконфликтное развитие для смены языков необходимы столетия, как, например, в Индонезии (1945–2045) [Кондрашкина 1986]. После принятия в ряде стран «Европейской хартии о языках» республики бывшего Советского Союза, в том числе Российская Федерация, даже вступив в Европейский Союз, ее не ратифицировали.

При выполнении законов о языках сформировались конфликтогенные зоны, различающиеся интенсивностью и характером конфликтов. Наиболее острым был национально-языковой конфликт в Молдове. Конечно, он был вызван недовольством русскоязычного населения Приднестровья неблагополучием в экономике, культуре, политике новых властей. Однако желание властей переименовать молдавский язык в румынский, срочно навязать его в качестве государственного всем языковым общностям, а позже, возможно, и присоединить Молдову к Румынии осложнили ситуацию. Именно после консультаций молдавских экспертов в Москве по поводу Закона о языках в Приднестровье через несколько дней началась война, и именно поэтому в научной литературе эта война иногда называется «языковой войной». В других республиках тлеет латентный языковой конфликт, например, в республиках Балтии — Литве, Латвии, Эстонии, которые, даже вступив в Европейский Союз, не соблюдают требования «Европейской хартии о языках». Наиболее спокойная языковая ситуация наблюдается в Литве, где все жители республики получили гражданство и соответствующие гражданские права в отличие от других балтийских республик. Отметим, кстати, что распространение литовского языка, являющегося государственным языком Литвы, на другие языковые общности проводится настойчиво и планомерно. Видимо, эти процессы будут успешными, так как уже в советский период около 35 % иноязычных жителей Литвы, в основном русских и поляков, свободно владели литовским языком.

В настоящее время наиболее конфликтогенной зоной является Украина. Исследователи отмечают, что Украина находится на разломе цивилизаций: западная ее часть ориентирована на европейскую цивилизацию, а восточная часть — на российскую, причем этот разлом проходит по линии языковых предпочтений украинского или русского языков [Межуев 2000: 44]. Совершенно очевидно, что сама постановка языковой проблемы по принципу или / или не отличается цивилизованностью, хотя и культивируется в странах Восточной Европы, которые являются новыми членами Евросоюза. Украина тоже относится к странам, предпочитающим модель или / или, хотя совершенно очевидно, что для цивилизованных стран необходим совершенно другой под-

ход, другая формула, включающая множественность, разнообразие языков, их знание и применение. В этом отношении дальше многих государств продвинулась Россия, утвердившая в законах о языках 34 государственных языка, многие из которых развиваются в соответствующих республиках, в которых проживает основная масса их носителей. Функцию языка единения многонационального, многоязычного государства выполняет русский язык, получивший статус государственного языка Российской Федерации и функционирующий на всей территории страны. Конечно, функциональное развитие языков, получивших статус, различно: часто их функциональный статус не соответствует юридическому (о языковых проблемах Российской Федерации см. [Письменные языки мира 2000; 2003]).

Для языковой ситуации на Украине характерно наличие многочисленной, компактно проживающей русскоязычной языковой общности, которая находится рядом с материком — основной массой носителей русского языка, проживающей в России. Эта языковая общность обладает давними традициями использования русского языка в разных сферах общения, ее ценностные ориентации направлены на родной язык, сильно желание удерживать его применение в разных сферах общения, сохранить родную культуру.

Встает вопрос о том, каковы же пути цивилизованного бесконфликтного решения языкового вопроса в многонациональном государстве, в котором проживают разнонациональные языковые общности? Видимо, следует брать из международного опыта лишь то, что совершенствует языковую действительность, делает ее комфортнее для всех языковых общностей страны, а не то, что сталкивает эти языковые общности друг с другом или с государственными чиновниками, реализующими государственную языковую политику. Иначе говоря, необходимо заимствовать положительный опыт мирового лингвистического процесса, опыт, позволяющий создавать условия для мирного софункционирования языков, их функциональной дистрибуции в целях языкового единения отдельных языковых общностей в соответствии с их потребностями в родном языке. В таких условиях языковая интеграция всего населения той или иной страны путем распространения государственного языка будет проходить более успешно, бесконфликтно.

Лингвисты всего мира ратуют за сохранение языкового многообразия и заботятся о сохранении языков малочисленных народов, в крайнем случае, об их своевременной фиксации для включения в сокровищницу мировой культуры. Складывается парадоксальная ситуация: прилагая огромные усилия в указанном направлении, ученые, на наш взгляд, недостаточно внимания уделяют многочисленным, охватывающим 25 млн чел. русскоязычным общностям, которые в некоторых странах разными способами отлучаются от родного языка и родной культуры. Эти процессы насильственной языковой ассимиляции нельзя назвать ни цивилизованными, ни выгодными для внедрения государственного языка ради языкового единения многонационального государства. Скорее это является основой или поводом для усиления национально-языковых конфликтов.

В глобализующемся мире основной стратегической линией должны стать тенденции сохранения языкового многообразия, удовлетворение языковых притязаний разных языковых общностей при одновременной тенденции к культивированию языков международного общения, способствующих языковому единению отдельных сфер общения отдельных стран, включению носителей разных языков в мировые экономические, политические, культурные контексты. Таким образом, конкретные решения языкового вопроса должны включать не одноязычие с превалированием одного доминантного государственного языка, а многоязычие: родной язык членов языковой общности + язык интеграции многонационального государства (государственный язык) + язык международного общения. Только такое решение языкового вопроса может привести к гармоничному софункционированию разноразнонациональных языковых общностей в многонациональном государстве.

В настоящий период продолжается подготовка ратификации «Европейской хартии о региональных языках или языках меньшинств» в контексте реализации этого документа в Европе [Мустафина 2011: 62–70]. Остается надеяться на успешное обсуждение в Государственной Думе данного документа, его ратификацию, а также на дальнейшее совершенствование национально-языковых отношений в Российской Федерации благодаря применению языкового законодательства России с учетом основных принципов Европейской хартии.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-24-09001 «Закономерности социокультурного развития языков в полиэтнических странах мира (Россия–Вьетнам)».

Литература

- Биткеева А. Н. Языковая политика // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азубковник, 2016. 869 с.
- Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (№ 148) [электронный ресурс] // URL: docs.cntd.ru (дата обращения: 15.07.2016).
- Кондрашкина Е. А. Индонезия: языковая ситуация и языковая политика. М.: Наука, 1986. 151 с.
- Круглый стол «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств: основные проблемы и перспективы ратификации» 27 ноября 2006 г. Мат-лы для участников заседания. 23 с.
- Межуев В. Российская цивилизация — утопия или реальность? // Россия XXI. 2000. № 1. С. 44.
- Михальченко В. Ю. Языковая ситуация и языковая политика в современной России // Языковая ситуация в Европе начала XXI века. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 178.
- Мустафина Д. Н. К вопросу подготовки ратификации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств в Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 14 (229). Политические науки. Востоковедение. Вып. 10. С. 62–70.
- Никитин В. Языковое сито // «Советская Россия» от 17 марта 1988 г. № 32 (11621).
- Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1. М.: Academia, 2000. 594 с. Кн. 2. М.: Academia, 2003. 754 с.
- Словарь социолингвистических терминов. М.: Пролетарский светоч, 2006. 311 с.

References

- Bitkeeva A. N. *Yazykovaya politika* [Language policy]. *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya* [Language and society. Encyclopedia]. Moscow, Azubkovnik Publ., 2016, 872 p. (In Russ.).
- Evropeyskaya khartiya regional'nykh yazykov ili yazykov men'shinstv (№ 148)* [The European Charter for Regional or Minority Languages (No. 148)]. Available at: docs.cntd.ru (accessed:

- 15 July 2016) (In Russ. and Eng.).
- Kondrashkina E. A. *Indoneziya: yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika* [Indonesia: language situation and language policy]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 151 p. (In Russ.).
- Kruglyy stol «Evropeyskaya khartiya regional'nykh yazykov ili yazykov men'shinstv: osnovnye problemy i perspektivy ratifikatsii» 27 noyabrya 2006 g. *Materialy dlya uchastnikov zasedaniya* [Round table: The European Charter for Regional or Minority Languages. The main problems and ratification prospects. 27 October 2006. Proc. for participants of the meeting]. Ministry of Regional Development of Russia, 23 p. (In Russ.).
- Mezhuev V. Rossiyskaya tsivilizatsiya — utopiya ili real'nost' [The Russian civilization — utopia or reality]. *Rossiya XXI* (Russia XXI journal), 2000, No. 1, p. 44 (In Russ.).
- Mikhaltchenko V. Yu. *Yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika v sovremennoy Rossii* [Language situation and language policy in modern Russia]. *Yazykovaya situatsiya v Evrope nachala XXI veka* [Language situation in Europe in the early 21st cent.]. Moscow, Publ. Dept. of Inst. of Scientif. Information on Social Sc. Of the RAS, 2015, pp. 14-31 (In Russ.).
- Mustafina D. N. *K voprosu podgotovki ratifikatsii Evropeyskoy khartii regional'nykh yazykov ili yazykov men'shinstv v Rossiyskoy Federatsii* [Revisiting preliminary arrangements for the ratification of the European Charter for Regional or Minority Languages]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State Univ.], 2011, No. 14 (229). Political Science, Oriental Studies, iss. 10, pp. 62-70 (In Russ.).
- Nikitin V. *Yazykovoe sito* [Language sieve]. *Sovetskaya Rossiya* (newspaper), 17 March 1988, No. 32 (11621) (In Russ.).
- Pis'mennye yazyki mira. Yazyki Rossiyskoy Federatsii. Sotsiolingvisticheskaya entsiklopediya. Kn. 1* [Written languages of the world. Languages of the Russian Federation. A socio-linguistic encyclopedia. Book 1]. Moscow, Academia Publ., 2000, 594 p; book 2, Moscow, Academia Publ., 2003, 754 p. (In Russ.).
- Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [A dictionary of socio-linguistic terms]. Moscow, Proletarskiy Svetoch Publ., 2006, 311 p. (In Russ.).

УДК 18'272

ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Вида Юозовна Михальченко¹

¹ доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: vida-mi@mail.ru.

Аннотация. Многонациональные государства обычно проводят языковую политику в двух направлениях – сохранение языкового многообразия и языковое единение страны. Такая языковая политика предполагает ее соответствие языковой ситуации. Нарушение этого правила обычно ведет к национально-языковым конфликтам (Молдова, Украина, страны Балтии). В России проводится демократическая, плюралистическая языковая политика, принципы которой воплощены в широком языковом законодательстве, учитывающем языковые ситуации в 22 республиках России. Наряду с системой законов о языках имеется необходимость применять основные принципы «Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств», которая была подписана Президентом страны, но не была ратифицирована Государственной Думой. В статье анализируется попытка применить основные принципы хартии в планировании разных сфер организованного общения (деловой сферы, массовой коммуникации, сферы образования, сферы культуры и др.). Однако попытки ратифицировать Европейскую хартию продолжаются, так как считается, что система законов о языках России достаточна для регулирования языковой жизни страны, с одной стороны, а с другой стороны, условия кризиса, видимо, неблагоприятны для расширения социальных функций языков коренных народов России.

Ключевые слова: языковая ситуация, языковая политика, языковое планирование, полиэтнические государства, национальные языки, языковое законодательство, языковые конфликты, социальные факторы, Европейская хартия, национально-языковые отношения.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 146–162, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-146-162
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.37

Mother Tongue in the Context of a Polyethnic Country

Aisa N. Bitkeeva¹

¹ Ph. D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Leading Research Associate, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: aisa_bitkeeva@yahoo.com.

Abstract

The article analyzes the role of mother tongue in present-day polyethnic countries, specificity of ethnic language identity, correlation between the level of ethno-linguistic identity and language competence through the example of the Oirat-Kalmyks.

In recent decades, research of the ethno-linguistic factor in ethnic identity of ethnos has become especially urgent that is caused by a trend of growth in ethnicity level world-wide.

Each individual perceives reality through language which reflects the entire life experience, history of the ethnos. Language is one of the symbols of ethnic unity, so that when the national identity of an ethnos gets promoted — a revival of the ethnic language comes first.

Changes in ethno-linguistic identity and in native language have affected both Russia's Kalmyks who have a separate administrative territory, the Republic of Kalmykia, and are an integral part of the Russian nation, and Oirat-Kalmyk communities represented by diasporas in different regions of the world. Attempts to form a new ethnic identity of the Kalmyk ethnos at the present time suggest that the revival of ethnic identity — in terms of culture and policy — is urgent for the Kalmyks who lost it due to various objective and subjective reasons.

The main social and psychological factor affecting the vitality of a language is ethno-linguistic identity. High level of ethnic identity, as a rule, neutralizes negative factors in the functioning of the language, while its low level results in a loss of the language; moreover, younger generations can sometimes adopt 'language nihilism' towards the mother tongue.

But this interaction between language and ethnic identity is ambiguous. For example, the Oirats of China and the Volga Kalmyks have a high level of ethnic language identity but the virtual level of language competence in mother tongue among the Kalmyks of Russia as compared to that of Xinjiang Oirats is much lower.

The difference is in the approach to the phenomenon of 'native language/mother tongue'. 'Mother tongue' usually means the language of the family in which primary speech skills are formed. 'Ethnic language' stands for the language of the ethnos, i.e. it is an ethnic symbol.

The Volga Kalmyks in most cases confuse these notions and, unable to speak the native language, by the 'mother tongue' mean an 'ethnic symbol'. Probably, this mother tongue knowledge gap in the high level of ethnic identity of Volga Kalmyks is compensated by other important elements of their ethnic identity, such as common historical past, ethnic traditions, customs, religion, etc. The Kalmyks of Russia have experienced a strong cultural influence of the dominant community, Russification process takes place but the high level of ethnic identity is still retained.

For the Oirats of China the 'mother tongue' is actually their mothers' language, the language of family communication which forms their primary speech skills. The main distinguishing feature of China's Oirats is that they are more integrated into their own ethnos, their native language which is the bearer of traditions, history, culture of the people, functions as an intra-ethnic communication mean. It

should be also noted that the significance and degree of use of language depend on historical, social, geopolitical factors.

On the materials of the sociolinguistic research performed from 2002 to 2016, the author has considered these peculiar aspects of the role of the native language in the development of Oirat-Kalmyk communities, the structure of their ethnic identity and language transformations in the ethnic groups of the Oirat-Kalmyks residing in different regions of the world.

Keywords: mother tongue, language attitudes, ethnic language identity, language situation, language policy, polyethnic countries

В последние десятилетия в обществе намечился рост этнического самосознания, для понимания же поведения всей общности следует учитывать представления о себе отдельных ее членов, поскольку каждый человек является частью какой-то группы, отличающейся возрастной, этнической, профессиональной, политической и прочими характеристиками. Носителями этнического компонента являются все общности, но каждая социальная группа общества отражает этнические представления по-разному.

В настоящее время этнокультурная специфика особенно наблюдается у урбанизированных народов: она почти утратила свое значение в материальных формах жизнедеятельности, но в значительной степени представлена в духовной жизни общества, языковых аспектах, особенностях мировоззрения, народной психологии. Изучение факторов, влияющих на механизм формирования национального самосознания, стало социальной потребностью, так как позволяет научно воздействовать на развитие национальных процессов в обществе. Национальное самосознание формируется из факторов, которые играют решающую роль в возникновении и развитии нации, складывающейся под воздействием процесса национальной консолидации, развития экономических связей и т. д. Общность территории и языка, традиции, обычаи, система национальных ценностей — все эти факторы влияют на возникновение и развитие национального самосознания. Не являясь прирожденным признаком, национальное самосознание развивается из более древних форм сознания этнической общности и проходит ряд этапов, соответствующих стадиям развития общества [Кушнер 1951: 42]. Большую роль в этническом самосознании играет эмоциональный фактор, т. е. осознание представителями этнической группы своей этнической принадлежности, места в обществе. При этом язык является одним из самых важных факторов формирования этнического самосознания. В связи с этим все

чаще в науке уделяется пристальное внимание исследованиям, посвященным проблеме этнического самосознания.

Ученые в разные исторические периоды обращались к проблеме взаимосвязи языка и этнического самосознания. Древние философы объясняли различия в языке, культуре, внешности, экономике народов особенностями климата, географическим положением, влияющими по-разному на организм и психику человека. В XIX в. стали появляться теории, в которых язык расценивался как выразитель «народного духа». Так, Вильгельм фон Гумбольдт, немецкий языковед, философ и психолог, в своем исследовании «Психология народов» писал, что психология народов — это наука о душе народа, которая проявляется в языке, мифах, религии, обычаях, нравах, искусстве и т. д. [Вундт 1912: 7]. Одними из первых, кто обратил внимание на связь языка и этнического самосознания, были представители психологического направления в языкознании — М. Лацарус, И. Герbart и Г. Штейнталь. По мнению М. Лацаруса и Г. Штейнталя, содержание «народного духа» должно быть раскрыто путем сравнительного изучения языка, мифологии, морали и культуры. Языку же отводится первое место, так как он и являет собой «дух народа», запечатлевая в себе мудрость, восприятие мира, историю народа [Будилова 1983]. Языковед В. Вундт считал, что «язык содержит в себе общую форму живущих в духе народа представлений и законы, их связи. Мифы таят в себе первоначальное содержание этих представлений в их обусловленности чувствованиями и влечениями. Наконец, обычаи представляют собой возникшие из этих представлений и влечений общие направления воли» [Вундт 1912: 32]. Французский ученый Г. Лебон писал, что «...каждый народ обладает душевным строем, столь же устойчивым, как и его анатомические особенности, и от него-то и происходят его чувства, его мысли, его верования и его искусства» [Лебон 1896: 87].

К основным проявлениям душевного строя народа он относил и язык.

В российском обществе до середины XIX в. проблема осознания национальных особенностей как таковая не стояла: единство народа связывалось в основном с единством языка, территории, религии. Только позже, в связи с социальными переменами в России, с середины XIX в. появился интерес к данной проблематике и были предприняты первые исследования на эту тему. Известный лингвист А. А. Потебня был последователем гумбольдтовских идей, создавшим собственную концепцию языка, основанную на психологическом подходе. Ученый считал, что главным этнодифференцирующим и этноформирующим признаком любого этноса, обуславливающим его существование, является язык: «... язык — это главный социально-психологический фактор, который объединяет общность людей, утрата языка означает денационализацию. При таких условиях народу нужно заново создавать формы сознания на «новом языке», при этом при подобной ломке неизбежно на месте вытесняемых форм сознания воцаряется мерзость запустения и занимает это место до сих пор, пока вытесняющий язык не станет своим и вместе с тем не принорвится к новому народ. Люди, по правилу, добровольно не отказываются от своего языка, между прочим, в силу бессознательного страха перед опустошением сознания» [Потебня 1913: 209]. Последователь А. А. Потебни Д. Н. Овсяннико-Куликовский, пытаясь в своих трудах по проблемам русского языка выявить механизмы формирования этнопсихологического своеобразия наций, писал, что язык является стержнем народной мысли и психики, формой накопления и сбережения психической энергии народов. Он полагал, что язык среды, в которой человек вырос и который усвоил с детства, становится необходимым в повседневной жизни, это язык семьи, родины. Национальность определяется родным языком, так как именно этим языком устанавливается связь человека с национальной средой [Овсяннико-Куликовский 1922: 27]. «Если же эта связь нарушается и индивид утрачивает лингвистическую связь с отечеством, то он может оказаться русским подданным и даже быть русским патриотом, но по языку и по национальности он — француз». Если же «...человек в совершенстве владеет двумя языками, которые для него

одинаково «свои», «родные», — такой человек является обладателем двух национальных укладов, и он психологически сложнее двух, у него не одна национальная душа, а две» [Овсяннико-Куликовский 1922: 27].

Примерно с 40-х гг. XX в. понятие «самосознание» в российской науке стало рассматриваться в качестве одного из признаков народа. Исследования «этнического самосознания» начали активно проводиться с конца 60-х гг. XX в. Сформированные в этот период в России, США и других странах положения относительно значимости национального самосознания становятся особенно актуальными. Американский этнолог М. Мерман считал, что наиболее научным основанием для выявления границы между двумя общностями являются этническое самосознание и самоназвание этих групп [Moerman 1965: 1219–1220]. Проблемы этнического самосознания, межэтнических отношений, положения этнической группы в обществе нашли отражение в работах многих ученых [см.: Бромлей 1983; Гумилев 1994; Дробижева 1985; Тишков 1993; 2002 и т. д.].

В научной литературе существуют различные подходы к определению понятия «национальное самосознание». Некоторые исследователи понимают «национальное самосознание» узко, лишь как основание принадлежности к тому или иному этносу [Козлов 1974: 82]. Преобладающим является подход, согласно которому национальное самосознание не сводится лишь к сознанию национальной принадлежности, а представляет собой осознание нацией самой себя как целостной и устойчивой социально-этнической общности [Бромлей 1983: 190]. Понятие этнического самосознания наиболее полно раскрыто в концепции Ю. Б. Бромлея в труде «Очерки теории этноса» [Бромлей 1983]. Им выделены следующие составляющие этнического самосознания: представление об общности исторического прошлого народа, языке, территориальной общности, — связанные при определенных конкретно-исторических условиях с государственной общностью, религиозным классовым самосознанием [Бромлей 1983: 176–183]. Следовательно, с самосознанием нации главным образом связывается представление об общности, идентичности таких форм общественного сознания, как язык, национальная культура, нормы и ценности, присущие определенной нации. Помимо термина «эт-

ническое самосознание» в научной литературе используется термин «этническая идентичность». Само понятие идентичности сложно и многозначно. Эта проблема сегодня рассматривается исследователями разных областей знания. Язык и этническая идентичность исследовались отдельно, и исследователи их рассматривали в функциональном и внутривидовом аспектах. В зарубежных исследованиях под этнической идентичностью понимается совокупность представлений об этнообъединительных и этноразграничительных признаках у индивида. Существует также термин «этническая идентификация», обозначающий динамический процесс, в то время как идентичность — это результат такого процесса. Термин «этническая идентичность» используется на уровне индивида или группы; термин же «этническое самосознание» употребляется на уровне группы для трактовки группового сознания (национального, религиозного и т. д.) [Dashefsky, Shapiro 1974: 7]. Этническая самоидентификация является основным элементом этнического самосознания. Этническая идентичность трактуется как субъективный процесс причисления индивидуумом себя к той или иной этнической группе, общности [Этнические и этносоциальные категории 1995: 43].

В восточной науке проблема идентификации национальностей выглядит специфично. Например, ввиду полиэтничности Китая и острой необходимости проведения работы по идентификации национальностей китайскими исследователями были сделаны попытки осуществить этническую идентификацию на основе учета обычаев и привычек, а также данных о происхождении этнической общности, используя языковой критерий. Однако учета этих параметров недостаточно. По мнению исследователя Ян Кунь, при этнической идентификации прежде всего следует установить наличие «устойчивой общности», которая демонстрирует исторически сложившиеся языковые, социально-экономические, культурные, ментальные особенности, затем, основываясь на этническом самосознании этноса, т. е. самостоятельном волеизъявлении этноса, признать его самостоятельной национальностью. Ученый отметил, что признаки языка, территории, экономических связей могут быть утрачены, но этноним и этническое самосознание остаются [Москалев 2001: 151].

Как мы видим, существование различных толкований, подходов к явлению этнического самосознания свидетельствует о том, что теория этнического самосознания является дискуссионной в отечественной науке до настоящего времени. Единой концепции в трактовке этого понятия пока не существует, что, естественно, объясняется сложностью данного явления, разными социо-историческими причинами, экономическими трансформациями общества, кризисными явлениями в стране.

Однако ясно, что родной язык является одним из определяющих факторов формирования этнического самосознания человека. Если ранее при изучении этноязыковых процессов исследователи уделяли внимание лишь социально-историческим и культурным проблемам, то характерной чертой исследований последних десятилетий стали такие параметры, как языковые предпочтения этноса, ценностные ориентации и т. д. Все исследователи сходятся во мнении, что язык является одной из ключевых составляющих этнического самосознания народа, играя важную роль в процессе этнического самоопределения индивида. Как считают ученые, языковой признак занимает ведущее место в субъективной оценке этнообъединительных и этноразделительных функций.

Актуальность исследования роли родного языка в этнической идентичности народа объясняется изменившейся языковой ситуацией под воздействием глобализационных и миграционных процессов в современном мире. Процессы изменения этноязыковой специфики национального самосознания коснулись как российских калмыков, имеющих отдельное территориальное образование и являющихся составной частью русского этноса, так и калмыков, проживающих небольшими диаспорами в разных регионах мира.

Некоторые представители некогда однородной в языковом и культурном плане общности не признают родным «свой» язык, а пользуются в повседневной жизни «чужим» языком, однако обычно при этом сохраняется позитивное эмоциональное отношение к родному языку. Родной язык служит одним из основных признаков национальной (этнической) принадлежности человека, неким важным этническим символом. Данное положение особенно актуально для многонациональной и многоязычной Российской

Федерации, для большинства этносов которой по данным полевых исследований понятие «родной язык» неразрывно связано с понятием языка своей народности независимо от степени владения им и является одним из основных показателей национальной принадлежности.

Попытки формирования в настоящее время нового национального самосознания калмыцкого этноса говорят о том, что возрождение национальной идентичности в культурном и политическом плане необходимо калмыкам, в некоторой степени утратившим ее в силу разных причин, прежде всего социально-политических. На сегодняшний день существует необходимость научного анализа основных процессов и породивших их факторов в национальном самоопределении калмыков. Интересным представляется изучение проживания этнической группы в иноэтнической среде, составляющей иногда этническое меньшинство и зачастую имеющей обостренные национальные чувства. В настоящее время эта проблема является одной из наиболее актуальных. Подобное исследование дает возможность сравнивать процессы и особенности формирования национальной самоидентификации российских калмыков и калмыков, проживающих диаспорами за рубежом, и яснее демонстрирует основные причины, повлиявшие на формирование национального самосознания российских (поволжских) калмыков. Игнорирование же учета этнического самосознания различных этнических групп, входящих в многонациональный состав страны, приводит зачастую к различного рода конфликтам. Этот анализ важен для планирования языковой политики страны, регулирования межэтнических отношений в регионе. Факторы, влияющие на формирование этнической самоидентификации калмыков, позволяют выявить перспективы развития этноса, проживающего в таких многонациональных государствах, как Россия и Китай. Мы попытаемся проанализировать роль этноязыкового компонента в этническом самосознании ойратов и калмыков на современном этапе на основе материала массовых социолингвистических исследований, проведенных среди этноязыковых общностей калмыков Республики Калмыкия, ойратов Синьцзян-Уйгурского района и Внутренней Монголии Китая (при исследовании учитывались существующие печатные материалы по калмыцким общностям Америки и Европы).

Признавая значимость языка в формировании этнического самосознания и того факта, что этноязыковой критерий является одним из основных при характеристике этнической общности, следует сделать оговорку, что существующая взаимосвязь между языком и этнической идентичностью неоднозначна. Китайские исследователи также отмечают, что изучение природы понятия «родной язык» имеет важное теоретическое значение, в процессе которого следует разграничивать критерии его исследования — лингвистический и психологический. При этом представляется важным учет этнического самосознания. Так, юннаньские монголы 700 лет назад использовали монгольский язык, однако на современном этапе они говорят на языке *гачжо*: при ответе на вопрос о родном языке они отвечают: «Либо язык *гачжо*, либо монгольский». В последнем случае, по мнению китайских исследователей, срабатывает этническое самосознание [Москалев 2001: 147]. Подобная ситуация наблюдается и в отношении волжских калмыков. Категория «родной язык» ранее была включена в программы российских переписей населения как признак этнической принадлежности, характеризующий этноязыковое самоопределение респондентов. Как считают исследователи, уровень полной языковой ассимиляции количественно можно определить как число лиц, указавших в качестве родного языка язык другой национальности [Чешко 1996: 125–126]. Но, по нашему мнению, данные по языку согласно переписи нельзя считать правильными, т. к. здесь учитывается социально-эмоциональный, оценочный, фактор, а не реальное знание языка. Следует учесть, что в данных переписи населения в Республике Калмыкия указывается число *считающих* калмыцкий язык родным, а не *говорящих* на нем, поэтому показатель демографической мощности преимущественно свидетельствует о желании знать родной язык, ценностной ориентации калмыков, а не о фактическом владении языком. Так, по данным переписи населения 1979 г. 91,3 % калмыков назвали калмыцкий язык родным, в 1989 г. численность этой группы составила 96 %. Как показало наше исследование, в реальности у калмыков России существует значительная разница между низким уровнем знания калмыцкого языка и высоким уровнем языкового самосознания этноса. В таком случае следует определить понятие

«родной язык». Под этим термином обычно подразумевают язык семьи, на основе которого формируются первичные речевые навыки. «Национальный язык» подразумевает язык этноса, этнический символ нации. Эта градация особенно четко прослеживается у калмыков: многие путают эти понятия, и, все же не владея калмыцким в качестве «родного языка», указывают «этнический, национальный язык», имея, вероятно, подсознательно в виду язык как этнический символ. Возможно, языковой пробел в высоком уровне национального самосознания у калмыков компенсируется другими важными для них элементами национальной идентификации, такими как общее историческое прошлое, национальные традиции, обычаи, религия и т. д. Но следует заметить, что значение и степень использования языка зависят от исторических, социальных, геополитических факторов.

По данным нашего исследования, 95 % ойратов Внутренней Монголии указали ойратский язык в качестве родного языка, 5 % опрошенных — китайский, среди ойратов Синьцзяна 100 % указали ойратский как родной язык. Уровень реального знания родного языка ойратами Китая полностью соответствует оценочному уровню, хотя, ввиду полиэтничности состава региона их проживания, многие ойраты Китая владеют несколькими языками помимо родного ойратского, что является следствием исторического взаимодействия этносов. Языковое единство складывается в процессе исторического развития этнических общностей, выполняя функции средства коммуникации, передачи национальных традиций, культуры народа и т. д. Специфика языковой ситуации заключается в том, что большинство ойратов в качестве языка повседневного и внутрисемейного общения используют родной язык, в отличие от калмыков России. Как показал опрос, китайский язык для ойратов Китая функционально является вторым языком. Так, 85 % информантов стали изучать китайский в возрасте от 5 до 15 лет, 15 % опрошенных овладели китайским в возрасте от 15 до 25 лет. Что касается сфер, в которых впервые происходит овладение ойратами китайским языком, то, как указали 90 % опрошенных, это школа, 5 % отметили общение с населением, 5 % — армию. Следует отметить, что среди ойратов Китая много тех, кто не владеет, либо плохо владеет китайским языком, поскольку у них

отсутствует острая необходимость в его использовании. Следовательно, у ойратов Китая существует естественная языковая среда, что подтверждается еще и тем фактом, что с детства 82 % информантов говорили в семье только на родном ойратском языке [ЛААБ].

Исследователь Э.-Б. Гучинова считает, что эпоха глобализации расщепила значение понятия «родина», которая подразделяется на историческую, символическую и мифологическую. Для калмыков-эмигрантов историческая родина находится в Европе (Югославия, Франция, Германия); символическая родина — Республика Калмыкия, единственное государственное образование калмыков; мифологическая родина — Джунгария в Синьцзяне; виртуальная родина — Интернет. В последние десятилетия у калмыков исторический дискурс делает акцент уже не на вхождении в состав России, а на раннем периоде истории — на истории ойратов: активисты одной из калмыцких общественных организаций предлагали изменить название «калмыки» на «ойрат-калмыки»; также предпринимались попытки введения двойного этнонима для обозначения современного калмыцкого этноса. Исследователь указывает, что смена идентичности калмыков в связи с изменениями в этнополитической истории в XX в. происходила в переломные для российских калмыков годы:

- 1918 / 1920 — 1943 гг. — переход от примордиальной (исконно этнической. — А. Б.) идентичности к советской (конструируемой — А. Б.). Период гражданской войны и первый исход, периоды модернизации, смены традиционного хозяйства, период консолидации калмыцкого этноса, языковые реформы калмыцкого языка (смена графики), активное развитие двуязычия.

- 1943–1956 гг. — период депортации калмыцкого народа, формирование стигматизированной идентичности, вынужденный отказ от маркеров этнической культуры, языка, религии, обычаев, традиций.

- 1957–1993 гг. — формирование советской калмыцкой идентичности. Период активного строительства всех сфер жизнедеятельности калмыков от хозяйственной до культурной.

- 1993–2003 гг. — постсоветская идентичность, период новой формы государственности, переосмысления своей истории [Гучинова 2004: 215].

Для калмыцкой эмиграции Э.-Б. Гучинова представляет иную схему смены идентичности, что естественно, иные социо-исторические условия:

- 1920–1951 — период дисперсного проживания калмыков беженцев в разных странах Европы, надежда на временность пребывания вне Калмыкии, основным маркером идентичности калмыков-эмигрантов является религиозный — буддизм. В самосознании эмигрантов-калмыков существует система уровней локальных идентичностей, как-то: род, станица, улус.

- 1952–2003 гг. — период формирования калмыцко-американской идентичности, период адаптации этнической группы в доминантном обществе [Гучинова 2004: 415–419].

В первую очередь, влияние доминантной культуры выражается в переходе от русско-калмыцко-английского многоязычия старшего поколения к одноязычию младшего поколения. По мнению исследователя, для американских калмыков характерна множественная идентичность, предпочтение внутригрупповых браков, следование буддизму, почитание калмыцких традиций. Множественная идентичность американских и волжских калмыков демонстрирует гибридный характер культуры и отсутствие системной культурной нормы [Гучинова 2004: 215, 415–419].

Чувство общности у этнической группы связано с такими важными аспектами, влияющими на национальное самосознание, как любовь к языку, гордость за народ, его историю. Эти компоненты национального самосознания важно учитывать, поскольку они характеризуют психологию человека как члена этнической группы. Показателем значимости этнической идентичности в сознании представителей ойратов КНР и калмыков России служат ответы респондентов на вопрос о национальности. Здесь наблюдается разделение на две группы. Первая группа респондентов, преобладающая численно, признает важность определения своей национальной принадлежности: их принадлежность к своей национальности оценивается в общем положительно. Так, по нашим данным, национальность значима для 97 % волжских калмыков, 98 % синьцзянских ойратов и 98 % ойратов Внутренней Монголии. В целях выявления отношения представителей калмыцкого этноса к собственной этнической группе проанализи-

зированы ценностные ориентации, включающие в себя гордость за язык, нацию, удовлетворение членством в этнической общности и т. п. Так, 98 % ойратов Китая гордятся своей этнической принадлежностью, 2 % опрошенных индифферентны к данному факту [ЛААБ]. По данным исследования, проведенного среди волжских калмыков в конце 1990-х гг., 96 % волжских калмыков выразили чувство гордости за свой народ, 90 % выразили чувство интереса к культуре, истории своего этноса [Имкенова 1999: 68]. Интерес к этнической культуре в настоящее время, вероятно, обусловлен в определенной степени процессами возрождения национальной культуры и языка в Республике Калмыкия. В этом деле определенную роль играют средства массовой информации, являющиеся одним из основных источников получения сведений о национально-культурных ценностях, и школа как источник получения знаний о языках и культурах других этносов.

По мнению исследователей, при понимании национальности следует различать следующие критерии: «сакральный», «этноисторический», «патриотический» [Здравомыслов 1996: 23–32]. Так, исследование показало, что для ойратов Китая и американских калмыков принадлежность к своему этносу несет в первую очередь «этноисторический» и «сакральный» смысл, для волжских же калмыков важен «патриотический» и «сакральный» смысл.

Известно, что особенно мощным фактором самоуничтожения общности является этногенетическая миксация, т. е. смешанные браки. Понятно, что глобализационные процессы приводят к тому, что на современном этапе в менталитете этноса, в частности, калмыков, доминируют социокультурные черты принимающего общества, но в ситуациях с этнорасовыми и этноязыковыми проблемами у них проявляется этническое самосознание. Известно, что, например, американские калмыки по этой причине стараются женить своих сыновей на калмычках из России, специально отправляясь с этой целью в Калмыкию. Дети от смешанных браков обычно двуязычны, обладают смутным этническим и, в частности, этноязыковым самосознанием.

Определение этнической принадлежности индивидуумом осуществляется путем принятия этнонима родителей. Иногда, особенно если родители — представители

разных этносов, дети принимают этническую принадлежность одного из родителей, как правило, отца, хотя зачастую этот выбор зависит от различных обстоятельств: семейных, культурных, социально-экономических, политических и т. д. Во многих странах имеет место прижизненная этническая адаптация: представители этнических меньшинств (чаще дети, родившиеся в данной стране) определяются как члены ее основного этноса. Так, среди калмыков-эмигрантов Европы и Америки в семье, где отец был буддистом, а мать — христианкой, законные дети были буддистами, а незаконный ребенок, рожденный во время временного разрыва и признанный мужем, был крещен [Aubin 1968: 34]. Некоторые исследователи в числе объективных параметров, на которых основывается этническое самосознание, выделяют, например, идентификацию с определенной этнической общностью, проявляющуюся в самоназвании. Обратим внимание на устойчивость таких важных признаков национального самосознания, как самоназвание этноса и родного языка. К примеру, волжские калмыки называют себя *хальмгуд* 'калмыки', иногда — *өөрднр* 'ойраты', калмыцкий язык — *хальмг келн* 'калмыцкий язык'; синьцзянские ойраты именуют себя *өөрднр*, что подтверждает тот факт, что истоки происхождения у этих этнических групп одни, хотя их развитие происходило в разных условиях.

Проявляясь в самоназвании, идентификация требует обоснований в виде идей, символов, обычно известных всем представителям этнической группы, и служит для выделения представителей этноса среди других этнических групп. К примеру, в своей однонациональной среде ойраты Синьцзяна определяют себя как ойраты, но в общегосударственном масштабе Китая их определяют и относят к монголам; при общении с представителями других этносов они себя сами идентифицируют как монголы. Этот же факт имеет место и среди американских калмыков.

Одним из основных элементов национального самосознания является представление этноса о себе, характерных чертах своего и других народов. Представление о типичных чертах собственной этнической общности познается в сравнении, путем сопоставления со свойствами «чужих» этнических общностей. Складывающиеся в ходе

межэтнического общения представления о своей и других нациях суммируют черты и выражают ценностное отношение к ним.

Межнациональные браки — явление, часто встречаемое также и среди калмыков Республики Калмыкия. Исследование этноязыкового самосознания у представителей национально-смешанных семей интересно с научной точки зрения, поскольку оно свидетельствует также об этноязыковых процессах в обществе, степени распространения двуязычия, поскольку в семье, где супруги являются представителями разных национальностей, возникает необходимость определения языка внутрисемейного общения, а также функционального распределения взаимодействующих родных языков супругов. Например, в процессе исследования таких семей в Республике Калмыкия большинство разнонациональных супругов назвали родным языком язык своей национальности. Это относится, в первую очередь, к русским, где этническая принадлежность сопровождается признанием в качестве родного русского языка. Среди калмыков этот показатель оказался ниже: 89 % у мужчин и 92 % у женщин. 11 % мужчин и 8 % женщин калмыков соответственно признают родным русский. Свободно владеют родным языком лишь 25 % мужчин-калмыков и 33 % женщин-калмычек из числа опрошенных, назвавших родным калмыцкий язык. Большинство калмыков, признавших родным русский язык, родились и выросли в городе, где этнический состав населения многонационален. Мотивируя свой выбор родного языка, большинство информантов, независимо от половозрастной, социальной, профессиональной принадлежности заявили, что данный язык — «язык предков», «язык их народа» [ЛААБ]. Отметим, что более 90 % опрошенных в Калмыкии разнонациональных супругов в семьях лучше всего владеют русским языком, что объяснимо, поскольку русский язык является языком межнационального общения в республике и имеет наиболее широкую функциональную дистрибуцию в республике. Это объясняет и то, что по материалам исследования 94 % супругов из калмыcko-русских и 95 % супругов из русско-калмыцких семей говорят между собой лишь на русском языке. Объясняется эта ситуация тем, что 95 % опрошенных супругов-калмыков лучше владеют русским языком, 5 % калмыков владеют русским и калмыцким языками в равной сте-

пени. Кроме того, большинство опрошенных супругов-русских калмыцким языком не владеют вообще или владеют на низком уровне понимания отдельных фраз и слов (22 %). Нельзя сказать, что здесь присутствует русско-калмыцкое двуязычие, т. к. о двуязычии можно говорить лишь в том случае, когда люди владеют вторым языком в степени, достаточной для общения и обмена информацией с носителями этого языка. Тем не менее, желание овладеть калмыцким языком проявили 39 % русских женщин и 15 % русских мужчин; 29 % женщин и 42 % мужчин калмыцкой национальности хотели бы овладеть или лучше знать родной калмыцкий язык [ЛААБ].

Проанализируем вопрос о повседневном использовании языков супругами из национально-смешанных семей. Так, большинство супругов обеих национальностей чаще всего используют русский язык. 97 % мужчин и 95 % женщин калмыцкой национальности используют на работе только русский язык. Языком общения с гостями в большинстве опрошенных национально-смешанных семей является русский язык. В калмыцко-русских семьях общаются на калмыцком языке с гостями своей национальности 15 % мужчин, 32 % общаются на смешанном русско-калмыцком языке. В русско-калмыцких семьях показатели ниже: лишь 6 % женщин-калмычек общаются с гостями своей национальности на калмыцком, 21 % — на смешанном русско-калмыцком. Следовательно, большинство разнонациональных супругов считают родным язык своей национальности. Более 45 % информантов обеих национальностей считают, что со своим народом их сближает общий национальный язык. Для большинства супругов калмыцкой национальности характерно желание в совершенстве овладеть калмыцким языком. В национально-смешанных семьях функционально доминирует русский язык. В целом, этническая принадлежность большинства опрошенных определяется языком, этнической принадлежностью родителей, близостью к культурным традициям своего народа, но эти признаки разнонациональным супругам присущи не в одинаковой степени. Для выходцев из национально-смешанных семей большое значение имеет место проживания и национальная государственность, для выходцев из мононациональной семьи этническая принадлежность определяется языком

и этнической принадлежностью их родителей. При рассмотрении взаимосвязи этнической идентификации родного языка детей в национально-смешанных семьях 7 % детей калмыцкой национальности, 11 % русской национальности из калмыцко-русских семей, 14 % детей, русских по национальности, и 3 % детей калмыцкой национальности из русско-калмыцких семей выбрали свою этническую принадлежность на основании родного языка. Как правило, язык раннего детства и родной язык совпадают.

В ходе исследования выяснилось, что имя, данное ребенку при рождении родителями в национально-смешанных семьях, в определенной степени отражает их желание относительно его этнической принадлежности. Вероятно также, что имя определяет этническую самоидентификацию ребенка из этносмешанных семей. Среди наиболее популярных калмыцких имен встречаются Баатр, Мерген, Баирта, Санал, Саглара и т. д. Наиболее популярные русские имена — Олег, Игорь, Данил, Наташа, Светлана, Александр и т. д. Для последних десятилетий характерны также интернациональные имена — Герман, Анжела, Алина, Эмилия и т. д. У половины участвовавших в исследовании детей, имеющих калмыцкие и русские имена, имя, данное при рождении, и этническая самоидентификация совпадают. У части детей наблюдается противоречие между их личной самоидентификацией и приоритетом в этническом самосознании семьи, хотя, как было замечено, избранная этническая принадлежность детей в течение жизни может меняться. В большинстве смешанных семей дети между собой общаются лишь на русском языке.

На примере американских калмыков также прослеживаются интересные данные. У американских калмыков старшего и среднего поколений часто можно встретить очень редкие калмыцкие имена, которые у волжских калмыков не отмечаются, например, Араш, Джалса, Ная, Сар-Герел и т. д. Это говорит о национальной доминанте в их этническом самосознании. Но все-таки среди молодого поколения американских калмыков все чаще встречаются американские имена: Брайан, Эллай, Сьюзен, Шон и т. д. Исследование показало, что в русско-калмыцких семьях матери-калмычки общаются с детьми только на русском языке (92 %), на смешанном русско-калмыцком — 8 %. В калмыцко-русских семьях языком обще-

ния между отцом и детьми является русский язык (75 %), смешанный русско-калмыцкий (25 %). 86 % детей русских общаются с отцом только на русском, 14 % — на обоих языках; среди детей-калмыков показатели — соответственно 79 % и 21 %.

Несмотря на то, что калмыцкий язык редко используется в качестве языка внутрисемейного общения, 55 % родителей-калмыков считают, что они обучают своих детей родному калмыцкому языку, 94 % хотят, чтобы их дети владели калмыцким языком. Эти показатели характеризуют формирование и развитие этнического самосознания детей в национально-смешанных семьях.

Следовательно, этническое самосознание большинства опрошенных разнонациональных супругов в Республике Калмыкия характеризуется четкой структурой, что проявляется в четком определении этнической принадлежности, знании и потреблении национальной культуры, знании родного языка и стремлении супругов-калмыков в совершенстве овладеть им, связи со своей этнической общностью. В то же время наблюдается высокая степень потребления общегородской культуры, размытость отдельных элементов этнического самосознания; в сфере внутрисемейного общения информантов чаще всего используется русский язык; при чтении периодики, литературы, просмотре телепередач, прослушивании радио доминирует русский язык. Основной особенностью этнического самосознания младшего поколения в национально-смешанных семьях является размытость; выбор этнической принадлежности чаще всего связан с этнической принадлежностью отца и окружения. Дети в национально-смешанных семьях мало приобщены к национальным культурам своих родителей, хотя заметно, что родители в таких семьях стараются передать культурные элементы обеих культур детям. Предпочтение опережает языковую компетенцию, что говорит о том, что передача этноязыковой культуры в семье выполняется недостаточно.

Существует мнение, что доминантой национального характера являются национально-психологические специфические свойства членов этнической общности, исторически складывающаяся совокупность «своеобразных черт социального темперамента психологической стороны традиций и обычаев, привычек, эмоционально-

психологических реакций» [Дашдамиров 1983: 70]. Так, среди этноинтегрирующих факторов, сближающих с людьми своей национальности, 50 % ойратов Китая назвали язык, 50 % — культуру, менталитет и традиции. Кроме того, общность происхождения характеризуется ими не только как родство, но и как общность исторического прошлого членов этноса. Особенно сильно ойраты Китая ощущают принадлежность к своему народу при использовании родного языка в общении с представителями других национальностей, чтении национальной литературы, а также во время национальных праздников.

По мнению 90 % опрошенных информантов-ойратов Китая, для возрождения и развития языка необходима поддержка со стороны руководства, кроме того, для благоприятной ситуации необходимо изучать и развивать национальную культуру, письменность, учитывая менталитет народа. В то же время на вопрос «Насколько Вам близки китайцы?» большая часть (70 %) затруднились ответить, 10 % считают, что китайцы очень близки ойратам, 20 % ойратов указали на очень отдаленную близость к китайскому народу, причем 100 % опрошенных указали, что ойраты происходят от монголов. Среди этнодифференцирующих признаков, отличающих ойратов от других национальностей, проживающих в Китае, был назван язык (98 %), внешние черты лица (98 %), национальная одежда (25 %), национальные обычаи (69 %), религия (90 %), уровень жизни (32 %), поведение (63 %), род занятий, имена, пища, национальный менталитет, такие черты характера, как верность, доброта души, правдивость (40 %). Следует заметить, что указанное отличие ойратов по вероисповеданию связано с тем, что, к примеру, в Синьцзяне проживают в основном народности мусульманского вероисповедания (уйгуры, казахи, киргизы), а отличие по роду занятий подразумевает традиционную сферу деятельности ойратов — скотоводство, в которой заняты многие ойраты Китая. Одни и те же признаки чаще выступают скорее в качестве этнодифференцирующих, нежели этноинтегрирующих признаков. Это явление Л. С. Выготский объясняет так: «Сознание сходства требует более развитой способности обобщения, чем сознание различия; сознание сходства предполагает обобщение или понятие, охватывающее ряд

сходных объектов, тогда как осознание различий возможно и на чувственном уровне» [Выготский 1982: 78].

В конце 90-х гг. XX в. исследователь А. Б. Имкенова провела психологическое исследование этнической идентичности волжских калмыков в сравнении с идентичностью русских, проживающих в Республике Калмыкия. Исследователь делает верный вывод, что для малого этноса, в данном случае — калмыков, этническая идентичность является более значимой, чем для представителей большого этноса. Для калмыков значимыми идентификационными категориями явилась этническая принадлежность, затем — республиканская, общероссийская и религиозная. Среди признаков, которые роднят волжских калмыков со своим этносом, указаны обычаи (71 %), язык (54 %), общее историческое прошлое (57 %), внешность (57 %), религия (41 %). Язык в качестве важного этнодифференцирующего признака у волжских калмыков присутствует, несмотря на фактическое угасание языкового критерия. В результате исторического развития волжские калмыки переняли у русского населения язык, традиции, обычаи, оседлый образ жизни, земледелие. Исследователь приходит к выводу, что у волжских калмыков присутствует адекватное восприятие иной культуры, этническая толерантность, устойчивость к овладению навыками иной культуры при сохранении своей собственной, т. е. способность восприятия чужой культуры, адаптации по типу культурной интеграции. Следовательно, волжские калмыки обладают бикультурной идентификацией, которая сформировалась в результате длительного проживания в России, общим историческим прошлым народа России, знанием русского языка. Интересны данные по признакам, которые сближают волжских калмыков с русскими. В числе таких признаков информанты назвали: общее историческое прошлое и настоящее (57 %), язык (54 %), общее место проживания (53 %), черты характера (36 %) и т. д. [Имкенова 1999: 65–78]. Заметим, что под категорией «сближающий язык» подразумевается русский язык, так как русский язык для волжских калмыков на сегодня является функционально первым языком.

Многие свойства той или иной этнической группы, не играющие в условиях ее обычного этнического окружения роли отличительных признаков, после перемеще-

ния в новую этническую среду сразу начинают выполнять этнодифференцирующую функцию. Например, среди представителей калмыцкой общины в Москве часто можно встретить молодых людей, которые ранее не говорили на родном языке, но, проживая в другом городе, в условиях иноэтнического окружения во время встреч с сородичами на национальных праздниках стараются говорить на калмыцком, испытывают ностальгию по национальным традициям, песням и т. д.

Этническое самосознание взаимодействует не только с языковой, генетической, территориально-политической формами осознания этнической группы, но и с другими формами, прежде всего, религиозной. По мнению ученых, религиозное сознание может полностью заслонить этническое самосознание. Этому во многом способствует тот факт, что религиозная принадлежность выступает в качестве одного из этнических признаков в тех случаях, когда для контактирующих народов характерны религиозные различия. Как и другие этнические меньшинства, в ситуации вынужденного контакта калмыцкая община в Европе и Америке отделялась, чтобы сохранить свою религию, устремления к сохранению национальной принадлежности: они считали, что этого нельзя достичь, если не придерживаться ламаистской веры [Aubin 1968: 41]. Например, американские калмыки, в основном старшее поколение, большое значение придают знанию религиозных молитвенных текстов на калмыцком языке. Среди калмыков-эмигрантов первой волны были буддийские священнослужители, которые проводили религиозные службы, также выполняя роль учителей калмыцкого языка среди калмыков европейских стран и США. Существует мнение, что наполнение структурных звеньев самосознания, в частности калмыков, происходит через присвоение родовых ценностных ориентаций: среди американских калмыков много тех, кто знает свою родословную до девятого колена.

Этническое самосознание формируется в процессе самореализации, которое на современном этапе протекает в основном в условиях, где большую роль играют учебные заведения и средства массовой информации. Печать играет важную роль в этом процессе. В этот период усиливается интерес к прошлому, ценностям, осознанию места и роли народа в истории. Материалы перио-

дики, радио- и телевизионных передач отражают социокультурные и национальные интересы и цели, способствующие осознанию народом самого себя, своей этнической общности. Информация в газете может быть особенно эмоциональной и яркой, тем самым воздействуя на национальные чувства и ориентации читателей и влияя на формирование национального самосознания. Развитие этноязыкового самосознания во многом зависит от языковой ситуации, интенсивности и характера взаимоотношений между контактирующими этносами. Речевое поведение индивида зависит от ситуации социальных норм, языковой и общегосударственной политики. Примером может служить языковая политика Китая. Так, на работе 68 % ойратов Синьцзяна говорят на китайском и ойратском языках, 25 % — на ойратском, 25 % — на уйгурском и казахском, 7 % — только на китайском. Функциональная дистрибуция языков в данной языковой общности определяется многонациональным составом населения региона.

Красноречиво говорят об отношении ойратов Внутренней Монголии к необходимости владения языками следующие данные: 60 % информантов-ойратов считают, что все-таки необходимо владеть китайским и ойратским языками, но 40 % уверены, что для полноценного существования достаточно владеть только ойратским языком.

Язык определяет менталитет этноса и культурные нормы. Американский лингвист Г. Теодорсон писал: «Язык — это перевозка традиций, сохраняющихся и передающихся из поколения в поколение чувств, символов, эмоциональных ассоциаций и мифов» [Theodorson 1969: 443]. Оказывая влияние на менталитет народа, язык тем самым затрагивает и этническую культуру, как материальную, так и духовную. Элементами этнической культуры считаются обряды, фольклор, обычаи, уклад жизни, которые сохраняются и передаются посредством языка, устной речи представителей этнической общности.

Язык является одной из форм проявления самобытности этноса. Исследователи считают, чтобы сохранить самобытность, следует исключить культурную самоизоляцию, способствовать взаимовлиянию, контактам с другими этносами. Именно в сфере культуры в наибольшей степени проявляются и сохраняются специфические черты различных наций. Ученые указыва-

ют на сплавляющую способность обрядов и традиций как элементов «группового сознания», способствующего осознанию себя как единого целого с группой [Дюркгейм 1991]. Например, американские калмыки до сегодняшнего дня сохранили национальные обряды и уделяют им большое внимание. Некоторые из этих традиционных калмыцких обычаев в настоящее время не практикуются в Республике Калмыкия: в частности, в семьях обычно не одевают национальную одежду на праздники, свадьбы, среди американских калмыков же калмыцкие праздники не проводятся без этого, что свидетельствует о тяге к этническим корням. Особенно активна в этом отношении американская калмыцкая диаспора: очень часто они устраивают торжества по случаю таких национальных праздников, как *Цаһан сар* (праздник весны), *Зул* (праздник Нового года), на которые съезжаются калмыки других зарубежных диаспор. На подобных торжествах исполняются калмыцкие народные лирические, исторические, обрядовые песни, театральные постановки, причем в них принимают участие даже дети, которым специально шьют национальные костюмы, учат калмыцким танцам и песням (См. записи исполнения калмыцких песен американскими калмыками [ЛААБ]). Вероятно, подтверждается бытующее среди исследователей мнение, что при территориальном отрыве людей от их этнической базы и изменении языка, психического склада и культуры этническое самосознание оказывается прочным элементом этничности.

Изучение этнокультурных ориентаций среди калмыков Республики показало, что наблюдается связь между владением родным языком и отношением к элементам национальной культуры: у волжских калмыков, среди которых отмечен высокий уровень компетенции в родном языке (в основном, представителей старшего поколения), более выражен интерес к национальным традициям, обрядам и одежде. В результате опросов среди ойратов Китая выяснилось, что 60 % информантов придерживаются традиций своего народа, 20 % знают традиции, но не придерживаются, 20 % затрудняются ответить.

Почти все информанты хорошо знают ойратских певцов и композиторов. В числе часто называемых певцов можно указать: Тенгр, Дедмя, Арюна, Саранг-Гова, Байсхан, Батсан, Чимидся, Мага, Манджиев

Аркадий, Алтн-Цецг, Чолун-Батыр, Ласру, Арюна; популярны такие национальные музыкальные группы, как «Хурда», «Чингисхан», «Хар-сарна», «Харнг». Это говорит о высоком этническом самосознании, гордости за свою национальную культуру и традиции. Будучи приглашенной Токийским университетом прочесть ряд лекций, я встретила синьцзянских калмыков, которые живут семьями в Японии. Многие из них являются высококвалифицированными специалистами в сфере компьютерных технологий, инженерии, медицины и т. д. Так, я была приглашена в гости в семью синьцзянских ойратов, преподавателей университета, и была приятно удивлена тем, что они, выразив большое желание пообщаться на родном ойрат-калмыцком языке, с трепетом расспрашивали о жизни калмыков России, а также с гордостью демонстрировали записи ойратских музыкальных ансамблей Синьцзяна. За несколько лет проживания в Японии все члены семьи хорошо овладели японским языком и свободно говорят на нем в общественных местах, на работе, в семейной сфере. И родители, и дети говорят на родном, ойратском, языке, в ситуации разговора между собой иногда прибегают к китайскому языку. Дети, кроме того, бегло говорят на английском языке, поскольку он рассматривается ими как социально значимый язык: знание английского языка предоставляет более широкие возможности, например, продолжить образование в Европе и Америке. Проживая среди разных народностей, в разных странах, они усвоили и различные культурные традиции, например, национальную кухню той или иной страны. К примеру, при подаче блюд к столу была соблюдена следующая очередность: вначале были поданы калмыцкие национальные блюда, затем — китайские, в последнюю очередь — японские. Понятно, что это говорит и о значимости той или иной культуры для них: на первом месте — национальная культура, традиции, затем — культура страны, где они родились, и на третьем месте — культура страны настоящего проживания.

Элементами этнического самосознания являются такие элементы культуры, как национальные песни, танцы, игры, поэтому высокий уровень самосознания среди ойратов отражают также следующие результаты опросов: 64 % ойратов Китая предпочитают петь на ойратском языке, 22 % — на китайском, 14 % — на других языках. Опрос

волжских калмыков и ойратов Китая показал, что и те, и другие усвоили народные песни в процессе общения с людьми старшего поколения, они знают свои народные песни и исполняют их на встречах с друзьями, родственниками. Характерно, что народные песни лучше знают женщины, родившиеся и выросшие в сельской местности и, как правило, представляющие среднюю и старшую возрастные группы. В младшей возрастной группе наблюдается меньшее количество знатоков национального песенного фольклора.

Среди ойратов Китая также отмечается высокий уровень знания фольклорного наследия предков. По результатам исследований, популярны следующие жанры национального фольклора: 94 % информантов знают пословицы и поговорки на ойратском языке, 90 % — обрядовые песни, 88 % рассказывают анекдоты на родном языке, 71 % рассказывают ойратские предания, 69 % знают сказки, 34 % поют частушки на ойратском языке [ЛААБ].

Данные опроса калмыцких школьников в Республике Калмыкия показали, что в основном все опрошенные увлекаются произведениями русской и зарубежной культуры. Произведения калмыцких писателей, поэтов, композиторов смогли назвать только 47 % информантов. Среди названных деятелей искусства можно указать Б. Басангова, П. Чонкушова, А. Манджиева и др. Из калмыцких артистов были названы В. Ильцаранова, В. Гаряева. Опрос показал, что школьники Республики Калмыкия мало интересуются калмыцкой национальной культурой. Оказалось также, что знание калмыцкого фольклора среди школьников Калмыкии находится на достаточно низком уровне: только 21,5 % опрошенных смогли назвать самые известные образцы калмыцкого фольклора, такие как «Кеедя», «Семьдесят две небылицы», эпос «Джангар».

Ситуация среди ойратов Китая — совершенно противоположная. 90 % предпочитают читать произведения ойратских писателей и поэтов, и только 10 % предпочитают китайских авторов. Так, среди произведений ойратских писателей были названы: «Дольганта хяядг», «Амта бор» Хо Бада, «Мөртэ цергин дун», «Өмдрлин ул мөр» А. Очира, «Зүркнэ килн», «Манан Будн» Ч. Пюрвя, «Мини нутг» Нацг Дорджи, «Тунглг Тямр», «Рассказы» Лодо Домба, «История о Гесере», «Джангар»; также были указаны писа-

тели Га-Гомба, Б. Ринчин, Чөөним. Информанты называли и ойратских художников: Темс, Доода, Амур, Төмр.

Интересен тот факт, что в домашней библиотеке у 65 % опрошенных ойратов мало книг на ойратском языке, у 30 % — много и у 5 % их нет. Подобный опрос среди калмыков России показал противоположные результаты: у большинства опрошенных волжских калмыков в домашней библиотеке вообще отсутствуют книги на калмыцком языке, что, вероятно, в какой-то степени связано с тем, что издание книг на калмыцком языке в Республике Калмыкия крайне снижено. В Китае же в этом отношении дело обстоит гораздо лучше: достаточно вспомнить активную деятельность по изданию эпоса «Джангар».

В целом, во всех возрастных группах обнаружена высокая степень знания как своих национальных обычаев, традиций, так и знания национальных обычаев народностей, населяющих регионы проживания ойрат-калмыков. Чаще всего, это знания свадебной обрядности. Достаточно высока доля молодых волжских калмыков и синьцзянских ойратов, прежде всего женщин, которые хотят не только знать, но и по возможности соблюдать свои национальные традиции и обряды. Немало среди опрошенных информантов тех, кто знаком с литературой по истории и культуре своего народа, что отражает определенный уровень национального самосознания. Как для мужчин, так и для женщин характерно возрастание интереса к своей национальной культуре по мере увеличения возраста. Кроме того, на культурные ориентации информантов оказывают влияние образовательный уровень и социальное положение. Наиболее широк диапазон культурных интересов у интеллигенции, студентов, наименее узок у работников физического, неквалифицированного труда.

Материалы социолингвистического исследования позволили рассмотреть роль родного языка в развитии ойратов КНР и калмыков России, проанализировать структуру этноязыкового самосознания этнических групп ойрат-калмыков, проживающих в разных регионах мира. Основным социально-психологическим фактором, влияющим на витальность языка, является национальное языковое самосознание. Как выяснилось, независимо от степени языковой компетенции, национальный

язык остается важным фактором идентификации со своей этнической общностью. Данные показывают, что калмыцкий язык в качестве родного языка в сознании калмыков занимает прочную позицию, несмотря на то, что, возможно, назвавшие язык своей национальности родным языком в реальности могут и не владеть им. Разница заключается в подходе к пониманию явления «родной язык». Волжские калмыки, в основном, подразумевают под «родным языком» некий «этнический символ», а для ойратов Китая «родной язык» — это действительно «язык матери», язык семейного общения, на основе которого формируются первичные речевые навыки. Волжские калмыки в большинстве родным языком владеют плохо, либо не владеют вообще, у них заметно выражен складывающийся годами процесс обрусения, сильное культурное влияние доминантной общности, хотя и наблюдается высокий уровень этноязыкового самосознания. При переходе этноса на другой доминирующий в обществе язык прежде всего реагирует сфера духовной культуры, что подтверждает пример волжских калмыков. Ойратов Китая отличает то, что они в большей степени интегрированы в собственный этнос. Родной язык, являющийся носителем традиций, истории и культуры народа, функционирует в качестве внутриэтнического коммуникативного средства и, следовательно, занимает более важное место в этноязыковом самосознании. Исследование показало также взаимообусловленность трех звеньев двуязычия: языковой компетенции, ценностной языковой ориентации, речевой деятельности. Более тесная взаимосвязь, взаимодополнение этих компонентов говорит об оптимальном развитии языковых процессов, примером чего могут служить ойраты Китая. Очевидно, чем больше сфер функционирования у национального языка, тем меньше потребность представителей этнической группы во втором языке.

Как видим, функциональное развитие ойрат-калмыцкого языка, языковая ситуация среди языковых общностей ойратов и калмыков в разных регионах мира неоднозначна. Несомненно, приоритетной на сегодня для калмыцкой общественности является задача восстановления и сохранения общественных функций родного языка, формирования и укрепления этноязыкового самосознания.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-24-09001 «Закономерности социокультурного развития языков в полиэтнических странах мира (Россия–Вьетнам).

Источники

ЛААБ — Личный архив А. Н. Биткеевой (2002–2016).

Литература

- Бромлей Ю. В. К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику // Советская этнография. 1983. № 3. С. 68–75.
- Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
- Будилова Е. А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М.: Наука, 1983. 230 с.
- Вундт В. Проблемы психологии народов. М.: Космос, 1912. 132 с.
- Выготский В. Л. Сознание как проблема психологии М.: Искусство, 1982. 576 с.
- Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис ДИ-ДИК, 1994. 640 с.
- Гучинова Э.-Б. М. Вынужденные переселения и этническое самосознание (на примере этнополитической истории калмыков в XX в.): дис.... докт. ист. наук. М., 2004. 452 с.
- Дашдамиров А. Ф. К методологии исследования национально-психологических проблем // Советская этнография. 1983. № 2. С. 62–74.
- Дробижева Л. М. Влияние этноконтактной среды на межнациональные отношения // Социальная психология и общественная практика. М., 1985. С. 117–123.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 572 с.
- Здравомыслов А. Г. Этнополитические процессы и динамика национального самосознания россиян // Социс. 1996. № 12. С. 23–32.
- Имкенова А. Б. Этническая идентичность калмыков. Элиста: Джангар, 1999. 91 с.
- Козлов В. И. Современные этнические процессы в СССР (к методологии исследования) // Советская этнография. 1969. № 2. С. 60–72.
- Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. 1974. № 2. С. 78–84.
- Кушнер П. Этнические территории и экономические границы. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 280 с.
- Лебон Г. Психология народа и масс. СПб.: Изд-во Павленко, 1896. 332 с.
- Москалев А. А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949–1999). М.: Памятники ист. мысли, 2001. 224 с.
- Овсяннико-Куликовский Д. Н. Психология национальности. Петербург: Время, 1922. 40 с.
- Потебня А. А. Мысль и язык. Харьков: Изд-во «Мирный Труд», 1913. 222 с.
- Тишков В. А. Межнациональные отношения в Российской Федерации. Доклад на заседании Президиума РАН 23 февраля 1993 г. М.: ИЭА РАН, 1993. 72 с.
- Чешко С. В. Распад Советского Союза. М.: ИЭА РАН, 1996. 398 с.
- Этнические и этно-социальные категории / под общ. ред. акад. Ю. В. Бромлея и проф. С. И. Вайнштейна; отв. ред. В. И. Козлов. М.: ИЭА РАН, 1995. 216 с.
- Aubin F. Une societe d'emigres: la colonie des Kalmouks de France // L'annee sociologique. 1968. P. 133–215.
- Dashefsky A., Shapiro H. M. Ethnic identification among American Jews. Socialisation and Social Structure. Lexington, MA: Lexington Books, 1974. 290 p.
- Moerman M. Ethnic identification in a complex civilization: who are in the Lue? // American Anthropologist. 1965. Vol. 67. P. 1219–1229.
- Theodorson George and Achilles G. A modern dictionary of sociology. Vol. VI. New York: Crowell Publ., 1969. 469 p.

Sources

LAAB — *Lichnyy arkhiv A. N. Bitkeevoy (2002–2016)* [A. Bitkeeva's personal archive].

References

- Bromley Yu. V. *K voprosu o vliyanii osobennostey kul'turnoy sredy na psikhiku* [Cultural environment and its impact on an individual's state of mind]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography journal], 1983, No. 3, pp. 68–75 (In Russ.).
- Bromley Yu. V. *Ocherki teorii etnosa* [Sketches on the theory of ethnos]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 412 p. (In Russ.).
- Budilova E. A. *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy v russkoy nauke* [Social and psychological problems in Russian science]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 230 p. (In Russ.).
- Vundt V. *Problemy psikhologii narodov* [Problems of ethnic psychology]. Moscow, Kosmos Publ., 1912, 132 p. (In Russ.).
- Vygotsky V. L. *Soznanie kak problema psikhologii* [Mind as a problem of psychology]. Moscow, Iskustvo Publ., 1982, 576 p. (In Russ.).
- Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the biosphere]. Moscow, Dik Publ., 1997, 640 p. (In Russ.).

- Guchinova E.-B. M. *Vynuzhdennye pereseleniya i etnicheskoe samosoznanie (na primere etnopoliticheskoy istorii kalmykov v XX v.): dis.... dokt. ist. Nauk* [Deportations and ethnic identity (evidence from ethno-political history of the Kalmyks in the 20th c.). A Ph. D. thesis]. Moscow, 2004, 452 p. (In Russ.).
- Dashdamirov A. F. *K metodologii issledovaniya natsional'no-psikhologicheskikh problem* [Revisiting research methods of ethno-psychological problems]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1983, No. 2, pp. 62–74 (In Russ.).
- Drobizheva L. M. *Vliyanie etnokontaktnoy sredy na mezhnatsional'nye otnosheniya* [Influence of ethnic environment on interethnic relations]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvennaya praktika* [Social psychology and practices]. Moscow, 1985, pp. 117–123 (In Russ.).
- Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The division of labor in society]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 572 p. (In Russ.).
- Zdravomyslov A. G. *Etnopoliticheskie protsessy i dinamika natsional'nogo samosoznaniya rossiyan* [Ethno-political processes and dynamics of national identity of Russia's citizens]. *Sotsis (journal)*, 1996, No. 12, pp. 23–32 (In Russ.).
- Imkenova A. B. *Etnicheskaya identichnost' kalmykov* [Ethnic identity of the Kalmyks]. Elista, Dzhangar Publ., 1999, 91 p. (In Russ.).
- Kozlov V. I. *Sovremennye etnicheskie protsessy v SSSR (k metodologii issledovaniya)* [Contemporary ethnic processes in the USSR]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1969, No. 2, pp. 60–72 (In Russ.).
- Kozlov V. I. *Problema etnicheskogo samosoznaniya i ee mesto v teorii etnosa* [The problem of ethnic identity and its place in the theory of ethnos]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1974, No. 2, pp. 78–84 (In Russ.).
- Kushner P. *Etnicheskie territorii i ekonomicheskie granitsy* [Ethnic territories and economic borders]. Moscow, USSR Acad. of Sc. Press, 1951, 280 p. (In Russ.).
- Le Bon G. *Psikhologiya naroda i mass* [The psychology of peoples]. St. Petersburg, Pavlenko Publ., 1896, 332 p. (In Russ.).
- Moskalev A. A. *Teoreticheskaya baza natsional'noy politiki KNR (1949–1999)* [Theoretical basis of the PRC's national policies (1949–1999)]. Moscow, Pamyatniki Ist. Mysli Publ., 2001, 224 p. (In Russ.).
- Ovsyanniko-Kulikovsky D. N. *Psikhologiya natsional'nosti* [Psychology of nationality]. St. Petersburg, Vremya Publ., 1922, 40 p. (In Russ.).
- Potebnya A. A. *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. Kharkov, Mirny Trud Publ., 1913, 222 p. (In Russ.).
- Tishkov V. A. *Mezhnatsional'nye otnosheniya v RF. Doklad na zasedanii Prezidiuma RAN* [Interethnic relations in Russia. Report at the Presidium of the RAS]. Moscow, Instit. of Ethnography and Anthropology (RAS) Press, 1993, 72 p. (In Russ.).
- Cheshko S. V. *Raspad Sovetskogo soyuza* [Decline of the USSR]. Moscow, Instit. of Ethnography and Anthropology (RAS) Press, 1996, 398 p. (In Russ.).
- Etnicheskie i etno-sotsial'nye kategorii: Svod etnograficheskikh ponyatiy i terminov. Vyp. 6* [Ethnic and ethno-social categories: a collection of ethnographic concepts and terms. Iss. 6]. Moscow, Instit. of Ethnography and Anthropology (RAS) Press, 1995 (In Russ.).
- Aubin F. *Une societe d'emigres: la colonie des Kalmouks de France* [An expatriate community: the Kalmyk camp in France]. *L'annee sociologique*. 1968 (In French).
- Dashefsky A., Shapiro H. M. *Ethnic identification among American Jews. Socialization and Social Structure*. Lexington, MA: Lexington Books, 1974, 290 p. (In Eng.).
- Moerman M. *Ethnic identification in a complex civilization: who are in the Lue?* *American Anthropologist*, 1965, vol. 67, pp. 1219–1229 (In Eng.).
- Theodorsen G. and Achilles G. *A modern dictionary of sociology*. New York, Crowell Publ., 1969, 469 p. (In Eng.).

УДК 930.85+811.512.31

РОДНОЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВААйса Николаевна Биткеева¹

¹ доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН (Москва, Российская Федерация).
E-mail: aisa_bitkeeva@yahoo.com.

Аннотация. В статье анализируется роль родного языка в контексте многонационального государства, специфика формирования этноязыкового самосознания под воздействием социо-исторических, глобализационных трансформаций общества, зависимость уровня этноязыкового самосознания от уровня языковой компетенции на примере ойратов Китая и калмыков России. В последние десятилетия особенно актуальной стала проблема исследования этноязыкового фактора в этническом самосознании этносов, характеризующаяся тенденцией роста этничности в обществе. Этому способствует ряд причин, в числе которых — стремление возродить и сохранить национальное самосознание, важными составляющими которого являются национальный язык, культура. Процессы изменения этноязыковой специфики национального самосознания коснулись как российских калмыков, имеющих отдельное территориальное образование и являющихся составной частью российского этноса, так и ойратов Китая и Монголии, проживающих небольшими диаспорами в разных регионах мира. Попытки формирования в настоящее время нового национального самосознания калмыцкого этноса говорят о том, что ревитализация этнической идентичности в культурном и политическом плане необходима калмыкам, утратившим ее в силу разных объективных и субъективных причин. В статье на материале социолингвистических исследований, проведенных автором статьи в период с 2002 по 2016 гг. рассматривается роль родного языка в развитии ойратов Китая и российских калмыков, структура этноязыкового самосознания и языковые трансформации у ойратоязычных этнических групп, проживающих в разных регионах мира.

Ключевые слова: родной язык, языковые аттитюды, этноязыковое самосознание, языковая ситуация, языковая политика, полиэтническое государство.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 163–182, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-163-182
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 81'33

Kalmyk Participial Inflectional Models: a Perspective from the Grammar of Order (Evidence from the Kalmyk National Corpus)

Victoriya V. Kukanova ¹

¹ Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Director, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

Abstract

The article describes the grammar of order inherent to inflectional affixes of participles in the Kalmyk language. The term 'inflectional model' stands for an abstract scheme according to which a real inflectional chain with due account of morphophonological compatibility laws and semantic rules is formed. The research is based on the data from the Kalmyk National Corpus (kalmcorp.ru) currently comprising nearly 9 million tokens which is sufficient enough to obtain objective information on inflectional chain modeling. The importance of the research lies in the necessity to classify, systematically describe and analyze associative properties of morphemic units in the synthesis of lexical units ('wordforms' if defined broadly) of the Kalmyk language. During the analysis of the materials of the Kalmyk National Corpus over 190 Kalmyk participial inflectional models have been identified. A number of the models are dialectal by nature, e.g., the model *Base + Dur + Fut + ConfPart (=n)* is found in the texts whose authors speak the Dorbet dialect of the Kalmyk language. The list of models contains both well-known and frequent schemes as well as those newly introduced into scientific discourse (e.g., the model *Base + Caus + Dur + Hab + ModPart (=dzh)*).

Keywords: Kalmyk language, inflectional affixes, participle, grammar orders, automatic analysis, models of inflection.

1. Введение

Причастия принадлежат, как правило, к группе наименее нефинитных¹ глагольных форм, занимая одно из важнейших мест в структуре калмыцкого и монгольского предложения. Изучение грамматики порядков присоединения словоизменительных аффиксов и частиц к причастиям целенаправленно не проводилось, однако можно найти отдельные упоминания, что тот или аффикс (или частица) может примыкать к причастию и какое значение может нести данное сочетание в высказывании. Морфемная структура причастия, в отличие от других частей речи, на наш взгляд, обладает большей сложностью и многокомпонентностью. К тому же причастие является частью речи, которая не имеет ограничений в плане присоединения только именных или только глагольных аффиксов. Субстантивируясь, оно трансформируется во многих отношениях: меняются морфологические свойства, синтаксическая роль, а самое главное, категориальное значение слова, а значит, может присоединять к себе именные аффиксы (см. подробно: [ГКЯ 1983; Харчевникова 1996; Мучаева 2009]). Примечательна данная часть речи и тем, что оно может выполнять роль сказуемого, быть вершиной главной клаузы, соответственно к основе примыкают те аффиксы, которые выражают финитность глагольной формы.

Данная работа является продолжением серии статей, которые посвящены описанию комбинаторных свойств словоизменительных аффиксов и частиц в разрезе частей речи (см., например: [Куканова 2015а; 2015б; 2015в]). В фокусе данного исследования находятся цепочки словоизменительных аффиксов причастия, наименее нефинитной формы глагола. Отметим, что в данной работе мы не останавливаемся на теоретических спорах, на терминах, их дифференциации. Целью работы является выявление грамматики порядков причастий в калмыцком языке на материале Национального корпуса калмыцкого языка.

2. Материал и методика исследования

Материалом послужили тексты Национального корпуса калмыцкого языка (далее — НККЯ) [Куканова 2013], размер ко-

торого составляет около 9 млн токенов. В корпус вошли тексты художественного (в том числе и фольклорные произведения), газетного стилей, незначительный процент текстов принадлежит научной сфере. В хронологическом отношении корпус можно охарактеризовать как информационную систему с текстами преимущественно второй половины XX и начала XXI в. Для проведения данного исследования мы использовали локальную версию корпуса, которая доступна в специализированной программе TextAnalyzer, позволяющей проводить поиск иллюстративного материала по определенным критериям. В настоящей работе применялся корпусный подход к его анализу, который позволил проанализировать все примеры без исключения, что дает возможность получения целостной картины грамматики порядков словоизменительных аффиксов и частиц. Методом сплошной выборки был найден материал исследования, затем при помощи перекрестных запросов цепочки словоизменительных аффиксов уточнялись.

3. Дискуссии

Что касается морфологического статуса причастий, то это не вызывает острых дискуссий в отечественной школе, однако вопрос об их синтаксическом статусе не однозначен до сих пор, начавшись еще в глубоком прошлом. Споры, связанные с этим вопросом, можно разделить на два направления: с одной стороны, ученые считают, что причастие входит в состав причастного оборота, т. е. элемента, который усложняет предложение (главную клаузу) [Бертагаев и др. 1962: 117; Очиров 1984: 63–89; Пюрбеев 2010: 162; и др.], с другой — является зависимой клаузой, т. е. элементом предложения, который обладает самостоятельной предикативностью [Амоглонов 1958: 181; Бобровников 1849: 326; Котвич 1925: 379; Санжеев 1941: 128; Крапивина 2009; и др.].

В зарубежной монголистике, вслед за Г. И. Рамstedтом [1957: 89–90], причастия в монгольских языках называются глагольными именами: «The nominalization of verbals, also known as the „nominal representation of verbs“, is an operation that allows verbals to be used in nominal functions without affecting their basic verbal status. In the sentence, the *nominalized verbal* appears in the roles of a nominal (subject, object, attribute, nominal predicate), while, at the same time, it

¹ Некоторые причастия выполняют функцию финитного глагола, выступая в позиции вершины в предложении, что будет рассматриваться подробно ниже.

retains its original ability to govern the modifiers of the verb (object, adverbial). Sequences with a nominalized verbal as the predicate may be seen as equivalent to relative and referative clauses in other languages, an understandable correlation as Mongolian has neither relative pronouns ('which', 'who') nor referative conjunctions ('that'). As far as morphology is concerned, the nominalized verbal can take the inflectional suffixes of a nominal, including case endings and the markers of personal and reflexive possession. Nominal derivation, including plural marking, is, however, normally not applicable to nominalized verbals» [Janhunen 2012: 159–162].

В данной работе, напомним, мы не ставим задачу решить теоретические вопросы, однако придерживаемся следующей точки зрения: причастие — это атрибутивная

форма глагола, которая может усложнять структуру предложения, в зависимости от типа причастия обладает потенциальной возможностью субстантивации, транспозиции в предикатив.

4. Порядок аффиксов

Ниже приводится список моделей, актуальных для деепричастных форм с демонстрацией примеров из НККЯ, что доказывает их реальное функционирование в калмыцкой речи. Для структурирования схемы используются следующие условные знаки: 1) Base — основа; 2) () — факультативность; 3) | — альтернатива; 4) + — присоединение. В примерах, репрезентирующих ту или иную схему, сохраняется авторская орфография и пунктуация, в квадратных скобках приводятся правильные варианты или знаки пунктуации.

№	Помета	Наименование	Аффиксы
1	Pass	страдательное причастие	-ата, -этэ
2	Pos	причастие возможности	-м, -мр
3	Pres	причастие настоящего времени	-а, -э
4	Mom	однократное причастие настоящего времени	-гч
5	Hab	многократное причастие настоящего времени	-дг
6	Pst	причастие прошедшего времени	-сн
7	Fut	причастие будущего времени	-х

5.1. Страдательное причастие

№	Схема	Расшифровка	Пример	Демонстрация в тексте
	Base + Caus + Pass	основа + аффикс каузативного залога + аффикс страдательного причастия	йов-ул-ата	Зуг арһ уган төлэд энһр үрдэн дээнд йовулата юмн. [Басангов Б.Б. Экин туск частр]
	Base + Pass	основа + (интерфикс) + аффикс страдательного причастия	йов-ата	Адунд һару уга, / Амр тавар йовата , / Энд һарһсн гэм / Эгл нанд уга. [Даваев Г. Д. Алтма]
	Base + Pass + ?	основа + аффикс страдательного причастия +	зогс-ата-вт	— Үр ах лейтенант, эн ормдан зогсатавт ? [Джимбиев А. М. Үр үгин ормд]
	Base + Pass + Case + Poss	основа + аффикс страдательного причастия + (интерфикс) + падежный аффикс + аффикс поссессивности	йов-ата-һ-ин-ь	Болв тер мини толһа деер торад йоватаһинь би эн саамд медүв: энчнь өргддженә: махла бәәһд өргдддг болх, уга юмн өргддиголм... [Джимбиев А. М. Баазр ямаран баатр бәәж]
	Base + Pass + ConfPart	основа + (интерфикс) + аффикс страдательного причастия + подтверждающая частица	йов-ата-лм	Кезәнәс эндр күртл тиигэд, амд-менд йоваталм . [Бембеев Т. О. Бамб цецг]
	Base + Pass + Pass	основа + аффикс страдательного залога + аффикс страдательного причастия	соңс-гд-ата	Орһсн товин дун / Өрүнәс авн соңсгдата . [Буджалов Е. А. Догһн цагин поэм]
	Base + Pass + Per	основа + (интерфикс) + аффикс страдательного причастия + аффикс сказуемости	зов-ата-в	Төрскнәс сална гисн / Тииһ һашута болтал, / Эврәннь дун кевтә / Ода күртл зоватав ... [Сангаджиева Б. Б. Тоһрун]
	Base + Pass + Poss	основа + аффикс страдательного причастия + аффикс поссессивности	йов-ата-нь	Эцкин өгсн сурһмәж оньдинд энүнә насн-жирһлиннь хаалһд герл болад, күч-көлснә дишлөрүр дурдад йоватань эн... [Бадма-Горьев Э.-Г. Бадм һэрән Эрдни һәрә]

	Base + Recp + Pass	основа + аффикс взаимного залога + аффикс страдательного причастия	<i>ора-лд-ата</i>	<i>Кемр түрүн үр харһлһн оралдата болхла, яахви?</i> [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]
	Base + Recp + Pass + Case	основа + аффикс взаимного залога + аффикс страдательного причастия + (интерфикс) + падежный аффикс	<i>залһ-лд-ата-һ-ар</i>	<i>Дэкэд болхла, ухалж харһдг билг болн күлэжэсн юмна санан үүнд хурцар тодлгддг лавта жирһлин бээдллэ залһлдаһар өггддг.</i> [Биткеев Н. Ц., Дельдинова Б. К. Жанһр Коммунистическ күүнэ сурһмжин дегтр болхмн]
	Base + Recp + Pass + Per	основа + аффикс взаимного залога + аффикс страдательного причастия + аффикс сказуемости	<i>залһ-лд-ата-в</i>	<i>— Би эрмэль, грузин, буужһр, хар маһд, бурят улсла залһлдаһав.</i> [Балакаев А. Г. Буурл теэгт]
	Base + Soc + Pass	основа + аффикс совместного залога + аффикс страдательного причастия	<i>ора-лц-ата</i>	<i>Мини жирһл гидгтн зөвэр күчр, зөвэр оралицата болх.</i> [Джимбиев А. М. Шиндэ]
	Base + Soc + Pass + Case	основа + аффикс совместного залога + аффикс страдательного причастия + (интерфикс) + падежный аффикс	<i>ир-лц-этэ-һ-эр</i>	<i>Хальмг бичэчрин үүдэврмүд авад халхлэ, литературн героймудтан ке сээхн, тэвсн төрэр ирлицэтэһэр нерд өгнэ.</i> [Монраев М. У. Хальмг нерд]
	Base + Soc + Pass + Case + Poss	основа + аффикс совместного залога + (интерфикс) + аффикс страдательного причастия + (интерфикс) + падежный аффикс + аффикс поссесивности	<i>ир-лц-этэ-һ-ин-ь</i>	<i>Тегэд чигн эднэ утх-үндснь эврэ цагин некврмүдлэ ирлицэтэһинь умшац бас медх.</i> [Джимбиев А. М. Нүр үг]
	Base + Soc + Pass + Poss	основа + аффикс совместного залога + аффикс страдательного причастия + аффикс поссесивности	<i>ир-лц-этэ-нь</i>	<i>— Зуг тана келсн төр нанла ямаран ирлицэтэнь медгдэжэхи.</i> [Бадмаев А. Б. Мукөвүн]

5.2. Причастие возможности

№	Схема	Расшифровка	Пример	Демонстрация в тексте
	Base + Caus + Pos	основа + аффикс каузативного залога + аффикс причастия возможности	<i>йов-ул-м</i>	<i>Йовуул дүңгэ күн харһжэ өглгэ бээнэ.</i> [Кукаев А. М. Энкрлж өсксн экдэн нерэдженэв]
	Base + Pos	основа + аффикс причастия возможности	<i>йов-м</i>	<i>— Мини куук өргэлх болхла, эврэнь герин үүднэс авн мини герин үүдн күртл мөңгн алтн хойрар тагт тэвэд, хойр амарнь күн шүүрэд идэд йовм тэрэ-темс урһатха, — гив.</i> [Коллективный автор. Өвснэ көндэд өнчн му Борлдаш] <i>Бас боллго йовим, — гижэ комиссар хэрү өгэд босв.</i> [Бембеев Т. О. Бамб цецг]

5.3. Причастие настоящего времени

№	Схема	Расшифровка	Пример	Демонстрация в тексте
	Base + Pres	основа + аффикс причастия настоящего времени	<i>йов-а</i>	<i>Аван дахад йова бээж, Бата чигн чаһар йовдг болчкв.</i> [Докрунов Б. Аван һундасн ач]
	Base + Caus + Pres	основа + аффикс каузативного залога + аффикс причастия настоящего времени	<i>йов-ул-а</i>	<i>— Тостаев, намаг һанцаргим балһсн тал йовула бээж, аштнь һанцарн үлдхв гижэ ээхивчи?</i> [Балакаев А. Г. Хаврин халун салькн]
	Base + Recp + Pres	основа + аффикс взаимного залога + аффикс причастия настоящего времени	<i>йов-лд-а</i>	<i>Дэкэд хоюрн йовлда йовжэ модна захд күрч ирв.</i> [Бадмаев А. Б. Зурһадгч өдр]
	Base + Soc + Pres	основа + аффикс совместного залога + аффикс причастия настоящего времени	<i>соңс-лц-а</i>	<i>Нег-негэн эс таньдг болв чигн, нег-негэннь тускар урднь хара биш соңслица йовсн хойр бөк гилс-гилс гижэ нег-негэн хэлэлдэд, аһу дотраһур агзр-агзр ишкмиңхэв.</i> [Инджиев Л. О. БӨКНР]

5.4. Однократное причастие настоящего времени

№	Схема	Расшифровка	Пример	Демонстрация в тексте
	Base + Mom	основа + аффикс однократного причастия настоящего времени	<i>йов-гч</i>	<i>Тегэд эн баатр Мергн сар уралан снайперск багт өмн нүүрт йовгч цергт автн, — гижэ эрлһ бичлэ.</i> [Эрендженов К. Э. Аңһучин көвүн]
	Base + Caus + Mom	основа + аффикс каузативного залога + аффикс однократного причастия настоящего времени	<i>йов-ул-гч</i>	<i>Энүнэ хэлэцэр, күмнэмтн — туужиг йовулгч чидл, эдл-ахун болн ухани зөөрин бүрдэч.</i> [Каляев А.Л. Кел нээрүлһн]

	Base + Mom + Poss	основа + аффикс однократного причастия настоящего времени + аффикс посессивности	йов-гч-нь	Эндр Советинм йовгчнь болхла, / Эржс күлэсн күцл биш, / Эрэлэд батлад зурчсн зура, / Эн коммунизм тал көтлн. [Байдыев С. Л. Күцл кехлэ]
	Base + Pass + Mom	основа + аффикс страдательного залога + аффикс однократного причастия настоящего времени	йов-дг-[з]ч	— Хм, күцэд ирж йовдгч , — болжс Сергей Филиппович саналдв. [Балакаев А. Г. Залу зөрг]

5.5. Многократное причастие настоящего времени

№	Схема	Расшифровка	Пример	Демонстрация в тексте
	Base + Recp + Hab	основа + аффикс взаимного залога + аффикс многократного причастия настоящего времени	йов-лд-дг	Юңгад гихлэ, хальмгуд тиңхд тасрлт уга тиңгэн-иңгэн йовлддг бээсмн. [Бадмаев А. Б. Дөрвн өөрд-хальмг]
	Base + Dur + Hab	основа + аффикс длительного вида + аффикс многократного причастия настоящего времени	йов-жа-дг	— Сээхн кергт йовжадг күн болжсанач. [Сусеев А. И. Харти Кануков нег тууж келлэ, сурһмжан өглэ]
	Base + Caus + Dur + Hab + ModPart	основа + аффикс каузативного залога + аффикс длительного вида + аффикс многократного причастия настоящего времени + модальная частица	йов-ул-жа-дг-жс	«Фронтод йовулжадгжс », — гинэд «эжирд» гисн зэнг һарад ирв . [Нармаев М. Б. Фронтод бичгдсн тетрадь]
	Base + Caus + Compl + Hab	основа + аффикс каузативного залога + аффикс комплетива + аффикс многократного причастия настоящего времени	йов-ул-чк-дг	Теднь йовжс-йовжс нег нутгас ирхлэг, дэжэд талдан нутгур авад йовулчкдг бээсмн. [Сусеев А. И. Харти Кануков нег тууж келлэ, сурһмжан өглэ]
	Base + Caus + Hab	основа + аффикс каузативного залога + аффикс многократного причастия настоящего времени	йов-ул-дг	Эн хойриг салу-салу мөрэр йовулдг болв. [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]
	Base + Caus + Hab + Case + Refl	основа + аффикс каузативного залога + аффикс многократного причастия настоящего времени + падежный аффикс + аффикс рефлексивности	йов-ул-дг-ан	Медэд, сүүлин харһтлан Иван Александрович Кушнаревд, нааран элт йовулдган ахрдтн, болһатн гинэд батлад келчклэ. [Балакаев А. Г. Залу зөрг]
	Base + Caus + Hab + Case	основа + аффикс каузативного залога + аффикс многократного причастия настоящего времени + падежный аффикс	йов-ул-дг-ин	Эрдниг эс йовулдгин арһ хээжсһэд, колхозин ахлч Манжсиев келжсһэ. [Инджиев Л. О. Туурмж]
	Base + Caus + Hab + Case + Poss	основа + аффикс каузативного залога + аффикс многократного причастия настоящего времени + падежный аффикс + аффикс посессивности	йов-ул-дг-ин-[н]ь	— Бидн жилин дуусн тракторин төр даснавидн, зуг йовулдгинь манд күн дасххи. [Нармаев М. Б. Манц хол]
	Base + Caus + Hab + Poss	основа + аффикс каузативного залога + аффикс многократного причастия настоящего времени + аффикс посессивности	йов-ул-дг-мдн	Тегэд бидн танд нээлэд, хошин маңнад йовулдгмдн эн. [Тачиев А. Э. Салдсин эк]
	Base + Caus + Hab + Neg	основа + аффикс каузативного залога + аффикс многократного причастия настоящего времени + отрицательная частица	йов-ул-дг-[з]о	Хоосн сав йовулдго . [Амбекова Б.П. Му йор]
	Base + Caus + Hab + Case	основа + аффикс каузативного залога + аффикс многократного причастия настоящего времени + падежный аффикс	йов-ул-дг-т	Тиңгжс көдлжсһэд, трактор йовулдгт һархар седв. [Нармаев М. Б. Манц хол]
	Base + Caus + Hab + Poss	основа + аффикс каузативного залога + аффикс многократного причастия настоящего времени + аффикс посессивности	йов-ул-д[и]-мн	Шофер маши йовулдмн . [Джимбиев А. М. Нүр үг]
	Base + Caus + Dur + Hab + EmpPart	основа + аффикс каузативного залога + аффикс многократного причастия настоящего времени + эмпатическая частица	йов-ул-жа-дг-чн	Мана колхозин күүкд, берэд цуһар ода цегчнрт, беелэ фуфайк, өмс үйжс йовулжадгчн , тиңгэд теднэс би бас үлдхэр бээхив. [Кукаев А. аффикс многократного причастия настоящего времени М. Энкрлж өсксн экдн нерэджсһэв...]

	Base + Hab + Case + Refl	основа + аффикс многократного причастия настоящего времени + падежный аффикс + аффикс рефлексивности	<i>йов-дг-ар-н</i> <i>йов-дг-т-ан</i>	<i>Гол хатлад йовдгарн эмгн / Ганихн көвүхэн аашина болхла, / Тишгн гихнь олдсн үрн / Теегин аһуд төрсэн медүллэ. [Хонинов М. В. Эмнд орлсн беларусь ээж]</i> <i>Кеер-һаза йовад йовдгтан Эрм барак тал олн зүсн зэңг авч ирнэ. [Кукаев А.М. Эмтн дунд]</i>
	Base + Hab + Case + Poss	основа + аффикс многократного причастия настоящего времени + падежный аффикс + аффикс поссесивности	<i>йов-дг-им</i> <i>йов-дг-м</i> <i>йов-дг-ин-[н]ь</i> <i>йов-дг-т-нь</i>	<i>Мини дурна седклиг / Мартлго хадһлад күргич, / Гурвн жилин туршарт / Һундад йовдгим келич. [Очиров Б. Г. Ханц дун]</i> <i>Чамас сурад йовдгм, тер үвлэр болн хаврар болсн аюлин тускар ухалтха гийэд келжэнэв. [Кукаев А. М. Тахшлһн]</i> <i>Йовдгинь би кедү дакжс уурулсн болхв, кедү дакжс келсн болхв! [Тургенев И. Хойр помещик]</i> <i>Зуг тедн дунд Дулахна йовдгтнь ханжсана. [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]</i>
	Base + Hab + EquPart	основа + аффикс многократного причастия настоящего времени + уподобительная частица	<i>йов-дг-иңг</i>	<i>Би, зүүднд нисжс йовдгиңг, нисэд йовнав, нисжс йовад альд буусан медсн угав... [Хонинов М. В. Смоленск һазрин баатр]</i>
	Base + Hab + EmpPart	основа + аффикс многократного причастия настоящего времени + эмфатическая частица	<i>йов-дг-чи</i>	<i>— Йовдгчи болх... [Джимбиев А. М. Үр үгин ормд]</i>
	Base + Hab + EmpPart	основа + аффикс многократного причастия настоящего времени + эмфатическая частица	<i>йов-дг-чнь</i>	<i>Э, эбэ одак андн Эдгэд одад зарһ бэрэд йовдгчнь юмби? [Басангов Б. Б. Кенз байн]</i>
	Base + Assoc + Hab + ModPart	основа + аффикс множественности + аффикс многократного причастия настоящего времени + модальная частица	<i>йов-цха-дг-жс</i>	<i>— Теднэ цегрт цегрләд, манд, француз улст олз уга, — гисн йовцхадгжс. [Нармаев М. Б. Фронтд бичгдсн тетрадь]</i>
	Base + Assoc + Hab + Poss	основа + аффикс множественности + аффикс многократного причастия настоящего времени + аффикс поссесивности	<i>йов-цха-дг-нь</i> <i>йов-цха-дг-тн</i>	<i>Эврәннь хальмган эн догшин цагас авч һархин орчд, цаһачудла күзүһән холвад, хазг болхар седэд йовцхадгнь. [Бадмаев А. Б. Дегтр һарһачас]</i> <i>Хоюрн-хоюрн зулад йовцхадгтн юмби? — гижс хээкрн, Кару һосан шүүрэд авлһнла, хойр адучнр хултхлзлада одв. [Басангов Б. Б. Хулхачнр]</i>
	Base + Assoc + Hab	основа + аффикс множественности + аффикс многократного причастия настоящего времени	<i>йов-цха-дг</i>	<i>Ончхан Жирһлин нерн хальмг, орс орнд туурад йовхла, хальмгин нойдуд үлү үзэд, дурго болад йовцхадг санжс. [Коллективный автор. Ончхан Жирһл]</i>
	Base + Soc + Hab	основа + аффикс совместного залога + аффикс многократного причастия настоящего времени	<i>йов-лц-дг</i>	<i>Зуг сөөһэр хоорндан йовлцдг бээсмн. [Бадмаев А. Б. Мукөвүн]</i>
	Base + Soc + Hab + Neg	основа + аффикс совместного залога + аффикс многократного причастия настоящего времени + отрицательная частица	<i>йов-лц-дг-[г]о</i>	<i>Одала эдл йовдг биш, йовлцдго. [Бутаев С. Өнчн көвүн шулм күүк авсна тускар]</i>

5.6. Причастие прошедшего времени

№	Схема	Расшифровка	Пример	Демонстрация в тексте
	Base + Dur + Pst + EmpPart	основа + аффикс длительного вида + аффикс причастия прошедшего времени + эмфатическая частица	<i>йов-жа-сн-чнь</i>	<i>Делгр һалан түләд, цээһән чанн йовжс кедү бийән чаһаһар седсн бийнь болжс өглго, хойр нүднь Цекрә тал халәһд — «намаһан эн өргн теегин аһуд, күүкдәһим үлдәчкәд, йовжсаснчнь энв...» — гижс санв. [Кукаев А. М. Энкрлж өсксн экдән нерәдженәв]</i>
	Base + Dur + Pst + Poss	основа + аффикс длительного вида + аффикс причастия прошедшего времени + аффикс поссесивности	<i>йов-жа-сн-[н]ь</i>	<i>Болв шим ончта төр хаһлхар түрүн болжс йовжсаснь эн бээсмн. [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]</i>
	Base + Caus + Dur + Pst + Poss	основа + аффикс каузативного залога + аффикс длительного вида + аффикс причастия прошедшего времени + аффикс поссесивности	<i>йов-ул-жа-сн-[н]ь</i>	<i>Учринь би бодад меджәнәв — маниг йовулжсаснь эн. [Нармаев М. Б. Фронтд бичгдсн тетрадь]</i>

Base + Caus + Compl + Pst	основа + аффикс каузативного залога + аффикс комплетива + аффикс причастия прошедшего времени	йов-ул-чк-сн	— Залач эврэн кэлг өгэд, эмчд йовулчксн күн, эс медх билү. [Бадмаев А. Б. Усна эжн булг]
Base + Caus + Compl + Pst + Case	основа + аффикс каузативного залога + аффикс комплетива + аффикс причастия прошедшего времени + падежный аффикс	йов-ул-чк-сн-а	Тегэд тиим күн уга гнхэд йовулчксна ард эжм: «Тая, энчн Павлын ах ирсн бээдлтэ. [Манжелеева Р. Ц. Хөвтэ күн бээж]
Base + Caus + Compl + Pst + Per	основа + аффикс каузативного залога + аффикс комплетива + аффикс причастия прошедшего времени + аффикс сказуемости	йов-ул-чк-сн-тн	— Ирсн салдсмудыг күлэд хэрү йовулчкснтн соңслав. [Бадмаев А. Б. Дегтр нарһачас]
Base + Caus + Compl + Pst + Poss	основа + аффикс каузативного залога + аффикс комплетива + аффикс причастия прошедшего времени + аффикс поссесивности	йов-ул-чк-сн-[н]ь	Цааран нар залһад йовулчкснь ил, му болхла тиигиголм! [Бембеев Т. О. Заяни хурц билг]
Base + Caus + Assoc + Pst	основа + аффикс каузативного залога + аффикс множественности + аффикс причастия прошедшего времени	йов-ул-цха-сн	— Тиим болжахагов, тегэд чигн намаг Сиверт йовулцхасн болжахагов, — болад, Баатра Эрдэ ахрар зах-зуухинь келэд, хуурхар седжэх бээдл нарһв . [Инджиев Л. О. Большевикүд]
Base + Caus + Assoc + Pst + Poss	основа + аффикс каузативного залога + аффикс множественности + аффикс причастия прошедшего времени + аффикс поссесивности	йов-ул-цха-сн-[н]ь	Тегэд, тиим учрар энүг мадн тал йовулцхаснь тер. [Илюмжинов Н. Д. Аби́ль]
Base + Caus + Pst + Case + Poss	основа + аффикс каузативного залога + аффикс причастия прошедшего времени + падежный аффикс + аффикс поссесивности	йов-ул-с[н]-и-м	Болв хойр-хойр үрэн эн дээндчн йовулсим чи медхэн хээжэхич. [Басангов Б. Б. Экин туск частр]
Base + Caus + Pst	основа + аффикс каузативного залога + аффикс причастия прошедшего времени	йов-ул-сн	Түрүн йовулсн машиһар негн хөөдэрнь шашлык кечкж, мөңгнь чигн гертэснь олдж уга. [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]
Base + Caus + Pst + Case	основа + аффикс каузативного залога + аффикс причастия прошедшего времени + падежный аффикс	йов-ул-сн-а йов-ул-сн-ас йовулснд йов-ул-сн-ла	Бадм цеггэ улсиг йовулсна хөөн Каспийск-Кавказск фронтд тежэлин малмуд цуглуулһнд орлцв. [Балакаев А. Г. Алтн бумб] Салмуд эклж йовулснас нааран тосхлтын көдлмит оньган өглго бээсэн санад, эндр эн цугтаһинь эргв. [Кукаев А. М. Эмтн дунд] — Федор Петрович, таниг йовһар йовулснд буруһим тэвж хээрлн. [Балакаев А. Г. Залу зөрг] Тертн зүркэн таслж авад йовулсна эдл юмн... [Басангов Б. Б. Экин туск частр]
Base + Caus + Pst + Case + Refl	основа + аффикс каузативного залога + аффикс причастия прошедшего времени + падежный аффикс + аффикс рефлексивности	йов-ул-сн-д-ан	Василь болхла, ямаран эвтэ кевэр, хазгин авъястаһар, Бичкн гидг күүтрин хамгин һолгч гисн ховч эмгиг яһж меклж йовулсндан байрлж өргдэд, сахл дотран коочиж инһэд бээв. [Илюмжинов Н. Д. Аби́ль]
Base + Caus + Pst + Poss	основа + аффикс каузативного залога + аффикс причастия прошедшего времени + аффикс поссесивности	йов-ул-сн-[н]ь	Аавиг бичкн көвүд, күүкдтэ хамднь суулһад, хэрхив гисн Бовлданиг ахнь күчэр кузов деер өргж тэвэд, тедниг йовулснь тер. [Балакаев А. Г. Күн болх баһасн]
Base + Caus + Pass + Dur + Pst	основа + аффикс каузативного залога + аффикс страдательного залога + аффикс длительного вида + аффикс причастия прошедшего времени	йов-ул-гд-жа-сн	Тер йовулгджасн баячуд дотр Му-Лиэжин эцк дү хойр бас орсмн. [Тачиев А. Э. Салдсин эж]
Base + Caus + Pass + Pst	основа + аффикс каузативного залога + аффикс страдательного залога + аффикс причастия прошедшего времени	йов-ул-гд-сн	Тер йовулгдсн күүнд хэрү ирх болзг гиж дөрвн час өгцхэв. [Амур-Санан А. М. Муудран көвүн]
Base + Caus + Pass + Pst + Case	основа + аффикс каузативного залога + аффикс страдательного залога + аффикс причастия прошедшего времени + падежный аффикс	йов-ул-гд-сн-а йов-ул-гд-сн-ас	Гнибеда, уулын зэрм баһ келн-эмтн Сивр тал йовулгдсна тускар Яковенко ода шинкн соңссинь медчкэд, дотран: «Би айстан ам алдад, эндү нарһад , эмтнд тархагдиго государственн нуувч илдкэд келчксн болвзгов... [Инджиев Л. О. Харалта өдрмүд] Йисниг бэрэнд йовулгдснас авн Цернэ оралдһн улм гүдж одв. [Амур-Санан А. М. Арнзл]

Base + Caus + Pass + Assoc + Pst	основа + аффикс каузативного залога + аффикс страдательного залога + аффикс множественности + аффикс причастия прошедшего времени	йов-ул-гд- цха-сн	Эдэрхнэс кесг хальмг күүкд медсестран курс төгсэхэд, дээнүр йовулгдцхасн билэ. [Тачиев А. Э. Комиссарин одн]
Base + Caus + Dur + Pst	основа + аффикс каузативного залога + аффикс длительного вида + аффикс причастия прошедшего времени	йов-ул- жа-сн	Чикэр келхлэ, энүг йовулжасн хальмг күүкд кун. [Манжелеева Р. Ц. Хаалхин хань]
Base + Compl + Pst + Case	основа + аффикс комплетива + аффикс причастия прошедшего времени + падежный аффикс	йов-чк- сн-а	Кесг сардан йовчксна хөөн, нег доһлц эмгнлэ харһна. [Эльдышев Э. А. Байн күүкн болн угатя ковүн]
Base + Assoc + Pst + Case	основа + аффикс множественности + аффикс причастия прошедшего времени + падежный аффикс	йов-цха- сн-ла	— Ай, мөрд гихэс, би одахн эвртэ мөрд үзүв, — гигж Амр-Санан келв, — Баһ Цоохра нутга улан сотнин һурвн цеггч Дунд Хурлын цаад бийд зөвэр ик аду көөж йовцхасла харһув. [Инджиев Л. О. Большевикүд]
Base + Assoc + Pst + Poss	основа + аффикс множественности + аффикс причастия прошедшего времени + аффикс поссесивности	йов-цха- сн-[н]ь	Уульнцар кесг көвүд гүүлдэж, наадж йовцхаснь үзгдв. [Гайдар А. Туумарин утан]
Base + Assoc + Pst	основа + аффикс множественности + аффикс причастия прошедшего времени	йов-цха-сн	Фольклор бийснь күчр мууһар болн зовлц эдлж йовцхасн болв чигн, тедн дүмбр сээхн, гүн утхта туульс ухалж һарһцхасн мөн... [Инджиев Л. О. Хальмг улсин мөнк бахмж]
Base + Pst	основа + аффикс причастия прошедшего времени	йов-сн	— Йовсн кергтн күцви? [Балакаев А. Г. Хаврин халун салькн]
Base + Pst + Poss	основа + аффикс причастия прошедшего времени + аффикс поссесивности	йов-сн- [н]ь	Өрүнэ хур зогсад, һазр невчк ээврхлэ Арвн Викторович совхозур ирж йовснь эн. [Бадмаев А. Б. Усна экн булг]
Base + Pst + QuaPart	основа + аффикс причастия прошедшего времени + вопросительная частица	йов-сн-ий	«Тэрнтэ» чүүһин уснь / Таалан хальдаж йовсний? [Дорджиев Б. Б. Цагин селгән]
Base + Pst + Case + Poss	основа + аффикс причастия прошедшего времени + падежный аффикс + аффикс поссесивности	йов-сн-а- н-нь	— Эн жилмүдт альд йовснанны тускар келлчн? — гигж амтн иуугж сурв. [Бадмаев А. Б. Зултрһн — теггин ноһан]
Base + Pst + Per	основа + аффикс причастия прошедшего времени + аффикс поссесивности	йов-сн-тн йов-сн-ч	— Одак ирж йовснтн дунь бээж. [Басангов Б. Б. Басн доладн] Бадмин Доржк көвүнлэ / Баһдан үүрлж йовснч . [Дорджиев Б. Б. Цагин селгән]
Base + Pst + Per + Prec	основа + аффикс причастия прошедшего времени + аффикс сказуемости + просительная частица	йов-сн-в-и	Кедү дүңгән холд йовснви? [Коллективный автор. Баатр]
Base + Pst + Per + Prec	основа + аффикс причастия прошедшего времени + аффикс сказуемости + просительная частица	йов-сн-ч-и	Хар ухата чөткр / Хама, альд йовснчи? [Кукаев А. М. Лермонтовин көндэд]
Base + Pst + Case	основа + аффикс причастия прошедшего времени + падежный аффикс	йов-сн-а йов-сн-д йов-сн-ас йов-сн-ла	Өөрхнд йовсна негнь тасрад, өөрдэд ирв. [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл] Чамаг удан йовснд бидн ухан уга бээнэвдн. [Бадмаев А. Б. Дегтр һарһачас] Тал дундурт йовснас ээмшиг уга. [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл] Хар һазр деегүр биш, Элст деегүр нисж йовснла эдл. [Бадмаев А. Б. Һазрин көрсн дорас]
Base + Pst + Case + Poss	основа + аффикс причастия прошедшего времени + падежный аффикс + аффикс поссесивности	йов-сн-а-м	Дуран, седклән өгэд йовснамм хэрүнэ эн болжакһмби? [Басангов Б. Б. Күмн өврж ханшго йовдл]
Base + Pst + Case + Refl	основа + аффикс причастия прошедшего времени + падежный аффикс + аффикс рефлексивности	йов-сн- д-ан йов-сн-ла- һ-ан	Гесм өлсж йовсндан орс цэ чанчкув. [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл] Өрк-бульн, өрүнэ нааран ирж йовснлаһан эдл, орм-орман эзлэд сууцхаж. [Балакаев А. Г. Буурл тегт]

	Base + Pst + Case+ Refl + QuaPart	основа + аффикс причастия прошедшего времени + падежный аффикс + аффикс рефлексивности + вопросительная частица	йов-сн-д-ан-ий	Санамр йовснданий , аль йосндан овдэдий, болв Монта гергнэнь үснй алдчкэд, агчмин зуур, зун харарн барун харан бэрэд, морчиһэд одв. [Бадмаев А. Б. Усна экн булг]
	Base + Pst + Case + Poss	основа + аффикс причастия прошедшего времени + падежный аффикс + аффикс поссессивности	йов-сн-д-м	Зөвэр удан цагт ВЛКСМ-н зерглэнд йовсндм , намаг мана багин комсоргд шиидцхэв. [Илюмжинов Н. Д. Енисей һолар]
	Base + Pst + Case + EmpPart	основа + аффикс причастия прошедшего времени + падежный аффикс + эмфатическая частица	йов-сн-д-чн йов-сн-д-чнь	Туужин сүркэ холд, / Тер, мадниг уга цагт, / Түмн мадна / төрлһ угтэж, / Теңсин аһуд / бэрлэж йовсндчн , / Бидн, / байчуд, / Баатр Командир, / чамаг, / Толһа нүцкн, / сөгдэж / Тосчанаविон ... [Эльдышев Э. А. Маринеско] — Ода күртл мартлго йовсндчнь ханжэна. [Бадмаев А. Б. Мукөвүн]
	Base + Pst + Case + Poss	основа + аффикс причастия прошедшего времени + падежный аффикс + частица поссессивности	йов-сн-ла-нь	Өвгн тиим кун хө хэрүлж йовснлань... [Коллективный автор. Жаңһрч Басңа Мукөвүнэ келсн бөлгүд]
	Base + Pst + Prec	основа + аффикс причастия прошедшего времени + просительная частица	йов-сн-и	«Явана унжэ йовсни / Ямаран шулм болхмб? [Ершов П. П. Күлг-бөкндэ гидг туулин болн түүг заягчин тускар]
	Base + Pst + EquPart	основа + аффикс причастия прошедшего времени + уподобительная частица	йов-сн-иң	— А-а, урднь селэнэ толһа бээсн зерг Говенко! — болжэ Гиллер, негл кезэ эн үүрлэһэн харсхув гижэ күсл кэжэ йовсниң , байрлсн дууһар келв. [Балакаев А. Г. Залу зөрг]
	Base + Pst + EmpPart	основа + аффикс причастия прошедшего времени + эмфатическая частица	йов-сн-чн йов-сн-чнь	— Колхозин ахлачин дарук йовснчн үнний? — болжэ түүг Гиллер дор ормднь шахв. [Балакаев А. Г. Залу зөрг] Яһжэ йовснчнь тер болжэна!.. [Дорджиев Б. Б. Эзн]
	Base + Pass + Pst	основа + аффикс страдательного залога + аффикс причастия прошедшего времени	йов-гд-сн	Кемр би тер саамд командировкин болзэ давжэ одсна учрар хэрү редакцур йовгдсн болхла, теңсин тускар, заһсчирин тускар дала соньн юм келжэ чадиго билэв. [Джимбиев А. М. Одмн]
	Base + Pass + Pst + Case	основа + аффикс страдательного залога + аффикс причастия прошедшего времени + падежный аффикс	йов-гд-сн-а	Вагона даңилһнд күс дундур хонт йовгдсна хөөн эдн Германия ар үзэт бээдг Штеттин гидг портын балһснд ирв. [Илюмжинов Н. Д. Абиль]
	Base + Caus + Pst + Poss	основа + аффикс каузативного залога + аффикс причастия прошедшего времени + аффикс сказуемости	йов-ул-сн-тн	Энкр орн-нутгдан ик ноос йовулснтн , хөөчнрт, кирһэчнрт эвртэ гидг ханлтан өргэжэнавдн» — гигэд, партком кирһэчнрин көдлмишг ашлв. [Хонинов М. В. Мана цага улс]
	Base + Compl + Pst	основа + аффикс комплетива + аффикс причастия прошедшего времени	йов-чк-сн	Урднь эн хоорнд кесг дэжэ йовһар йовчксн хаалһ билэ. [Бадмаев А. Б. Усна экн булг]
	Base + Compl + Pst + Case + Refl	основа + аффикс комплетива + аффикс причастия прошедшего времени + падежный аффикс + аффикс рефлексива	йов-чк-сн-д-ан	Адһад йовчксндан чирэнь чингдэд улажэ одсн Вадим түргэр герт оржэ ирчкэд, хойр харан Нуудлэһур сунһв. [Бадмаев А. Б. Зултрһн — теегин ноһан]

5.7. Причастие будущего времени

№	Схема	Расшифровка	Пример	Демонстрация в тексте
	Base + Assoc + Fut	основа + аффикс множественности + аффикс причастия будущего времени	ир-цхэ-х	Тедн тал ах хөөч дед Родион Столяров, фермин учетчик — сакманицик Андрей, Попейко һурвн өөрдэж ирцхэх . [Балакаев А. Г. Залу зөрг]
	Base + Assoc + Fut + Per	основа + аффикс множественности + аффикс причастия будущего времени + аффикс сказуемости	ир-цхэ-х-т	Закрия (бийдэн) Хэлэйл холхозтн яһдгннь Хэрү гүүлдэж ирцхэхт . [Басангов Б. Б. Кенз байн]
	Base + Assoc + Fut + ConfPart	основа + аффикс множественности + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица	ир-цхэ-х-м	Теднчнь эндр нааран ирцхэхм . [Басангов Б. Б. Эн цагин үнн]
	Base + Assoc + Fut + ConfPart	основа + аффикс множественности + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица	ир-цхэ-х-мн	Района ахлачнр бас ирцхэхмн . [Кукаев А. М. Иньлгт]

Base + Assoc + Fut + ConfPart	основа + аффикс множественности + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица	<i>ир-цхэ-х-н</i>	<i>Хальмг санитаркс генткн көдлмштэн ирцхэхн уга гижэ кен санжсала!</i> [Инджиев Л. О. Харалта өдрмүд]
Base + Assoc + Fut + Neg	основа + аффикс множественности + аффикс причастия будущего времени + отрицательная частица	<i>ир-цхэ-х-ш</i>	<i>Сэн өдрт эмчнр ирцхэхш.</i> [Бадмаев А. Б. Эмнг хазр олзллһн]
Base + Assoc + Fut + QuaPart	основа + аффикс множественности + аффикс причастия будущего времени + вопросительная частица	<i>ир-цхэ-х-ий</i>	<i>Шарадыг немишнр эзлэд, гермүдтнь түүмр өгсн йовдл хотн болһиэ гэлһэд, нааран ирцхэхий угай гилдэд, гертэн хонлго, цуһар кеер һарч бултдэ болихав.</i> [Тачиев А. Э. Салдсин эк]
Base + Caus + Fut	основа + аффикс каузативного залога + аффикс причастия будущего времени	<i>ир-үл-х</i>	<i>Жилмүд эргэд ирвэс / Жирһл күлэвртэн бэргэдэ, / Баатран ирүлх седкл / Басл чигн ицгтэ.</i> [Сангаджиева Б. Б. Жилмүд эргэд ирвэс]
Base + Caus + Fut + Case	основа + аффикс каузативного залога + аффикс причастия будущего времени + падежный аффикс	<i>ир-үл-х-эр</i> <i>ир-үл-х-иг</i>	<i>Маңһдурк өдриг дэжн сарулар / Манур ирүлхэр би эврэн — / Чамаг, Харһу, давжэ эрлэл — / Цуцрлт угаһар көдлх зөвтэв.</i> [Джимбиев А. М. Терз һатцас Харһу бурна...] <i>Болв йовн йовжэ, ямаран кевэр Иван Никифоровичиг көндөһэд нээрт ирүлхиг мел ухалад йовб.</i> [Тоголь Н. В. Иван Иванович Иван Никифорович хойр]
Base + Caus + Fut + Case + Refl	основа + аффикс каузативного залога + аффикс причастия будущего времени + падежный аффикс + частица рефлексивности	<i>ир-үл-х-т-эн</i>	<i>Герасим гертэн кү ирүлхтэн ик дурго болдг билэ.</i> [Тургенев И. С. Муму]
Base + Caus + Fut + ConfPart	основа + аффикс каузативного залога + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица	<i>ир-үл-х-мн</i>	<i>«Үкс гижэ теегт ус ирүлхмн» — гисиг «буру» гидг кен бээх билэ!</i> [Нармаев М. Б. Түүк]
Base + Caus + Fut + Neg	основа + аффикс каузативного залога + аффикс причастия будущего времени + отрицательная частица	<i>ир-үл-х-ш</i>	<i>«Эрсэн һартан бэрсн» / Ээжэн чигн ирүлхш.</i> [Каляев С. К. Ишкэ деевртин нутгт]
Base + Caus + Fut + Per	основа + аффикс каузативного залога + аффикс причастия будущего времени + аффикс сказуемости	<i>ир-үл-х-в</i>	<i>Гейүрлтэн кеер хаяд, / Герлтэ дуран ирүлхв.</i> [Байдыев С. Л. Эндр яһад гейүрвч]
Base + Compl + Fut	основа + аффикс комплетива + аффикс причастия будущего времени	<i>ир-чк-х</i>	<i>Марчин яһснь медгдхи, / Миниһэр ирчкх болв.</i> [Буджалов Е. А. Догшин цагин поэм]
Base + Compl + Fut + ModPart + Per	основа + аффикс комплетива + аффикс причастия будущего времени + модальная частица + аффикс сказуемости	<i>ир-чк-х-ү-в</i>	<i>Наадк биштнь өгсндэн өгтн, би таднас түрүлэд гертэн ирчкхүв.</i> [Бутаев С. Седкүр бурхни тууж]
Base + Compl + Fut + Per	основа + аффикс комплетива + аффикс причастия будущего времени + аффикс сказуемости	<i>ир-чк-х-в</i>	<i>— Би, асхн куртл ирчкхв.</i> [Сусеев А. И. Авторин үг]
Base + Dur + Fut	основа + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени	<i>ир-жэ-х</i>	<i>Ода долан хонг болһнд гертэн иржэх, — гилһэд Нүүдлэ, беш деерэс хот һарһн бээжэ, экэн херв.</i> [Бадмаев А. Б. Усна экн булг]
Base + Dur + Fut + Case + Refl	основа + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + падежный аффикс + аффикс рефлексива	<i>ир-жэ-х-эн</i>	<i>— Иржэ болиго цань арһ уга болхла, юн учрар эс иржэхэн эрк биш ээнглх кергтэ.</i> [Балакаев А. Г. Залу зөрг]
Base + Dur + Fut + Case	основа + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + падежный аффикс	<i>ир-жэ-х-д</i> <i>ир-жэ-х-иг</i>	<i>Дэкэд, танд хот авч иржэхд өөрхн, амр.</i> [Хонинов М. В. Чи медхмч, Смоленск хазр] <i>Шваб, Хигер, Гиллер, Розенберг эдн яһад нааран эс иржэхиг меджэнчи?</i> [Балакаев А. Г. Зерлг нохас]
Base + Dur + Fut + ConfPart	основа + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица	<i>ир-жэ-х-мн</i>	<i>Хойр нүдн анята болхас биш, нөр иржэхмн уга.</i> [Балакаев А. Г. Залу зөрг]
Base + Dur + Fut + ConfPart	основа + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица	<i>ир-жэ-х-н</i>	<i>— Ода би хасгин хаана күүкнд юуһан кесн болхв? — гилһэд, нег тэвнэ, иржэхн уга хальмгин хаана көвүн, хойр тэвнэ — уга.</i> [Бутаев С. Хальмгин хан хасгин хан хойр]

Base + Dur + Fut + ConfPart + Per	основа + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица + аффикс сказуемости	<i>ир-жэ-х-м-ч</i>	— <i>Чи, Шикрэ, көдлх бээрэн авчкн күн яһад хэрү иржэхмч?</i> [Тачиев А. Э. Комиссарин одн]
Base + Dur + Fut + Case + Poss	основа + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + падежный аффикс + аффикс поссесивности	<i>ир-жэ-х-ин- [н]ь</i>	<i>Яһад эс иржэхинь кен медхв?</i> [Бадмаев А. Б. Дегтр harhачас]
Base + Dur + Fut + Neg	основа + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + отрицательная частица	<i>ир-жэ-х-и</i>	<i>Зүг тер өдрэс авн Сарң теднэ герт орж иржэхии.</i> [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]
Base + Dur + Fut + Neg + ConfPart + ConfPart	основа + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + отрицательная частица + подтвердительная частица + подтвердительная частица	<i>ир-жэ-х-и- л-мн</i>	<i>Тана ач күүкнтн Ноһала таниг гижэ керглэж иржэхиилмн.</i> [Кукаев А. М. Энкрлж өскн экдэн нерэдженэв]
Base + Dur + Fut + Neg + Per	основа + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + отрицательная частица + аффикс сказуемости	<i>ир-жэ-х- го-в</i>	— <i>Ордашин урлданд ордг хойр хоңр болод, шим эрт иржэхгов.</i> — <i>гиж тернь маасхлэж инэв.</i> [Бадмаев А. Б. Дегтр harhачас]
Base + Dur + Fut + Per	основа + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + аффикс сказуемости	<i>ир-жэ-х-в</i>	<i>Өдр болһн иржэхв.</i> — <i>болод, индэд, бор цааснд цуглата юм Жанжсад өгв.</i> [Тачиев А. Э. Комиссарин одн]
Base + Dur + Fut + Neg + Per	основа + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + отрицательная частица + аффикс сказуемости	<i>ир-жэ-х-и- т</i>	<i>Удан авч иржэхииг гижэ үг хархмн, мини даалһсиг биш, онгданиг авч иржэт гижэ цүүгэ татихахмн...</i> [Балакаев А. Г. Сээхн күүкн Саглр]
Base + Dur + Fut + Poss	основа + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + частица поссесивности	<i>ир-жэ-х-нь</i>	<i>Өвгиг эврэннь эцклэ эдл сандг Гриша терүнд дөңгэн кургхин төлэ Танахур иржэхнь лавта.</i> [Бадмаев А. Б. Муковүн]
Base + Dur + Fut + QuaPart	основа + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + вопросительная частица	<i>ир-жэ-х-ий</i>	<i>Гем ... нанд иржэхий?</i> [Балакаев А. Г. Жирһлин булг]
Base + Dur + Fut + QuaPart	основа + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + вопросительная частица	<i>ир-жэ-х-мб</i>	<i>Яһад эс иржэхмб гиндэ би алң болод бээнэв.</i> [Балакаев А. Г. Буурл теетг]
Base + Fut	основа + аффикс причастия будущего времени	<i>ир-х</i>	<i>Иигжэ зүрк ирвэтрүлжэ, / Итклтэ ЦК дуудла, / Ирх жирһлэн харсэж / Иньглэж цуг мордла.</i> [Автор не установлен. Хүвтэ хаалһ]
Base + Fut	основа + аффикс причастия будущего времени +	<i>ир-х-в-в</i> <i>ир-х-в-чи</i> <i>ир-х-в-ч</i>	<i>Маңһдуртан би теднэд ирхвв.</i> [Тургенев И. С. Час] <i>Ээжэ (хурһан зуучкад, эс медгчэр) Ай, Церн минь, йовад бээжэ гихлэ, дэжэ ирхвчи?..</i> [Балакаев А. Г. Иткл] <i>Уласн дораһар / «Ирхвч - угавч?» / гисн дүрэр, / Ишкдл / ишкдлэр төгснэ.</i> [Сян-Белгин Х. Б. Уласн дораһар]
Base + Fut	основа + аффикс причастия будущего времени + отрицательная частица +	<i>ир-х-и-в-чи</i>	— <i>Дэжэ ирхивчи?</i> [Балакаев А. Г. Буурл теетг]
Base + Fut + QuaPart	основа + аффикс причастия будущего времени + вопросительная частица	<i>ир-х-йи</i>	— <i>Бадма, чи юн гижэ санжжаначи, мини баажса эмд- менд ирхйи?</i> [Балакаев А. Г. Нурвн зург]
Base + Fut + Case +Refl	основа + аффикс причастия будущего времени + падежный аффикс + частица рефлексивности	<i>ир-х-эн</i>	<i>Яһж хэрү ирхэн, терүг эмтн тосхинь, асхндан авһиннь герин һаза ирэд буухан Саңһа санв.</i> [Джимбиев А. М. Даалһвр гисн]
Base + Fut + Case	основа + аффикс причастия будущего времени + падежная аффикс	<i>ир-х-д</i> <i>ир-х-эр</i> <i>ир-х-эс</i> <i>ир-х-иг</i> <i>ир-х-ин</i> <i>ир-х-үр</i>	<i>Хавраһа теднэд гишч ирхд чамаг дуудулсн уга билү?</i> [Бадмаев А. Б. Усна экн булг] — <i>Тадн лавта нааран ирхэр шишдсн болхла, тер герэн нанд өгчктн.</i> [Бадмаев А. Б. Усна экн булг] <i>Танад ирхэс урд кергэн күцэчклэв.</i> — <i>гижэ Басан келв.</i> [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл] <i>Жидков Аһиас шин газетмуд авч ирхиг күлһэд бээдг болв.</i> [Бадмаев А. Б. Зултрһн — теегин ноһан] <i>Көвүнэ чидл сулдад ирхин алднд, деегүрнь нисжэ йовсн хун шовун...</i> [Бадмаев А. Б. Иньгүд дундан] <i>Савр нойн / Кесг олон баатрмуд дахулад, / Нарн ирхур, / Гарад йовад одна.</i>

Base + Fut + Case + Poss	основа + аффикс причастия будущего времени + падежный аффикс + частица поссесивности	<i>ир-х-д-м</i> <i>ир-х-д-нь</i> <i>ир-х-д-чи</i> <i>ир-х-д-чнь</i> <i>ир-х-эс-нь</i> <i>ир-х-ин-[н]</i> ь	Би шинжн Баатриг вагондан авч ирхдм , энчнь авх биш, маднд, цуг багчудт, дала му нер өгөд ховлад йовла. [Джимбиев А. М. Шиндэ] Төрүг Элстур ирхднь чи терунлэ харһсн болвзач? — болж инэмсклв. [Джимбиев А. М. Үр үгин ормд] Николай, би чамаг күлэхэд бээнэв, эмд-менд йовад ирхдчн шүж, бээнэв. [Балакаев А. Г. Залу зөрг] Ачан өсхлэ, би терүнд / Аавинь санулад, келсинь күргнэв: / «Көдлмитэн күрэд хэрү ирхдчнь / Хаалһчнь цаһан болтха!» [Василинина Н. Эцкм нанд кезэ чигн] Тер мөртэ күүг түрүн болж Байн үзчкэд, зелтн-хултн гийхэд, кен иржэ йовхинь көвүндэн келхмби аль эс келснь сэн болхий гижэ тоолжһаад, ирхаснь урд келчкн сэн болх, яһжэ үг күүндхэн кэвүн меджэ автха гижэ санад... [Бадмаев А. Б. Мукөвүн] Адучиг эндр больницэс ирхинь соңскад, өцклдүр Светлов колхозмудын ахлачнрта ирх болж телефоһар зэңглэ. [Бадмаев А. Б. Эмнг һазр олзлһн] Маашта Барг Чолутын фермд залач болж ирхиннь өмн совхоздан зоотехник-селекционер болжэ көдлжэлэ. [Тачиев А. Э. Бар жил]
Base + Fut + Case + Refl	основа + аффикс причастия будущего времени + падежный аффикс + частица рефлексивности	<i>ир-х-д-эн</i> <i>ир-х-эс-н</i>	— Октябрь сард хурт ирхдэн намаг дуудсн бийнь эс ирлч? — гижэ эндэснь Иван нүдэн чирмн келв. [Бадмаев А. Б. Алтн шорад даргддго] Чи нааран ирхэсн урд Адьянад, эс гижэ Байртанд одлчи? [Бадмаев А. Б. Мукөвүн]
Base + Fut + ConfPart	основа + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица	<i>ир-х-л</i>	Итксн сулдхврнь хальмгудт / Ирхл гижэ иткнэв. [Сусеев А. И. Зөргин хаалһар]
Base + Fut + ConfPart	основа + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица	<i>ир-х-мн</i>	Асхндан гишч ирхмн . [Бадмаев А. Б. Усна экн булг]
Base + Fut + ConfPart	основа + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица	<i>ир-х-н</i>	«Иим бузр болн һэ кергэр эн иржэ йовхинь медсн болхнь, нааран дахжэ ирхн уга билэв» [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]
Base + Fut + ConfPart + ModPart	основа + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица + модальная частица	<i>ир-х-м-жэ</i>	Зөвэр эртэс авн, бүкл хойр сар урдаснь Бергэсин хотнд Налтанхна зээсгүн гергн, Чотна гергнэ зе күүжн гишчд ирхмжэ гисн зэңг элт көдлгэд һарч ирв. [Бадмаев А. Б. Зултрһн — теегин ноһан]
Base + Fut + ConfPart + ModPart + ModPart	основа + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица + модальная частица + модальная частица	<i>ир-х-м-жсн</i>	Усн ирхмжсн гисн зэңг Шорвин теегин уужм кедэд, малчрин седклин тачал болад күлэгдэд бээв. [Инджиев Л. О. Байсагдсн зүрkd]
Base + Fut + ConfPart + Neg + Per	основа + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица + аффикс сказуемости	<i>ир-х-н-го-в</i>	Тоһстн: Маңһдр өрүн куртл би ирхнгов . [Дарваев П. А. Хату закан]
Base + Fut + ConfPart + Per	основа + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица + аффикс сказуемости	<i>ир-х-м-ч</i> <i>ир-х-м-чи</i>	Хойр хонад нанд хэрүһинь авч ирхмч ! [Бадмаев А. Б. Алтн шорад даргддго] Тигэд, өргн көк теегиг алс цокад одсн, татчкн утцн болсн, үзүр уга төмр хаалһар йовад одсн поездин ардас Бадм гердэд хэлэжэһэд, «Мана хальмгин теегэр кезэ игжэ ирхмчи!» гижэ санчкад, минь эн төмр хаалһин нег үзүрэснь үүрэд Элстэрн чирэд орад одх дурнь күрв... [Эрендженов К. Э. Комсомолд хатагдсн үрд]
Base + Fut + ConfPart + Per	основа + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица + аффикс сказуемости	<i>ир-х-н-ч</i>	— Хей, һарад, кензэһэс нег дөрвнэ эрк авад ирхнч , — гижэһэ. [Бембеев Т. О. Бамб цецг]
Base + Fut + ConfPart + EmpPart	основа + аффикс причастия будущего времени подтвердительная частица + эмфатическая частица	<i>ир-х-н-чн</i>	О заяч минь, тэвсн хөв минь, сээхн иньгим герэрм орулад авад ирхнчн ?! [Балакаев А. Г. Залу зөрг]

Base + Fut + ConfPart + QuaPart	основа + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица + вопросительная частица	<i>ир-х-мб</i>	<i>Зүг хурвн наста хар ажрһ болн мөч тату Дорж кезэ һарч ирхмб?</i> [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]
Base + Fut + ConfPart + QuaPart + Per	основа + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица + вопросительная частица + аффикс сказуемости	<i>ир-х-мб-ч</i>	— <i>Яһж тер көвү авч ирхмбч?</i> — сурв. [Коллективный автор. Алтн өргч гидг хаана нутгт бээдг мөнгн өргч гидг өвгн]
Base + Fut + ModPart	основа + аффикс причастия будущего времени + модальная частица	<i>ир-х-ү</i>	— <i>Чамд куукн кергтэ болдм болхла, өрүн һарад, асхн авч ирхү гижэ келләшт.</i> [Бутаев С. Буудя хан]
Base + Fut + ModPart + Per	основа + аффикс причастия будущего времени + модальная частица + аффикс сказуемости	<i>ир-х-ү-в</i> <i>ир-х-ү-видн</i>	— <i>Ода ирхүв, — гихэд тернь һарв.</i> [Бадмаев А. Б. Муковүн] — <i>Хайсн мана уга, / хавртан күлэжэти, / Дула авч ирхүвидн, / ода болхла, / Сэн зэңг зөөжэтихэ гижэ, / керэ үлджэнэ.</i> [Нормаев Л. Н. Намр]
Base + Fut + Neg	основа + аффикс причастия будущего времени + отрицательная частица	<i>ир-х-го</i>	<i>Пякэс мөнд сурад, — Чи намаг олжэ ирхго гижэ эс санжалчи? - гихэд күр-күр гихэд һочкнад инэв.</i> [Кукаев А. М. Иньглт]
Base + Fut + Neg	основа + аффикс причастия будущего времени + отрицательная частица	<i>ир-х-ш</i>	<i>Хаалһар гуусн машин / Харһж төрүц ирхи.</i> [Байдыев С. Л. Машин темән хойр]
Base + Fut + Neg + ConfPart	основа + аффикс причастия будущего времени + отрицательная частица + подтвердительная частица	<i>ир-х-ш-л</i>	<i>Өрөд йовад йовхла, одак бер күцжэ ирхил эн.</i> [Бутаев С. Шаазһан чүдн]
Base + Fut + Neg + ConfPart + ConfPart	основа + аффикс причастия будущего времени + отрицательная частица + подтвердительная частица + подтвердительная частица	<i>ир-х-ш-л-м</i>	— <i>Юңгад гихлэ, ардан ээмг-алвтичн уга, аав-ээжчн уга, ах-дүчн уга, төрк-төрлчн уга болжэ һарчана, ардкснь төрүц күн ирхилм, — болна.</i> [Бутаев С. Седкүр бурхни тууж]
Base + Fut + Neg + ModPart + Per	основа + аффикс причастия будущего времени + отрицательная частица + модальная частица + аффикс сказуемости	<i>ир-х-ш-ү-в</i>	<i>Төнд, куунэ һазрт бийән бэржэ чадлго дэжнэс хулха кечкхлэ, хэржэ ирхшүв.</i> [Бадмаев А. Б. Доладгч өдр]
Base + Fut + Neg + Per	основа + аффикс причастия будущего времени + отрицательная частица + аффикс сказуемости	<i>ир-х-го-в</i>	— <i>Би цааран давигов Аяртан хэржэ ирхгов, — гижэ залу хэрүцв.</i> [Дорджиев Б. Б. Эзн]
Base + Fut + Neg + Per	основа + аффикс причастия будущего времени + отрицательная частица + аффикс сказуемости	<i>ир-х-ши-ч</i> <i>ир-х-ши-в</i> <i>ир-х-ш-т</i>	<i>Танад однав-однав гичкэд, эврэн ирхшич, — гижэ көвүн келв.</i> [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл] — <i>Ирхшив, — гихэд цөкралэч.</i> [Каляев С. К. Хэрү уга] <i>Та нам школур ирхшит.</i> [Тачиев А. Э. Бар жил]
Base + Fut + Neg + QuaPart	основа + аффикс причастия будущего времени + отрицательная частица + вопросительная частица	<i>ир-х-ш-ий</i>	— <i>Эмч ирхший?</i> [Нармаев М. Б. Дөчн негдгч бөлг]
Base + Fut + Per	основа + аффикс причастия будущего времени + аффикс сказуемости	<i>ир-х-в</i> <i>ир-хи-в</i> <i>ир-х-и-тн</i>	<i>«Ирхв удлго» гисн Үлмжэ / «Ижл деер бээһэ» гижэ / Зармдән Киштэ иткхәр седнэ, / Зериг тоолвр дэжн кеднэ.</i> [Джимбиев А. М. Киштэ] <i>Би доктор Доллта хоюрн ирхив.</i> [Басангов Б. Б. Кесн үүл эзэн темцдг] <i>Гергм таниг герүрн / Гичи ирхитн эржэнэ.</i> [Буджалов Е. А. Догшн цагин поэм]
Base + Fut + Per + ConfPart	основа + аффикс причастия будущего времени	<i>ир-х-в-л</i>	<i>Би мөнд йовад ирхвл.</i> [Джимбиев А. М. Үр үгин ормд]
Base + Fut + Poss	основа + аффикс причастия будущего времени + частица поссессивности	<i>ир-х-им</i> <i>ир-х-м</i> <i>ир-х-и-чн</i> <i>ир-х-и-чнь</i> <i>ир-х-нь</i>	<i>Холд йовхлам онцрхад, / Хэрэд ирхим күләнэч.</i> [Бадмаев С. М. Седклим бичэ һунда] <i>Ода удл уга ирхм болхм, ирхләнэ дэжэ нааран ирдгинь уурулхм.</i> [Басангов Б. Б. Эн цагин үнн] <i>Бийэрн ирхичн эржэ бээнэв.</i> [Балакаев А. Г. Залу зөрг] <i>Гичгн ишкдләрн торлзад / Һарч ирхичнь мөрэднэв.</i> [Дорджиев Б. Б. Чамд] <i>Ховдгахна мек меддг улс ода санжана: эннь өмн һарч ирхнь лавта!</i> [Амур-Санан А. М. Арнзл]

Base + Fut + QuaPart + Per	основа + аффикс причастия будущего времени + вопросительная частица + аффикс сказуемости	<i>ир-х-ий-ч</i>	Өрэл час болад эс ирхийч ? [Бадмаев А. Б. Эмнг нэвр олзлһн]
Base + Recp + Dur + Fut	основа + аффикс взаимного залога + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени	<i>ир-лд-жэ-х</i>	Дивное станцд Элст балһсн талас тасрлт угаһар цувлдад, нег-негнәннь ардас ирлдэжэ х брезент бүтәһүлтә цеггә машид вокзалын хажуд, товарн вагодт өөрхнәр зогсхана. [Инджиев Л. О. Харалта өдрмүд]
Base + Soc + Dur + Fut + ConfPart	основа + аффикс совместного залога + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица	<i>ир-лц-жэ-х-н</i>	Зүг эн өрк-бүлин туужэ хуучн хальмг үлгүрлэ ирлцэжэ хн уга. [Манжелева Р. Ц. Хөөт гергн хөөнэ махнас эмтэхн гидг билү]
Base + Soc + Caus + Dur + Fut	основа + аффикс совместного залога + аффикс каузативного залога + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени	<i>ир-лц-үл-жэ-х</i>	
Base + Soc + Caus + Fut	основа + аффикс совместного залога + аффикс каузативного залога + аффикс причастия будущего времени	<i>ир-лц-үл-х</i>	Тегэд чигн күн болһн оньдин келһн өргөжүлэд, литературн кемжәнлэ ирлцүлх йоста. [Дарваев П. А. Келнэ номин оршв]
Base + Soc + Caus + Fut + Case	основа + аффикс совместного залога + аффикс каузативного залога + аффикс причастия будущего времени + падежный аффикс	<i>ир-лц-үл-х-эр</i> <i>ир-лц-үл-х-ин</i>	Болв зэрм номтнр «Жаһриг» туужэсн тодрха йовдлмудла болн түүнд нернь мөңкрсн зэрм эмтнлэ ирлцүлхэр седлһн хажһр болэж һарв. [Биткеев Н. Ц., Дельдинова Б. К. Жаһр Коммунистическ күүнэ сурһмжин дегтр болһмн] Тегэд ода күүд муулян эдлэж зовсн, суулһсаснь өрәлдән күрч усн цальгрэж асхрсн «осгарбайтер» тал халән бәэж, йовсн цагтан яһжэ бийән бәрхин, шин ишкдл болһнла суулһсин бәэдл яһжэ ирлцүлхин тускар селвгән өгцхэв. [Илюмжинов Н. Д. Абиля]
Base + Soc + Caus + Fut + Per	основа + аффикс совместного залога + аффикс каузативного залога + аффикс причастия будущего времени + аффикс сказуемости	<i>ир-лц-үл-х-в</i>	Һол-зуркнэ үндсэр, седклин таалварар, сөөднь зүүднд орад, өдртнь седклэс хөөһлго бәэдг дүрсиг, күцлиг тер салврән би дуртав гидг үглэ яһжэ ирлцүлхэ , яһжэ үнийн буурулхэв. [Бадмаев А. Б. Алтн шорад даргдго]
Base + Soc + Dur + Fut	основа + аффикс совместного залога + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени	<i>ир-лц-жэ-х</i>	Сурһульчир текстас наречисг ирлцэжэ х үүлдэгчелә хамднь бичжэ авна. [Павлов Д. А. Цәәһвр үг]
Base + Soc + Dur + Fut + Case + Poss	основа + аффикс совместного залога + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + падежный аффикс + частица рефлексивности	<i>ир-лц-жэ-х-ән</i>	Күүнә уханд бәэх тоот күүнә келнд һарч ирнә, зүг кел нәэрүлһн күүндврин утхинь шинжәлхи, нурһлэж энүнд яһжэ ирлцэжәхән келнә эдлврмүдәр медүлнә. [Каляев А. Л. Кел нәэрүлһн]
Base + Soc + Dur + Fut + Case	основа + аффикс совместного залога + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + падежный аффикс	<i>ир-лц-жэ-х-эр</i> <i>ир-лц-жэ-х-иг</i> <i>ир-лц-жэ-х-ин</i>	Эврә кәдлми сурснд, кәдлми седклә ирлцэжәхэр келв. [Нармаев М. Б. Манц һол] Эн дорд үзгин шажна зурхан номин литәр хурм келһнд таалта өдр шүүжэ-зааж өгх, тегэд бурхн-шажна ном халәһәд, мана көвүн-күүкн хойр хоорндан яһжэ ирлцэжәхиг илдкэж ишлһжэ һарһжэ өгх. [Илюмжинов Н. Д. Абиля] Бурхн багишин шажнд шүтдг хальмг нойнд орс офицерин цол эс ирлцэжәхин учрар һаха нойн орс шажнд орх зөвтә болсн. [Амур-Санан А. М. Муудран көвүн]
Base + Soc + Dur + Fut + Case + Poss	основа + аффикс совместного залога + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + падежный аффикс + частица поссессивности	<i>ир-лц-жэ-х-ин-н</i>	Тана неквртә седклд үүдсн / Таңсг күслә мини дүр / Тас эс ирлцэжәхинь / Та нанд цәәһжәнәт. [Эльдышев Э. А. Тана неквртә седклд үүдсн]
Base + Soc + Dur + Fut + ConfPart	основа + аффикс совместного залога + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица	<i>ир-лц-жэ-х-мн</i>	— Инәдн-наадн цеггә керглә / Ирлцэжәхмн уга! — гижэ келн / Шарху өңгтә бичкн тугарн / Шүрүтәһәр Машиа аһар керчв. [Джимбиев А. М. Кондуктор]

Base + Soc + Dur + Fut + ConfPart + QuaPart	основа + аффикс совместного залога + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица + вопросительная частица	<i>ир-лц-жэ- х-мб</i>	<i>Ахлгч төрнө, — күргн, күүкн салжсах төлөдөн, — хуучна урн үгин авъясла ирлцжэхмб алдг уга.</i> [Бембеев Т. О. Ончхан Жирһл]
Base + Soc + Dur + Fut + Neg	основа + аффикс совместного залога + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + отрицательная частица	<i>ир-лц-жэ- х-ш</i> <i>ир-лц-үл-х- и-ш</i>	<i>Энүнэ санаһар хажһр йовдлмуд мана бээдл- жирһлин некврлэ ирлцжэхш. [Джамбинова Р. А. Үнн үгин үзүр хурц] Тетклин контормуд эврэ көдлмиэн, / Төрүц өдгэ некврлэ ирлцүлхшш. [Кукаев А. М. Бюро болжана...]</i>
Base + Soc + Fut	основа + аффикс совместного залога + аффикс причастия будущего времени	<i>ир-лц-х</i>	<i>Тер учрас көлтэ «Наадн болн дэн» гидг түүк, миниһар болхла, тер сурврт багтэж ирлцх хэрүһинь өгчэнэ. [Бадмаев А. Б. Билгин хаалһар]</i>
Base + Soc + Fut + Case	основа + аффикс совместного залога + аффикс причастия будущего времени + падежный аффикс	<i>ир-лц-х-эс</i> <i>ир-лц-х-иг</i> <i>ир-лц-х-ин</i>	<i>Эс гижэ мана туурсн баатрмудын нердин зуг хойрдгч өрэлсн манла ирлцхэс саглх уриг харһва. [Джимбиев А. М. Аһрусчин нөкдр] Девэлэ урднэ һанцхн залудан сүв-селвг өгдг бээсн болхла, ода насн ирэд, бээдл-жирһлиннь ут хаалһд экэриго дамилт хоршасн тер дамилтан эн Ангуляев селэнэ улсла базгоһар хувацхар седэд, кенд ямаран хувиң ирлцхиг, гемтсн күүнд юн хот зокхиг, көвүн-күүкнэ хүрмиг яһжэ кехлә сэн болхиг уха зааж келнэ. [Балакаев А. Г. Хаврин халун салькн] Чини келснлэ ирлцхин төлэ мини зүркн урдасн белн болчкн бээх зөвтэ. [Бадмаев А. Б. Арнзлын гүүдл]</i>
Base + Soc + Fut + Case + Poss	основа + аффикс совместного залога + аффикс причастия будущего времени + падежный аффикс + частица поссессивности	<i>ир-лц-х-ин- [н]ь</i>	<i>Кенлэнэ юн ирлцхинь олад авлти! [Дорджиев Б. Б. Төрскндэн церглһн]</i>
Base + Soc + Fut + ConfPart	основа + аффикс совместного залога + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица	<i>ир-лц-х-мн</i>	<i>Эннь амтнд эрк биш кергтэнэ, тигчкэд, бичачин бийиннь авг-бэрц гражданск хэлэц тоолвр үзүлхд бас ирлцхмн. [Глинин Г. Жирһлин кичэл]</i>
Base + Soc + Fut + ConfPart + QuaPart	основа + аффикс совместного залога + аффикс причастия будущего времени + подтвердительная частица + вопросительная частица	<i>ир-лц-х-мб</i>	<i>Хойрдовар болхла, зарядк болн эрк хойр яһжэ ирлцхмб? — гижэ би хэрүцв. [Джамбинов Я. С. Өрүн болһн гүүхэр седлэв]</i>
Base + Soc + Fut + Neg	основа + аффикс совместного залога + аффикс причастия будущего времени + отрицательная частица	<i>ир-лц-х-ш</i>	<i>Өмрүлдг эмд хор зуурснла эдлэр / Өрүн йовдл хар килнцлэ ирлцхш. [Дулдуйтын Равжа. Хойр эклц]</i>
Base + Soc + Fut + Poss	основа + аффикс совместного залога + аффикс причастия будущего времени + частица поссессивности	<i>ир-лц-х-м</i> <i>ир-лц-х-нь</i>	<i>Чамас бийэсчнэ би сурсув: / — Цеңн ухан, геннэ бийнэ / Цевр бишлэ ирлцхм болһнчи? [Джимбиев А. М. Соньн күүндвр] Теднэс кедүнэ Хөрнд / Туслң ирлцхнь кемжэнэ? [Джимбиев А. М. Хөрн]</i>
Base + Fut + EquPart	основа + аффикс причастия будущего времени + уподобительная частица	<i>көндэ-х-шң</i>	<i>Нүдэрн үзжэ болшго / Нүцкн , жигтэ атомин / Догин экинэ көндэхшң, / Дотркан медхэс саглнав. [Байдыев С. Л. Нүдэрн үзжэ болшго]</i>
Base + Dur +Fut + EquPart	основа + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + уподобительная частица	<i>өг-ча-х-шң</i>	<i>Салют өгчэхшң лу лугив / Сала, судлс транспортерсэн / көдлгв, / «Уутн цадтлан» — гилһэд усн / Урһмлн уңгар гүүжэ урсна. [Хонинов М. В. Салькн болн үүлн]</i>
Base + Pass + Dur +Fut + EquPart	основа + аффикс страдательного залога + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + уподобительная частица	<i>үз-гд-жэ- х-шң</i>	<i>Тер бийнэ герин харһну ора, Цедэн зовк хоорнд өңгрсн жилмүд, баһ-дүүвр цагтан үзжэ йовсн хамгнэ зүүднөң үзгджэхшң зооһин жирһлн мет жирс-жирс гилһэд залу дүүвр цагтан заагарнь орад аңһучлжэ йовсн хулста, зегстэ һурвн нуурмуд мелтэлдэж үзгднэ. [Эрендженев К. Э. Аңһучин көвүн]</i>
Base + Caus + Dur +Fut + EquPart	основа + аффикс каузативного залога + аффикс длительного вида + аффикс причастия будущего времени + уподобительная частица	<i>үз-үл-жэ- х-шң</i>	<i>Баһчудын биһһар эклэ, байрта күүнэ хөв деернэ немжэ тальв: элэ деер цервциш — эргэд-дуһрад одв, эгл күүкнд үзүлжэхшң эвлэд-цовлад одв, эгзржэ чичрн мульжэад авв. [Нармаев М. Б. Түүк]</i>

Таким образом, нами выявлено более 190 моделей грамматики порядков для разных видов причастных форм на основе корпусного подхода, однако этот список

По словоизменительным моделям наибольшей группой является причастие будущего времени, что обусловлено тем, что оно наиболее часто субстантивируется, а также, помимо атрибутивной функции, является

вершиной главной клаузы, а наименьшей группой — причастие возможности. На основе выявленных моделей можно определить общий порядок для деепричастной формы, который приведен ниже в таблице.

№	Причастие	Кол-во схем
2	причастие возможности	2
3	причастие настоящего времени	4
4	однократное причастие настоящего времени	4
1	страдательное причастие	16
5	многократное причастие настоящего времени	37
6	причастие прошедшего времени	45
7	причастие будущего времени	88

[illegible]

- Аффиксы причастий могут присоединяться к первичной и вторичной глагольной основе. Порядок присоединения аффиксов зависит от того, какую роль в предложении то или иное причастие выполняет: 1) роль

180

обуславливает присоединение тех или иных аффиксов к первичной или вторичной основе. Нами выявлено более 190 моделей грамматики порядков для причастной формы глагола на основе корпусного подхода, однако этот список моделей не носит окончательного характера, поскольку Национальный корпус калмыцкого языка постоянно пополняется новыми текстовыми данными.

Источники

НККЯ — Национальный корпус калмыцкого языка [электронный ресурс] // URL: <http://kalmcorp.ru> (дата обращения: 15.09.2016).

Литература

- Janhunee J. A. *Mongolian*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2012. 337 p.
- Амоголонов Д. Д. Современный бурятский язык. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 337 с.
- Бертагаев Т. А., Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М.: Вост. лит., 1962. 318 с.
- Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Унив. тип., 1849. VIII, [3], 400 с.
- ГКЯ — Грамматика калмыцкого языка: фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 336 с.
- Котвич В. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Прага: Изд. Калмыцкой Комиссии культурных работников в ЧСР, 1925. 233 с.
- Крапивина К. А. Причастие в роли сказуемого относительного оборота в калмыцком языке // Исследования по грамматике калмыцкого языка / ред. С. С. Сай, В. В. Баранова, Н. В. Сердобольская (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН, 2009. Т. V, ч. 2). СПб.: Наука, 2009. С. 497–524.
- Куканова В. В. Грамматика порядков словоизменительных аффиксов именных частей речи в калмыцком языке // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015а. № 2. С. 141–150.
- Куканова В. В. Косвенные наклонения в калмыцком языке: словоизменительные модели (на материале Национального корпуса калмыцкого языка) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015б. № 4. С. 109–117.
- Куканова В. В. О Национальном корпусе калмыцкого языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Матлы XIII Межд. конф. (г. Уфа, 13–14 сентября 2013 г.). Уфа, 2013. С. 209–212.

Куканова В. В. Словоизменительные модели де-епричастий в свете грамматики порядков в калмыцком языке (на материале Национального корпуса калмыцкого языка) // Актуальные проблемы современного монголоведения: сб. науч. тр. Элиста: КИГИ РАН, 2015в. С. 116–134.

Мучаева К. В. Субстантивная функция причастий в калмыцком и русском языках // Гуманитарные исследования. 2009. № 4 (32). С. 45–47.

Очиров У. У. Причастные обороты // Вопросы калмыцкой филологии. Элиста, 1984. С. 63–89.

Пюрбеев Г. Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 299 с.

Рамstedт Г. Й. Введение в алтайское языкознание. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 255 с.

Санжеев Г. Д. Грамматика бурятского-монгольского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 188 с.

Харчевникова Р. П. Система глагола в современном литературном калмыцком языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 73 с.

Sources

NKKYa — *Natsional'nyy korpus kalmytskogo yazyka* [The Kalmyk National Corpus]. Available at: <http://kalmcorp.ru> (accessed: 15 September 2016) (In Kalm.).

References

- Janhunee J. A. *Mongolian*. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2012, 337 p. (In Eng.).
- Amogolonov D. D. *Sovremennyy buryatskiy yazyk* [The modern Buryat language]. Ulan-Ude, Buryat. Book Publ., 1958, 337 p. (In Russ.).
- Bertagaev T. A., Tsydendambaev Ts. B. *Grammatika buryatskogo yazyka. Sintaksis* [Buryat grammar. Syntax]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1962, 318 p. (In Russ.).
- Bobrovnikov A. A. *Grammatika mongol'sko-kalmytskogo yazyka* [Grammar of Kalmyk-Mongolian]. Kazan, Kazan University Press, 1849, VIII, 400 p. (In Russ.).
- GKYa — *Grammatika kalmytskogo yazyka: fonetika i morfologiya* [Kalmyk grammar: phonetics and morphology]. Elista, Kalm. Book Publ., 1983, 336 p. (In Russ.).
- Kotvich V. *Opyt grammatiki kalmytskogo razgovornogo yazyka* [Grammar of Kalmyk colloquial: a research effort]. Prague, Kalmyk Commission of Cultural Workers Press, 1925, 233 p. (In Russ.).
- Krapivina K. A. *Prichastie v roli skazuemogo otnositel'nogo oborota v kalmytskom yazyke* [Participle as a predicate of a relative phrase in Kalmyk]. *Issledovaniya po grammatike*

- kalmytskogo yazyka* / Red. S. S. Say, V. V. Baranova, N. V. Serdobol'skaya (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 2009. T. V, ch. 2) [Studies in Kalmyk Grammar. Edit. By S. Say et al. ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transaction of the Institute for Linguistic Studies of the RAS, 2009, vol. 5, part 2]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009, pp. 497–524 (In Russ.).
- Kukanova V. V. *Grammatika porjadkov slovoizmenitel'nykh affiksov imennykh chastey rechi v kalmytskom yazyke* [Grammar of order of the inflectional affixes of the nominal parts of speech in the Kalmyk language]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2015a, No. 2, pp. 141–150 (In Russ.).
- Kukanova V. V. *Kosvennye nakloneniya v kalmytskom yazyke: slovoizmenitel'nye modeli (na materiale Natsional'nogo korpusa kalmytskogo yazyka)* [Indirect moods in the Kalmyk language: inflectional models (based on the National Corpus of the Kalmyk language)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2015b, No. 4, pp. 109–117 (In Russ.).
- Kukanova V. V. *O Natsional'nom korpusе kalmytskogo yazyka* [About the Kalmyk National Corpus]. *Aktual'nye problem dialektologii yazykov narodov Rossii: Mat-ly XIII Mezhdunarodnoy konferentsii (Ufa, 13–14 sentyabrya 2013 g.)* [Topical Questions of Russia's Dialectal Studies. Proc. of the 13th Internat. conf. (Ufa, 13–14 Sept. 2013)]. Ufa, 2013, pp. 209–212 (In Russ.).
- Kukanova V. V. *Slovoizmenitel'nye modeli deprivchastiy v svete grammatiki porjadkov v kalmytskom yazyke (na materiale Natsional'nogo korpusa kalmytskogo yazyka)* [Inflectional models of adverbial participles: a perspective from the grammar of order (evidence from the Kalmyk National Corpus)]. *Aktual'nye problemy sovremennogo mongolovedeniya: sb. nauch. tr.* [Topical Questions of Contemporary Mongol Studies. Collected works] Elista, Kalmyk Institute for Humanities of the RAS Press, 2015c, pp. 116–134 (In Russ.).
- Muchaeva K. V. *Substantivnaya funktsiya prichastiy v kalmytskom i russkom yazykakh* [The substantive function of participles in Kalmyk and Russian languages]. *Gumanitarnye issledovaniya* (Humanities Research journal), 2009, No. 4 (32), pp. 45–47 (In Russ.).
- Ochirov U. U. *Prichastnye oboroty* [Participial constructions]. *Voprosy kalmytskoy filologii* [Question of Kalmyk philology]. Elista, 1984, pp. 63–89 (In Russ.).
- Pyurbayev G. Ts. *Grammatika kalmytskogo yazyka. Sintaksis* [Kalmyk grammar. Syntax]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities of the RAS Press, 2010, 299 p. (In Russ. and Kalm.).
- Ramstedt G. Y. *Vvedenie v altayskoe yazykoznanie* [Introduction to Altaic linguistics]. Moscow, Inostr. Lit. Publ., 1957, 255 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Grammatika buryatsko-mongol'skogo yazyka* [Grammar of Buryat-Mongolian]. Moscow; Leningrad, USSR Acad. of Sc. Press, 1941, 188 p. (In Russ.).
- Kharchevnikova R. P. *Sistema glagola v sovremennoy literaturnom kalmytskom yazyke: avtoref. diss. ... d-ra filol. Nauk* [The system of the verb in modern literary Kalmyk. A Ph.D. thesis abstract]. Moscow, 1996, 73 p. (In Russ.).

УДК 81'33

СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ПРИЧАСТИЙ В СВЕТЕ ГРАММАТИКИ ПОРЯДКОВ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ (на материале Национального корпуса калмыцкого языка)

Виктория Васильевна Куканова¹¹ кандидат филологических наук, директор, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

Аннотация. В статье описывается грамматика порядков словоизменительных аффиксов причастий. Значимость проведения исследования обусловлена необходимостью классификационного и систематического дескриптивного анализа сочетательных свойств морфемных единиц (в данном случае — основы и аффиксов, аффиксов и аффиксов) в целях синтеза лексических единиц (в широком понимании — словоформ) калмыцкого языка. В ходе анализа материала Национального корпуса калмыцкого языка выявлено более 190 словоизменительных моделей аффиксов причастий калмыцкого языка.

Ключевые слова: калмыцкий язык, словоизменительные аффиксы, причастие, грамматика порядков, автоматический анализ, модели словоизменения.

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 27, Is. 5, pp. 183–192, 2016
 DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-183-192
 Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512. 223 + 821.51

Toponyms of the Manchu Literary Work – *The Ode to Mukden Written by the Emperor*

Alexander B. Lidzhiev¹

¹ Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language and General Humanities Subjects, Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: juwali@mail.ru.

Abstract

The article studies Manchu toponymy. The main emphasis is laid on the study of the toponyms mentioned in the 1743 Manchu literary work “*Han-i araha Mukden-i fužurun bithe*”, or *The Ode to Mukden Written by the Emperor*. The composition is one of the few authentic Manchu literary monuments authored by the Qianlong Emperor, and it is the most famous authorial text in Manchu being Qianlong’s first work to have been translated in Europe. The research discovered that Manchu toponymy has never been subject to any special studies. Studies of regional and substrate toponyms seem to be important and relevant enough since no special research in the field of Manchu onomastics has been conducted yet. The territory of Manchuria traditionally embracing Northeast China as well as present-day Russian-owned Primorye and Priamurye (‘Outer Manchuria’) has always been an area of special and diverse scientific interests which is evidently due to the fact it has long been inhabited by ancestors of Tungusic peoples.

Nowadays, almost the whole of Northeast China’s toponymy is of Chinese origin which resulted from the systematic renaming, assimilation processes and adaptations to the Chinese language. As for Russia’s aboriginal toponyms, they can well be considered authentic ones though — since the vast territory was primarily inhabited by kin peoples of the Manchus — in most cases the place names are of Tungusic rather than of Manchu origin as such. Toponymy is a cross-disciplinary area which comprises elements of geography, history and linguistics, and, thus, reflects the historic, natural and linguistic peculiarities of an ethnos.

The paper considers the names of cities, villages, mountains, rivers and burial mounds. Studies of the toponyms make it possible to reveal the most common patterns for the formation of the Manchu toponymic system. Research of Manchu toponymy is of great scientific and practical interest for further studies of historical, ethnographic and linguistic problems of the Far East and the relations with other nations of the region since this area of onomastics is relevant enough to modern science.

Keywords: onomastics, toponyms, *The Ode to Mukden*, Manchu language, Manchu people, Qianlong Emperor.

Данная статья посвящена исследованию маньчжурских топонимов. Первоначально предполагалось провести исследование по топонимике маньчжурского литературного произведения «Ода Мукдену, написанная императором», но в процессе изучения данного вопроса выяснилось, что ни топонимы, ни шире — онимы маньчжурского языка — не выступали объектом специального изучения. Поэтому в данном исследовании будут рассмотрены не только топонимы, встречающиеся в указанном произведении, но вообще топонимы маньчжурского языка.

В области общих вопросов топонимии можно указать работы А. В. Суперанской [1985], Э. М. Мурзаева [1974; 1984; 1995], Р. А. Агеевой [1990] и ряд других, являющихся важными для отечественной топонимии и связанных, прежде всего с языковедческими исследованиями. Исследование же более узких региональных или субстратных звеньев топонимических систем, в частности маньчжурской топонимии, также представляется важным, поскольку комплексное исследование еще не проводилось, имеются лишь некоторые публикации, посвященные локальным топонимам тунгусо-маньчжурского происхождения, например работы Ю. И. Боченковой [1968], В. В. Подмаскина [1998], А. В. Мельникова [2009] и др., а также работы отдельных ученых, посвященные китайским топонимам на территории Приморья и Приамурья (например, [Соловьев 1995] и др.).

Территория Маньчжурии, к которой традиционно относят северо-восток Китая, а также отошедшие к России Приморье и Приамурье, всегда попадала в сферу научных интересов ученых из различных областей знания, что связано, очевидно, с тем, что данную территорию на протяжении длительного времени населяли предки тунгусо-маньчжуров. Так, первые упоминания относятся к *сушэням* (2225 г. до н. э.) [Гребенщиков 1912: 1–2], хотя сам исследователь сомневается в достоверности этой даты и указывает, на его взгляд, более правдоподобную — 1103 г. до н. э., когда *сушэни* принесли дань луками и стрелами [Гребенщиков 1912: 2]. Далее упоминаются народы *илоу* и *мохэ*, которые являются, очевидно, потомками *сушэней* [Гребенщиков 1912: 2]. Согласно другому мнению, *сушэни*, *илоу* и *мохэ* — это собирательное название ряда племен тунгусо-маньчжурского происхождения, упоминаемых в китайских летописях [Золотарев 1937: 28].

Необходимо отметить, что в настоящее время на территории северо-восточного Китая практически вся топонимия имеет китайское происхождение, поскольку многие топонимы переименовывались, ассимилировались и адаптировались в связи с потребностями китайского языка. Относительно топонимов аборигенного происхождения на территории России можно сказать, что они сохранились, хотя в большинстве случаев они имеют тунгусо-маньчжурское происхождение, а не конкретно маньчжурское, поскольку эта обширная территория была заселена родственными маньчжурам народами. Кроме того, важно отметить, что в начале 70-х гг. XX в. было принято решение о переименовании географических названий приграничных районов в пределах СССР, имевших китайское происхождение, что было связано с советско-китайским пограничным конфликтом на острове Даманский в 1969 г. [Шавкунов 1993: 28]. Далее, согласно Постановлению от 29 декабря 1972 г., ряд географических объектов был переименован, чтобы не дать китайским властям возможность притязания на приграничные территории Советского государства [Список физико-географических объектов]. Так в результате политического конфликта топонимы, имеющие глубокое историческое происхождение, многие из которых имели тунгусо-маньчжурское происхождение и в настоящее время представляют собой языковые реликты прежних этносов, населявших данную территорию — маньчжуров, удэгейцев, нанайцев и орочей и их предков — были изменены. Поскольку топонимы являются объектом исследования трех наук — географии, истории и языковедения, они отражают историю, природные данные и языковые особенности этноса.

Необходимо сказать несколько слов о маньчжурском литературном произведении «*Han-i araha Mukden-i fužurun bithe*», или «Ода Мукдену, написанная императором». Оно относится к небольшому числу оригинальных памятников маньчжурской литературы, автором которого является император Цяньлун (1711–1799, годы правления 1735–1796), и представляет собой самый известный авторский текст, написанный на маньчжурском языке, поскольку является первым произведением императора Цяньлуна, переведенным в Европе. Сначала «Ода» была переведена на французский язык в 1770 г., спустя полвека, в 1828 г., был

сделан следующий перевод, в 1835 г. — перевод на английский язык, а в 1873 г. — и на немецкий. Подробно история изучения данного текста освещается в работе М. Гимма «Император Цяньлун как поэт» [Gimm 1993]; характеристика произведения дается в публикациях Т. А. Пан [1997; 2006].

Автор «Оды Мукдену» — император Цяньлун — безусловно, был очень одаренной личностью: он писал стихи, играл на музыкальных инструментах, любил путешествовать и посещать древние места; он лично управлял государством, проводя целенаправленную внешнюю и внутреннюю политику по укреплению государства [Непомнин 2005: 122–131]. Несмотря на то что в истории этот император известен под именем Цяньлун, в действительности китайское слово *Qiánlóng* (乾隆) ‘непоколебимое и славное’ обозначало девиз, под которым правил император, а настоящее имя императора звучало как Хун-Ли (Hung-li, 弘历).

Император Цяньлун получил классическое китайское образование и, как сказано выше, был талантливым поэтом: по мнению исследователей биографии Цяньлуна, он стал автором около сорока тысяч поэм, порой в день сочинял их по дюжине [Yan Zinan 2013: 371–394]. Говоря о поэтическом даре императора, необходимо отметить, что император Цяньлун был инициатором создания большого поэтического сборника “*Han-i araha uoŋkiyan mudan-i irgebun*” ‘Полное собрание стихов, написанных императором’, составленного в 1778 г., который состоит из 5 томов и содержит 106 поэм. Перу императора Цяньлуна принадлежат стихотворные сопровождения к 280 картинам, на которых изображены во весь рост военачальники, отличившиеся в различных компаниях. Около пятидесяти из них было обнаружено в Берлине, и ни одно из них не сохранилось в Пекине и Тайбэе, поскольку большинство после восстания Ихэтуаней в 1900 г. оказались за рубежом [Горяев, Лиджиев 2016: 93–97]. Несколько портретов, имеющих и в Государственном Эрмитаже, попали в его запасы после Великой Отечественной войны в результате репараций [Пан, Пчелин 2011; 2015].

Относительно маньчжурских географических названий, упомянутых в литературном произведении «Ода Мукдену, написанная императором», важно отметить, что ономастическое пространство литературного произведения изобилует китайскими

названиями, т. е. большинство топонимов, антропонимов, астронимов и других собственных имен различного типа, встретившихся в произведении, являются китайскими по происхождению, однако в небольшом количестве встречаются и маньчжурские названия.

Изучение маньчжурских географических названий представляется очень важным и актуальным, поскольку позволит выявить общие закономерности формирования маньчжурской топонимической системы.

Прежде всего, необходимо рассмотреть название «Мукден». Мукден — это город, расположенный на северо-востоке Китая на берегу реки Хунхэ. Он был покорен маньчжурами в 1621 г., а позже, в 1625 г., туда была перенесена столица маньчжуров, что, по мнению А. В. Гребенщикова, знаменовало собой рост и могущество завоевателей [Гребенщиков 1912: 13]. Китайское название города — Шэньян; название же «Мукден» использовалось только самими маньчжурами и закрепилось у европейцев, тогда как среди простых китайцев использовалось название «Цзинь», т. е. ‘столица’ [Ивановский 1897: 151]. На протяжении долгого времени Мукден считался второй столицей, где китайские императоры приносили жертвоприношение предкам, чему и посвящена рассматриваемая «Ода». В описании города говорится, что с четырех сторон были воздвигнуты башни, которые различались по сторонам света, и он имел форму правильного параллелограмма с массивными глинобитными стенами, однако в XIX в. пришел в упадок [Ивановский 1897: 151].

Название города, или астионим прежней столицы маньчжурской династии Цин, — *Mukden-hoton* [Захаров 1875: 901] — этимологизируется на материале маньчжурского языка, где *mukden* означает ‘поднятие вверх, возвышение; восхищение, восторг, вдохновение поэта’, а *hoton* переводится как ‘город; обитаемое место, обнесенное каменной или деревянной стеной или земляным валом; всякая высокая и толстая стена; городская крепостная стена’ [Захаров 1875: 428]. В семантике названия (город, находящийся на возвышенности) отражено, очевидно, местоположение города, который был «расположен в низменной равнине с глинистой почвой» [Ивановский 151].

Рассматривая маньчжурские топонимы, необходимо перечислить наиболее ча-

сто используемые географические термины маньчжурского языка: *alin* ‘гора, горный хребет’; *bira* ‘река’; *bigan* ‘поле, пустыня, степь’; *ekcin* ‘крутой берег реки, яр, обрыв’; *hada* ‘скала’; *mederi* ‘море, океан’; *muke* ‘вода, река, поток’; *na* ‘земля, местность’; *oto* ‘озеро’; *tala* ‘степь, поле, равнина’; *ula* ‘большая река’ [Gorelova 2002: 140] и др.

Другой общеизвестный топоним, упомянутый в произведении, — это Сунгари, крупная река в Маньчжурии, текущая с юга и впадающая в Амур. Ее маньчжурское название — *Sungari-ula* [Захаров 1875: 635], где *Sungari* ‘молочный, млечный’; Млечный путь — производное от *sun* ‘молоко’; *ula* ‘большая река, имеющая долгое течение (длинная, протяженная), глубокая и широкая’.

Один из притоков реки Сунгари носит название Гирин, от которого происходит название области, города, а также горы Гирина: *Girin-ula* ‘река Гирина’ и *Girin-hada* ‘гора Гирина’ [Захаров 1875: 337–338]. Данный топоним достаточно просто этимологизируется на материале маньчжурского языка, где *girin* — ‘полоса, линия, ряд, строй’.

Как уже было сказано выше, прежняя столица маньчжуров Мукден являлась тем местом, где китайские императоры приносили жертвоприношение предкам, и в ее окрестностях находились курганы, могильные насыпи, представлявшие собой захоронения прежних императоров. Каждый из них имел собственное название. В рассматриваемом произведении часто упоминаются подобные названия: так, один из курганов носит название *Enteheme-mungan*, где *enteheme* ‘долго, надолго, вечно’, а *mungan* ‘насыпь, могильная насыпь, могила, царское кладбище, курганы’; такое же название имело кладбище четырех предков Маньчжурской династии в Гирине [Захаров 1875: 61]. Дворец в Мукдене назывался *Enteheme-Huturinga-gurun* [Захаров 1875: 469], где *huturinga* ‘счастливый, благополучный’, *gurun* ‘государство’. Кроме того, река Хуньхо, на которой расположен город Мукден, по-маньчжурски называется *Enteheme-Toktoho-bira* [Захаров 1875: 737], где *toktoho* ‘установившийся, установленное’.

Упомянутый в «Оде» могильный холм *Huturinga-mungan*, который находился к востоку от города, назван в память о маньчжурском государе Тайцзу [Захаров 1875: 469], где *huturinga* ‘счастливый, благополучный’. Другой могильный курган к севе-

ру от Мукдена, также упомянутый в «Оде», называется *Eldenge-mungan*, где *eldenge* ‘святиющий, сияющий, светлый, лучезарный, великолепный, величественный, величавый’. Очевидно, там покоится император Тайцзунь [Захаров 1875: 79].

В произведении также упоминаются и горы, например гора *Forgon-be-Neyihe-alin*, находящаяся в 250 км на восток от Мукдена. Название можно перевести как ‘Начало смены сезона’, где *forgon* ‘сезон’, *neyihe* ‘открывать, начинать’, *alin* ‘гора’. Там имеются захоронения четырех представителей маньчжурской династии — Энхтэхэмэ мунгань. Еще одна гора *Abkai-Turai-alin*, упомянутая в «Оде», находится в 10 км на северо-востоке. Название можно перевести как ‘Небесный столб’ или ‘опора’, где *abkai* ‘небо’, *turai* ‘деревянный столб, колонна; подпорка, подставка’. Другая гора *Doro-be-Mukdembuhe-alin* (название можно перевести как ‘Закон возвышающая’, где *doro* ‘закон’, а *mukdembu* ‘поднимать, возвышать’) находится в 5 км на северо-востоке от города Мукден, где также находится кладбище одного из четырех предков маньчжурской династии.

Также встречаются названия, которые в настоящий момент не удалось идентифицировать, например *Dabasun-oto*, что можно перевести как ‘Соленое озеро’, или *Looha-bira* ‘река Лооха’, что, очевидно, представляет собой китайское название с маньчжурским гидронимом. Также было отмечено название *Kiyoo-san-alin*: вероятно, речь идет о горе Гаошань, находящейся на севере Китая, и др.

В произведении встречаются следующие астронимы: *Girha-usiha* — название созвездия, куда входят звезды: γ, δ, 4058 в Стрельце [Захаров 1875: 337]; *Weyisha-usiha* — название созвездия *вэйсха*, куда входят звезды — ε, μ из созвездия Скорпион [Захаров 1875: 1113]; *Demtū-usiha* — название созвездия, куда входят звезды: ξ, ζ, σ, τ, φ из созвездия Стрельца [Захаров 1875: 808]; *Lirha-usiha* — название созвездия, которое включает звезды: δ, ε, ζ, η, φ, μ из созвездия Гидра [Захаров 1875: 856]. Помимо созвездий, в произведении упоминаются отдельные звезды, например: *Eyihume-usiha* — название звезды, находящейся перед Млечным путем или с юга Млечного пути [Захаров 1875: 58], где *eyihume* ‘большая речная черепаха’; а также *Nimaha-usiha* — название звезды в Млечном пути, на севере

от звезды *Weyisha-usiha* [Захаров 1875: 233], где *nimaha* ‘рыба’.

Как уже было сказано выше, маньчжурские топонимы не являлись объектом специального исследования, тогда как их изучение представляет несомненный интерес. Тем не менее важно отметить, что маньчжурских топонимов, которые существуют и функционируют в настоящее время, осталось совсем немного, поскольку большинство из них исчезло и многие были заменены китайскими. С этим, очевидно, связаны проблемы изучения маньчжурской топонимии, поскольку для их изучения необходим предмет исследования, который практически отсутствует. Для сбора материала по географическим названиям не только в рамках географических изысканий, но и для изучения маньчжурской ономастики, необходимо прибегать к изучению источников XIX в. и более раннего времени, которые могут содержать требуемый материал, поскольку уже в указанное время маньчжурские топонимы могли выйти из употребления и заменяться китайскими названиями или использовались в только среди маньчжуров, которые в большинстве случаев были билингвами.

Ниже приводятся топонимы, которые были обнаружены в ходе нашей работы «Исследование памятника маньчжурской литературы „Ода Мукдену“ в литературе по маньчжурам». Для обозначения населенных пунктов, городов и деревень в маньчжурском языке используются термины: *hečen*, *hoton* ‘город’, *gašan*, *tokso* ‘селение, деревня’. Удвоение использовалось как указание на множественность, например: *hečen-hoton* ‘города’ или ‘города и крепости’, *gašan-tokso* ‘селения и деревни’.

В ходе исследования удалось выявить следующие ойконимы (названия городов, астионимов), а именно: *Gemun-hečen*, *Gemun-hoton* ‘Пекин, столичный город’, где *gemun* ‘столица’; *Cicigar hoton* — название города в верховьях р. Амур [Захаров 1875: 939], что, вероятно, соответствует современному городу Цицикар; *Ula-hoton* — название города в маньчжурской области Гирин, а также название одно из маньчжурских родов [Захаров 1875: 156; Гребенщиков 1912: 12]; *Yenden-hoton* — название города, или хэту-ала, куда была перенесена столица маньчжуров, в области Еньдэнь [Захаров 1875: 194], где *yenden* ‘поднятие вверх, возвышение, увеличение, процвета-

ние, возникновение, начало чего-либо и пр.; *Hoifa-hoton* — название города и одного из маньчжурских родов [Захаров 1875: 422; Гребенщиков 1912: 12]; *Butha-ula-hoton* — название города, которое происходит от места и речки в области Гирин Бутхай-ула, где *butha* ‘охота, ловля птиц, рыб и зверей; звериный или рыбный промысел, звероловство, рыболовство’; *Odoli-hečen* — название родины предков маньчжурской династии, откуда они впоследствии переселились в район горы *Hetu-ala* [Захаров 1875: 130], где *odoli* ‘развилины, кривые концы у удил; бляхи с кольцами у удил’.

Встречаются в небольшом количестве названия гор: *Hetu-ala* — название горы, где жил основатель маньчжурской династии, откуда он впоследствии перенес свою резиденцию в город Ендень [Захаров 1875: 408; Гребенщиков 1912: 11], где *hetu* ‘поперек, в ширину; ширина, поперечник’, *ala* ‘низкие плоские горы, плоская возвышенность, пригорок, холм’; *Sahaliyan-alin* ‘черная гора’ [Захаров 1875: 559], где в названии оронима присутствует лексема *sahaliyan* ‘черный’, которая также используется в названии *Sahaliyan-ula* (река Амур); *Sarhu-alin* — название горы, находящейся на востоке от Мукдена в 70 км, (см. также *Sarhu-hoton* (название города)) [Гребенщиков 1912: 12], где *sarhu* ‘полки, подставки для посуды, полки в шкафу для посуды’; *Gehunge-alin* — название горы в Мукдене в уезде Чэньдэ, где *gehunge* ‘славный, прославленный (в посмертном титуле)’, образовано от *gehun* ‘свет; светлый’; *Wargi-čolhon* — западная жертвенная гора в Китае, где *wargi* ‘запад, закат солнца; правая сторона, если смотреть на юг; западный, правый’, *čolhon* ‘высокие и острые вершины гор’.

Выше были описаны немногочисленные маньчжурские гидронимы, а именно: названия крупных рек Сунгари-ула и Гирин-ула. Далее будет приведен список гидронимов, обнаруженных в произведении: *Non-ula* — название реки в Амурской области, одного из крупнейших притоков реки Сунгари, более известного как Нонни-ула. Этимология может быть связана с *non* ‘младшая сестра, родная или двоюродная, вообще младшая годами сестра в кругу однофамильцев’; *Mudan-ula* (современное название Муданцзянь) — название правого притока реки Сунгари, где *mudan* ‘изгиб, извилина, излучина, заводь, залив реки, загиб, зигзаг, кривизна’; у этой реки было и старое назва-

ние *Хурха-бипа* [Гребенщиков 1912: 8], где *hurga* ‘силки, пленка из конского волоса на птиц’ [Захаров 1875: 442], *hurhan* ‘большая рыболовная сеть’ [Захаров 1875: 442].

Существуют различные версии относительно происхождения названия реки Уссури. Согласно одной версии, название происходит от нанайского рода, проживавшего по берегам реки [Поспелов 434]. Согласно другой, название может восходить к маньчжурскому *hosori* ‘перхоть; сера ушная; сажа, шлак’, *husuri* ‘сера ушная; перхоть’, в таком случае данный гидроним этимологизируется как ‘черный как сажа’, т. е. ‘Черная как сажа речка’ [Шавкунов 1993: 77]. Однако в словаре И. И. Захарова указано: *usuri* ‘название реки в Маньчжурии и одного из родов, обитавших на этой реке’ [Захаров 1875: 153]. Также важно отметить, что река получает свое название после слияния рек Улахэ и Даубихэ [Шавкунов 1993: 77]. Название гидронима встречается у маньчжуров, например, *Ula-hoton* — название города в маньчжурской области Гиринь, а также название одного из маньчжурских родов [Захаров 1875: 156; Гребенщиков 1912: 12], где *ula* — это, возможно, один из притоков реки Уссури. Также можно привести другие гидронимы, которые этимологизируются на материале маньчжурского языка, например, *Ayihu-ula* — название реки в Маньчжурии, где *ayihu* ‘соболь-самка’, *Yalu* — название реки (кит. Ялуцзян), определяющей юго-западную границу между КНР и КНДР, где *yalu* ‘межа между двумя пашнями’ [Захаров 1875: 187; Гребенщиков 1912: 11], и др.

Встречаются другие топонимы, например: *Omohei-bigan* ‘название равнины на востоке от гор Голминь Шаньянь-алинь, где находится городок Одоли-хэчэнь, первоначальное место жительства Тайцзу, родоначальника маньчжурской династии’ [Захаров 1875: 130], где *omo* ‘озеро, пруд, болото’ [там же], *bigan* ‘всякое дикое, необитаемое, вне жилья находящееся место; открытое чистое поле; пустыня, степь; пустынный, степной, дикий’ (данный топоним, очевидно, следует переводить как ‘болотистая местность’) [Захаров 1875: 495]; названия стран: *Tooli* ‘Ордос, название страны, лежащей в изгибе Желтой реки по завороте её на юг из Монголии’, *Wargi Tooli* ‘заордос, страна на запад от Ордоса — страны, заключающиеся в изгибе Желтой реки при повороте её на север в Монголию’, *Wargi žan* ‘Тибет’ [Захаров 1875: 1111].

Интерес представляет название местности *Warkasi* в Маньчжурии на Юге от Еньдэня. Можно предположить, что оно происходит от слов *war*; *war seme* ‘общий крик лягушек’, *waksan*, *wakšan* ‘лягушка’, т. е., вероятно, так называлась речка или озеро, а впоследствии и вся местность отсюда и название. Также имеется название одного из маньчжурских родов *warka* [Захаров 1875: 1111; Гребенщиков 1912: 12] (у Гребенщикова *варха*), что можно объяснить тем, что у маньчжуров и других тунгусо-маньчжурских народов часто встречаются случаи называния родов, племен и народов по месту проживания. Например, *Hurhabira* [Гребенщиков 1912: 8], где *hurga* ‘силки, пленка из конского волоса на птиц’, *hurhan* ‘большая рыболовная сеть’, также существует название одного из маньчжурских родов *хурха* [Захаров 1875: 443]; *Ula-hoton* — название города в маньчжурской области Гиринь, а также одного из маньчжурских родов [Захаров 1875: 156; Гребенщиков 1912: 12].

Особый интерес представляют маньчжурские комонимы — названия сельских поселений, встречавшихся на севере и северо-западе от Айгуня: *Nikan-tokso* ‘китайская деревня’, где *nikan* ‘китаец, китайский’, *Oforo-tokso* ‘село горное’, где *oforo* ‘нос, мыс горы; вершина, сопка горы’, *Ažige-uksari* и *Amba-uksari*, где *ažige* ‘малый, маленький’ и *amba* ‘большой’, а *uksari* ‘близкие родственники’, или *Ažige-Sahaliyan* и *Amba-Sahaliyan*, где *sahaliyan* ‘черный’. Деревни и заимки на юг от города Айгунь: *Omo-tokso*, где *omo* ‘озеро’, *Amba-čakuri* и *Ažige-čakuri*, где *čakuran* ‘береза с черной корой’, или *Gulu-Suwayan-tokso* ‘Чисто желтое’, где *gulu* ‘простой, одноцветный’, *suwayan* ‘желтый’, *Kubuhe-Lamun-tokso* ‘Синее с каймой’, где *kubuhe* ‘окаймленный, имеющий кайму’, *lamun* ‘синий’, *Dergi-Gulu-Lamun-tokso* ‘Верхнее Чисто Синее’, где *dergi* ‘верх, верхнее’ [Гребенщиков 1912: 36–38]. В последних примерах речь, вероятно, идет о селениях, имевших отношение к маньчжурскому войску, которое состояло из восьми знамен, где первые четыре состояли из желтого, белого, красного и синего знамен, другие — из тех же цветов, но с каймой.

В заключение необходимо сказать, что небольшое количество маньчжурской субстратной топонимии сохранилось на территории Дальнего Востока. В этой связи необ-

ходимо отметить, что изучение маньчжурской топонимии представляет большой научный и практический интерес в контексте изучения исторических, этнографических и лингвистических проблем населения Дальнего Востока и взаимоотношений с другими народами этого региона.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках научного проекта № 15-04-00327 «Исследование памятника маньчжурской литературы „Ода Мукдену“».

Литература

- Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. М.: Наука, 1990. 258 с.
- Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 471 с.
- Боченкова Ю. И.* Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в нанайской топонимике. М.: ЦНИИ геодезии, аэросъемки и картографии, 1968. 47 с.
- Захаров И.* Полный маньчжурско-русский словарь. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1875. 1234 с.
- Золотарев А. М.* Из истории народов Амура // Исторический журнал. № 7. 1937. С. 27–40.
- Горяев М. С., Лиджиев А. Б.* Покорение Джунгарии и Восточного Туркестана в комментариях к портретам военачальников императора Цянлуна // Мат-лы Росс. науч. конф. с межд. участием «Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность», 16–19 марта 2016 г. Элиста: НПП «Джангар», 2016. С. 93–97.
- Гребенщиков А. В.* Маньчжуры, их язык и письменность. Владивосток: Издание и печать Вост. ин-та, 1912. 74 с.
- Ивановский А. О.* Мукдэн // Энциклопедический Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XX. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1897. С. 151.
- Мельников А. В.* Топонимический словарь Амурской области. Благовещенск: Хабаровск. кн. изд-во, 2009. 232 с.
- Мурзаева Э. М.* Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 382 с.
- Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
- Мурзаев Э. М.* Топонимика и география. М.: Наука, 1995. 304 с.
- Непомнин О. Е.* История Китая: Эпоха Цин. XVII — начало XX века. М.: Издат. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2005. 712 с.
- Пан Т. А.* Особенности маньчжурского поэтического текста «Ода Мукдену» императора Цяньлуна // Altaica I. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997. С. 68–78.
- Пан Т. А.* Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин в XVII–XVIII вв. СПб.: Петербург. востоковедение, 2006. 228 с.
- Пан Т. А., Пчелин Н. Г.* Портреты выдающихся военачальников периода правления императора Цяньлуна из коллекции Государственного Эрмитажа // Письменные памятники Востока. № 2 (15). 2011. СПб.: Издат. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2011. С. 262–279.
- Пан Т. А., Пчелин Н. Г.* Пять портретов маньчжурских военачальников из коллекции Государственного Эрмитажа // Азия и Африка в меняющемся мире. XXVIII Межд. науч. конф. (22–24 апреля 2015 г.). СПб.: ВФ СПбГУ, 2015. С. 170.
- Подмаскин В. В.* Происхождение тунгусо-маньчжурских топонимов Приморья и Приамурья // Исторические названия — памятники культуры. 2-ая Приморская краевая науч.-практич. конф. Владивосток, 1993. С. 62–65.
- Список физико-географических объектов, переименованных в соответствии с решениями: Приморского крайисполкома № 1167 от 11.X.1970 г.; Хабаровского крайисполкома № 358-00194 от 25.V.1970 г. и письмом Амурского облисполкома № 0106 от 3.VIII.1970 г.; Постановление от 29 декабря 1972 г. № 753 [электронный ресурс] // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7958.htm (дата обращения: 23.08.2016).
- Поспелов Е. М.* Географические названия мира. Топонимический словарь. М.: Русские словари, 2002. 512 с.
- Соловьев Ф. В.* Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1975. 221 с.
- Суперанская А. В.* Что такое топонимика? М.: Наука, 1985. 176 с.
- Успенский В. Л.* Тибетский буддизм в Пекине. СПб.: ООО «Студия „НП-Принт“», 2011. 368 с.
- Шавкунов Э. В.* Бохайские топонимы и гидронимы приморья и их идентификация с современными географическими названиями // Исторические названия — памятники культуры. 2-ая Приморская краевая науч.-практич. конф. Владивосток, 1993. С. 74–78.
- Amiot J.-M.* Éloge de la ville de Moukden. Tillard, libraire, Paris, 1770. Édition en mode texte par Pierre Palpant. 2013. 190 p.

- Bügener Annette. Die Heldengalerie des Qianlong-Kaisers: ein Beitrag zur chinesischen Porträtmalerei im 18. Jahrhundert. Frankfurt, M.: PL Acad. Research, 2015. 528 s.
- Gimm M. Kaiser Qianlong (1711–1799) als Poet. Stuttgart: Steiner, 1993. 231 s.
- Gorelova L. M. Manchu Grammar. Leiden ; Boston; Köln : Brill, 2002. 625 p.
- Sary Giovanni. A Preliminary Note on the Manchu Versions of Qianlong's Poetical Collection Quanyun shi // Письменные памятники Востока, 2008. № 1 (8). М.: Издат. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2008. С. 100–104.
- Yan Zinan. A Change in the Poetic Style of Emperor Qianlong: A Study of the Heptasyllabic Regulated Verses on New Year's Day // Ming Qing Studies 2013. Roma: Aracne editrice S.r.l, 2013. P. 371–394.
- References**
- Ageeva R. A. *Strany i narody: proiskhozhdenie nazvaniy* [Countries and peoples: origins of names]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 258 p. (In Russ.).
- Bichurin N. Ya. *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Collection of information about ancient peoples of Central Asia]. Moscow, Leningrad, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1950, 471 p. (In Russ.).
- Bochenkova Yu. I. *Slovar' geograficheskikh terminov i drugikh slov, vstrechayushchikhsya v nanayskoy toponimike* [A dictionary of geographical terms and other words used in Nanai toponymy]. Moscow, 1968, 47 p. (In Russ.).
- Zakharov I. *Polnyy man'chzhursko-russkiy slovar'* [A complete Manchu-Russian dictionary]. Saint Petersburg, Print. House of the Imperial Acad. of Sc., 1875, 1234 p. (In Russ.).
- Zolotarev A. M. *Iz istorii narodov Amura* [Excerpts from the history of the peoples of the Amur region]. *Istoricheskiy zhurnal* [Historical Journal], No. 7, 1937, pp. 27–40 (In Russ.).
- Goryaev M. S., Lidzhiyev A. B. *Pokorenie Dzhungarii i Vostochnogo Turkestana v kommentariyakh k portretam voenachal'nikov imperatora Tsyantluna* [Conquest of Dzungaria and East Turkestan in comments to portraits of Qianlong Emperor's warlords]. *Mat-ly Ross. nauch. konf. s mezhd. uchastiem «Kochevye narody Yuga Rossii: istoricheskiy opyt i sovremennost'», 16–19 marta 2016 g.* [Proc. of the Russ. scient. conf. (attended by foreign researchers) — Nomadic Peoples of Southern Russia: Historical Experience and Contemporaneity, 16–19 March 2016]. Elista, Dzhangar Publ., 2016, pp. 93–97 (In Russ.).
- Grebenshchikov A. V. *Man'chzhury, ikh yazyk i pis'mennost'* [The Manchu people, their language and script]. Vladivostok, Oriental Institute Press, 1912, 74 p. (In Russ.).
- Ivanovskiy A. O. *Mukden'* [Mukden]. *Entsiklopedicheskiy Slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona. T. XX* [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Saint Petersburg, Brockhaus and Efron Publ., 1897, p. 151 (In Russ.).
- Melnikov A. V. *Toponimicheskiy slovar' Amurskoy oblasti* [A toponymic dictionary of Amur Oblast]. Blagoveshchensk, Khabarovsk Book Publ., 2009, 232 p. (In Russ.).
- Murzaev E. M. *Ocherki toponimiki* [Toponymic sketches]. Moscow, Mysl Publ., 1974, 382 p. (In Russ.).
- Murzaev E. M. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [A dictionary of folk geographical terms]. Moscow, Mysl Publ., 1984, 653 p. (In Russ.).
- Murzaev E. M. *Toponimika i geografiya* [Toponymy and geography]. Moscow, Nauka Publ., 1995, 304 p. (In Russ.).
- Nepomnin O. E. *Istoriya Kitaya: Epokha Tsin. XVII — nachalo XX veka* [A history of China: the Qing era, 17th — early 20th cc.]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 2005, 712 p. (In Russ.).
- Pan T. A. *Osobennosti man'chzhurskogo poeticheskogo teksta «Oda Mukdenu» imperatora Tsyantluna* [Distinct features of the Manchu poetic composition *The Ode to Mukden* by Qianlong Emperor]. *Altaica I* [collected works]. Moscow, Publ. Dept. of Inst. of Oriental Studies of the RAS, 1997, pp. 68–78 (In Russ.).
- Pan T. A. *Man'chzhurskie pis'mennye pamyatniki po istorii i kul'ture imperii Tsin v XVII–XVIII vv.* [Manchu written monuments in the history and culture of the Qing dynasty in the 17th–18th cc.]. Saint Petersburg, Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ., 2006, 228 p. (In Russ.).
- Pan T. A., Pchelin N. G. *Portrety vydayushchikhsya voenachal'nikov perioda pravlenniya imperatora Tsyantluna iz kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Portraits of meritorious officers from the collection of the State Hermitage Museum]. *Pismennye pamyatniki Vostoka* [Written Monuments of the Orient], No. 2 (15), 2011, Saint Petersburg, Vost. Lit. Publ., 2011, pp. 262–279 (In Russ.).
- Pan T. A., Pchelin N. G. *Pyat' portretov man'chzhurskikh voenachal'nikov iz kollektsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Five portraits

- of Manchu officers from the collection of the State Hermitage Museum]. *Aziya i Afrika v menyayushchemsya mire. XXVIII Mezhd. nauch. konf. (22–24 aprelya 2015 g.)* [Asia and Africa in the Changing World. 28th Internat. scient. conf. (22–24 April 2015)]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State Univ. Press (Department of Oriental Studies), 2015, p. 170 (In Russ.).
- Podmaskin V. V. *Proiskhozhdenie tungusoman'chzhurskikh toponimov Primor'ya i Priamur'ya* [Origins of Tungusic-Manchu toponyms of Primorye and Outer Manchuria]. *Istoricheskie nazvaniya — pamyatniki kul'tury. 2-aya Primorskaya kraevaya nauch.-praktich. konf.* [Historical names as cultural monuments. The 2nd Primorye regional research and practice conf.]. Vladivostok, 1993, pp. 62–65 (In Russ.).
- Spisok fiziko-geograficheskikh ob'ektov, pereimenovannykh v sootvetstvi s resheniyami: Primorskogo krayispolkoma № 1167 ot 11.X.1970 g.; Khabarovskogo krayispolkoma № 358-00194 ot 25.V.1970 g. i pis'mom Amurskogo oblispolkoma № 0106 ot 2.VIII.1970 g.; Postanovlenie ot 29 dekabrya 1972 g. № 753* [A list of physiographic objects renamed according to decisions adopted by the Primorsky Reg. Executive Committee of 11 October 1970 No. 1167...]. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7958.htm (accessed: 23 August 2016) (In Russ.).
- Pospelov E. M. *Geograficheskie nazvaniya mira. Toponimicheskii slovar'* [Geographical names of the world. A toponymic dictionary]. Moscow, Russkie Slovari Publ., 2002, 512 p. (In Russ.).
- Solov'ev F. V. *Slovar' kitayskikh toponimov na territorii sovetskogo Dal'nego Vostoka* [A dictionary of Chinese toponyms in the Soviet Far East]. Vladivostok, Publ. Dept. of Far Eastern Scientif. Center of the USSR Acad. of Sc., 1975, 221 p. (In Russ.).
- Supersanskaya A. V. *Chto takoe toponimika?* [What is toponymy?]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 176 p. (In Russ.).
- Uspenskiy V. L. *Tibetskiy buddizm v Pekine* [Tibetan Buddhism in Beijing]. Saint Petersburg, Studiia NP-Print Publ. Ltd., 2011, 368 p. (In Russ.).
- Shavkunov E. V. *Bokhayskie toponimy i gidronimy primor'ya i ikh identifikatsiya s sovremennymi geograficheskimi nazvaniyami* [Bohai toponyms and hydronyms and their identification with modern geographical names]. *Istoricheskie nazvaniya — pamyatniki kul'tury. 2-aya Primorskaya kraevaya nauch.-praktich. konf.* [Historical names as cultural monuments. The 2nd Primorye regional research and practice conf.]. Vladivostok, 1993, pp. 74–78 (In Russ.).
- Amiot J.-M. *Éloge de la ville de Moukden* [The Ode to Mukden]. Tillard, libraire, Paris, 1770. Édition en mode texte par Pierre Palpant, 2013, 190 p. (In French).
- Bügener Annette. *Die Heldengalerie des Qianlong-Kaisers: ein Beitrag zur chinesischen Porträtmalerei im 18 Jarhundert* [A gallery of portraits of Qianlong Emperor's heroes ...]. Frankfurt, M., PL Acad. Research, 2015, 528 p. (In Germ.).
- Gimm M. *Kaiser Qianlong (1711–1799) als Poet* [Qianlong Emperor as a poet]. Stuttgart, Steiner Publ., 1993, 231 p. (In Germ.).
- Gorelova L. M. *Manchu Grammar*. Leiden ; Boston; Köln : Brill, 2002. 625 p. (In Eng.)
- Sary Giovanni. A Preliminary Note on the Manchu Versions of Qianlong's Poetical Collection Quanyun shi. *Pismennye pamyatniki Vostoka* [Written Monuments of the Orient], Saint Petersburg, Vost. Lit. Publ., 2008, No. 1 (8), pp. 100–104 (In Russ.).
- Yan Zinan. A Change in the Poetic Style of Emperor Qianlong: A Study of the Heptasyllabic Regulated Verses on New Year's Day. *Ming Qing Studies* 2013. Roma: Aracne editrice S.r.l, 2013, pp. 371–394 (In Eng.).

**ТОПОНИМЫ МАНЬЧЖУРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
«ОДА МУКДЕНУ, НАПИСАННАЯ ИМПЕРАТОРОМ»**Александр Борлаевич Лиджиев¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин, Калмыцкий государственный университет (Элиста, Российская Федерация).
E-mail: juwali@mail.ru.

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию маньчжурских топонимов. Основной упор сделан на изучение топонимов, упомянутых в маньчжурском литературном произведении «*Han-i araha Mukden-i fužurun bithe*», или «Ода Мукдену, написанная императором» (1743 г.), которое относится к небольшому числу оригинальных маньчжурских памятников литературы. Автором является император Цяньлун (1711–1799, годы правления 1735–1796), и оно представляет собой самый известный авторский текст, написанный на маньчжурском языке, поскольку является первым произведением императора Цяньлуна, переведенным в Европе. В ходе изучения данного вопроса выяснилось, что топонимы маньчжурского языка не выступали прежде объектом специального изучения. Исследование региональных и субстратных топонимов представляется важным и актуальным, поскольку специальных исследований в области маньчжурской ономастики не проводилось. Территория Маньчжурии, куда традиционно относят северо-восток Китая, а также российские Приморье и Приамурье, всегда попадала в сферу научных интересов ученых из различных областей знаний, что связано, очевидно, с тем, что данную территорию на протяжении длительного времени населяли предки тунгусо-маньчжурских народов.

В настоящее время на территории северо-востока Китая практически вся топонимия имеет китайское происхождение, поскольку многие из них переименовывались, ассимилировались и адаптировались в связи потребностями китайского языка. Относительно топонимов аборигенного происхождения на территории России можно сказать, что они сохранились, хотя в большинстве случаев они имеют тунгусо-маньчжурское происхождение, а не конкретно маньчжурское, поскольку эта обширная территория была заселена родственными маньчжурам народами. Топонимы являются объектом исследования трех наук — географии, истории и языкознания, и отражают историю, природные данные и языковые особенности этноса.

В работе рассматриваются названия городов, деревень, гор, рек и могильных курганов. Изучение топонимов позволяет выявить общие закономерности формирования маньчжурской топонимической системы.

Изучение маньчжурской топонимии представляет большой научный и практический интерес при исследовании исторических, этнографических и лингвистических проблем Дальнего Востока и взаимоотношений с другими народами этого региона, поскольку данная область ономастики является актуальной для современной науки.

Ключевые слова: ономастика, топонимика, «Ода Мукдену», маньчжурский язык, маньчжуры, император Цяньлун.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 193–198, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-193-198
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.37

Socio-Cultural Basis for Euphemisms in the “Language of Kalmyk Women”

Grenada S. Bitkeeva¹

¹ Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Associate Professor, Department of German Philology, Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: bipetr@yandex.ru.

Abstract

Euphemisms in the “language of Kalmyk women”, occurring due to taboos on mentioning the names of elder relatives of the husband, are an important aspect of Kalmyk women’s conversational etiquette and have a certain impact on the functions and development of the language. Such euphemisms are part of the whole system of ethical behavioral norms for Kalmyk women. The research results show that they have been created with due regard to the social and cultural conditions characteristic of the Kalmyks’ nomadic mode of life. Euphemisms are, like the system of ethical behavioral norms for women in general, supposed to strengthen the most important part of society – the family with the housewife / wife being its central figure, and tend to serve as means of fostering children, the future generations of the family and society.

The paper presents a short critical review of the conducted research that dealt with euphemisms in the “language of Kalmyk women”. The first part of the review presents an analysis of a strictly linguistic aspect of the issue. The examples and their description show that those euphemisms, their structure and the way they form constitute a broad functional sphere in Kalmyk speech. This is the absolute character of the taboos on names that give rise to euphemisms, namely the names of older relatives are subjects to permanent taboos. Firstly, it does not matter whether the person the mention of whose name is tabooed is present or not at the moment of a woman’s speech. According to the second rule, taboos are applied not only to the names of living elder relatives of the husband but also those who had passed away long time ago, down to the tenth generation. Thirdly, the names of complete strangers are tabooed if those are identical to or resemble the names of the husband’s elder relatives. Fourthly, since many Kalmyk names comprise common words denoting household items, plants, minerals, the latter take a wide range of forms.

The second part of the paper presents quotations that illustrate different opinions regarding the social and cultural judgments of euphemisms. Some respondents characterize euphemisms as a means to subjugate women designating them as vestiges of the past. The respondents are public persons. There is also a presentation of opinions regarding moral and ethical behavioral norms for women, traditional behavior for men and women in daily life, e.g. during dancing events and outdoor meetings. Those characterize people’s behavior in personal daily and social life that used to (and still do) take forms of high culture.

The critical analysis of the existing research studies as well as the independent research of definite materials allow to conclude that euphemisms in the “language of Kalmyk women” are a cultural phenomenon and constitute a part of the system of ethical behavioral norms for Kalmyk women.

Keywords: taboo, euphemisms, conversational etiquette, wife, family, future society.

Явление табу и образование на этой основе эвфемизмов характерны практически для всех народов, но в разной степени, в зависимости от социальных причин их возникновения в каждом конкретном случае. Во многих национальных культурах всегда существовали различные запреты, регламентировавшие деятельность людей в быту или конкретной сфере деятельности. Иногда они приобретали формы законов в общенародном масштабе, что совершенно естественно, ибо никакое общество не может обходиться без определенных прав и обязанностей, продиктованных жизненными условиями и интересами общества, и соответственно правил поведения их членов, предусматривавших и некоторые ограничения. Это относится, в частности, к словесным запретам, образованию на этой основе эвфемизмов в речевом этикете женщин-калмычек.

Классическим образцом такого эвфемизма послужило зафиксированное академиком В. Л. Котвичем в 1896 г. следующее информационное сообщение: *Урсхлын телрт, урһмлын йозурт уульха маальхаг жомнлж*, букв. 'По ту сторону текущего, под растущим воющий съел блеющего целиком' [Котвич 1972: 22]. Этот текст в обычной калмыцкой речи должен был бы иметь следующую форму: *Һолын телрт, модна йозурт чон хөөг идчкж* 'На той стороне реки, под деревом волк съел овцу целиком'. В этом маленьком тексте, состоящем из семи слов, в прямом лексическом значении употреблены лишь два слова — *телрт* 'находящийся на той стороне' и *йозурт* 'у основания, корня', а в данном случае — 'под растущим'. Остальные пять слов заменены: *урсхлын* 'текущего' вм. *һолын* 'реки', *урһмлын* 'растения' вм. *модна* 'дерева', *уульха* 'воющий' вм. *чон* 'волк', *маальхаг* 'блеющего' вм. *хөөг* 'овцу', *жомнлж* 'съел целиком' вм. *идчкж* 'съел'. Все эти слова представляют собой эвфемизмы, использованные для замены тех слов, произношение которых было запрещено для калмычки по законам калмыцкого общества того времени, поскольку они или совпадали, или были созвучны с именами старших родственников ее мужа.

В этой связи В. Л. Котвич отмечал: «Настоящая загадка первоначально представляла собою сообщение о заурядном явлении, получившем загадочный смысл, вследствие того, что для нее оказались запретными все

имена нарицательные, которых касалось сообщение: *усн* 'вода', *модн* 'дерево', *чон* 'волк', *хөн* 'овца' [Котвич 1972: 22].

К этой теме обращались позже и другие исследователи. Так, в 1909 г. известный ученый Н. Очиров зафиксировал 48 калмыцких собственных имен с их вариантами женского произношения без каких-либо комментариев и пояснений [Очиров 1910: 73–74]. Г. Й. Рамстедт отразил в своем «Калмыцко-немецком словаре» женские слова калмычек и сделал по ним некоторые обобщения в своем фундаментальном труде, посвященном проблемам алтаистики [Ramstedt 1935]. «Эти социальные нравы оказываются, — подчеркивал исследователь, — немаловажными для изучения истории формирования языка, ибо только благодаря знакомству с ними могут быть объяснены некоторые фонетические явления в языке» [Рамстедт 1957: 221]. Свое обобщение автор снабдил конкретными примерами [Рамстедт 1957: 221].

По материалам словаря Г. Й. Рамстедта П. Аалто написал специальную статью «О языке калмыцких женщин». Анализируя женскую лексику в калмыцком языке, он установил, что наряду с заменой табуируемого слова синонимом и передачей слова путем изменения начального согласного на *й*, есть еще способ образования эвфемизмов с помощью иносказательных выражений. Ссылаясь на Гроотаера, автор статьи утверждает, что «женский язык в других монгольских языках в целом носит такие же черты, как и в калмыцком языке» [Aalto 1961: 231].

Факт модификации произношения слов под влиянием табу еще раньше отмечал академик Б. Я. Владимирцов: «Вследствие табу сокращаются собственные имена, а также названия чинов и должностей; замечается также искажение начального слога вместо сокращения, напр., халх. *да* вм. *дар-га* 'старшина, председатель', *го-сайд* вм. *Гончик-саед* 'сановник Гончик', *Енхер* вм. *Ценхер* 'Ценкер — название местности'¹ [Владимирцов 1929: 420]. Кроме того, упоминание об эвфемизмах в калмыцком языке появляется и в работах по лингвистике последних лет [Монраев 2007].

Результаты исследований, проведенных автором настоящих строк, показали, что образование на основе табу личных имен

¹ Написания даны без диакритических знаков.

эвфемизмов, получивших название «язык женщин-калмычек», охватывает обширное поле функционирования языка, в первую очередь лексики. Это обусловлено, во-первых, тем, что женщины-калмычки табуировали имена всех старших родственников мужа, всех здравствовавших, а также тех, кого уже давно не было в живых, вплоть до десятого колена. Во-вторых, женщины табуировали имена старших родственников мужа везде и всегда, независимо от присутствия или отсутствия родственников — носителей имен в момент ее речи. В-третьих, они табуировали имена и совершенно незнакомых, чужих людей, если те совпадали или были только созвучны с именами старших родственников мужа. В-четвертых, как ни парадоксально, женщины табуировали самые обыкновенные слова, например, названия многих животных, домашней утвари, названия частей тела человека и животных, слова, обозначающие действия, признаки, цветовые наименования и др., если они совпадали или были только созвучны с табуируемыми именами. Следовательно, объем табуируемой женщинами-калмычками лексики был весьма велик, поскольку личные имена у калмыков очень часто образуются от самых различных слов.

Для наглядности приведем некоторые варианты табуирования слов, первый компонент которых совпадает с именем Хар (от слова *хар* 'черный'). Отметим при этом, что калмыцких имен, которые начинаются со слова *хар* — немало, например, Хара, Харда, Харлу, Хар Көвүн, Хар Күүкн и др. Здесь приводятся только несколько вариантов из более чем шестидесяти эвфемизмов, которые образуются на основе слов, начинающихся с рассматриваемого слова. Примеры: *хар* 'черный' — *баран* 'темный'; *хар цэ* 'черный чай, чай без молока' — *усн уга цэ* 'чай без молока'; *хар маңһд* 'ногайцы' — *маңһд* 'татары'; *хар күн* 'простолудин' — *эгл күн* 'простой, рядовой человек'; *хар санан* 'злой умысел' — *буру седкл* 'неверные помыслы'; *хар көдлми* 'физический труд' — *йиурин көдлми* 'простая работа'; *хар өрлэ* 'рано утром' — *өрүн өрлэ* 'раннее утро'; *хар нетрүсн* 'тьма' — *нетрүсн*; *харул* 'караул' — *манач* 'сторож'; *хармч* 'скупой, жадный' — *генэртэ* 'прижимистый'; *харжэ* 'глубоководное место' — *гүн усн* 'глубокая вода'; *харш болх* 'препятствовать' — *саад болх* 'создавать препятствие'; *харһх* 'встречаться' — *үзлх* 'встретиться'; *харх* 'смо-

треть, присматривать' — *халэх* 'смотреть, всматриваться'; *харвх* 'стрелять из лука' — *хах* 'стрелять'; *харһнх* 'голодать, быть голодным' — *өлсх* 'быть голодным, голодать'; *хардах* 'топорщиться, торчать' — *дардах* 'торчать во все стороны'; *харжэңнх* 'трещать, греметь' — *таржэңнх* 'трещать'; *харцх* 'ястреб' — *бүргд* 'беркут'; *харсх* 'защищать' — *аврх* 'спасать'.

Совершенно очевидно, что эвфемизмы «языка женщин-калмычек» невозможно в полной мере понять вне их связи с другими аспектами этических норм поведения женщин-калмычек, к числу которых относятся, безусловно, их взаимоотношения с разными по полу и возрасту членами семьи, знакомыми и совсем незнакомыми людьми в обществе. В этом отношении представляют интерес зафиксированные исследователями быта нормы поведения женщин-калмычек.

Так, табуирование невесткой имен старших родственников мужа известный историк-этнограф У. Э. Эрдниев квалифицировал как остаточное от патриархальных устоев и традиций явление [Эрдниев 1970: 183–194]. А. М. Амур-Санан в своем романе «Мудрешкин сын» охарактеризовал «язык женщин-калмычек» только как зло, порожденное социальным неравенством женщины, ее закабаленным положением в семье и обществе. «На другой день замужества, — писал он, — калмычка, под страхом тягчайшего наказания в загробном мире и сурового общественного осуждения в этом, теряет право произносить имена всех старших в роду ее мужа. Сюда входят: отец и мать мужа, все деды, прадеды и вообще все дяди, тетки, старшие братья, их жены, сестры и их мужья. Все эти старшие в роду определяются теперь для нее одним понятием — «хадма», что есть «почтительное иносказание» [Амур-Санан 1966: 66]. Писатель считал, что при табуировании имен дело доходит иногда до парадокса: «Однажды, угощая, по обычаю, с пением, гостей водкой, она должна была обойти слово «гусь». Что же у нее получилось? Птица, которая носит имя зятя старшего брата» [Амур-Санан 1966: 67].

Врач У. Д. Душан считал, что калмыки традиционно имеют плохое мнение о женщине. Он полагал, что этим обусловлено ее не равное с мужчиной положение. При этом он указывал на обычаи, которые, по его мнению, только унижают женщину, в частности, «хадым», к которому он относил и «язык женщин-калмычек»: «К числу

вредных обычаев мы можем отнести обычаем «хадым». По этому обычаю женщины не должны показывать своих ног, голову старшим родственникам со стороны мужа, а также называть имена не только живых, но даже давно умерших» [Душан 1976: 8].

В данном случае не приходится удивляться столь категоричным негативным оценкам, поскольку во времена, когда жили и писали упомянутые труды А. М. Амур-Санан и У. Д. Душан (1920–1930-е гг.), все, что относилось к явлениям прошлого, особенно к традициям и культуре народов, подлежало резкой критике и искоренению из жизни общества. Кроме того, авторы этих высказываний не были профессиональными учеными: А. М. Амур-Санан был общественным и государственным деятелем, писателем, У. Д. Душан — известным врачом и общественным деятелем.

Однако были и другие высказывания в отношении этических норм поведения женщин-калмычек, включая и эвфемизмы. Особого внимания заслуживают зафиксированные исследователем быта калмыков П. Небольсиным правила, накладывавшие определенные ограничения в поведение женщин-калмычек: «Женщина не должна осмелиться перешагнуть через мужские ноги, через ногойку, укрюк, винтовку или подолом задеть их, или блюда с яствами и чашку с питьем, женщина не смеет самовольно сесть при старших родственниках. Она не должна позволять начать разговор без их к тому приглашения. Она никогда и ни перед кем не должна сидеть в фамильярном положении, подвернув обе ноги под себя калачиком» [Небольсин 1852: 218–219]. Однако он же отмечал, что у калмыков «женщина имеет человеческое, а не рабское значение», в подтверждение чего он привел ряд правил, характеризующих отношение мужчин к женщине: «Женщина имеет свои особые преимущества. Она полная хозяйка дома, все, что выходит из круга домашних забот и домашнего обихода, должен для женщины приготовить мужчина. Мужчина, хотя бы это был сам владелец, заметив, что встретившаяся ему женщина хочет сойти с коня, должен сам спешиться и помочь ей соскочить с седла» [Небольсин 1852: 117].

Не менее показательные проявления почтительного отношения мужчин к женщинам видны из описанных исследователем правил взаимного обращения во время народных танцев. «Мужчина, приглашая

женщину к танцам, — писал он, — должен стать перед нею на колени, приложить руку ко лбу и потом слегка коснуться колена, своей дамы; женщина же, приглашая к танцам мужчину, только нагибается пред ним и касается рукой до его плеча» [Небольсин 1852: 118]. Интересен в этом отношении и характер выражения благодарности женщинами и мужчинами. Замужняя женщина благодарит мужчину, проводя правой рукой по челу, в котором запрятана ее правая коса; девушка благодарит его безмолвно, только глазами; мужчина же, в ответ женщине, должен отдать ей честь, сложив большой палец правой руки с указательным, приложив ко лбу» [Небольсин 1852: 116]. При этом исследователь быта калмыков середины XIX в. поясняет далее, что «проявление самодурства у отдельных калмыков по отношению к своей жене не является показателем, а скорее исключением, которое свойственно и другим народам» [Небольсин 1852: 116].

Известный калмыцкий писатель и поэт К. Э. Эрендженев в своей книге «Родник мудрости» писал, что калмыцкий народ издревле соблюдал прекрасную традицию, согласно которой старших по возрасту, пожилых принято было почитать и во всем им уступать. И вместе с тем писатель констатирует уважение и почтение, проявляемое всеми по отношению, например, к беременной женщине: «Убеленный сединой старец, увидев идущую по поперечной дороге беременную женщину, должен был остановиться и пропустить женщину, и только после того, как пройдет женщина, мог продолжить путь» [Эрендженев 1980: 177].

Можно было бы привести немало аналогичных примеров из истории монгольских народов, когда женщина, пользуясь определенными правами, играла заметную, а иногда и выдающуюся роль не только в семье, но и в масштабе владения или страны в целом. Это также свидетельствует, хотя и косвенно, о том, что табуирование женщиной личных имен старших родственников мужа трудно связывать с ее, как утверждали некоторые авторы, «порабощенным» положением в семье.

Результаты проведенных исследований позволяют сделать следующие выводы:

1. Эвфемизмы, получившие название «язык женщин-калмычек», представляют собой важнейшую составную часть целостной системы этических норм поведения женщин-калмычек. Эти эвфемизмы взаи-

мосвязаны также с социально-культурными, этническими, исторически сложившимися традициями, а также с условиями кочевой жизни и быта калмыков того времени.

2. Эвфемизмы «язык женщин-калмычек» построены на основе национальных и общечеловеческих культурно-исторических ценностей, на принципах взаимоотношения людей в семье и обществе по родственным, половозрастным признакам, характерны для абсолютного большинства народов мира. Аналогичные явления свойственны любому языку, например, обращение к родителям, прародителям и старшим родственникам путем использования назывных имен, а также обращение к старшим на «Вы».

Эвфемизмы «язык женщин-калмычек» построены по тем же моделям и принципам, но представляют собой очень расширенный вариант тех же этических норм уважительных отношений к родственникам.

3. Самым важным в данном случае является вопрос о причине введения явления табу и образования эвфемизмов «язык женщин-калмычек» для использования в сфере речевого общения. Основной целью была, на мой взгляд, необходимость укрепления государства путем сплочения общества на фундаментальных принципах. Важнейшим звеном любого общества является, как известно, семья. Перед обществом остро стоял вопрос о необходимости укрепления семьи, а главной фигурой в семье была жена — хозяйка дома. От нее зависели жизнь и будущее семьи, включая, естественно, и воспитание детей — будущего поколения. Поэтому нужна была соответствующая идеология и конкретные шаги по ее реализации. Целям укрепления семьи и общества, подготовки и воспитания физически и морально здоровых людей будущего были подчинены и другие прогрессивные обычаи и традиции, в частности, помолвки в отношении детей еще в раннем их возрасте, бракосочетание молодых людей по достижении ими зрелого возраста (13–14 лет) и др.

4. В основу идеологии взаимоотношения людей в семье и обществе был положен принцип уважительного почтительного отношения к старшим родственникам мужа и его предкам до десятого колена. Поэтому девочек специально готовили к будущей семейной жизни, а это поведение женщин и на уровне языкового общения с родственниками и людьми разного возраста и пола, к которым относятся и формы общения, получившие название «язык женщин-калмычек».

Литература

- Амур-Санан А. М. Мудрешкин сын. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. 387 с.
- Биткеева Г. С. Лингвистические и социокультурные основы возникновения и функционирования эвфемизма «язык женщин-калмычек» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 1. Ростов-на-Дону, 2010. С. 79–85.
- Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л.: Изд-во Ленинградского Восточного ин-та им. Енукидзе, 1929. 433 с.
- Душан У. Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. № 1. Элиста, 1976. С. 5–89.
- Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы. Элиста: КНИИЯЛИ, 1972. 72 с.
- Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика). Элиста: НПП «Джангар», 2007. 184 с.
- Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 190 с.
- Очиров Н. Отчет о поездке к астраханским калмыкам летом 1909 г. // Известия комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1910. № 10.
- Рамstedt Г. Й. Введение в алтайское языкознание. Морфология. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 254 с.
- Эрднеев У. Э. Калмыки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 311 с.
- Эрендженов К. Э. Цецн булг. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 190 с.
- Aalto P. Über die Kalmükische Frauensprache // Studia Mongolica. T. 2, Fasc. 1–16. Ulan-Bator, 1961. S. 229–233.
- Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 s.

References

- Amur-Sanan A. M. *Mudreshkin syn. Izbrannoe* [Mudreshka's Son. Selected works]. Moscow, Sovetskiy Pisatel Publ., 1966. 456 p. (In Russ.).
- Bitkeeva G. S. *Lingvisticheskie i sotsiokul'turnye osnovy vznikeniya i funktsionirovaniya evfemizma «yazyk zhenshchin-kalmychek»* [Linguistic and socio-cultural grounds for the emergence and existence of the euphemism 'Kalmyk women's language']. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], No. 1, Rostov-on-Don, 2010, pp. 79–85 (In Russ.).

- Vladimirtsov B. Ya. *Sravnitel'naya grammatika mongol'skogo pis'mennogo yazyka i khalkhas-kogo narechiya* [A comparative grammar of the written Mongolian language and the Khalkha dialect]. Leningrad, Enukidze Leningrad Oriental Institute Press, 1929, 436 p. (In Russ.).
- Dushan U. *Obychai i obryady dorevol'yutsionnoy Kalmykii* [Rituals and ceremonial in pre-revolutionary Kalmykia]. *Etnograficheskiy sbornik* [Collected ethnographic works], No. 1, Elista, 1976, pp. 5–89 (In Russ.).
- Kotvich V. L. *Kalmytskie zagadki i posloviцы* [Kalmyk riddles and proverbs]. Elista, Kalm. Book Publ., 1972, 92 p. (In Russ.).
- Monraev M. U. *Kalmytskie lichnye imena (semantika)* [Kalmyk names (semantics)]. Elista, Kalm. Book Publ., 2007, 224 p. (In Russ.).
- Nebolsin P. *Ocherki byta kalmykov khosheutovskogo ulusa* [Sketches of everyday life of the Kalmyks residing in Khosheutovsky District]. Saint Petersburg, Karl Kray Publ., 1852, 192 p. (In Russ.).
- Ochirov N. *Otchet o poezdke k astrakhanskim kalmykam letom 1909 g.* [Report on the journey to Astrakhan Kalmyks in the summer of 1909]. *Izvestiya komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii* [Proceedings of the Committee for the Exploration of Central and Eastern Asia]. Saint Petersburg, 1910, No. 10, pp. 61–75 (In Russ.).
- Ramstedt G. J. *Vvedenie v altayskoe yazykoznanie. Morfologiya* [An introduction to Altaic studies. Mythology]. Moscow, Foreign Literat. Publ., 1957, 255 p. (In Russ.).
- Erdniev U. E. *Kalmyki* [The Kalmyks]. Elista, Kalmizdat Publ., 1970, 307 p. (In Russ.).
- Erendzhenov K. E. *Tsetsn bulg* [The Live Spring]. Elista, Kalm. Book Publ., 1980, 188 p. (In Russ.).
- Aalto P. *Über die Kalmükische Frauensprache* [About the language of Kalmyk women]. *Studia Mongolica*. Vol. 2, Fasc. 1–16, Ulan-Bator, 1961, pp. 229–233 (In Germ.).
- Ramstedt G. J. *Kalmückisches Wörterbuch* [A dictionary of the Kalmyk language]. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura Publ. (Finno-Ugric Society), 1935, 560 p. (In Germ. And Kalm.).

УДК 396

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВЫ ЭВФЕМИЗМА «ЯЗЫК ЖЕНЩИН-КАЛМЫЧЕК»

Гренада Сариевна Биткеева¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, кафедра германской филологии, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Российская Федерация). E-mail: bipetr37@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена слабо изученной проблеме, отражающей социально-культурную жизнь калмыцкого общества в прошлом, — эвфемизмам «язык женщин-калмычек». Их воспринимали как экзотическое явление в сфере калмыцкого быта. Немногочисленные научные исследования были направлены в первую очередь на исследование языкового аспекта этого интересного явления. Описаны некоторые способы образования эвфемизмов на основе табу личных имен старших родственников мужа. Отмечено, что такие эвфемизмы влияют на характер функционирования и развития языков, поскольку сфера действия табу личных имен старших родственников мужа распространяется не только имена здравствующих родственников, но и давно ушедших предков до десятого колена, что значительно расширяло поле распространения табу личных имен. Однако этим не ограничивалась сфера употребления эвфемизмов. Табуированию подлежали имена совершенно незнакомых чужих людей, если они совпадали или только были созвучны с табуируемыми именами родственников. Эта сфера неизмеримо увеличивалась из-за того, что приходилось табуировать самые обыкновенные слова, поскольку у калмыков часто в качестве имен использовались названия растений, животных, частей тела человека и др. В настоящей статье наряду с данными результатов исследования языкового аспекта эвфемизмов рассматривается его взаимосвязь с другими формами этикета поведения женщин-калмычек. Результаты проведенных исследований позволили автору статьи прийти к выводу, что эвфемизм «язык женщин-калмычек» представляет социально-культурное явление и составную часть системы этических норм поведения женщин-калмычек.

Ключевые слова: табу, эвфемизмы, речевые этикеты, жена, семья, будущее общества.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 199–206, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-199-206
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 81'374.3

Adjectives Denoting Temperature (Evidence from the Kalmyk Heroic Epic of *Jangar* and Kalmyk National Corpus)

Saglara E. Bachaeva¹

¹ Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Research Associate, Department of Linguistics, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: basaeg@mail.ru.

Abstract

At present, investigations of diverse concepts — such as ‘size’, ‘color’, ‘form’, ‘flavor’, ‘temperature’, etc. — constitute one of the most relevant research trends within modern linguistics. The article examines adjectives somehow related to temperature characteristics of objects — in view of the work on developing definitions for a *Definition Dictionary of the Language of the Kalmyk Heroic Epic of Jangar*. Songs of the *Jangar* epic and data from the Kalmyk National Corpus served as materials for the research. The Kalmyk heroic epic of *Jangar* has accumulated the material and spiritual culture of the people, their cultural values and magnificent traditions. Materials of the epic largely confirm the relations between the archetypal image of the world and the common, daily objective perception of things.

Adjectives denoting temperature are widely used in the Kalmyk language, e. g., *khalun* ‘hot’, *kiitn* ‘cold’, *bülän*, *dulan* ‘warm’, *seriün* ‘cool’.

Words denoting low temperatures signify negative emotions: *kiitn nüdn* ‘cold eyes’, *kiitn üg* ‘cold words’, *kiitn khäläts* ‘cold look’; at the same time, words denoting high temperatures stand for positive emotions: *khalun mend* ‘heartiest greetings’, *khalun durn* ‘passionate love / firm friendship’, *bülän nüdn* ‘warm eyes / soft glance’, *bülän khäläts* ‘warm look’, *bülän üg* ‘warm words’, *bülän kharylt* ‘warm / amicable meeting’.

The formulae / definitions of temperature adjectives introduced in the article make it possible to conclude that figurative meanings constitute a temperature range but, as distinct from Russian, the Kalmyk language — due to peculiarities of the national culture and mindset — is characterized by emotional self-restraint, and most adjectives are employed in the direct meaning.

Keywords: adjectives, epic of *Jangar*, temperature, Kalmyk language, definitions.

В настоящее время в современном языкознании изучение различных понятий — «размер», «цвет», «форма», «запах», «температура» и др. — является одним из наиболее актуальных направлений. Изучению понятия «температура» с лингвокультурологической и когнитивной точки зрения посвящены работы Е. В. Рахилиной [2008], Н. С. Сергеевой [2012], С. Ю. Кононовой [2016а, 2016б], Т. В. Крыловой [2009] и др.

В данной статье рассматриваются прилагательные, связанные тем или иным образом с температурными характеристиками предметов, в свете разработки толкований для Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар». Материалом для исследования послужили песни эпоса «Джангар» и данные Национального корпуса калмыцкого языка [НККЯ]. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» содержатся сведения о материальной и духовной культуре калмыцкого народа, культурных ценностях, богатейших традициях. Во многом материалы эпоса подтверждают связь архетипической картины мира с отражением бытового, обыденного объективного восприятия вещей. Как отмечает Б. Х. Тодаева, отличительные особенности прилагательных — обозначение качества и свойства предметов, неизменяемость их при сочетании с именами существительными, твердое место перед определяемым словом — достаточно наглядно прослеживаются в тексте эпоса [Тодаева 1976: 124].

С. В. Кононова в своей работе подчеркивает, что языковая картина мира, исторически сложившаяся в обыденном сознании определенного языкового коллектива, представляет собой способ концептуализации действительности, свойственный данному языку. Процесс создания концептов строится на восприятии и обработке зрительной информации, результаты которых находят отражение в системе языка. Температурные явления — это пример универсальных явлений объективной действительности. Концепт температуры можно признать универсальным фрагментом языковых картин мира разных лингвокультурных сообществ. Процесс восприятия представляет собой многоплановое явление познания окружающей среды и формирования индивидуальной картины мира. Концептуализация температуры как перцептивного признака характерна для языковой картины мира, от-

ражающей обыденные представления о действительности [Кононова 2016б: 66–68].

По мнению Т. В. Крыловой, прилагательные со значением температуры, во-первых, дают ценный материал для реконструкции наивно-языковых представлений о восприятии температуры и, в частности, о языковой оценке низкой и высокой температур. Во-вторых, рассматриваемые слова обладают колоссальным метафорическим потенциалом, причем соотношение их прямых и переносных значений позволяет сделать ряд выводов о механизмах осмысления эмоций в языке [Крылова 2009: 243].

Н. С. Сергеева пишет, что температура как физическое свойство предметов обозначается в языке посредством определенных единиц. Процесс языковой категоризации и означивания предполагает наличие двух условий — объективной температурной характеристики предмета и ее восприятия человеком, пересечение которых приводит к образованию значения лексической единицы. С когнитивной точки зрения, чтобы означить объективную характеристику предмета, в данном случае высокую температуру, сознание человека выделяет в предмете некий признак, который ассоциируется с температурной характеристикой самого предмета. Такой признак может быть установлен при зрительном восприятии предмета [Сергеева 2012: 157].

С. Ю. Кононова отмечает, что одним из главных лингвистических критериев для определения характеристики температуры является температура человеческого тела. Этот принцип отражается в самом толковании прилагательных со значением температуры. Прилагательное *горячий* чаще всего определяется как показатель температуры выше человеческого тела, *теплый* обозначает температуру, приблизительно равную температуре человеческого тела, а прилагательное *холодный* — ниже температуры человеческого тела [Кононова 2016а: 94].

По мнению Л. И. Чебодаевой, понятие температуры — одна из важнейших семантических характеристик лексической системы любого языка. Сам феномен *температуры* как признака физического мира и температурной чувствительности человека является общечеловеческим [Чебодаева 2015: 210], и, как считает Б. Г. Ананьев, «определяет динамику потребностей в определенных температурных условиях, на основе которых вырастает потребность человека в

одежде и жилье» [Ананьев 2001: 66].

В калмыцком языке широко используются прилагательные, обозначающие температуру: *халун* 'горячий', *киитн* 'холодный', *бүлэн*, *дулан* 'теплый', *серүн* 'прохладный'. Рассмотрим их подробнее.

В «Калмыцко-русском словаре» *халун* имеет следующие значения: '1. 1) жара, зной // жаркий, знойный; горячий; 2) *перен.* сердечный, задушевный, искренний, дружеский; 2. жарко, знойно; горячо'. *Халун* часто сочетается с существительными, обозначающими воду, еду, посуду, различные поверхности: *халун хот* 'горячая еда'; *халун усн* 'горячая вода'; *халун цэ* 'горячий чай'; *халун чолун* 'горячий камень'; *халун элсн* 'горячий песок'; *халун беш* 'горячая печка'; *халун маңна* 'горячий лоб'; *халун хээсн* 'горячая кастрюля', но никто не употребляет следующие выражения: *халун хур* 'горячий дождь'; *халун боодг* 'горячий пруд'.

Прилагательное *киитн* '1. 1) холод, мороз, стужа; 2) простуда; 2. 1) остывший, холодный, студенный, морозный' широко используется в следующих сочетаниях: *киитн һазр* 'холодная земля'; *киитн усн* 'холодное молоко'; *киитн өрүн* 'холодное утро'; *киитн вагон* 'холодный вагон'; *киитн цэ* 'холодный чай'; *киитн шуурһн* 'холодная метель'; *киитн цаг* 'холодное время'; *киитн беш* 'холодная печь'; *киитн хур* 'холодный дождь'; *киитн көл* 'холодные ноги', но нельзя говорить *киитн девл* 'холодная шуба'.

Прилагательное *бүлэн* 'теплый, тепленький, подогретый (о жидкости)', *бүләкн* уменьшительное от *бүлэн* 'тепленький, тепловатый' легко сочетается со словами, обозначающими еду: *бүлэн цэ* 'теплый чай';

бүлэн боднцг 'теплая картошка'; *бүлэн усн* 'теплое молоко'; *бүлэн хаш* 'теплая каша'.

Дулан '1. тепло; оттепель, теплота // теплый; 2. *перен.* теплый, ласковый, сердечный' широко используется при обозначении одежды: *дулан хувцн* 'теплая одежда'; *дулан һосн* 'теплые сапоги'; *дулан махла* 'теплая шапка'. Как видно, в калмыцком языке понятие *теплый* обозначается двумя словами — *бүлэн*, *дулан*, но замещать друг друга они не могут.

Как пишет Е. В. Рахилина, слово *теплый* описывает практически постоянную температуру из ограниченного температурного спектра, и здесь присоединение интенсификаторов типа *очень* не дает референциальных сдвигов: *очень теплая комната* не сильно отличается по своей реальной температуре от просто *теплой комнаты*, а *очень теплые руки* никогда не подразумевают, что у человека повышена температура. В физическом смысле это то же самое, что и *теплые руки*, а разница здесь только прагматическая. В своем прямом значении оно может быть истолковано как 'охлаждающий до приятного состояния' и имеет явно выраженную положительную оценку. Прохладный наиболее естественно в сочетании с водой и воздухом (прохладный воздух / ветер / душ / дождь), а также холодными напитками [Рахилина 2008: 221–222].

Прилагательное *серүн* 'прохлада, свежесть // прохладный, свежий' широко используется в следующих сочетаниях: *серүн салькн* 'прохладный ветер'; *серүн асхн* 'прохладный вечер'; *серүн хур* 'прохладный дождь'.

Прилагательные	өдр 'день'	усн 'вода'	бушмуд 'платье'	аһар 'воздух'	гер 'дом'	салькн 'ветер'
<i>халун</i> 'горячий'	+	+	–	+	–	+
<i>киитн</i> 'холодный'	+	+	–	+	+	+
<i>серүн</i> 'прохладный'	+	–	+	+	+	+
<i>бүлэн</i> 'теплый'	–	+	–	–	–	+
<i>дулан</i> 'теплый'	+		+	+	+	+

Многие рассматриваемые прилагательные имеют прямое и переносное, т. е. метафорическое, значение. По мнению Е. В. Рахилиной, температурные прилагательные к живым существам (люди, животные) при-

меняются только в метафорических контекстах. Метафорическое употребление слова *холодный* описывает прежде всего человека и его действия и связано с отсутствием источников человеческого тепла — души

и сердца, поэтому *холодный* (о человеке) — это лишенный эмоций, может значить ‘бездушный, бессердечный’ и иметь отрицательную оценку: холодный взгляд, слова, голос [Рахилина 2008: 229–236].

Слова со значением низкой температуры указывают на отрицательные эмоции: *киитн нүдн* ‘холодные глаза’; *киитн үг*

‘холодные слова’; *киитн хэлэц* ‘холодный взгляд’; а слова со значением высокой температуры — на положительные: *халун мөнд* ‘горячий привет’; *халун дурн* ‘горячая любовь, дружба’; *бүлэн нүдн* ‘теплые глаза, т. е. ласково’; *бүлэн хэлэц* ‘теплый взгляд’; *бүлэн үг* ‘теплые слова’; *бүлэн харһлт* ‘теплая, дружелюбная встреча’.

Прямое значение	Переносное значение
<i>халун салхн</i> ‘горячий ветер’	<i>халун үг</i> ‘горячие слова’
<i>киитн бальчг</i> ‘холодная грязь’	<i>бүлэн хэлэц</i> ‘теплый взгляд’
<i>киитн хар арз</i> ‘холодная арза’	<i>халун дишлвр</i> ‘жаркое сражение’
<i>киитн салхн</i> ‘холодный ветер’	<i>халун зүркн</i> ‘горячее сердце’
<i>халун өдр</i> ‘горячий день’	<i>киитн хэлэц</i> ‘холодный (неприветливый) взгляд’

Метафора «горячий → быстрый» в значении «интенсивный» проявляется в двух областях: в «военной» (горячий бой = интенсивный бой, горячая схватка, горячее сражение) и в области положительных человеческих отношений и реакций (горячее участие, воодушевление, интерес, слова, поздравления) [Рахилина 2008: 227].

Немало фразеологизмов используется для обозначения речевых актов и действий, связанных с поведением героев в той или иной ситуации: *халун ик үг келх* ‘сильно выражаться, говорить дерзкие слова’ (досл. ‘горячие большие слова говорить’) [Пюрбеев 2015: 136]: «Пө-ө! Хэрин хаадудт хэлэдж, / **Халун** ик үгиг келдг бодң / Бодңгуд дотрм / Бээдмн болна билтэл!» *гигж*, / Хан өвдгэн цокж, / Хээкрж, инэж бээдг болнал [БМ: V].

Текст «Джангара» богат военной лексикой, названиями *зер-зев, зевсг* ‘оружие’, которые носят собирательное название «холодное оружие»: *киитн шор* ‘холодный вертел’; *киитн жид* ‘холодное копье’; *киитн жилц* ‘холодная стрела’; *киитн селм* ‘холодный меч’.

Образцы словарных статей:

ҺАҢ [xaŋ]

1. ч.н.

хурц нарнас һарчах халун, икэр шатажах цунцг аһар

■ *Эгц һурвн сара һазрт / Туң зогсл уга гүүлгв; / Оцл Көк Һалзнь / Керлкэднь өөкн уга, / Кемлкэднь чимгн уга / Болтлан эцэд, / Зурһан тө чикнь / Үдэрэри сулдад, унад, / һаң халун ик болад, / Ара харһулх өвсн олдл уга, / Ам зээлх усн олдл уга, / Ар бийнь нарнд өгрэд, / Өмн бийнь салхкнд цокгдад, / Алтн бээрин шар-цоохр арман / Көндлң дүүрэд, / Эрә тавлад, / Ухан-сегәһән ал-*

дад ирв [ЭО: I]

□ һаң халун салхн

■ **Һаң халун салхн** ик болад, / Амнднь уух усн олдл уга, / Буурл Һалзнь / Керлкэднь өөкн уга болад, / Кемлкэднь чимгн уга болад, / Дөрвн көлән цахлад, / Беткин туңг үмкэд киисв [ЭО: V]

■ «Йисн сара һазриг / Йис хонад күрий» *гигж бооцад, / Бумбин найн нәәмн алд сүүлэс хо- оран / Күүкн һаң халун салхк татв* [ЭО: IX]

2. б.н.

эргин, далан, модна нер тогтлһнд орлцна

■ *Атлс торһн бүшмүдин хормаһас / Атхжс авада, / Дөрвн мөчинь / Дөш болгсн сээр деернь күләд, / Махинь цәкүр-цәкүрәр утлад, / Һаң мөрни уснд хайв.* [ЭО: IV]

■ *Һаңигсн хум ха һазрт / Һаң Мөңгн далан эрг деер урһгсн, / Күлг мөрндтн өлг болгсн / Көк девән өвснтн / Тевгинм шалу билә, / Эврә бийдтн ундн болгсн / Киитн булгин уснтн / Нүднәсм һаргсн нульмсм билә, / Дала тал көшжс һарсн һаһснтн / Мини махмуд билә* [ЭО: I]

■ **Һаң** улан эргинь / Һатлһжс туулолад, / Һалвин Цаһан теңгс / Төгәлүлн туулолад, / Күүкн Цаһан уулар көмлүләд, / Күдр цаһан туңгин захд / Көк торһн цалмар / Көвң цаһан зооһарнь гөвдәд, / Күрл мөңгн дөрә доран авв [МД: I]

КИИТН

1) күүнә цогцас бичкн температурта, зекүн, жиңлң; халун үгин зөрүд чинр

■ *Эцс хөөт төрлдән / Эрлг Номин хаани за- сгла харһад, / Эрүтә айс хар тамин йоралднь, / Көкдг киитн хар бальчгин дотрнь / Килңцтә улан хорха болжс төрөсв!* [БЦ: II]

■ *Әлк чигн халун киитн тоотднь / Халг Хоңһрин дүңгә / Халжс орснь күн танд уга, / Халжста жидин үзүр / Хәргәд ирхлә, / Халг Хоңһрм минь гижс / Хаиң Көкинм ар сээрд / Таиһрлдг элмрмүд биләт!* [БМ: III]

□ **киитн хар арз**

▪ Байн Суңһрвин бэрүлгсн / **Киитн хар арзиг** / Бөк Мөңгн Шигшрг / Барун өвдг деерэн авна. [БЦ: III]

▪ **Киитн хар арзас** / Далвң цаһан шаазңгар / Дола ууһад, / Улан торһн көшг / Деегшән хаяд оркв [БЦ: II]

□ **заһлма киитн (хар) салькн**

▪ **Заһлма киитн хар салькиг** / Өмн бийдән / Сержңнүлн татж авб, / Дееврин дүңгә / Дегжсн көк үүл / Деегшән һарһн татв, / Эрдн билгин хур / Бий деерән орулж авб. [БЦ: II]

▪ **Заһлма киитн салькн сержңнв**, / Зар күж хойр әңглүлн / Йиртмәжин төриг, хад мет, бәәһүлв, / Бурхнн шажиг, нарн мет, делгүлв. [БЦ: II]

▪ **Заһлма киитн салькиг** / Мөңк дөрвн цагт / Сержңнүлн татв, / Заар күж хоюлаг / Замб тивд әңглүлв. [БЦ: I],

□ **киитн булгин усн**

▪ Зүүдн болгсн богд Жаңһр хан / Нәрн Шар һурвин экнд / Ут зандн арман хатхв, / Улан торһн туган киискв, / Шалдг зурһан миңһн / Арвн хойр баатраһан / Шаргәж буув, / Аср Улан Хоңһран / Әмдрүләд, дундан авв, / Арнзл хурдн Зеердинь / Көк девән өвснд, / **Киитн булгин уснд** тальвв. [БЦ: II]

▪ Сәәхн Күрңгән / Көк девән өвснд, / **Киитн булгин уснд** тальвад, / Көк торһн чачран татв. [БЦ: III]

2) холын, теңгсин, услврин, күүнә нер тогталһнд орлцад эпитет болна

▪ Салгсн нәәмн миңһн һолнь / Йисн сай дуңиур күцәд үлгсн / Алвтыннь үүдн болһнд / Көрл уга элсн сәәрин әкәр / Түгәж услвр өггсн ; / Эврәннь әмн туск / **Киитн** Дамб гидг услврнь / Әсрин улан әңгән / Онһдин дөрвн цагт хольв татад бәәдг. [БМ: I]

▪ Арнзл Зеердән Шарһ дааһ кеһәд, / Бийнь тарха му көвүн болад, / Арслңгудын күүндгсн үг соңсхла, / «Шикр далан көвәд бәәгсн / Ширкгин нутг би дәәлнәв, / **Киитн** Хар теңгсин көвәд бәәгсн / Гүзән Гүмбиниң би дәәлнәв!» гисн йовна. [ЭО: II]

3) цуглулгч чинртә, цуг хатхдг зер-зевин тускар

▪ Очр-Герлин малянь / Өдрин зурһан миңһ малячдг, / Тер маляһас әмд һархлань, / Сарвлзгч дөрвн мөчинь / Сәәр деернь теглгәж күләд, / **Киитн** хар армин / Арвн хойр ооргснднь / Хавтр Хоңһрнь һурвн хонг суулһдг. [БЦ: III]

▪ Хааш Хула баатрин түрүн хагсн / **Киитн** хар әжилң сумни / Хадад оркгсн шархнь / Шар торһн улвтаһинь / Ивт тусгсн шарх. [БЦ: III]

▪ өгсн андһарасн, / Алдр богдын зәрлгәснь давхнь, / Хан Жаңһрин засдг засгнь / Алх-булхд

дурта, / Аврлт уга, һучн долан наста, / Арвн арвс тәрн номта, / **Киитн** хар әжидтә / Барда-тынн көвүн / Очр-Герл гидг арслң. [БЦ: III]

□ **киитн хар селм**

▪ Иим ик Бумбин орнд / Юн бәәдв гилт?» гиж, / Һорвн талгиан харвад йовсн цагтнь, / Хадын чигә Хариг унсн, / Арвн йисн алд / **Киитн хар селмән** ардан чиргсн / Әәх Догшин Маңнал һарч аашснь үзгддг болна. [БН: I]

▪ **Киитн хар селмән** / Суһ татлцад, / Дәәни олн лүвцтә далан / Дәврүлн ут чавчлдад, / Әмни хар цусан / Ам, хамрарн селж асхлцад, / Хойр мөрнәннь нәәмн туру / Сольвдтлнь, тоңһа татлдад, / Авлцж ядлцв. [БЦ: II]

▪ Хадан дүңгә / Хар Буурлан унсн / Хан Кинсин бийнь / Алдр нойн богд Жаңһриг үзәд, / Арвн йисн алд **киитн хар селмән** / Суһ татж авад, / Олн бух цергәс / Онцар дәврв. [БЦ: I],

□ **киитн хар шор**

▪ Кесгәс нааран һарһад уга / **Киитн хар шоран** авад, / Күчтә Моңхлаг дәврәд, / Хатхад оркгсн цагт, / Күлг сәәни арһан / Киитн шориг хуһчад, һарад одв. [ЭО: VI]

▪ Түрүн болж күцдг, / Тарһн цаһан мөртә, / Халан цаһан гертә, / Хаңһа болд үлдтә баатрнь үлдәжл, / Һучн һурвн шорта, / Һурвн хар мөртә, / **Киитн хар шорнчта** / Чилм Хар мөртә баатр - / Иим зурһан күн үлдәж. [БМ: IV]

4) дулан уга, дурго бәәдлтәһәр, өр-өвч уга

□ **киитн хар нүдн** ‘неприветливый взгляд, холодные черные глаза’

▪ Һарч ирәд, / Оцл Көк_Һалзныг / Болдын сәәһәр боһчад, / Төмрин сәәһәр төдгләд, / Шуһл мөңгн цулвраснь / Суңһж бәрәд, / **Киитн хар нүдәрн** харв. [ЭО: III]

▪ Укс гиж йовад, зурһан тө чикән хәәчләд, / Өрмин иш сояһарн / Күрл мөңгн уудыг кемләд, / **Киитн хар нүдәрн** харад, / Дөрвн хар туруһарн цемин ишкәд, / Ар көлин шавхаһас үргми болад, / Бухн цегләд һарв. [ЭО: IV]

ХАЛУН [xalūn]

1. б. н.

нарнаһарчх ик дулан, аһарин ик кемжән

▪ Ус уга һаңду болад, / Улс уга цөлм болад, / Ширмин ик **халун** болад, / Хоюрн уйдад йовв. [МД: III]

▪ Жаңһр ахта / Арвн хойр сәәни көвүд / Арзин сүүрд **халун** бәәх, / Хол һазрт йовх Хоңһр / Амрад унттха» гиж келлдцхәв. [БМ: III]

▪ Хараһинь үзәд, / «Үүдн әнтә көк кивр саадган өгтн, / Хоолын хойр товчнь / Тәәлгсн болхла - мана бодх, / Эс тәәлгсн болхла - / Манд йир арһ уга!» гихәд, / Саадг авад, хәлән гихнь, / һаң **халунд** халурхад, / Хоолын хойр товчан тәәләд йовгсинь үзәд, / Хооларнь тас харвад, / Толһаһинь өсргәд оркв. [ЭО: IX]

2. ч. н.

1) күүнэ цогцас ик температурта; икэр халсн, һаң, киитн үгин зөрүд чинр

▪ *Халун зунын һаңд аң-шовун, / Мал уган ма-хиг үмкэрүвл. [БМ: II]*

▪ *» Хан күн нүдэн чирмдг, / Мууха му мектэ хамб?» гинһэд, / Хойр атх үүрмг халун үмсиг / Хойр нүднөн даржаһад кеһэд орквл, / Хань хойр нүднләнһән ноолдад одвл. [БМ: IV]*

▪ *Һаң халун салькн ик болад, / Амндн уух усн олдл уга, / Буурл Һалзнь / Керлкәдн өөкн уга бо-лад, / Кемлкәдн чимгн уга болад, / Дөрвн көлән цахлад, / Беткин түңг үмкәд киисв. [ЭО: V]*

▪ *Әлк чигн халун киитн тоотдн / Халг Хоңһрин дүңгә / Халж орсн күн танд уга, / Хажта жидин үзүр / Хәргәд ирхлә, / Халг Хоңһрм минь гижә / Хаиң Көкинм ар сәәрд / Таишрлдг элмрмүд биләт! [БМ: III]*

□ халун хәсн хот

▪ *Хәр һазрт һарад одхла - / Ардм келдг / Ах-дүүһин оңһа угалм, / Хәр һазрт хатрад йовхла - / Халун хәсн хот өгдг / Эгч-дүүһин оңһа угалм, / Нанд орхнь чигн, үлү / Арслң-чиирг бәәнәлм, / Эднәс зархнтн» гижә уульн, / Алтн ширәһәсн әдс авн келв. [ЭО: V]*

▪ *Хәр һазрт хатрад йовхла, / Ардм келдг / Ах-дүүһин оңһа угалм, / Халун хәсн хот өгдг / Эгч-дүүһин оңһа угалм!» гижә уйдн уульв. [ЭО: IX]*

▪ *Хәр һазрт хатрад йовхла, / Халун хәсн хот өгдг / Эгч-дүүһин оңһа угал. [ЭО: VIII]*

2) цуг юмнд халучрдг, икәр седклән өгдг ▪ *Үдин нарн һаңхсн цагт, / Хәр хаани элч кевтә болнал, / Халун ик баатр ирәд суусн бәәнәл [БМ: IV].*

Приведенные формулы-толкования температурных прилагательных дают основание сделать вывод о том, что переносные значения тоже образуют шкалу температур, но в отличие от русского языка в калмыцком языке, в связи с другим менталитетом, культурой, прослеживается эмоциональная сдержанность, большинство прилагательных даются в прямом значении.

Таким образом, хотя в «Джангаре» используются не все прилагательные, обозначающие температурные характеристики предметов, они играют важную роль в языке эпического текста.

Источники

Цикл песен из репертуара Ээлян Овла

[ЭО: I] Хоңһрин гер авлһна бөлг

[ЭО: III] Баатр Хар Жилһн хаанла бәэр бәрлдсн бөлг

[ЭО: IV] Хошун Улан, баатр Жилһн, Аля Шонхр

һурвна бөлг

[ЭО: V] Буурл һалзнь мөртә Бульһһрин көвүн Догшн Хар Санлын бөлг

[ЭО: VI] Дуутхулын ач, Дуутын көвүн Аля Моңхла Жаңһрин түмн нәәмн миңһин цусн Зеерд агт көөсн бөлг

[ЭО: IX] Күнд Һарта Саврин бөлг ‘Песнь о Тяжелоруком Савре’

Цикл песен из репертуара Мукебена Басан-гова (Басңһа Муковүн)

[БМ: I] Жаңһрин бийиннь түрүн төрән авгсн бөлг

[БМ: III] Ар үзг бәәдг Шар кермн хаана шур делтә, сувсн сүүлтә, сәәхн күрң һалзнь адуг Хоңһрин көөгсн бөлг

[БМ: IV] Тавн ор һаргсн Так Бирмс хаана замг-та нуурин көвәд заядар өсгсн долан сай тунжрмудыг Санлын догдлулж көөж авч иргсн бөлг

[БМ: V] Аю Манзан Буурлта Эәх Маңна хаана очн болгсн Уланта Нарни Герл гидг баатр Жаңһрахна шижтә тавн юм сурж иргсн бөлг

Малодербетовский цикл

[МД: I] Ут Цаһан Маңһсиг богд Жаңһр дөрәцүлгсн бөлг

Багацохуровский цикл

[БЦ: I] Дуут богд Жаңһр Догшн Хар Кинесиг дөрәцүлгсн бөлг

[БЦ: II] Аср Улан Хоңһр Догшн Шар Маңһс хааг әмдәр кел бәрж авч иргсн бөлг

[БЦ: III] Догшн Замбл хаана һалзу долан бодңгиг Аср Улан Хоңһр Күнд Һарта Савр хойр дөрәцүлгсн бөлг

Песня из репертуара Насанки Балдырова (Балдра Наснк)

[БН: I] Алдр богд Жаңһрахн Эәх Догшн Маңна хаанла бәэр бәрлдсн бөлг

Литература

Ананьев Б. Г. Психология чувственного познания. М.: Наука, 2001. 280 с.

Крылова Т. В. Прилагательные со значением высокой и низкой температуры и наивно-языковая оценка температуры // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По мат-лам ежегодн. Межд. Конф. «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая). Вып. 8 (15). М., РГГУ, 2009. С. 243–248.

Кононова С. Ю. Метафорическое употребление температурных прилагательных горячего спектра на материале шведского и русского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5. Ч. 1. Тамбов: Грамота, 2016а. С. 94–96.

Кононова С. Ю. Температурные явления как

часть языковой картины мира: классификация прилагательных с температурными коннотациями в шведском языке // Филология и лингвистика: современные тенденции и перспективы исследования: сб. науч. трудов по мат-лам I Межд. науч.-практич. конф. 25 февраля 2016 г. Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2016б. С. 65–69.

Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык (Жаңһр дуулвр: сойл болн келн) / на русском и калмыцком языке. 2-е изд, перераб. Элиста: НПП «Джангар», 2015. 280 с.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.

Сергеева Н. С. Словообразовательные особенности имен прилагательных, обозначающих температурные характеристики предметов // Ярославский педагогический вестник. № 3. Т. 1. 2012. С. 156–160.

Чебодаева Л. И. Семантика температурного прилагательного ИЗГ «горячий / жаркий / знойный» в хакасском языке // Коллоквиалистика и лексикография: точки пересечения и перспективы развития. Мат-лы всеросс. науч.-практич. конф., посвящ. памяти проф. В. Д. Девкина. Абакан, 2015. С. 200–212.

Sources

A song cycle from Eelyan Ovla's repertory (In Kalm.).

[EO: I] *Khojyrin ger avlyna bölg*

[EO: III] *Baatr Khar Jilyn khaanla bäär bärldsn bölg*

[EO: IV] *Khoshun Ulan, baatr Jilyn, Alya Shonjkhur hurvna bölg*

[EO: V] *Buurl yalzn mörtä Bulijyrin kövün Dogshn Khar Sanlyn bölg*

[EO: VI] *Duutkhulyn ach, Duutyn kövün Alya Mojkhla Jajyrin tümn näämn miyyin tsusn Zeerd agt köösn bölg*

[EO: IX] *Künd yarta Savrin bölg*

A song cycle from Mukeben Basangov's repertory (Kalm. Basjya Mukövün) (In Kalm.).

[BM: I] *Jajyrin biyinn' türün törän avgsn bölg*

[BM: III] *Ar üzg bädg Shar kernn khaana shur deltä, suvsn süültä, sääkhñ küñ yalzn adug Khojyrin köögsn bölg*

[BM: IV] *Tavn or yargsn Tak Birms khaana zamgta nuurin köväd zayadar ösgsn dolan say tunjrmudyg Sanlyn dogdlulj kööj avch irgsn bölg*

[BM: V] *Ayu Manzan Buurlta Ääkh Mañna khaana*

ochñ bolgsn Ulanta Narni Gerl gidg baatr Jajyrakhna shijtä tavn yum surj irgsn bölg

The Baya Dorbet cycle (Rus. Malye Derbety) (In Kalm.).

[MD: I] *Ut Tsayan Mañysig bogd Jajyr dörätsülgsn bölg*

The Baya Tsookhr cycle (In Kalm.).

[BTs: I] *Duut bogd Jajyr Dogshn Khar Kinesig dörätsülgsn bölg*

[BTs: II] *Asr Ulan Khojyr Dogshn Shar Mañys khaag ämdär kel bärj avch irgsn bölg*

[BTs: III] *Dogshn Zambl khaana yalzu dolan bodhgig Asr Ulan Khojyr Künd yarta Savr khoyr dörätsülgsn bölg*

A song from Nasanka Baldyrov's repertory (Kalm. Baldra Nasnk) (In Kalm.).

[BN: I] *Aldr bogd Jajyrakhñ Ääkh Dogshn Mañna khaanla bäär bärldgsn bölg*

References

Ananiev B. G. *Psikhologiya chuvstvennogo poznavaniya* [Knowledge by acquaintance. Psychology]. Moscow, Nauka Publ., 2001, 280 p. (In Russ.).

Krylova T. V. *Prilagatel'nye so znacheniem vysokoy i nizkoy temperatury i naivno-yazykovaya otsenka temperatury* [The adjectives with meaning of high and low temperature and linguistic estimation of temperature]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po mat-lam ezhegodn. Mezhd. Konf. «Dialog 2009»* (Bekasovo, 27–31 maya). Vyp. 8 (15) [Computer linguistics and intellectual technologies: based on the proceedings of the annual Internat. confer. — Dialogue 2009 (Bekasovo, 27–31 May). Iss. 8 (15)]. Moscow, Russian State Univ. for the Humanities Press, 2009, pp. 243–248 (In Russ.).

Kononova S. Yu. *Metaforicheskoe upotreblenie temperaturnykh prilagatel'nykh goryachego spektra na materiale shvedskogo i russkogo yazykov* [Metaphorical use of hot spectrum temperature adjectives by the material of the Swedish and Russian languages]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice], No. 5, part 1, Tambov, Gramota Publ., 2016a, pp. 94–96 (In Russ.).

Kononova S. Yu. *Temperaturnye yavleniya kak chast' yazykovoy kartiny mira: klassifikatsiya prilagatel'nykh s temperaturnymi konnotatsiyami v shvedskom yazyke* [Temperature as part of the linguistic picture of the world: classification of temperature

- adjectives in Swedish]. *Filologiya i lingvistika: sovremennye tendentsii i perspektivy issledovaniya: sb. nauch. trudov po mat-lam I Mezhd. nauch.-praktich. konf. 25 fevralya 2016 g.* [Philology and linguistics: modern research trends and prospects. Collected scholarly works based on the proceedings of the 1st Internat. research and practice conf. of 25 February 2016]. Nizhny Novgorod, Prof. Nauka Publ., 2016b, pp. 65–69 (In Russ.).
- Pyurbeyev G. Ts. *Epos «Dzhangar»: kul'tura i yazyk (Janyr duulvr: soyl boln keln) / na russkom i kalmytskom yazyke. 2-e izd, pererab* [The Jangar epic: culture and language. In Russ. and Kalm. 2nd ed., rev.]. Elista, Dzhangar Publ., 2015, 280 p. (In Russ.).
- Rakhilina E. V. *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive analysis of objects names: semantics and combinability]. Moscow, Russkie Sloviki Publ., 2008, 416 p. (In Russ.).
- Sergeeva N. S. *Slovoobrazovatel'nye osobennosti imen prilagatel'nykh, oboznachayushchikh temperaturnye kharakteristiki predmetov* [Word-formative characteristics of adjectives denoting temperature characteristics of objects]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslav Pedagogical Bulletin], No. 3, vol. 1, 2012, pp. 156–160 (In Russ.).
- Chebodaeva L. I. *Semantika temperaturnogo prilagatel'nogo IZIG «goryachiy / zharkiy / znoynyy» v khakasskom yazyke* [Semantics of the Khakas adjective izig, i.e. 'hot / sultry']. *Kollokvialistika i leksikografiya: tochki peresecheniya i perspektivy razvitiya. Mat-ly vseross. nauch.-praktich. konf., posvyashch. pamyati prof. V. D. Devkina* [Colloquialistics and Lexicography: Meeting Points and Development Prospects. Proc. of the All-Russia research and practice conference in commemoration of Prof. V. Devkin]. Abakan, 2015, pp. 200–212 (In Russ.).

УДК 81'374.3

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ТЕМПЕРАТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕДМЕТОВ (на материале песен калмыцкого героического эпоса «Джангар» и «Национального корпуса калмыцкого языка»)

Саглар Егоровна Бачаева¹

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языкознания, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: basaeg@mail.ru.

Аннотация

В современном языкознании изучение различных понятий — «размер», «цвет», «форма», «запах», «температура» и др. — является одним из наиболее актуальных направлений. В данной статье рассматриваются прилагательные, связанные тем или иным образом с температурными характеристиками предметов, в свете разработки толкований для Толкового словаря языка калмыцкого героического эпоса «Джангар». Материалом для исследования послужили песни эпоса «Джангар» и данные Национального корпуса калмыцкого языка. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» содержатся сведения о материальной и духовной культуре калмыцкого народа, культурных ценностях, богатейших традициях.

Слова со значением низкой температуры указывают на отрицательные эмоции: *киитн нүдн* 'холодные глаза'; *киитн үг* 'холодные слова'; *киитн хэлэц* 'холодный взгляд'; а слова со значением высокой температуры — на положительные: *халун мөнд* 'горячий привет'; *халун дурн* 'горячая любовь, дружба'; *бүлэн нүдн* 'теплые глаза, т. е. ласково'; *бүлэн хэлэц* 'теплый взгляд'; *бүлэн үг* 'теплые слова'; *бүлэн харһлт* 'теплая, дружелюбная встреча'.

Приведенные в статье формулы-толкования температурных прилагательных дают основание, что переносные значения образуют шкалу температур, но в отличие от русского языка в калмыцком языке, в связи с другим менталитетом, культурой, прослеживается эмоциональная сдержанность, большинство прилагательных даются в прямом значении.

Ключевые слова: прилагательные, эпос «Джангар», температура, калмыцкий язык, толкования.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 207–215, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-207-215
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.37

Noun Case and Declensional Paradigms of Old Written Kalmyk

Evgeniy V. Bembeev¹, Tsagan D. Mandzhieva²

¹ Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Senior Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: galdma@yandex.ru.

² Laboratory Assistant, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: mandzhieva.96@mail.ru.

Abstract

The article examines the noun case paradigm which is relevant to virtually all nominative parts of speech in Old written Kalmyk. As is known, a Kalmyk word — like words of any other agglutinative language — can be divided in two parts, namely: an uninflected part — a stem, and an inflected one — affixes. Moreover, the stem of a word is to be followed by word-forming affixes and particles in a strict order. Nouns of Old written Kalmyk are characterized by grammatical categories of case and number; they can also be followed by indicators of possessiveness. The strict order according to which indicators of the grammatical categories are to be added to the stem is as follows: an indicator of the plural comes first, it is followed by case and possessive suffixes respectively; the latter sometimes merges with the case suffix and, thus, makes an integral indicator. All suffixes can be written separately from the stem-word; in this case they are divided by hyphens when transcribed.

When it comes to the case paradigm of Old written Kalmyk, one should distinguish the nominative case and forms of oblique cases that are basically suffixal. Suffixes of all oblique cases have phonetic variants (allomorphs) to be determined either by the final sound of the previous morpheme (root or suffix) or by vowel harmony; sometimes both the factors should be taken into consideration. It is noteworthy that the earliest works on the grammar of Old written Kalmyk describe the phonetic, lexical and grammatical processes that occurred in the written language of the 18th–19th cc. A. Bobrovnikov pointed out the gap between the literary language and the actual speech of the Kalmyks in the 19th century.

Keywords: earliest texts, case paradigm, simple declension, allomorphs.

Одной из важных задач современной лингвистики, в том числе и калмыцкого языкознания, является развитие корпусных исследований. В 2012 г. был создан Национальный корпус калмыцкого языка (далее — НККЯ), основанный на материале современных художественных текстов [Куканова, Бембеев и др. 2012]. Следующим шагом в данном направлении является разработка ряда подкорпусов, в том

числе и подкорпуса «ранних» текстов. Как известно, основным условием для достоверной работы корпуса является создание «правильного» морфологического анализатора — программы, приводящей словоформу к начальной форме с приписыванием ей той или иной грамматической информации (грамматем), которую несет данная единица в тексте. Для современного калмыцкого языка, несмотря на «сложности» выделения

словоизменительных типов, такая программа создана и успешно апробирована [Куканова 2012а; 2012б]. Что касается языка старописьменных памятников, то эту задачу еще только предстоит решить. Надо сказать, что старописьменная и современные (письменная и устная) формы калмыцкого языка в значительной степени отличаются друг от друга. Поэтому словоизменительные типы, разработанные на материале современного калмыцкого языка, нерелевантны для разбора «ранних» текстов.

Как известно, определенный тип парадигмы выделяют на основе общей системы выражения грамматических категорий определенными словоизменительными аффиксами и наличия сходных морфонологических процессов, а также частеречной принадлежности, в пределах которой действует тот или иной образец склонения. В данной статье мы хотим рассмотреть падежную парадигму имени существительного, которая, по сути, будет актуальна для всех именных частей речи старописьменного калмыцкого языка. Как известно, в калмыцком языке, собственно как и во всех агглютинативных языках, сосуществуют две части слова: неизменяемая — основы — и изменяемая — аффиксы. Более того, изменяемая часть слова предполагает строгий порядок присоединения словоизменительных аффиксов и частиц к основе слова. Имена существительные старописьменного калмыцкого языка имеют категории падежа, числа, а также могут присоединять показатели притяжания. Показатели этих грамматических категорий присоединяются к основе существительного в строгом порядке: первым — показатель множественного числа, к нему присоединяется суффикс падежа и затем притяжательный суффикс, который иногда сливается с суффиксом падежа в одно целое. Все суффиксы могут писаться отдельно от слова: в этом случае в транскрипции они отделяются дефисом.

Прежде чем рассмотреть ранние грамматики старописьменного калмыцкого языка [далее — СПКЯ], необходимо отметить, что в старописьменном монгольском языке [далее — СПМЯ] имелось 9 падежных форм: именительный, родительный, винительный, дательный-местный, местный, исходный, орудный, совместный, соединительный [Санжеев 1964: 65–66]. Что касается грамматик собственно старописьменного калмыцкого языка, первая из них вышла в

свет в 1847 г. Автор труда А. Попов подробно раскрывает систему склонения калмыцкого языка, отмечая, что в зависимости от окончания основ слов «существительные имена <...> разделяются на три склонения» [Попов 1847: 43]. Автор выделяет восемь¹ падежных форм: именительный (основа слова), родительный (-*yin*; -*iyin*; -*i*), отделительный (-*ēce*; в том числе просторечные формы, употребляющиеся слитно, -*sa*; -*se*; -*su*; -*sü*), дательный или местный (-*tu*; -*ta*; -*tü*; -*te*; -*du*; -*da*; -*dü*; -*de*), винительный (-*i*; -*gi*; -*yigi*), звательный (-*aya*; -*ā*), творительный инструментальный (-*iēr*; -*bēr*; просторечные -*yār*; -*gēr*; -*ār*; -*ēr*), творительный совокупительный (-*luyā*; -*lügē*; просторечные послеречия -*lā*; -*lē*; -*ār*; -*ēr*; или заменяемые наращениями -*tai*; -*tei*) [Попов 1847: 49–50]. Необходимо отметить, что автор грамматики приводит не только устоявшиеся книжные формы падежных окончаний, но и разговорные, как он их называет, просторечные, формы.

Спустя два года А. Бобровников издал «Граматику монгольско-калмыцкого языка», где также подробно рассмотрел систему склонения имен, выделяя 7 падежей: именительный (основа слова), родительный (-*yin*; -*giyin*; -*i*; -*iyin*; разговорные формы: -*nai* (-*noi*); -*nei* (-*nöi*); -*ai* (-*oi*); -*ei* (-*öi*), винительный (-*yigi*; -*gi*; -*i*), исходный (-*ēce*; в том числе разговорные формы, употребляющиеся слитно, -*āsa*; -*ēse*; -*ōsö*; -*ōso*; -*yāsa*; -*gēse*; -*gōsö*; -*yōso*), местный (книжные формы -*dur*; -*tur* (редкая книжная форма на -*a*); разговорные -*du*; -*da*; -*de*; -*tu*; -*ta*; -*te*), творительный (книжные формы -*iēr*; -*bēr*; разговорные -*ār*; -*ēr*; -*ōr*; -*ōr*; -*yār*; -*gēr*; -*gōr*; -*gōr*; -*ar*; -*er*), соединительный (-*luyā*; -*lügē*; разговорные формы -*lā*; -*lē*; -*lō*; -*lō*; -*lār*; -*lēr*; -*ār*; -*ēr*; но чаще употребляются частицы соединительного падежа -*tai*; -*tei*; -*toi*; -*töi*). А. Бобровников указал еще два редко употребляемых падежа: падеж, назначенный для показания меры в высоту по частям тела живых существ (книжная форма -*cegē*; разговорная -*cē*; -*cei*), и звательный падеж (-*ai*; -*ā*).

Рассматривая парадигму склонения имен калмыцкого языка, В. Л. Котвич выделяет 10 падежей: именительный, затель-

¹ Автор в параграфе 70 ошибочно указывает, что в калмыцком языке имеется 9 падежей. Хотя ниже он рассматривает и приводит примеры склонений только 8 падежных форм [Попов 1847: 49].

ный, родительный, дательный, винительный, исходный, творительный, соединительный (две формы), *направления* и предельный [Котвич 1929: 147].

В старописьменном калмыцком языке выделяют простое, возвратное, притяжательное и двойное склонения. Рассмотрим простую падежную парадигму старописьменного калмыцкого языка.

Именительный падеж

Вследствие неоформленности именительного падежа в монгольских языках его считают совпадающим с основой слова. Следует отметить, что формальные различия между основой и именительным падежом невелики и поддаются установлению лишь в области определенных групп слов, а именно таких, которые в большинстве монгольских языков имеют так называемый неустойчивый или скрытый конечный *н*. Различия эти проявляются и в склонении местоимений. Относительно других именных частей речи, в их склонении нет ничего такого, что давало бы основание проводить формальное различие между основой и именительным падежом.

Однако некоторые монголисты возражают против такого подхода, полагая, что *Nominativ* и основа слова — «разные по форме и содержанию категории» [Санжеев 1953: 140]. По определению А. Бобровникова, *Nominativ* «служит корнем для всех прочих падежей, а сам не имеет никакой отличительной частицы» [Бобровников 1849: 88].

Родительный падеж

Данный падеж в старописьменном калмыцком (ойратском) языке выделяется по сравнению с другими разнообразием форматов, в основе которых, как и вообще в алтайских языках, выделяется первоначальный *-n* [Рамстедт 1957: 33; Цыдендамбаев 1979: 49]. Монгольский аффикс *-yin*, употребляющийся после основ на гласные и дифтонги, был перенесен без изменений: *metuyin* ‘подобного’, *sarayin* ‘месяца’, *dalayin* ‘океана’.

Аффиксу монгольского письменного *-un* в старописьменном калмыцком (ойратском) соответствуют *-iyin* (после основ на согласные), *-giyin* (после основ на долгую гласную). После основ на *-n* употребляется показатель *-i*, соответствующий монгольскому письменному *-и*, который встречается в живой речи монголов. Но наряду с этим особое внимание обращает на себя тот

факт, что параллельно с традиционным показателем *-i* в поздних памятниках XIX в. широко употребляются форманты *-ai* / *-ei*, *-e*: / *-a*: / *-a* (в зависимости от сингармонической рядности слова), которые были присущи разговорной речи, причем количественно в некоторых словах они встречаются чаще, чем формант *-i* [Бембеев 2005].

Следует отметить, что родительный падеж является очень распространенным в монгольских языках. Отличаясь «семантическим разнообразием», он осуществляет «широкую грамматическую связь между именами самых различных значений» [Орловская 1984: 29]. Эту гамму разнообразий унаследовал и старописьменный калмыцкий язык: *Burqani abural buuzi* ‘Да снизойдет спасение Будды’ [НККЯ: Хождение... 120]; *Uulayin ö:dö gurbun duunai düngge* ‘Вершина горы высотой около 3 километров’ [НККЯ: Хождение... 89].

Винительный падеж

Показатели винительного падежа не отличаются таким же разнообразием, каким обладают показатели родительного падежа. В письменном памятнике «Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-Дербетского Бааза-бакши» [НККЯ: Хождение] ко всем именам при образовании аккузатива присоединяются следующие показатели: *-i*, *-yi*, *-yigi*, *-iyigi*, *-gi*. Основная функция имени в винительном падеже — это функция прямого дополнения и обозначение одушевленного или неодушевленного объекта при переходном глаголе. При этом прямое дополнение может выступать как с показателями винительного падежа, так и без них.

Закономерности в употреблении аффиксов винительного падежа не имеют строгой последовательности, например одно и то же слово в пределах даже одного текста может встречаться с разными суффиксами [Яхонтова 1996: 46]. В середине XIX в. известный монголовед А. Бобровников писал, что показатель винительного падежа обозначается или опускается произвольно [Бобровников 1849: 241]. В свою очередь, Г. Д. Санжеев отмечал о «надуманности категории определенности / неопределенности» [Санжеев 1940: 212; 1953: 186].

Суффикс *-i* присоединяется к основам, оканчивающимся на согласный и гласные *-a* и *-o*; после конечных согласных *-q* или *-ŋ* присоединяется суффикс *-gi*.

Например, в некоторых памятниках встречается аффикс *-yi*, который, как и в

письменном монгольском, употребляется после основ на краткую гласную: *Mayidari-yi* 'Майтрею', *suryuuli-yi* 'обучение'. Следует заметить, что данный формант соединяется с основой параллельно с *-yigi*: *Corzi-yi* ~ *Corziyigi* [Бадмаев 2001].

Дательно-местный падеж

В старописьменном калмыцком языке датив-локатив образуется при помощи аффиксов *-du* ~ *-dū* / *-tu* ~ *-tū*. Дательно-местный падеж осуществляет широкую грамматическую связь между именами: выражение различных косвенных дополнений и обстоятельств времени, места. Например, дательно-местный выражает лицо, к которому обращаются; пространственно-местные отношения, указывая на место совершения действия; временные отношения, а также указывает место или предельный пункт, куда направлено действие. Окончание *-du* ~ *-dū* появлялось в тех словах, где основа оканчивалась либо на гласный звук, либо на согласные звуки [л], [м], [н], [нг], [у]. В остальных случаях употребляется *-tu* ~ *-tū*. Например, *Tere cagtu xamug ulus urbabacu bida urbagsan ugei* 'Хотя в то время все бежали, мы же не ушли' [Sariyin gerel]; *Kiyidiyin mörgöliyin orod-tu mörgözi ireküle*: 'Поклоняясь, вошли в молельное помещение монастыря' [НККЯ: Хождение... 108].

Орудный (творительный) падеж

Показатели орудного падежа восходят к универсальным аффиксам письменного монгольского языка *-be:r* / *-ye:r*, которые без изменений были перенесены в ойратский письменный. Далее под влиянием разговорного они нашли отражение в нижеуказанных формантах старописьменного калмыцкого языка:

1) после основ на краткий гласный звук и на согласные по закону сингармонизма — *-a:r*, *-e:r*, *-i:r*, *-o:r*, *-ö:r*, при этом неустойчивый *-n* основы слова выпадает: *alta:r* 'золотом', *möri:r* 'лошадью', *baqana:r* 'столбом', *tonggolo:r* 'по-монгольски';

2) к основам с конечными долгими гласными или дифтонгами и словам с конечным неустойчивым *-n*, но с предшествующим долгим гласным, а также с конечным *-ng* присоединяются аффиксы *-ga:r*, *-gi:r*, *-ge:r*, *-gö:r*: *zavidangga:r* 'неоседланный', *köbö:gö:r* 'берегом', *čige:ge:r* 'кумысом', *küüige:r* 'человеком'. Но встречается употребление *-ge:r* после основы, оканчивающейся на согласный *-g*, например слово *keregge:r* 'по делу'.

Показателями данного падежа в ойратском письменном являются *-be:r* (после основы на гласную) и *-ye:r* (после основы на согласную). Особенность их заключается в нарушении закона сингармонизма, так как они употребляются с основами независимо от твердости / мягкости гласных. Эти показатели перенесены из монгольского письменного языка. О происхождении аффиксов орудного падежа существуют различные мнения ученых. Так, Г. Д. Санжеев возводил формативы падежа к архетипу *-gar* / *-ger*, разлагаемому на две морфемы: *-ga* (показатель местного падежа) + *-p*, имеющегося «в составе ряда морфем» типа *деге-р-е* 'наверху', *доу-р-а* 'внизу' и т. п. [Санжеев 1953: 172]. Т. А. Бертагаев, предполагая архаичность орудного падежа, возводит его показатели к корням таких слов, как *бар-и* 'держать', и *гар* 'рука' [*бар-и гар*], значение которых вполне может быть осмыслено деривативно, как орудие действия [Бертагаев 1964: 45].

Орудный падеж имеет весьма широкий круг значений, но основной функцией этого падежа является выражение значения орудия или средства действия, и имена в этом падеже служат в предложении чаще всего дополнениями, а иногда и обстоятельствами. Собственно орудный обозначает предмет в широком смысле слова, служащий орудием или средством для совершения действия, выражает пространство или место, где лицо совершает действие или находится предмет, обозначает предмет, из которого что-либо делается; орудный образа действия характеризует то, как или при каких обстоятельствах совершается действие. Например, *Tere qulagayičin möre:ni möškiži küre:d* 'Достигли, следуя по следам тех воров' [НККЯ: Хождение... 60]; *Kure:urgulzi Coxor Aziryan-du bayıyaid Erkeyibci-be:r yatalbai* 'Кюрэ, постоянно находясь в Цохор-Аджиргане, переправилось через Эркейбчи' [НККЯ: Сарин герл 31а].

Совместный падеж

Данный падеж оформляется посредством суффикса *-tai* / *-tei*, а также зафиксированы единичные случаи употребления форманта *-tu* / *-tū*. Существенных различий в употреблении этих двух показателей не отмечается, но в некоторых случаях они могут нести различную семантическую окраску. В монголистике существует мнение о генетическом родстве аффикса совместного падежа и аффикса множественности *-tan*,

а также о позднем сложении этого падежа [Санжеев 1953: 174]. В первых грамматиках этот падеж рассматривался вместе с соединительным как формы одного падежа [Попов 1847: 59; Бобровников 1849: 98–99]. Автор грамматики разговорного калмыцкого языка В. Л. Котвич впервые рассматривал эти падежи как два самостоятельных, назвав их как «соединительный I и соединительный II» [Котвич 1929: 55].

В большинстве случаев существительные совместного падежа обозначают совместное действие одного лица с другим, а также выступают в значении имеющий что-либо, обладающий чем-либо: *Ха:n cu Danzin xun tayizitai Xucas-e:ce soni duliyn kurci iregsen...* ‘Хан вместе с Данджин-хунтайджем прибыл из Хуцас в ночь’ [НККЯ: Сарин герл 30b]; *Ene yazar-tu bayigsan De:dü mongyolcuud, Burqan šažitai, mongyol qudma bičigtei, quičin yangzuni mel manai dörbön oyirodiyın yangžutai bayigsan sanaži. Aduun teme:n ükür qonin yama:n iyimi maltai* ‘Верхние монголы, проживающие в этих краях, исповедуют буддизм и имеют у себя монгольскую письменность, быт их такой же, как и наш, — ойратский. Содержат четыре вида скота: лошадей, коров, овец и коз» [НККЯ: Хождение... 51].

Соединительный падеж

Соединительный падеж оформляется аффиксами *-la:* / *-lai* / *-la:i* / *-le:* / *-lei* // *-luga* / *-lüge*. Этот падеж был распространен в старописьменном монгольском языке, но в современных монгольских языках отсутствует, сохранившись только в калмыцком.

Многие монголисты считают, что в ойратском существовал лишь один падеж — совместный, который выражался двумя различными суффиксами — *-luga* / *-lüge* и *-tai* / *-tei* / *-toi* / *-töi*, причем первому приписывают литературный, а второму — разговорный характер (как и в старописьменном монгольском) [Жамьян 1988: 18]. Тем самым отрицается наличие в старописьменном калмыцком самостоятельного соединительного падежа. О необходимости дифференциации совместного и соединительного падежей правомерно высказывался Г. Д. Санжеев. В частности он отмечал, что первоначально в старописьменном монгольском имелись два различных падежа:

соединительный (*-luga* / *-lüge*) и совместный (*-tai* / *-tei*) [Санжеев 1953: 173]. Г. Д. Санжеев, исходя из значения соединительного падежа, предлагал назвать его «кооперативным или совместным» [Санжеев 1940: 47].

Соединительный падеж выражает время действия, а также выступает как средство грамматической связи значимого слова с послелогом: *Tende xonozi ecige eke-luge: kelelcen axui-du...* ‘Когда там ночевал и беседовал с отцом и матерью...’ [НККЯ: Сарин герл 27a]; *Čige:ni manai čigele: adali sayıqan čigen bayınai* ‘Кумыс очень хороший, такой же, как и наш’ [НККЯ: Хождение... 10].

Исходный падеж

Традиционно показателем исходного падежа в старописьменном калмыцком языке является суффикс *-e:ce*, не имеющий сингармонических вариантов. Между тем, наряду с этим формантом в памятниках широко используются показатели, характерные для разговорного языка: *-o:su* / *-a:su* / *-e:sü* / *-e:se* / *-a:sa*. Исходный падеж имен обозначает отправную точку любого действия или состояния в движении, временные отношения, исходный сравнения, момент начала свершения действия и др.: *Odisa-e:ce tömör tergen-dü suuga:d* ‘Из Одессы сели на поезд’ [НККЯ: Хождение... 118].

Таким образом, рассматривая падежную парадигму старописьменного калмыцкого языка, необходимо выделять именительный падеж и формы косвенных падежей, которые образуются суффиксально. Одни суффиксы пишутся слитно, другие — отдельно от имени; некоторые встречаются в обоих написаниях. Суффиксы всех косвенных падежей имеют фонетические варианты (алломорфы), выбор между которыми в одних случаях определяется конечным звуком предшествующей морфемы (корня или суффикса), в других — законом сингармонизма (гармонии гласных), иногда — и тем, и другим. Необходимо отметить, что уже в первых грамматиках старописьменного калмыцкого языка отмечаются некоторые фонетические, лексические и грамматические процессы, которые имели место в разговорном языке XVIII–XIX вв. А. Бобровников указывал на значительный разрыв между книжным языком и живой речью калмыков XIX в.

**Набор надежных окончаний на материале первых грамматик
старописьменного калмыцкого языка и ранних текстов НККЯ**

Падеж	Варианты окончаний по грамматике А. Попова	Варианты окончаний по грамматике А. Бобровникова	Варианты окончаний по грамматике В. Котвича	Варианты окончаний на материале ранних текстов
Им.	-ø	-ø	-ø	-ø
Род.	-yin; -iyin; -i	-yin; -giyin; -i; -iyin; разговорные формы -nai (-noi); -nei (-nöi); -ai (-oi); -ei (-öi)	-iyin; -n; -ā; -ā̄; редко -i; -ān; -ā̄n; -nā; -nā̄	-iyin; -giyin; -i; -ai / -ei; -e; / -a :/ -a
Дательный (дательно-местный)	-tu; -ta; -tü; -te; -du; -da; -dū; -de	книжные формы -dur; -tur (редкая книжная форма на -a); разговорные -du; -da; -de; -tu; -ta; -te	-da; -de; -ta; -te; -d; -t	-du ~ -dū / -tu ~ -tü
Винительный	-i; -gi; -yigi	-yigi; -gi; -i	-iyigi; -gi	-i; -yi; -yigi; -iyigi; -gi
Орудный	творительный инструментальный (-iēr; -bēr; просторечные -γār; -gēr; -ār; -ēr)	книжные формы -iēr; -bēr; разговорные -ār; -ēr; -ōr; -ōr; -γār; -gēr; -gōr; -gōr; -ar; -er	-ār; -ēr Старые книжные формы -iēr; -bēr	-be:r; -ye:r; -a:r; -e:r; -i:r; -o:r; -ō:r; -ga:r; -gi:r; -ge:r; -gō:r
Совместный	творительный совокупительный (-luγā; -lūgē; просторечные послеречия -lā; -lē; -ār; -ēr; или заменяемые наращениями -tai; -tei)	-luγā; -lūgē; разговорные формы -lā; -lē; lō; -lō; -lār; -lēr; -ār; -ēr; частицы соединительного падежа -tai; -tei; -toi; -tōi	-tai; -tei; -lai; -lei; Старые книжные формы: -luγā; -lūgē;	-tai; -tei; -la:/-lai/- la:i/ -le:/ -lei // -luga/-lūge.
Исходный	отделительный (-ēce; в том числе просторечные формы, употребляющиеся слитно, -sa; -se; -su; -sū	-ēce; в том числе разговорные формы, употребляющиеся слитно, -āsa; -ēse; -ōsō; -ōso; -γāsa; -gēse; -gōsō; -γōso	-āsa; -ēse; книжная форма -ēce	-ēce; -o:su; -a:su; -e:sū; -e:se; -a:sa
Направление	-	-	-uur; -üür	-uur; -üür
Звательный	-aγa; -ā	-ai; -ā		
Предельный		книжная форма -cegē; разговорная -cē; -cei	-cai; -cei	

Литература

- Бадмаев Б. В. «Сарын герел» — памятник ойратской письменности XVII в. (текстолого-лингвистический анализ). Автореф. дис.... канд. фил. наук. М., 2001. 24 с.
- Бембеев Е. В. Лингвистическое описание памятника старокалмыцкой (ойратской) письменности: «Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербетовского Бааза-бакши». Автореф. дис.... канд. фил. наук. М., 2005. 28 с.
- Бертагаев Т. А. К генезису некоторых падежей в монгольских языках // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. 83. Монголоведение и тюркология. М.: Изд-во АН СССР, 1964. С. 41–45.
- Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань: Университ. тип., 1849. 403 с.
- Жамьян Г. Ясное письмо в сравнительном освещении. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Улан-Батор, 1988. 24 с.
- Котвич В. Л. Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Изд. 2-ое. Ржевнице у Праги, 1929. 418 с.
- Куканова В. В. Словоизменительные типы в калмыцком языке в свете автоматической обработки текстов (на примере имени существительного) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012а. № 2. С. 168–177.
- Куканова В. В. Словоизменительные типы в калмыцком языке в свете автоматической обработки текстов (на примере имени существительного)—II // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012б. № 3. С. 151–161.
- Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч. Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 138–150.
- Орловская М. Н. Язык «Алтан тобчи». М.: ГРВЛ, Наука, 1984. 236 с.
- Павлов Д. А. О системе склонения имен существительных в калмыцком языке // Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка. М.: Наука, 1976. С. 18–42.
- Попов А. В. Грамматика калмыцкого языка. Казань: Университ. тип., 1847. 392 с.
- Рамстедт Г. Й. Введение в алтайское языкознание: морфология / обраб. и изд. П. Аалто; пер. с нем. Л. С. Слоним; под ред. и с предисл. Н. А. Баскакова; примеч. Н. А. Баскакова и Г. Д. Санжеева. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. 253 с.
- Санжеев Г. Д. Грамматика калмыцкого языка. М.: Изд-во АН СССР, 1940. 156 с.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 240 с.
- Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык. М.: Наука, 1964. 90 с.
- Сусеева Д. А. Грамматический строй калмыцкого языка XVIII в.: морфонология и морфология (на материале писем калмыцких ханов и их современников / отв. ред.: А. В. Дыбо, Э. У. Омакаева. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 240 с.
- Тодаева Б. Х. Значение и функции падежей в калмыцком языке // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 1. Элиста, 1960. С. 163–190.
- Трофимова С. М. Падежно-послеложные конструкции монгольских языков и их русские эквиваленты / отв. ред. В. И. Рассадин. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1989. 94 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М.: Наука, 1979. 147 с.
- Яхонтова Н. С. Ойратский литературный язык XVII в. М.: Вост. лит., 1996. 152 с.

References

- Badmaev B. V. «*Saryn gerel*» — *pamyatnik ojratskoj pis'mennosti XVII v. (tekstologo-lingvisticheskij analiz)*. *Avtoref. dis. ... kand. fil nauk* [«Saryn gerel» — a monument of Oirat script of the XVII century. (Textual and linguistic analysis). A Ph. D. thesis abstract]. Moscow, 2001, 24 p. (In Russ.).
- Bembeev E. V. *Lingvisticheskoe opisanie pamyatnika starokalmyckoj (ojratskoj) pis'mennosti: «Skazanie o hozhdenii v Tibetskuyu stranu Maloderbetovskogo Baaza-bakshi»*. *Avtoref. dis. ... kand. fil nauk* [Linguistic description of the monument of the Old-Kalmyk (Oirat) script: «The Tale of the Walking to the Tibetan Land of Maloderbetovskiy Baaz-baksha». A Ph. D. thesis abstract]. Moscow, 2005, 28 p. (In Russ.).
- Bertagaev T. A. *K genezisu nekotorykh padezhey v mongol'skikh yazykakh* [On the genesis of some grammatical cases in Mongolian languages]. *Kratkie soobshcheniya Instituta narodov Azii* [Brief Reports of the Institute of Asian Peoples], iss. 83, *Mongolovedenie i tyurkologiya* [Mongolic and Turkic Studies]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1964, pp. 41–45 (In Russ.).

- Bobrovnikov A. A. *Grammatika mongol'sko-kalmytskogo yazyka* [Grammar of the Kalmyk-Mongolian language]. Kazan, Kazan Univ. Press, 1849, 403 p. (In Russ.).
- Zhamyan G. *Yasnoe pis'mo v sravnitel'nom osveshchenii. Avtoref. dis. ... kand. fil nauk* [Clear Script in the light of comparative studies. A Ph. D. thesis abstract]. Ulaanbaatar, 1988, 24 p. (In Mong.).
- Kotvich V. L. *Opyt grammatiki kalmytskogo razgovornogo yazyka. Izd. 2-oe* [Grammar of colloquial Kalmyk. 2nd edit.]. Prague, 1929, 418 p. (In Russ.).
- Kukanova V. V. *Slovoizmenitel'nye tipy v kalmytskom yazyke v svete avtomaticheskoy obrabotki tekстов (na primere imeni sushchestvitel'nogo)* [Word-forming types of the Kalmyk language in the context of automatic text processing (evidence from Kalmyk nouns)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2012a, No. 2, pp. 168–177 (In Russ.).
- Kukanova V. V. *Slovoizmenitel'nye tipy v kalmytskom yazyke v svete avtomaticheskoy obrabotki tekстов (na primere imeni sushchestvitel'nogo)-II* [Word-forming types of the Kalmyk language in the context of automatic text processing (evidence from Kalmyk nouns)-II]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2012b, No. 3, pp. 151–161 (In Russ.).
- Kukanova V. V., Bembeev E. V., Mulaeva N. M., Ochirova N. Ch. *Natsional'nyy korpus kalmytskogo yazyka: arkhitektura i vozmozhnosti ispol'zovaniya* [The Kalmyk National Corpus: architecture and possibilities of use]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2012, No. 3, pp. 138–150 (In Russ.).
- Orlovskaya M. N. *Yazyk "Altan tobchi"* [The language of "Altan tobchi"]. Moscow, Nauka Publ., Chief Editorial Board for Oriental Literature, 1984. 236 p. (In Russ.).
- Pavlov D. A. *O sisteme skloneniya imen sushchestvitel'nykh v kalmytskom yazyke* [Kalmyk noun declension]. *Voprosy grammatiki i leksikologii sovremennogo kalmytskogo yazyka* [Questions of modern Kalmyk grammar and lexicology]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 18–42 (In Russ.).
- Popov A. V. *Grammatika kalmytskogo yazyka* [Kalmyk Grammar]. Kazan, Kazan Univ. Press, 1847, 392 p. (In Russ.).
- Ramstedt G. J. *Vvedenie v altayskoe yazykoznanie: morfologiya / obrab. i izd. P. Aalto; per. s nem. L. S. Slonim; pod red. i s predisl. N. A. Baskakova; primech. N. A. Baskakova i G. D. Sanzheeva* [An introduction to Altaic linguistics: morphology. Proc. and publ. by P. Aalto. Transl. from German by L. Slonim ...]. Moscow, Foreign Literat. Publ, 1957, 253 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Grammatika kalmytskogo yazyka* [Kalmyk grammar]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1940, 156 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov. T. 1* [Comparative grammar of Mongolian languages. Vol. 1]. Moscow, Publ. House of the USSR Acad. of Sciences, 1953, 240 p. (In Russ.).
- Sanzheev G. D. *Staropis'mennyi mongol'skiy yazyk* [The Old written Mongolian language]. Moscow, Nauka Publ., 1964, 90 p. (In Russ.).
- Suseeva D. A. *Grammaticheskii stroy kalmytskogo yazyka XVIII v.: morfonologiya i morfologiya (na materiale pisem kalmytskikh khanov i ikh sovremennikov / otv. red.: A. V. Dybo, E. U. Omakaeva* [The grammatical system of the 18th c. Kalmyk language: morphonology and morphology (evidence from letters of Kalmyk rulers and their contemporaries. Edit. by A. Dybo, E. Omakaeva)]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Inst. for Humanities of the RAS, 2011, 240 p. (In Russ.).
- Todaeva B. Kh. *Znachenie i funktsii padezhey v kalmytskom yazyke* [Meanings and functions of grammatical cases in the Kalmyk language]. *Zapiski Kalmytskogo NIIYaLI* [Notes of the Kalmyk Research Institute of History, Language and Literature], iss. 1, Elista, 1960, pp. 163–190 (In Russ.).
- Trofimova S. M. *Padezhno-poslelozhnye konstruksii mongol'skikh yazykov i ikh russkie ekvivalenty / otv. red. V. I. Rassadin* [Case and postpositional constructions of Mongolian languages and their Russian equivalents]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989, 94 p. (In Russ.).
- Tsydendambaev Ts. B. *Grammaticheskie kategorii buryatskogo yazyka v istoriko-sravnitel'nom osveshchenii* [Grammatical categories of the Buryat language in a historical and comparative context]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 147 p. (In Russ.).
- Yakhontova N. S. *Oyratskiy literaturnyy yazyk XVII v.* [The 17th c. Oirat language]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1996, 152 p. (In Russ.).

**ГРАММАТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
СТАРОПИСЬМЕННОГО КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА**

Евгений Владимирович Бембеев¹, Цаган Дамбаевна Манджиева²

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: galdma@yandex.ru.

² лаборант, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: mandzhieva.96@mail.ru.

Аннотация. В статье рассмотрена падежная парадигма имени существительного, которая, по сути, будет актуальна для всех именных частей речи старописьменного калмыцкого языка. Как известно, в калмыцком языке, собственно как и во всех агглютинативных языках, сосуществуют две части слова: неизменяемая — основы — и изменяемая — аффиксы. Более того, изменяемая часть слова предполагает строгий порядок присоединения словоизменятельных аффиксов и частиц к основе слова. Имена существительные старописьменного калмыцкого языка имеют категории падежа, числа, а также могут присоединять показатели притяжения. Показатели этих грамматических категорий присоединяются к основе существительного в строгом порядке: первым — показатель множественного числа, к нему присоединяется суффикс падежа и затем притяжательный суффикс, который иногда сливается с суффиксом падежа в одно целое. Все суффиксы могут писаться отдельно от слова; в транскрипции в этом случае они отделяются дефисом.

Рассматривая падежную парадигму старописьменного калмыцкого языка, необходимо выделять именительный падеж и формы косвенных падежей, которые образуются суффиксально. Суффиксы всех косвенных падежей имеют фонетические варианты (алломорфы), выбор между которыми в одних случаях определяется конечным звуком предшествующей морфемы (корня или суффикса), в других — законом сингармонизма (гармонии гласных), иногда и тем, и другим. Необходимо отметить, что уже в первых грамматиках старописьменного калмыцкого языка находят отражение те фонетические, лексические и грамматические процессы, которые имели место в письменном языке XVIII–XIX вв. А. Бобровников указывал на значительный разрыв между книжным языком и живой речью калмыков XIX в.

Ключевые слова: ранние тексты, падежная парадигма, простое склонение, алломорфы.

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 27, Is. 5, pp. 216–224, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-27-5-216-224
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 39(398.21)

Internal Median Formulas of Kalmyk Fairy Tales (Evidence from G. J. Ramstedt's Records)

Baira B. Goryaeva¹, Viktoriya V. Kukanova², Aleksandra. T. Bayanova³, Aisa O. Doleeva⁴

¹ Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Senior Research Associate, Department of Folklore Studies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: baira79@yandex.ru.

² Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Director, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

³ Head of Alekseeva Scientific Library, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: ale-bayanova@yandex.ru.

⁴ M. A., Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies, Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: aisasarpa10@mail.ru.

Abstract

The article discusses the traditional formulas of Kalmyk fairy tales. Internal median formulas are determined by corresponding plots and play a significant role in fairy-tale texts defining the main characters and summarizing their most important actions. The fairy tales recorded by G. J. Ramstedt in the early 20th century reflect the actual poetic and stylistic tradition of the Kalmyks. The texts of the fairy tales are abundant in initial, median and final formulas. Following the classification introduced by the Romanian scientist N. Rosianu, the paper examines medial formulas from the Kalmyk fairy-tale texts. Those are 1) formulas that define images of fairy-tale characters or describe objects they possess, 2) formulas describing actions of fairy-tale characters, 3) formulas from dialogues (typical expressions of certain fairy-tale characters), 4) 'magic formulas', 5) formulas containing elements characteristic of initial formulas.

In the considered fairy tales, among the formulas that define images of fairy-tale characters or describe objects belonging to them, special attention is paid to a formula depicting the main character's beauty who is usually a *tengri* — 'inhabitant of Heaven'. Alongside this, another fairy tale contains an episode when the beauty of the heroine is associated with the fact that she was obsessed by a *shulma* ('a demonic creature'). The ability of *shulmas* to turn into beautiful girls is reflected in demonological views of the Kalmyks.

The analyzed texts primarily contain formulas that describe fairy-tale characters' actions: formulas that indicate long journeys of heroes; formulas depicting difficult tasks; a formula that conveys dual feelings of the character; a formula depicting the motif of the hero's visit to the other world; formulas of reward and punishment. Typical expressions of individual fairy-tale characters also act as formulas included in their dialogues.

The fairy tales recorded by G. J. Ramstedt are characterized by a 'modernization' (according to N. Rosianu) of the authentic traditional formulas — since the storyteller uses the modern concept of time when it comes to space and paths. The 'modernization' process testifies of some changes that had occurred in the social and economic life of the Kalmyk people. Still, the variation of stable stylistic structures with elements of the 'modernization' remains within the framework of the oral tradition of Kalmyk folklore.

Keywords: Kalmyk folklore, fairy tale, records, traditional formula, internal median formulas.

В 1903 г. Императорским Гельсингфорским университетом в лингвистическую экспедицию к волжским калмыкам был отправлен финский ученый Г. Й. Рамстедт. В течение двух месяцев он находился в Малодербетовском улусе при хуруле у База-бакши Менкеджуева. К ученому был приставлен Босхонджи-гелюнг, у которого были записаны «восемь длинных сказок» [Отчет... 1904: 11]. Пятнадцатилетний мальчик Бальдер, находившийся на службе у исследователя, также стал одним из информантов [Отчет... 1904: 12]. В своем отчете сам Г. Й. Рамстедт отмечал: «...поездка моя к калмыкам, как мне кажется, оказалась довольно удачною. Помимо различных записей, я произвел систематические наблюдения над фонетикой языка калмыков в его современном произношении, чего до сих пор совершенно не было сделано. Этих сведений нельзя почерпнуть из письменных памятников калмыцкого языка» [Отчет... 1904: 13].

Известный ученый во время поездки в Калмыцкие степи собрал обширный фольклорный материал [Отчет... 1904: 13]. Ранее нами рассматривался фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом) [Горяева, Баянова, Бутаева, Куканова 2015; Горяева 2015].

В данной статье нами рассматриваются внутренние медиальные формулы на материале сказок, зафиксированных Г. Й. Рамстедтом и опубликованных им в двух частях [Kalmückische Sprachproben 1909; Kalmückische Sprachproben 1919].

Среди прочих фольклорных жанров сказки выделяются единством композиции и устойчивостью стилистических средств, в число которых входят традиционные формулы (инициальные, медиальные и финальные). По мнению М. Д. Медриша, «обнаружение общих стабильных моделей и изучение конкретных вариантов сказочных формул позволяет не только установить сферу распространения определенных типов формул, но и в конечном счете показать роль традиции и новаторства в применении сказочных формул, выявить, насколько возможно, национальную специфику этих формул» [Медриш 1980: 68].

Формула как «особая форма проявления фольклорной стереотипности» [Рошияну 1974: 10]) рассматривалась также и на калмыцком материале. Т. Г. Басангова вы-

делила в калмыцком героическом эпосе «Джангар» следующие формулы красоты: «формулы, связанные с солярным культом — сияние женщины, обладание волшебными свойствами и магическими действиями». Также она отмечала «использование сравнительных оборотов в описании портрета героини» [Басангова 2004]. Традиционные формулы являлись объектом изучения и в калмыцких волшебных сказках [Горяева 2011; Надбитова 2011].

Среди формул особое место занимают медиальные формулы, подразделяющиеся на внешние и внутренние [Рошияну 1974: 147–169]. Внешние медиальные формулы, служащие для усиления внимания слушателей в ходе повествования, в сказках, записанных Г. Й. Рамстедтом, не выявлены. Внутренние медиальные формулы сюжетно обусловлены и занимают значительное место в сказочном тексте, раскрывая главные образы и обобщая все важнейшие действия персонажей калмыцкой волшебной сказки [Горяева 2011: 86–104].

Н. Рошияну, исследуя тексты румынских сказок, в числе внутренних медиальных формул выделяет следующие подгруппы: 1) формулы, определяющие образ сказочных персонажей или описывающие принадлежащие им предметы; 2) формулы, описывающие действия сказочных персонажей; 3) формулы, входящие в диалог (типичные выражения отдельных сказочных персонажей); 4) «магические формулы»; 5) формулы, содержащие элементы, характерные для инициальных формул [Рошияну 1974: 98]. Данная классификация может быть применима и для анализа традиционных формул калмыцкой сказки, в нашем случае сказочных текстов в записи Г. Й. Рамстедта.

Из формул первой подгруппы нами отмечена формула быстрого роста, являющегося признаком чудесного героя. В сказке под № 19 старуха по имени *Нальхан цаган ээджэ*, внезапно зачав, три года вынашивает сына, который родившись, «переночевав, [вырос так, что] пеленки из шкуры одного барана стало не хватать, деревянная колыбель из одного полена стала мала» (*Нег хонна, нег иргин арсн хучлһ эс курнэ, нег хожул модн өлгэ эс курнэ*) [Kalmückische Sprachproben 1919: 185]. Данная формула отмечена в волшебной-героической сказке и имеет рифму, так называемую аллитерацию (*нег — нег — нег*), которая является основным приемом образования рифмы в

калмыцкой устной традиции. В приведенном примере нами указана лишь первая часть формулы быстрого роста, в устойчивом стилистическом описании имеются еще две части: рост героя во второй и третий дни (рифма строится на повторении числительных *хойр* 'два' и *хурвн* 'три'). Здесь нужно отметить, что формула быстрого роста является отражением международного мотива, аналоги которого обнаруживаются в фольклоре многих народов мира. Данный мотив на материале калмыцких сказок и героического эпоса «Джангар» рассматривался в статьях Б. Э. Мутляевой [1978; 1982].

Среди формул, определяющих образ сказочных персонажей, в румынской сказке чаще всего встречаются формулы красоты героя [Рошияну 1974: 98]. А. И. Алиева приводит три разновидности формул женской красоты, встречаемые в адыгской сказке: 1) «самая красивая — та, у кого есть глаза и брови»; 2) часть тела — из золота; 3) формулы о прозрачности тела [Алиева 1986: 134–135]. Красота невесты героя в пенджабских сказках описывается в таких формулах, как «кусочек Луны», «восходящее солнце», «она плачет жемчугом, а когда смеется, изо рта падают цветы», «блеск ее тела такой сильный, что весь город светится лучами от блеска ее тела» и т. д. [Каушал 1988]. Г. Р. Хусаинова, исследуя тексты башкирских сказок, выделила следующие атрибутивные формулы: 1) светила как «части тела»; 2) «собственное» излучение света (без светил); 3) золото как «материал»; 4) «прозрачность»; 5) «следствия жестов, движений, эмоций» [Хусаинова 2000: 24–31].

В текстах калмыцких волшебных сказок формулы красоты включают четыре подгруппы: 1) небесные светила как «части тела»; 2) «собственное» излучение света (без светил); 3) персонажи, пораженные красотой героини (героя), забывают обо всем (о времени) или «сходят с ума»; 4) «следствия» жестов, движений, эмоций. Судя по выявленному материалу, изображение сказочной героини (реже героя) в большей степени складывалось на «атрибутивной» основе [Горяева 2011: 86–92].

В калмыцкой сказке, записанной Г. Й. Рамстедтом, красота героя-тенгрия, представителя верхнего мира, описывается следующей формулой: *Өрүн һарсн нарн болсн, асхн һарсн сар болсн* 'Ставший утренним взошедшим солнцем, ставший вечерним появившемся месяцем' [Kalmückische

Sprachproben 1909: 131]. Как видим, красота персонажа сравнивается с солнцем и месяцем. Чуть ранее в тексте этой же сказки красота персонажа передавалась сравнением: *Өмд бийн хурмд одсн тавн зун залуд орхн деер залу болна* 'Сам он оказался юношей лучше пятисот юношей, поехавших на свадьбу' [Kalmückische Sprachproben 1909: 128].

Отметим, что в других текстах красота женских персонажей обозначается эпитетом, выраженным прилагательным *сээхн* 'красивая': *нег баярн алдршн хаана сээхн куук* 'Красивую дочь одного прославленного своим богатством хана' [Kalmückische Sprachproben 1909: 7], а также этим же прилагательным в превосходной степени: *Орн гихнх нээмн йир сээхн куук үзнэ* 'Когда вошли, увидели восемь очень красивых девушек' [Kalmückische Sprachproben 1909: 5].

Заслуживает особого внимания эпизод, когда у отца героини, которая «становится неистово красивой», возникают сомнения по этому поводу. Ввиду его исключительности приведем этот эпизод: *Өмннх эк эцк үкрч, хаана үкрч куукна эцк: «Куукн һалзурад сээхрэд бээнэ». «Эн куукн юн гихэд сээхрэд бээнэ?» «Үүнд шулм орсн болвза, алхм болвза!» — гижэ өвгн эмгндэн келжэнэ. Куукн келжэнэ: «Куунэ мал өсхлэ, куунэ чирэд бээсн кир эрлдг биший? Намаг нээмтэд һагцхн үкртэ эс билүвидн? Ода хурвн жилин эргд дөчн улан үкртэ болв бишүвидн? Тиигхлэ куунэ кир эрлдг биший?» — гинэ, куукн. «А-а нам, тиимий?» гихэд, эк эцк хойр зогсна* 'Перед этим мать и отец — пастухи, отец девочки — ханской пастушки: «Дочь становится неистово красивой». «Эта девочка почему красивой становится?» «В нее шулма, может быть, вселилась, может, ее убить?» — говорит старик старухе своей. Девочка говорит: «Когда скот увеличивается, нечисть с лица человека разве не исчезает? Когда мне было восемь лет, разве у нас не было единственной коровы? Сейчас в течение трех лет разве мы не стали с сорока красными коровами? В этом случае разве не сходит нечисть с лица человека?» — говорит девочка. «А-а, так вот что» — сказав, мать и отец остановились' [Kalmückische Sprachproben 1919: 216]. Как видим, сверхъестественная, демоническая красота вызывает подозрение, но вполне рациональное объяснение *шулмуски*, отражающее тесную связь внешнего вида героини с увеличением численности коров, развеивает все сомнения стариков.

Способность *шулмусов* превращаться в прекрасных девушек отражена в демонологических представлениях калмыков [Басангова 2011]. В сказке, опубликованной Г. Й. Рамстедтом под № 15, чудесный помощник героя, «благодарный мертвец», расправляется с семьей *шулмусками* в облике старух, которые также именуются *мусами*.

В данную подгруппу внутренних медиальных формул Н. Рошияну включает также формулы, описывающие принадлежащие героям предметы.

В изучаемом материале продолжением сюжетного типа 567 «Чудесная птица» «Сравнительного указателя сюжетов» (далее — СУС) является сюжетный тип 518 «Обманутые лешие» как один из составляющих элементов сказок о невинно гонимых. Герои встречают трех человек, которые дерутся из-за волшебных предметов: *Үлдиг татад оркхла, эрдмтэ юмн: дурта һазртнь күргдг; махлань өмсэд оркхлань, күүнд үзгддг уга; кевс делгэд суучкхла, күн сууһад йовдг — иим эрдмтэ һурвн юмнж* 'Если вынуть меч, он волшебный: в любое нужное место доставляет; если надеть шапку, люди не видят; если расстелить ковер и сесть, человек на нем летает — такие три волшебные вещи' [Kalmückische Sprachproben 1909: 30–31].

Среди внутренних медиальных формул калмыцких сказок наиболее широко представлена подгруппа формул, описывающих действия сказочных персонажей. Формулы, указывающие долгий путь героя: *Өдр сөөһин кемжэ медл уга йовад окна* 'Скачет, не зная меры дням и ночам' [Kalmückische Sprachproben 1909: 7]; *Кесг цагтан йовад окна...* 'Долгое время проехал...' [Kalmückische Sprachproben 1909: 33].

Выполняя трудные задания хана, главный герой отправляет мальчика за волшебным яблоком, растущим у места слияния неба и земли. Этот помощник героя во время долгого пути дает отдохнуть своему исхудавшему скакуну: *Көк девән өвсн, китн булгин уснд долан хонг бәәһәд оркв, мөрнь ик тарһлж оркв* 'На зеленых луговых травах, холодной ключевой воде семь дней держал, конь потучнел' [Kalmückische Sprachproben 1909: 148].

Рассматривая формулы, называющие действия сказочного героя, Н. Рошияну подчеркивает особую роль некоторых глаголов, первое место среди которых занимают *ехать, идти*, указывающие на продол-

жительность пройденного героями расстояния [Рошияну 1974: 107].

На материале рассмотренных калмыцких сказочных текстов отметим следующие формы данной устойчивой стилистической структуры, включающей разные деепричастные формы глагола *йовх*, имеющего в калмыцком языке значения и 'ехать', и 'идти': *йова-йова йовтл* 'пока ехал, ехал, ехал' (3 случая употребления — в текстах №№ 9, 12, 19); *йова-йова, йова йовж* 'ехал, ехал, ехал' (3 случая употребления — в тексте № 15 и 1 раз — в тексте № 17); *йова-йова, йова-йова, йова йовж* 'ехали-ехали, ехали-ехали, ехали' (1 случай употребления — в тексте № 15).

Ведя кочевой образ жизни, калмыки в качестве средства передвижения использовали лошадей и верблюдов. Но в одной из сказок Г. Й. Рамстедта в формуле пути описывается вид транспорта, отличающийся от традиционного: *Улан царан унж авад, тач авад тавишулад, тагтын амар пиигүләд оддг болна* '[Старик], сев верхом на красного вола, натягивая поводья, заставляя его притоптывать, начало моста заставляя проскакивать, поехал' [Kalmückische Sprachproben 1919: 20]. В сказке неслучайно в качестве ездового животного выступает красный вол, упоминаемый еще в зачине: это подчеркивает нищету стариков.

В другой сказке сюжетного типа СУС 567 «Чудесная птица» двое сыновей бедных стариков находят воробья. Формула, передающая чудесные свойства птицы, звучит следующим образом: *Тиигж бәәтл хойр көвүн негнь богшрһан толһаһинь идчкж, хан суудг, негнь барун далва идж, алтар баадг* 'Плача, двое мальчиков, один голову воробья съел, [благодаря] которой ханом становятся, один правое крыло съел, [благодаря] которому золотом испражняются' [Kalmückische Sprachproben 1909: 29–30].

Общефольклорной можно назвать формулу, передающую двойственность чувств персонажа, расстающегося с сундуком, в котором хранится его внешняя душа: *Буру хэләж ууляд, зөв хэләж инәһәд* 'налево смотря, плача, направо смотря, смеясь' [Kalmückische Sprachproben 1909: 9]. Эта формула очень устойчива и присутствует в репертуаре современных сказителей, при этом следует отметить, что из области устной поэтико-стилевой традиции она переходит в обыденную речь (в частности, см. [Тягинова 2011]).

В отдельный блок можно выделить действия персонажей, связанные с выполнением трудных задач хана, отдающего свою дочь. Здесь четко разграничиваются волшебнo-фантастические и волшебнo-героические сказки. Так, в сказках, соотносимых с сюжетными типами раздела СУС «Чудесный супруг (супруга)» (в нашем случае СУС 400 «Муж ищет исчезнувшую жену (жена ищет мужа)»), присутствует следующая формула, описывающая выполнение трудных задач: *Эмгн һарад, дөрвн үзгтнь цагв* ‘Старуха вышла, по четырем сторонам раскидала’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 125, 127]. В первом случае по четырем сторонам света разбрасывается просо, во втором рассыпается мука. Затем чудесным образом появляются золотой мост, три дворца без веревок-креплений и сооружения буддийского культа — *хурулы*. В данном случае отметим процесс «модернизации» (по Н. Рошияну), связанный с тем что, просо и мука покупаются на базаре: *Базрас одад, нег альчур зарм авад ирв, эмгн* ‘Старуха пошла на базар, купила и принесла просо в платке’. В ранних записях калмыцких сказок в подобных сюжетах используются степные травы, былинки и комья красной глины, как, например, в сказке «Моһа көвүн» [Хальмг туульс 1961: 204–206].

В сказке под № 18, имеющей волшебнo-героический характер, герой, чтобы заполучить в жены дочь *тенргия*, участвует в трех видах состязаний. Первое состязание — это стрельба из лука, во время которой нужно поразить несколько целей и доставить стрелу хану. Процесс стрельбы передается устойчивой формулой: *Үйн цаһан өвсиг үйинь олж харвад, үкрин чигэ хадыг хамхрулн харвад, Йи гидг һолыг ивт харвад, йисн эктэ түүмр шатаһад, делтрэри цокж унтраһад, халун сумиг авч ирэд, хаана альхн деер тэвв* ‘Ковыля перистого узел найдя, выстрелил, валун величиной с корову разломав, выстрелил, через реку, называемую *Йи*, стрела перелетела, зажгла пожар в девяти местах, потником седла прибив огонь, горячую стрелу принеся, положил на ладонь хану’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 147].

Второе состязание — доставить яблоко: *Альм авхулх юмн* ‘доставить яблоко’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 147].

Третье состязание претендентов на руку ханской дочери — борьба, которая ведется продолжительное время: *Кесг цагтан*

ноолдад, кезэ-яза ноолдсан мартн ноолдад ‘Долгое время боролся, боролся до тех пор, пока не забыл, когда начал бороться’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 149]. Вариант этой стереотипии строится на повторении деепричастной формы глагола *ноолдх* ‘бороться’: *Кесг цагт ноолдад ноолдад* ‘сражаясь некоторое время’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 34].

После долгой и упорной борьбы, иногда — временного поражения, герой одолевает противника. Расправа над врагом описывается с помощью следующей формулы: *Махинь цэкүр-цэкүр утлад, цандг болһнд хаяд, үй үйэр утлад, үзг болһнд хаяд окна* ‘Мясо его на кусочки порезав, по лужам раскидал, по суставам порезав, по сторонам света раскидал’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 34, 38, 144, 145; Kalmückische Sprachproben 1919: 195, 196]. Как видим, формула состоит из двух частей. Отмечены случаи использования одной из частей: *Махинь цэкүр-цэкүр утлад, цандг болһнд хаяд окна* [Kalmückische Sprachproben 1909: 36].

Еще одна формула расправы, зафиксированная в сказках, записанных Г. Й. Рамстедтом, звучит следующим образом: *Әрвңгинь төгәлүлж утлж авад, амн деернь тәвәд окна* ‘Жир брюшной по кругу отрезав, на рот положил’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 34].

При этом следует отметить, что в текстах калмыцких сказок многим формулам рассмотренной второй подгруппы предшествуют формулы, входящие в диалог, типичные выражения отдельных сказочных персонажей (3-я подгруппа внутренних медиальных формул по Н. Рошияну). Например, прежде чем исполнить трудные задания хана, старик получает приказ их выполнить: *Чи эрвәннь үүднәс авн мини үүдн күртл тавн зун күн мөртә күн йовх алтн тагт кезж ас! Тавн зун күн шүүрәд идв чигн, чилиго зер-земиш урһа! Зу болсн зуңкван өмн бийднь буулһ, бум күңсн цахран ар бийднь буулһ! Тал дунднь орчлңас үрү дөрүхн дуту һурвн шар цоохр бәәшң ке!* ‘Ты от своих дверей до моих дверей возведи золотой мост, по которому пятьсот всадников могут проехать! Вырасти столько фруктов, чтобы пятьсот человек могли, срывая, наесться! Сто хурулов на южной стороне расположи, стотысячный сахар на северной стороне расположи. В центре сооруди три пестрых дворца ниже неба на четыре пальца!’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 124].

Невыполнение требований хана грозит смертью, что выражается устойчивым стилистическим средством: *Түнүг эс кехләчн уңгинчн уңд, даңгинчн даңд амрахн угав!* 'Если этого не выполнишь, то не оставлю тебя в покое во всех твоих поколениях всех твоих потомков!' [Kalmückische Sprachproben 1909: 124–125].

Перед тем как расправиться с поверженным врагом, герой согласно традиции спрашивает о его сожалениях и только после этого чинит над ним расправу. Иногда сказочное повествование так и не доходит до формулы расправы, так как главный герой становится побратимом поверженного врага, дав клятву прийти на помощь по первому зову.

Встреча и знакомство двух враждующих богатырей также представлены в диалоге персонажей: *Мини шовун ноха хойр алдг, намла хальддг юни эмтн бээнэч, нааран һар!*» — *гуж келв. «Чамла хальддг би бээнэ» гинэд, һарад ирв* «Моих птицу и собаку осмелившийся убить, на меня посягнуть осмелившийся кто здесь есть, а ну выходи!» — сказал' [Kalmückische Sprachproben 1909: 34].

Исход боя также сопровождается диалогом следующего содержания: *«Арһчн бээнү? Алдичн милэнэв. Амн һундлан кел!» — гив* '«Есть у тебя еще возможность? Принесу тебя в жертву. Произнеси свои обиды!» — говорит' [Kalmückische Sprachproben 1909: 118].

Широко распространенная международная формула, отражающая присутствие героя в ином мире, выражена в рассмотренных сказках следующим образом: *Эн герт юн үмкэ цогц хорха орв?* 'В этом доме что за вонючий навозный жук появился?' [Kalmückische Sprachproben 1919: 234].

Диалог героя с чудесным помощником, который дает совет, также облекается в устойчивые типические формы: *—Чамд юн деер, сэн сөв деерий, мини альхн чинэн арсн деерий? —Чини арсар ю кехв? Сөвэн кел!* '—Что для тебя лучше, лучше хороший совет или лучше моя шкура величиной с ладонь? —Что делать с твоей шкурой? Говори совет свой!' [Kalmückische Sprachproben 1909: 8].

В эту же группу следует включить формулы награждения и наказания в двух вариациях.

Обозначаемые Н. Рошияну «магические формулы» также присутствуют в изученных текстах калмыцких сказок. Произнесе-

ние магической формулы призвано сократить дальний путь невинно гонимых брата и сестры, которых преследует мачеха-шулмуска: *Жилэ һазр сара болтха гуж зальврж йовтн! Сара һазр өдрэ болтха гуж зальврж йовтн! Өдрэ һазр часа болтха гуж зальврж йовтн!* 'Молитесь, чтобы расстояние года пути стало месячным! Молитесь, чтобы расстояние месяца пути стало дневным! Молитесь, чтобы расстояние дня пути стало часовым!' [Kalmückische Sprachproben 1919: 224]. Можно отметить «модернизацию» формулы, так как сказочник использует понятие времени при преодолении пространства и пути.

Таким образом, можно сказать, что записанные Г. Й. Рамstedтом в начале XX в. сказки отражают поэтико-стилевую традицию калмыцких народных сказок. В текстах сказок широко присутствуют инициальные, медиальные и финальные формулы. При этом вариативность устойчивых стилистических конструкций с элементами «модернизации» находится в рамках устной традиции калмыцкого фольклора. Анализ традиционных сказочных формул на материале записей Г. Й. Рамstedта еще раз доказывает утверждение о том, что сказителями усваивалась устная традиция как таковая, весь арсенал стилистических средств и приемов, когда клишированные структуры (от постоянных эпитетов до общих мест) использовались при создании фольклорного текста.

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-14-08002/а(р) «Фольклорный текст сквозь призму компьютерных технологий (на материале записей калмыцких сказок Г. Й. Рамstedта)».

Литература

- Алиева А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 280 с.
- Басангова Т. Г. Формула женской красоты в калмыцком фольклоре // Живопись как знак культуры (О творческом наследии народного художника России Гарри Рокчинского). Элиста: АПП «Джангар», 2004. С. 171–173.
- Басангова Т. Г. Демонологические персонажи в фольклоре калмыков // Научные исследования Тувы. № 2–3. 2011 [электронный ресурс] // URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_2-3/3794-basangova.html (дата обращения: 13.11.2016).
- Горяева Б. Б. Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система.

- Элиста: НПП «Джангар», 2011. 128 с.
- Горяева Б. Б., Баянова А. Т., Бутаева А. О., Куканова В. В. Фреймтарий персонажей калмыцкой сказочной традиции (на примере сказок, записанных Г. Й. Рамstedтом) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 128–140.
- Каушал М. Сюжетно-тематический фонд, композиция и традиционные формулы индийских и русских волшебных сказок в сопоставительном освещении. Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1988. 19 с.
- Медриш Л. Н. О своеобразии русской сказочной традиции: национальная специфика сказочных формул // Фольклорная традиция и литература. Владимир: Изд. Владимир. гос. пед. ин-та, 1980. С. 66–91.
- Мутляева Б. Э. Мотив чудесного рождения героя в тюрко-монгольском героическом и сказочном эпосе // Типологические и художественные особенности «Джангара». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. С. 51–62.
- Мутляева Б. Э. Мотив чудесного рождения героя в сказочном эпосе монгольских народов и калмыцком эпосе «Джангар» // Эпическая поэзия монгольских народов (Исследования по эпосу). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 43–49.
- Надбитова И. С. Сюжеты, образы и стилиевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 260 с.
- Отчет д-ра Г. Й. Рамstedта за 1903 год // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1904. № 2. С. 11–14.
- Рошину Н. Традиционные формулы сказок. М.: Наука, 1974. 216 с.
- Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабаников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1976. 438 с.
- Т. С. Тягинован амн урн үгин көрнэгс. Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 208 с.
- Хальмг туульс. I боть. Барт белдснь Санһжин Б., Санһан Л. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1961. 220 х.
- Хусаинова Г. Р. Поэтика башкирских народных волшебных сказок. М.: Наука, 2000. 247 с.
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 s.
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1919. 155–237 s.

References

- Alieva A. I. *Poetika i stil' volshebnykh skazok adygskikh narodov* [Poetics and style of Adyghe fairy tales]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 280 p. (In Russ.).
- Basangova T. G. *Formula zhenskoy krasoty v kalmytskom fol'klore* [The formula of women's beauty in Kalmyk folklore]. *Zhivopis' kak znak kul'tury (O tvorchestvom nasledii narodnogo khudozhnika Rossii Garri Rokchinskogo)* [Pictorial art as a cultural marker ...]. Elista, Dzhangar Publ., 2004, pp. 171–173 (In Russ.).
- Basangova T. G. *Demonologicheskie personazhi v fol'klore kalmykov* [Demonic characters in the Kalmyk folklore]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva online journal], № 2–3, 2011, pp. 269–278 (In Russ.). Available at: http://www.tuva.asia/journal/issue_2-3/3794-basangova.html (accessed: 13 November 2016).
- Goryaeva B. B. *Kalmytskaya volshebnyaya skazka: syuzhetnyy sostav i poetiko-stilevaya sistema* [The Kalmyk magic fairy tale: plot structure and poetic stylistic system]. Elista, Dzhangar Publ., 2011, 128 p. (In Russ.).
- Goryaeva B. B., Bayanova A. T., Butaeva A. O., Kukanova V. V. *Freymtariy personazhey kalmytskoy skazochnoy traditsii (na primere skazok, zapisannykh G. J. Ramstedtom)* [The characters in the frame story of the Kalmyk fairy-tale tradition (the case study of tales recorded by G. J. Ramstedt)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2015, No. 2, pp. 128–140 (In Russ.).
- Kaushal M. *Syuzhetno-tematicheskiy fond, kompozitsiya i traditsionnye formuly indiysskikh i russkikh volshebnykh skazok v sopostavitel'nom osveshchenii. Avtoref. dis.... kand. filol. nauk* [The corpus of plots and topics, structure and traditional formulas of Indian and Russian magic fairy tales: a comparative study. A Ph. D. thesis abstract]. Moscow, 1988, 19 p. (In Russ.).
- Medrish L. N. *O svoeobrazii russkoy skazochnoy traditsii: natsional'naya spetsifika skazochnykh formul* [On peculiarities of the Russian fairy tale tradition: national features of fairy tale formulas]. *Folklorная traditsiya i literatura* [Folklore tradition and literature]. Vladimir, Vladimir State Pedag. Inst. Press, 1980, pp. 66–91 (In Russ.).

- Mutlyayeva B. E. *Motiv chudesnogo rozhdeniya geroya v tyurko-mongol'skom geroicheskom i skazochnom epose* [The motif of the main character's magic birth in the Turco-Mongol heroic and fairy-tale epic]. *Tipologicheskie i khudozhestvennye osobennosti «Dzhangara»* [Typological and artistic peculiarities of the *Jangar*]. Elista, Kalm. Book Publ., 1978, pp. 51–62 (In Russ.).
- Mutlyayeva B. E. *Motiv chudesnogo rozhdeniya geroya v skazochnom epose mongol'skikh narodov i kalmytskom epose «Dzhangar»* [The motif of the main character's magic birth in the fairy-tale epic of Mongol peoples and the Kalmyk epic of *Jangar*]. *Epicheskaya poeziya mongol'skikh narodov. (Issledovaniya po eposu)* [Epic poetry of Mongol peoples]. Elista, Kalm. Book Publ., 1982, pp. 43–49 (In Russ.).
- Nadbitova I. S. *Syuzhety, obrazy i stilevyye traditsii kalmytskikh volshebnykh skazok* [Plots, characters and stylistic traditions of Kalmyk magic fairy tales]. Elista, Dzhangar Publ., 2011, 260 p. (In Russ.).
- Otchet d-ra G. J. Ramstedta za 1903 god [The 1903 report by G. J. Ramstedt]. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii* [Bulletin of the Russian Committee for Middle and East Asian Studies]. St. Petersburg, 1904, No. 2, pp. 11–14 (In Russ.).
- Roshiyanu N. *Traditsionnye formuly skazok* [Traditional fairy-tale formulas]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 216 p. (In Russ.).
- Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochno-slavyanskaya skazka / sost. L. G. Barag, I. P. Berezovskiy, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov* [The East Slavic fairy tale: a comparative directory of plots]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, 438 p. (In Russ.).
- T. S. Tyaginovan *amn urn ügin körngäs. Fol'klornye materialy iz repertuara T. S. Tyaginovoy. Samozapis' 2004–2010 gg. / predisl. N. G. Ochirovoy, sost., komment. B. B. Goryaevoy* [Folklore materials from T. Tyagina's repertory. Records of 2004–2010. Introd. by N. Ochirova, comp. and comment. by B. Goryaeva]. Elista, Publ. Dept. of Kalmyk Inst. for Humanities of the RAS, 2011, 208 p. (In Kalm. and Russ.).
- Khalimag tuuls. *I bot. Bart belsdn Saŋŋjin B., Saŋŋan L.* [Kalmyk fairy tales. Vol. 1]. Elista, Kalm. Book Publ., 1961, 220 p. (In Kalm.).
- Khusainova G. R. *Poetika bashkirskikh narodnykh volshebnykh skazok* [Poetics of Bashkir folk magic fairy tales]. Moscow, Nauka Publ., 2000, 247 p. (In Russ.).
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen* [Samples of Kalmyk speech. Collected and edited by G. J. Ramstedt. Part 1. Kalmyk fairy tales]. Helsinki, Finno-Ugric Society Publ., 1909, 154 p. (In Germ.).
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmückische Märchen* [Samples of Kalmyk speech. Collected and edited by G. J. Ramstedt. Part 2. Kalmyk fairy tales]. Helsinki, Finno-Ugric Society Publ., 1919, pp. 155–237 (In Germ.).

**ВНУТРЕННИЕ МЕДИАЛЬНЫЕ ФОРМУЛЫ КАЛМЫЦКИХ СКАЗОК
(на материале записей Г. Й. Рамстедта)**

Баира Басанговна Горяева¹, Виктория Васильевна Куканова², Александра Тагировна Баянова³, Айса Олеговна Долеева⁴

¹ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел фольклора, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: baiga79@yandex.ru.

² кандидат филологических наук, директор, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

³ заведующий, Научная библиотека им. П. Э. Алексеевой, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: ale-bayanova@yandex.ru.

⁴ магистр, Институт калмыцкой филологии и востоковедения, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Российская Федерация). E-mail: aisasarpa10@mail.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные формулы калмыцких волшебных сказок. Внутренние медийные формулы сюжетно обусловлены и занимают значительное место в сказочном тексте, раскрывая главные образы и обобщая все важнейшие действия персонажей. Записанные Г. Й. Рамстедтом в начале XX в. сказки отражают поэтико-стилевую традицию калмыков. В текстах сказок широко присутствуют инициальные, медийные и финальные формулы. На основе классификации, предпринятой румынским ученым Н. Рошиану, в статье рассматриваются медийные формулы применительно к текстам калмыцких сказок.

Среди формул, определяющих образ сказочных персонажей или описывающих принадлежащие им предметы, в рассмотренных сказках отмечается формула красоты главного героя, *тенгрия-небожителя*. Наряду с этим в другой сказке присутствует эпизод, когда красота героини связывается с тем, что в нее вселяется *шулма*. Способность *шулмусов* превращаться в прекрасных девушек отражена в демонологических представлениях калмыков.

В проанализированных текстах наиболее широко представлены формулы, описывающие действия сказочных персонажей: формулы, указывающие долгий путь героя; формулы трудного задания; формула, передающая двойственность чувств персонажа; формула, отражающая мотив присутствия героя в ином мире; формулы награждения и наказания в двух вариациях. Типичные выражения отдельных сказочных персонажей составляют формулы, входящие в диалог.

В сказках, записанных Г. Й. Рамстедтом, отмечается «модернизация» (по Н. Рошиану) традиционных формул, так как сказочник использует понятие времени при преодолении пространства и пути. Процесс «модернизации» формул освещает изменения, произошедшие в социально-экономических условиях калмыцкого народа. При этом вариативность устойчивых стилистических конструкций с элементами «модернизации» находится в рамках устной традиции калмыцкого фольклора.

Ключевые слова: калмыцкий фольклор, сказка, запись, Г. Й. Рамстедт, традиционная формула, внутренние медийные формулы.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Отечественная история

- Бакаева Э. П.** Ойраты и Тибет в XVII–XVIII вв.: об освещении некоторых событий, связанных с хошутами и джунгарами, в тибетской и российской историографии 3
- Бадмаева Е. Н.** Некоторые вопросы изучения истории Джунгарского ханства в современной историографии Казахстана 15
- Басан А.** Биография Мазан батыра и исторический аспект 24
- Джахиева Э. Г.** Российско-персидская военная конфронтация 1804–1813 гг. и дипломатия Франции, Британии 32
- Наранжаргал Н.** Калмыцко-монгольские отношения (1925–1943 гг.) 40
- Иванов А. С.** Образовательная среда и иерархичность на спецпоселении в Западной Сибири (1940–1950-е гг.) 45
- Безугольный А. Ю.** Национальные формирования РККА в 1930-е гг. 58
- Афанасенко В. И.** Предвестники катастрофы на юге: поражения РККА в Крыму и под Харьковом в мае 1942 г. 71
- Кекеев Э. А., Очир-Горяева М. А., Буратаев Е. Г.** Опыт графической реконструкции полевой археологической документации по архивным данным 82
- Пислегин Н. В.** Удмуртская кумышка: документальные свидетельства повседневности второй половины XVIII–XIX вв. 90
- Дюльденко А. А., Пономарев Е. Г.** Традиционная калмыцкая медицина второй половины XVIII в. (по материалам Иоганна Иерига) . . 97
- Батырева С. Г.** Иконопись в музейной коллекции КалмНЦ РАН. . . 103
- Ларина Е. И.** Материалы к изучению культа святых у казахов (на примере Западно-Казахстанской области) 109

СОЦИОЛОГИЯ

- Хомушку О. М.** Этноконфессиональный фактор в духовном возрождении Тувы: социально-философский анализ 119
- Доржу З. Ю., Ширап Р. О.** Культурная жизнь г. Кызыл — столицы Тувинской автономной области 127

ЛИНГВИСТИКА И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Лингвистика

- Михальченко В. Ю.** Языковое планирование в полиэтнических странах 137
- Биткеева А. Н.** Родной язык в контексте многонационального государства. 146
- Куканова В. В.** Словоизменительные модели причастий в свете грамматики порядков в калмыцком языке (на материале Национального корпуса калмыцкого языка) 163
- Лиджиев А. Б.** Топонимы маньчжурского литературного произведения «Ода Мукдену, написанная императором» 183
- Биткеева Г. С.** Социально-культурные основы эвфемизма: «язык женщин калмычек» 193

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Бачаева С. Е.</i> Прилагательные, обозначающие температурные характеристики предметов (на материале языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» и Национального корпуса калмыцкого языка)	199
	<i>Бембеев Е. В., Манджиева Ц. Д.</i> Грамматическая парадигма склонения существительных старописьменного калмыцкого языка	207
Фольклористика	<i>Горяева Б. Б., Куканова В. В., Баянова А. Т., Долеева А. О.</i> Внутренние медиальные формулы калмыцких сказок (на материале записей Г. Й. Рамстедта)	216

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

2016. № 5 (27)

Сдано в набор 18.11.2016. Подписано в печать 26.11.2016.
Формат бумаги 60х84 $\frac{1}{8}$. Усл. печ. л. 26,4.
Тираж 300 экз. Заказ 27-16.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр
Российской академии наук»

Отпечатано в КалмНЦ РАН
(Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8).

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.

ISSN 2410-7670 (online)

ISSN 2075-7794 (print)

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-49346

2016. № 5 (27)

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

канд. филол. наук *В. В. Куканова*

Заместитель главного редактора:

д-р ист. наук *У. Б. Очиров*

Редакционный совет:

акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель — Россия, г. Ростов-на-Дону),
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов* (Россия, г. Москва), д-р ист. наук *М. М. Балзер* (США),
акад. *Л. Болд* (Монголия), д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай* (Россия, г. Москва), д-р юрид. наук *Д. М. Демичев* (Беларусь),
д-р экон. наук *О. В. Иниаков* (Россия, г. Волгоград), д-р филол. наук *М. И. Магомедов* (Россия, г. Махачкала),
д-р ист. наук *К. Н. Максимов* (Россия, г. Элиста), д-р ист. наук *И. Ф. Попова* (Россия, г. Санкт-Петербург),
д-р ист. наук *На. Сухэбаатар* (Монголия), д-р филол. наук *Чао Геджин* (Китай),
д-р ист. наук *Д. Шорковиц* (Германия), акад. РАО, д-р пед. наук *П. М. Эрдниева* (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов* (г. Махачкала), чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров* (г. Улан-Удэ),
канд. юрид. наук *Л. В. Батиев* (г. Ростов-на-Дону), д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская* (г. Москва),
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев* (г. Москва), д-р ист. наук *В. В. Трепавлов* (г. Москва)

д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева* (отв. секретарь),

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, д-р филол. наук *Т. Г. Басангова*, канд. филол. наук *Е. В. Бембеев*,
д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*, канд. филол. наук *Б. А. Кичикова*, д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*,
канд. филол. наук *Д. Н. Музраева*, д-р соц. наук *А. Н. Овишинов*, канд. филол. наук *Э. У. Омакаева*,
канд. полит. наук *Н. Г. Очирова*, канд. пед. наук *Б. К. Салаев*, канд. ист. наук *В. П. Санчилов* (г. Элиста)

Адрес редакции и издателя:

Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8.
Тел.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; факс: (84722) 2-37-84.

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com

Home page: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

